HISTORIA ROSSICA

Северный Кавказ в составе Российской империи

ОКРАИНЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ

в составе

РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Новое
Литературное
Обозрение

2007

УДК 94(470.6)"17/19"
ББК 63.3(235.7)
С 28

Международный благотворительный фонд
им. Д.С. Лихачева

Книга написана при финансовой поддержке
Института «Открытое общество» (Фонд Сороса) — Россия

The publication of this volume was assisted
by the Eurasia Program of the Social Science Research Council (SSRC)
with funds provided by the Ford Foundation
in support of international and regional programming

Редколлегия серии
«Окраины Российской империи»
А.И. Миллер (председатель), *А.В. Ремнев, А. Рибер*

Авторский коллектив:
Д.Ю. Арапов, И.Л. Бабич, В.О. Бобровников,
Дж. Гаккаев, В.Х. Кажаров, А.Е. Криштопа,
Л.Т. Соловьева, Н.А. Сотавов, А.А. Цуциев

Ответственные редакторы
В.О. Бобровников, И.Л. Бабич

С 28 **СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**
М.: Новое литературное обозрение, 2007. — 460 с., ил.

Северному Кавказу принадлежит особое место в русской истории и культуре XVIII — начала XX века. Завоеванный русскими в ходе кровопролитных войн XIX столетия, он был постепенно «усмирен», обратившись в слаборазвитую экзотическую «восточную окраину» страны, но и сам покорил своих победителей, воплощая в себе Россию как великую империю. Назрело время заново внимательно прочесть историю Северного Кавказа в составе России, освободив ее от старых колониальных стереотипов и новой лжи. Эта книга, подготовленная группой историков и этнологов из академических центров и университетов Махачкалы, Нальчика, Грозного и Москвы, приглашает читателя к такому прочтению, дополняя привычные темы — Кавказской войны, исхода (*мухаджирства*) горцев с русского Кавказа в османскую Турцию, русской колонизации, реформ и революции на Кавказе — новыми, еще слабо изученными в отечественной кавказоведческой традиции сюжетами кавказского пограничья (*фронтира*), исламского дискурса, ориентализма и другими.

ISBN 5-86793-529-0

© Коллектив авторов, 2007
© «Новое литературное обозрение», 2007

От редколлегии серии

Ни в историографии, ни в преподавании имперскому измерению истории России у нас никогда не уделялось должного внимания, и даже при желании поговорить об этом со студентами преподавателю до недавнего времени просто не на что было бы опереться — подходящая литература практически отсутствовала[1].

Имперский нарратив, который в значительной мере унаследован современной русской историографией — во всяком случае, той ее версией, которая отражается в учебниках истории, — неизменно фокусировался на центре, на государстве, на власти.

Национальные же историографии тех народов, которые когда-то входили в империю, в свою очередь, концентрируются на собственной нации и государстве, проецируя их в прошлое. Для них империя — лишь тягостный контекст, в котором «просыпалась», зрела, боролась за независимость та или иная нация. В национальных историографиях вопрос о мотивации политики центральных властей почти никогда не ставится, просто потому, что на веру принимается стремление власти сделать жизнь своих нерусских подданных как можно более несносной. Проблемы взаимодействия с другими этническими группами в таких нарративах неизбежно отодвигаются на второй план.

Новая история империи — это именно та сложная ткань взаимодействия имперских властей и местных сообществ, которую нужно стремиться воссоздать во всей ее полноте. Когда мы говорим об имперском измерении российской истории, речь идет прежде всего о многообразии населения империи, о сложных системах отношений между центром и разнообразными окраинами, имперской властью и локальными сообществами, об асимметричности административно-политических и правовых структур, о ресурсах устойчивости империи, о ее способности стабилизировать

гетерогенное в этноконфессиональном и социокультурном отношении общество. Разумеется, история центральных органов власти как таковых, история армии как одного из ключевых имперских институтов, внешняя политика, экономическое развитие — все эти сюжеты составляют важную часть истории империи, и многое еще предстоит сделать для более полного их исследования. Но очень важно, чтобы и при изучении этих вопросов, которыми историки традиционно занимались больше, принимался во внимание фактор неоднородности империи и в фокусе исследования оказывалась взаимосвязь внешнеполитических сюжетов (будь то дипломатических или военных), развития армии как института или экономических процессов в империи с ее внутренней, окраинной и национальной политикой.

Вот перечень ключевых вопросов, на которые должна отвечать современная историография Российской империи в той ее части, которая занимается отношениями центра империи и ее окраин. Как власти структурировали пространство империи, устанавливая и меняя административное деление; вводя и отменяя должности генерал-губернаторов и наместников; сохраняя или отменяя традиционные для регионов законодательные нормы, расширяя или сокращая объем их автономии; основывая города и/или наделяя их статусом административных центров; создавая университеты в одних и закрывая их в других городах; нарезая учебные округа; прокладывая каналы, железные дороги и телеграфные линии? Какими были экономические отношения окраин и центра? Как в разные периоды строилась политика империи в вопросах религии, миссионерской деятельности, смены вероисповедания ее подданными, браков между людьми различных конфессий? Как регулировалось употребление различных языков? Как центральные власти и чиновники на местах вырабатывали и пытались проводить в жизнь политику в отношении разных групп населения? Как опыт, приобретенный при управлении одними окраинами, влиял на политику властей на других окраинах, будь то путем заимствования управленческих схем и законодательных решений или через чиновников, которые в течение своей карьеры нередко по несколько раз меняли место службы? Как местные элиты и сообщества реагировали на политику имперских властей, как они отстаивали свои особые интересы, если империя на них покушалась, но также — как они сотрудничали с империей и как они пытались использовать имперские ресурсы в местных интересах?

При этом нужно помнить, что число акторов, взаимодействовавших в том или ином регионе, по тому или иному вопросу, неизменно было больше двух. Центральная бюрократия никогда не была единой, у центральной власти, в свою очередь, могли быть и, как правило, были серьезные расхождения в понимании ситуации с чиновниками на местах. Но и местные сообщества не были едины. Их элиты часто были расколоты, в том числе и по вопросу о лояльности империи, и нередко апеллировали к властям для решения внутренних конфликтов. Важно также иметь в виду, что состав населения различных окраин империи со временем существенно менялся, в том числе в результате миграций. Нередко значительные по численности группы уходили из империи добровольно или по принуждению. Наиболее известные примеры — мухаджирское движение кавказских горцев, польская, а затем еврейская эмиграция. Во всех этих случаях число эмигрантов составляло сотни тысяч. Но еще более массовым явлением было переселение на некоторые окраины казаков и населения центральных и юго-западных областей, а также немецких, сербских, чешских колонистов, а на Дальнем Востоке — китайцев и корейцев. Различные религиозные и этнокультурные группы могли сотрудничать между собой в противоборстве с центральной властью, могли конфликтовать друг с другом и стараться заручиться поддержкой имперских властей в этой борьбе. И власти империи, и местные элиты проводили ассимиляторскую политику в отношении различных групп населения, порой сотрудничая, но часто и противодействуя друг другу в этих ассимиляторских усилиях, которые, в зависимости от обстоятельств, бывали более или менее успешными. Но неизменно в этих взаимодействиях происходило взаимное усвоение разнообразных культурных навыков, что создавало огромное разнообразие смешанных и переходных культурных форм.

Характер этих взаимодействий постепенно менялся в XIX веке, по мере того как отношения между различными группами населения в модернизирующейся империи все более осмысливались в новых категориях нации и класса. Пространство империи становится не только ареной соревнования националистических движений, но и объектом этого соревнования, поскольку каждое из этих движений формирует и внедряет в массовое сознание свой проект или образ национальной территории, то есть той земли, которая «по праву» должна принадлежать именно этой нации, и никакой другой. Само собой разумеется, что эти образы национальной тер-

ритории, формируемые различными национальными движениями, находились в конфликте между собой, как правило, частично «налагаясь» друг на друга, претендуя на одни и те же территории, а порой и вовсе отрицая право некоторых других групп претендовать на статус отдельной нации. Взаимодействия национальных движений и соперничество их проектов не имели какого-то заранее предопределенного исхода. Эти процессы могут быть поняты только в контексте имперской истории, ведь национальные нарративы, призванные утверждать «естественность», неизбежность и глубину исторических корней нации, по самой своей природе не способны уделить должного внимания проблеме альтернативности процессов формирования наций.

Все это вполне относится и к русской историографии. Некоторые попытки перекроить традиционный имперский исторический нарратив, сделав его более «национальным», сводятся к стремлению рассказать историю русских отдельно от всех остальных жителей империи. Такая стратегия заведомо обречена на неудачу, ведь даже вопросы о том, кто же такие русские (например, когда и как решилось, входят ли в их число белорусы и малороссы), или о том, как складывались представления русских о своей «национальной территории» (например, когда и как стали «русскими» Сибирь, Дон или Ставрополье), можно четко сформулировать и исследовать только в контексте истории империи.

Российская империя уже давно ушла в прошлое. Но изучение перечисленных выше вопросов представляет не только академический интерес. Современная ментальность и историческая память русских имеет по крайней мере одно весьма существенное отличие от ментальности и исторической памяти их соседей, как тех, кто живет сегодня в независимых государствах, так и тех, кто остается гражданами современной России. В написанном в 1946 г. эссе венгерский мыслитель Иштван Бибо отметил особую психологическую черту народов этого региона — экзистенциальный страх, переживаемый на коллективном уровне, страх перед реальной или воображенной угрозой гибели национальной общности в результате лишения государственной самостоятельности, ассимиляции, депортации или геноцида[2]. Этот страх был связан сперва с турками, позже с немцами, в некоторых случаях с поляками, позднее и с Россией. Германию перестали воспринимать как непосредственную угрозу после Второй мировой войны, Турцию много раньше. Этот воспитанный веками непредсказуемого, часто катастрофичес-

кого развития экзистенциальный страх последние полвека был сконцентрирован на СССР и перенесен после 1991 г. на современную Россию.

Для ментальности русских мотив этнической виктимизации до последнего времени не был характерен. Русские всегда чувствовали себя жертвами притеснения, но притеснения со стороны государства, которое они не воспринимали как этнически чуждое. Феномен, о котором говорил Бибо, для русских психологически не близок и потому непонятен. Коллективные экзистенциальные страхи трудно причислить к набору здоровых черт психики, однако и неумение их понять, задуматься о серьезности их причин нельзя отнести к достоинствам, особенно у нации, которой остро необходимо критическое осмысление своей истории, в том числе и своих отношений с соседями. Именно здесь лежат исторические корни того кризиса понимания и доверия, который так характерен для отношений современной России с ее соседями. Каждой стороне предстоит пройти свою часть пути к преодолению этого кризиса. Русским, среди прочего, предстоит полнее осознать репрессивность империи, наследниками которой — как в положительном, так и в отрицательном смысле — они являются. Соседям русских, в свою очередь, предстоит преодолеть односторонне негативный образ Российской империи, для которой, конечно, благополучие и свобода ее подданных никогда не были приоритетом, но которая отнюдь не была той «империей зла», какой она предстает в современных школьных учебниках соседей России.

Книга, которую читатель держит в руках, является частью серии, посвященной истории различных окраин Российской империи. Эти книги написаны российскими авторами с учетом последних достижений нашей и зарубежной историографии, в попытке ответить хотя бы на часть тех вопросов, о которых шла речь. Они адресованы всем, кто хотел бы больше узнать об истории Российской империи. Авторы не отступали от научных стандартов в аргументации и представлении материала, и специалисты, преподаватели и студенты найдут в этих книгах много полезного, в том числе для сравнения политики империи на разных окраинах. Но авторы неизменно старались избегать «профессионального жаргона» историков, старались писать так, чтобы читатель без специального исторического образования не испытывал при знакомстве с их трудом дополнительных сложностей.

* * *

В серии «Окраины Российской империи» в 2006—2007 гг. вышли книги «Западные окраины Российской империи» (отв. ред. — М.Д. Долбилов, А.И. Миллер) и «Сибирь в составе Российской империи» (отв. ред. — Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев). В ближайшее время увидит свет четвертая книга серии — «Центральная Азия в составе Российской империи» (отв. ред. — С.Н. Абашин, Д.Ю. Арапов, Н.Е. Бекмаханова).

---

[1] Эта ситуация начала меняться в последние годы. Открытие многих прежде недоступных для них архивов вызвало настоящий взрыв интереса к истории Российской империи у зарубежных специалистов. Уже опубликован целый ряд превосходных исследований американских, немецких и других зарубежных историков, посвященных именно окраинной политике. Постепенно эти работы становятся доступны в переводах на русский. Есть также целый ряд российских исследователей, которые занимаются этой проблематикой на высоком профессиональном уровне. Именно в области изучения Российской империи наши специалисты вполне успешно и на равных интегрируются в мировую науку. Помещенные в конце каждой из книг настоящей серии библиографические списки, а также примечания в тексте послужат читателю ориентиром в этой новой литературе.

[2] *Bibó István*. The Distress of the East European Small States // Bibó I. Democracy, Revolution, Self-Determination. New York, 1991. P. 39. В русском переводе см.: *Бибо И.* О бедствиях и убожестве малых восточноевропейских государств // Бибо И. О смысле европейского развития и другие работы. М.: Три квадрата, 2004. С. 155—262.

whazzub.ЖЖ.com

ПРЕДИСЛОВИЕ

Учебное пособие по истории Северного Кавказа в составе Российской империи давно необходимо для отечественной высшей школы. Дело здесь не только в «моде» на Кавказ, которая связана с печальными событиями двух недавних российско-чеченских войн и волной терроризма, охватившей сначала Северный Кавказ, а затем и всю Россию. Для науки сегодня важнее «дефицит» истории окраин империи, в том числе и Кавказского края. Дело в том, что дореволюционная история традиционно изучалась либо слишком глобально, либо слишком локально[1]. Власть и общество в Российской империи нередко представляют как реализацию одной единой (доброй или злой) воли из Петербурга, без учета региональных форм. С другой стороны, есть тенденция чрезмерно сужать дореволюционную историю России, низводя ее до размеров отдельной республики, а то и нации. Последний подход особенно популярен в российской провинции, в том числе и на Северном Кавказе. В каждом из субъектов Южного округа Российской Федерации изучается в основном только его собственная история, к тому же в пределах современных административных границ. Порой она превращается в историю титульного этноса или этносов, несмотря на то что многие из них в своем современном виде были сконструированы гораздо позднее, в ходе советских национальных реформ.

На деле промежуточный — между общероссийским и локальным — уровень окраин империи выпал из большинства современных учебников российской истории. Это произошло в силу ряда причин. Не последнюю роль здесь сыграло особое деление исторических дисциплин, которое было принято в позднее советское время, — Северный Кавказ вместе с другими регионами бывшего российского (и советского) Востока попадал в своего рода «зазор» между отечественной и зарубежной историей, русистикой и востоковедением. Не будучи в составе истории зарубежного Востока, он по-настоящему не был включен и в курсы отечественной истории в центральных вузах страны. Поэтому сейчас ни в Москве, ни в Петербурге историю всего Кавказского края просто не преподают. В лучшем случае из нее в общие курсы по истории дореволюцион-

ной России попадает пара другая имен и дат, в первую очередь связанных с Кавказской войной и деятельностью Шамиля.

В последнее время возвращается «мода» на изучение империй XIX в., не обошедшая и Россию. За последние десять-пятнадцать лет произошел настоящий переворот в понимании империй колониальной эпохи. Сложилось целое направление, которое сегодня стали называть новой историей империй[2]. Во-первых, империи оказались не столь уж «монолитными». Так, Российская империя принимала разные региональные формы в Финляндии, на Кавказе и в Сибири. Колониальный характер империи тоже был поставлен под вопрос. Четкая бинарная «география» империй с делением на метрополию и колонии «поплыла». Между ними оказалось сложно провести точную грань. Что говорить о России в Сибири, если даже в колониальной Франции на положении метрополии был в XIX в. только Париж[3]? Между отдаленными регионами империи существовали порой очень сложные связи. Их связывали прежде всего «люди империи», администраторы. Случалось, что военные и гражданские чиновники начинали карьеру в Западном крае, продолжали ее на Кавказе, а кончали в Сибири. Офицеры Кавказской армии участвовали в завоевании Средней Азии. Петербургские власти использовали окраины как «полигоны» для реформ. Военно-народное управление, установленное в Средней Азии, сначала опробовали на Кавказе. Отношения между столичными и региональными элитами империи были также сложны.

Северному Кавказу не так повезло с современной историографией, как, скажем, Сибири, Украине или Польше, на материалах которых был совершен «прорыв» в изучении наследия империи в России[4]. Многие важнейшие проблемы истории Российской империи еще плохо представлены в кавказоведении. Необходимость как-то заполнить эти пробелы отчасти вызвала появление этой книги. При работе над рукописью авторы по возможности пытались посмотреть, как на кавказских материалах «играют» общеимперские сюжеты, понять место Северного Кавказа в иерархии регионов империи, уловить имевшиеся между ними связи и конфликты. Не все наши замыслы удались. Состав участников и структура книги не раз менялись. Но главная цель по-прежнему заключается в попытке дать региональный срез дореволюционной северокавказской истории, не забывая при этом про местные особенности основных областей региона, таких как Кабарда, Дагестан, Кубань, Ставрополье.

Книга охватывает почти двухсотлетний период, в течение которого Северный Кавказ находился под властью Российской империи. В первой четверти XVIII в. российское владычество было установлено в степном Предкавказье и на северо-западе региона. Позднее под власть империи перешли предгорья и горы Кабарды, Осетии, Дагестана. Заканчивается книга Февралем 1917 г., которым отмечена гибель империи, после чего на Северном Кавказе начинается новая постимперская эпоха. По мере продвижения на юго-восток российской границы, отмеченной Кавказской укрепленной линией, туда же «сползают» и границы Северного Кавказа. Разные горные и степные районы (вроде Дагестана и Ставрополья) то входили, то выходили из его состава. Центр российского Северного Кавказа первоначально находился в Астрахани, затем сместился в степное Предкавказье и в первой половине XIX в. был в Ставрополе, а с середины 40-х гг. — в Тифлисе. Мы старались возможно точнее учесть текучесть военно-административной географии XVIII — начала XX в., меняя географический охват исследования в зависимости от рассматриваемой проблемы и конкретного исторического периода. Разбирать историю дореволюционного Северного Кавказа в современных административных границах региона столь же нелепо, как говорить об «истории СССР времен феодализма»!

География книги охватывает не весь русский Кавказский край, а лишь его северную половину. Кому-то такое деление может показаться анахроничным. Ведь само понятие и современные границы Северного Кавказа сложились уже в советское время, в основном во второй трети XX в. Тогда же в регион окончательно вошел Дагестан, до революции 1917 г. и в ранней советской России считавшийся отдельным субрегионом между Закавказьем и Северным, точнее, Центральным и Северо-Западным Кавказом. Однако для исследуемой эпохи такое выделение выглядит вполне обоснованным. Дело в том, что характер власти и общества, типы имперской администрации и управления по обе стороны Большого Кавказа в XVIII — начале XX в. весьма существенно различались. В Закавказье уже во второй трети XIX в. были учреждены губернии и общероссийское гражданское управление. В отличие от него Северный Кавказ удержал до начала XX в. судебно-административную автономию. Большая часть этого региона (кроме Дагестана, где в 1860—1917 гг. существовало так называемое военно-народное управление, с которым мы еще подробнее познакомимся ниже) большую часть XIX в. управлялась российскими военными. Формы общественной

жизни, культура и нравы коренного и переселенческого населения в Закавказье и на Северном Кавказе имели тогда мало общего.

При подготовке книги мы столкнулись еще с одной серьезной проблемой. Необходимо было дать почувствовать читателю все многообразие дореволюционного Северного Кавказа. Как это сделать? В первом варианте книги рассказ об истории Северного Кавказа шел раздельно для трех его горных и одной равнинной природно-исторических зон: Северо-Западного, Центрального и Северо-Восточного Кавказа со степным Предкавказьем. По мере работы над рукописью от такого деления пришлось отказаться. Во-первых, из-за него возникала масса ненужных повторов. Во-вторых, выделяемые в современной географии региона зоны для XVIII — начала XX в. анахроничны. Они с трудом соотносятся с принятым на дореволюционном Северном Кавказе делением на более мелкие историко-политические области Большой и Малой Кабарды (современные Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия и горная Чечня), Закубанской Черкесии (ныне Краснодар и Адыгея), Галгая (Ингушетия), Дагестана и проч. С последней трети XIX в. на это деление накладывалось еще одно, административное — на три области и две губернии.

Одной из целей книги было показать многообразие и мозаичность северокавказского общества. Объектом нашего исследования были не только горцы, с которыми обычно ассоциируется весь регион, но также казаки и русские переселенцы. Роль казачества на Северном Кавказе резко вырастает уже в XVIII столетии. А в XIX—XX вв. Ставрополье и Кубань полностью преобразились под влиянием русской крестьянской колонизации на земли, освободившиеся после выезда в Османскую империю горцев-*мухаджиров*. Не нужно воспринимать «казачество» и «горцев» как извечных «природных врагов». Действительно, они нередко встречались на поле боя. Но в промежутках между военными действиями между горцами и казаками имел место оживленный экономический и культурный обмен. Сами эти понятия были довольно условны и взаимосвязаны. Не все «горцы» обязательно жили в горах. Многие принявшие российское подданство (и потому называвшиеся «мирными») горцы переходили в казачество, а казаки, наоборот, укрывались за Кубанью и Тереком в горах.

В книге нет специальной историографической главы, но это не означает, что ее авторы отрицают ценность традиций отечественного или зарубежного кавказоведения. Просто историографичес-

кие сюжеты включены в текст основной части работы. Здесь, по нашему мнению, они уместнее. К тому же мы пытались отойти как от чрезмерно глобального, так и от слишком узкого подхода к истории региона. Вместе с тем мы по возможности продолжали начатые еще в советское время работы в направлении создания общерегиональной кавказоведческой историографии. Особенно важными в этом отношении для нас были сравнительно-исторические исследования казачества и горцев, проводившиеся историками Ростовской школы под руководством А.П. Пронштейна, и известный обзорный труд по истории народов Северного Кавказа XVIII — начала XX в., опубликованный в 1988 г. в Москве под редакцией Н.Л. Нарочницкого[5].

Немалую помощь при осмыслении собранных в книге материалов оказали современные исследования по сравнительной истории империй, в частности статьи англо-американской школы историков России, переведенные на русский язык и составившие изданный в 2000 г. в Самаре трехтомник по американской русистике, а также выпущенные в последнее время материалы конференций по истории Российской империи[6]. Настоящее учебное пособие является частью серии работ по истории окраин империи в составе России, выходящей ныне в свет под общей редакцией А.И. Миллера. Это обстоятельство в немалой степени предопределило структуру и тематику книги. Мы сознательно стремились по возможности представить в ней сквозные, релевантные и для других регионов темы пограничья-*фронтира*, колонизации, косвенного управления, ориентализма.

В создании учебного пособия приняли участие историки-кавказоведы из вузов и академических центров Москвы и Северного Кавказа: Института востоковедения Российской академии наук (ИВ РАН, Москва), Института этнологии и антропологии Российской академии наук (ИЭА РАН, Москва), Кабардино-Балкарского государственного Института гуманитарных исследований (КБГИГИ, Нальчик), Исторического факультета Дагестанского государственного университета (ДГУ, Махачкала), Исторического факультета Московского государственного университета (МГУ), Владикавказского института управления (ВИУ, Владикавказ). Предисловие к книге, главы 1 и 7 написаны в соавторстве В.О. Бобровниковым (ИВ РАН) и И.Л. Бабич (ИЭА РАН). Глава 2 — в соавторстве В.О. Бобровниковым, В.Х. Кажаро-

вым (КБГИГИ) и Н.А. Сотавовым (ДГУ). Авторами главы 3 являются И.Л. Бабич, В.О. Бобровников, В.Х. Кажаров и Л.Т. Соловьева (ИЭА РАН). Авторами глав 4, 8 и 11 — И.Л. Бабич, В.О. Бобровников и Л.Т. Соловьева. Глава 5 написана В.О. Бобровниковым и В.Х. Кажаровым. Автором глав 6, 13 и 14 является В.О. Бобровников. Авторами главы 9 — И.Л. Бабич, В.О. Бобровников, Дж. Гаккаев (ИЭА РАН) и Л.Т. Соловьева. Главы 10 и 12 написаны И.Л. Бабич. Приложение 1 написано А.Е. Криштопой (ДГУ), приложение 2 — В.Х. Кажаровым. Приложение 3 подготовлено Д.Ю. Арапо-вым (МГУ). Приложения 4, 5, глоссарий, список сокращений и указатели имен и географических названий составлены В.О. Бобровниковым. Карты на цветной вкладке подготовлены А.А. Цуциевым (ВИУ), который любезно согласился предоставить их для нашей книги из своего недавно вышедшего Атласа, первого общего сборника исторических карт всего российского и советского Кавказа[7]. Карты и иллюстрации в тексте подобраны И.Л. Бабич. Список рекомендуемой литературы и источников подготовлен В.О. Бобровниковым и И.Л. Бабич. Общая редакция работы принадлежит В.О. Бобровникову и И.Л. Бабич.

При подготовке учебного пособия были использованы также материалы наших коллег из университетов и академических институтов Северного Кавказа. Авторы и редакторы книги выражают признательность всем, кто помог им в работе над рукописью монографии.

Москва
13 ноября 2006 г. В.О. Бобровников, И.Л. Бабич

---

[1] О подходах и способах писать историю России, иначе говоря, ее *нарративах*, см. в работе: *Miller A.* Russian Imperial History: Its Scope and Paradigm // Kritika. 2004. № 1; *Миллер А.И.* Новая история Российской империи: региональный или ситуационный подход? // Азиатская Россия: люди и структуры империи. Сб. науч. статей к 50-летию со дня рождения проф. А.В. Ремнева. Омск, 2005. См. также: *Бобровников В.О.* Рец. на: The Cambridge History of Russia. Vol. I– III. Cambridge, 2006 // Вестник Евразии. 2007. № 1.

[2] В первой половине 2000-х гг. в России и за рубежом появился ряд сборников, в том числе переводных, некоторые из них носят это название. См.: Imperial Rule / Ed. A. Miller, A.J. Rieber. Budapest; N.Y., 2004; Новая имперская

история постсоветского пространства / Ред. и сост. И. Герасимов и др. Казань, 2004; Российская империя в зарубежной историографии / Сост. и ред. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М., 2006. К сожалению, Северный Кавказ в этих работах не был специально представлен.

[3] *Weber E.* Peasant into Frenchmen: The Modernization of the Rural France, 1870—1914. Stanford, 1976.

[4] См.: Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700—1917 / Ed. D.R. Brower and E.J. Lazzerini. Bloomington, 1997; Imperial Russia: New Histories for the Empire / Ed. J. Burbank and D.L. Ransel. Bloomington, 1998; *Bassin M.* Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East. Cambridge, 1999; Российская империя в сравнительной перспективе / Ред. А.И. Миллер. М., 2004, и др.

[5] История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. — 1917) / Ред. Н.Л. Нарочницкий. М., 1988.

[6] The Construction and Deconstruction of National Histories in Slavic Eurasia / Ed. T. Hayashi. Sapporo, 2003; Imperial Rule / Ed. A. Miller and A. Rieber. Budapest; New York, 2004; Российская империя в сравнительной перспективе / Ред. А.И. Миллер. М., 2004.

[7] *Цуциев А.А.* Атлас этнополитической истории Кавказа (1774—2004). М.: Европа, 2006. С. 10, 16, 25, 49. Карты публикуются с разрешения издательства «Европа».

Глава 1

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ И КАВКАЗОВЕДЕНИЕ: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ РЕГИОНА В РОССИИ

(1) Кавказ в российском кавказоведении. Наука и политика. (2) От описания к анализу. Каталоги природных и социальных явлений XVIII в. Эпоха романтизма начала XIX в. Военные историки и источниковедение времен Кавказской войны. А.П. Берже. Акты Кавказской археографической комиссии. (3) Переосмысление северокавказского имперского нарратива в раннее советское время. Национально-освободительное движение против русского колониализма. Школа М.Н. Покровского и ее кризис. Апология империи в сталинской историографии. Историографический кризис позднего советского времени и пути выхода из него. (4) Типология источников по дореволюционному Северному Кавказу. Архивы: центральные, мечетные и частные собрания на Кавказе и за его пределами.

1. Кавказ в российском кавказоведении. Наука и политика

За два последних столетия взгляд на Северный Кавказ и на его отношения к Российской империи не раз менялся. Его рассматривали то как полусказочную страну на краю света, то как край диких первобытных горцев под боком у цивилизованной Европы, который предстояло усмирить и цивилизовать. В советской историографии установился взгляд на Кавказ как на отсталую колонию

Российской империи. Если дореволюционные авторы объясняли реформы XIX в. желанием России закрепиться на Кавказе, то их преемники советского времени полагали, что все эти преобразования объяснялись только своекорыстными интересами крупной русской буржуазии, желавшей превратить регион в рынок сбыта российских товаров и поставщика в Центральную Россию дешевого сырья. Известная исследовательница региона В.П. Невская, в частности, полагает, что царизм сознательно тормозил промышленное развитие Северного Кавказа[1]. В постсоветское время взгляд на регион опять меняется, пока еще не понятно в какую сторону.

Эти метаморфозы были связаны со сложными поворотами российской и международной политики, постепенной интеграцией региона в общероссийское политическое, правовое и культурное пространство. Точкой отсчета здесь стала Петровская эпоха. Случайные путевые записки и экзотические описания края сменились тогда сухими научными описаниями и классификациями новых кавказских владений Российского государства. По справедливому замечанию известного этнографа-кавказоведа М.О. Косвена, петровское время «было началом организованного и систематического изучения Кавказа и его народов»[2]. С первой трети XVIII в. начались военные и научные экспедиции в Нижнее Поволжье и на Северо-Восточный Кавказ с целью выявления природных богатств и людских ресурсов края, их государственного учета и контроля. В экспедициях участвовало много военных и ученых западноевропейского происхождения, состоявших на российской службе, главным образом немцев и голландцев.

2. От описания к анализу. Каталоги природных и социальных явлений XVIII в. Эпоха романтизма начала XIX в. Военные историки и источниковедение времен Кавказской войны. А.П. Берже. Акты Кавказской археографической комиссии

Первая волна научных описаний Северо-Восточного Кавказа и Нижнего Поволжья была вызвана Персидским походом Петра I (1723). Один из его участников бранденбургский немец И.Г. Гербер пять лет служил в Южном Дагестане и Грузии. Он принимал участие в заключении русско-турецкого договора в г. Мабуре, воз-

главлял военно-торговую экспедицию в Бухару и Хиву (1731), хорошо изучил прикаспийские земли, составил первую карту Каспийского моря (1736). Перу Гербера принадлежат «Известия о находящихся с Западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекою Курой народах и землях, и их состоянии в 1728 г.»[3]. В 1733 г. он составил записку об экономическом освоении прикаспийских провинций Кавказа. Следует упомянуть также записки участника Персидского похода 1723 г., шотландского врача и дипломата Джона Белла, изданные по-английски в 1763 г., а затем переведенные на русский (1776) и французский (1788) языки. Отличительной особенностью этих сочинений был научно-практический стиль, безличная манера изложения. Они удивительно напоминают ориенталистские описания Ближнего Востока XVIII — начала XIX в., каталогизирующие, упорядочивающие и покоряющие всю неживую и живую природу региона вплоть до населяющих его «туземцев»[4].

Новый подъем научных исследований на Кавказе произошел при Екатерине II (1762—1796), с именем которой связано продолжение российских завоеваний и строительство Кавказской линии. Российская академия наук организовала ряд экспедиций на Кавказ. Во главе их стояли ученые немецкого происхождения И.А. Гильденштедт и С.Г. Гмелин, Я. Рейнеггс, академик П. Паллас, а также почетный член Петербургской академии польский ученый, путешественник и писатель Ян Потоцкий. Наибольший интерес представляют материалы экспедиции Гильденштедта 1770—1773 гг., обобщенные им в многотомном немецком издании «Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа...»[5]. Изучение региона в XVIII в. было сопряжено с немалыми опасностями. Так, Гмелин был захвачен одним из дагестанских правителей, уцмием Кайтагским Амир Хамзой, и скончался в плену в 1774 г. Завоевания приводили к новым исследованиям. Так, после Персидского похода В. Зубова 1796—1797 гг. появился ряд новых описаний региона, составленных его участниками, из которых выделяется исследование П.Г. Буткова и работы С.М. Броневского[6].

В первой трети XIX в. общее направление исследований несколько изменилось. Романтизм, господствовавший тогда в Западной Европе и России, наложил сильный отпечаток как на художественную литературу и публицистику, так и на научные исследования о Кавказе. Продолжая систематизировать кавказские материалы, русские и зарубежные авторы увлеклись изучением социальных

сюжетов. Воспринимая горцев как осколок первобытного мира, дикарей, еще не зараженных пороками современной цивилизации, ученые, публицисты и чиновники искали и находили у них формы первобытного общественного устройства. С помощью шкалы определений, взятых из учений французских просветителей XVIII в., Броневский классифицировал формы политической организации горцев и обнаружил в сельских конфедерациях Нагорного Дагестана и Чечни «федеративные республики»[7]. В начале XIX в. понятие «республика» проникло в официальное делопроизводство. Его использовали служившие на Кавказе военные и писатели, побывавшие там зарубежные путешественники.

Начало затяжной Кавказской войны (1817—1864) вызвало резкий поворот в подходах к региону как на самом Северном Кавказе, так и в России и даже за ее пределами. По справедливому замечанию дагестанского этнографа М.А. Агларова, увлечение «республиканскими» сюжетами в дореволюционном кавказоведении было напрямую связано с подъемом декабристского движения в России, подавленного Николаем I после разгрома восстания 1825 г. «В связи с последовавшей реакцией и началом войны на Кавказе наблюдались резкий спад интереса к общественно-политическим проблемам и возобладание интереса к статистико-географическим и военно-топографическим исследованиям»[8]. Развенчание кавказской романтики вызвало отказ от прежних подходов и понятий, в первую очередь понятия «республика». Военное противостояние на Северном Кавказе оказало огромное влияние на дальнейшее развитие кавказоведения. Война надолго заслонила для современников, а затем и потомков все другие проблемы.

Она немало повлияла на общий характер источников второй и последней трети XIX в., а также на сам подход к истории региона. С этого времени (а порой и до наших дней) военный нарратив возобладал в большинстве описаний и даже научных исследований. История взаимоотношений России и Северного Кавказа предстает в них как бесконечная борьба российской «цивилизации» против горского «варварства» и «хищничества», либо ответное сопротивление свободолюбивых горцев колониальному порабощению, либо, наконец, как война за веру (араб. *джихад*) между мусульманами и христианами. Вышедшие в свет уже после замирения Кавказа обзорные работы российских военных историков делают основной осью повествования именно Кавказскую войну[9]. В публикациях источников этого времени предпочтение также отдается военной

истории. В частности, именно по этому принципу построено осуществленное в Тифлисе в последней трети XIX в. под редакцией известного ориенталиста А.П. Берже фундаментальное издание архивных материалов наместничества Кавказского, получившее название Актов Кавказской археографической комиссии (АКАК). Этот крупнейший дореволюционный сборник документов включает 12 томов и охватывает период с 1799 по 1862 г.[10].

«Борьба горцев за национальное освобождение от русского деспотизма» стала лейтмотивом большинства зарубежных работ о дореволюционном Северном Кавказе. В таком свете изобразил Кавказскую войну немецкий поэт-романтик и ориенталист Ф. Боденштедт, автор книги «Народы Кавказа и их освободительная борьба против русских»[11], написанной по материалам, собранным им в Тифлисе, где в 1843—1845 гг. он преподавал немецкий язык. Подобный подход преобладает в большинстве зарубежных источников и сводных работ, от изданной в Лондоне в 1908 г. книги Дж. Бэдли «Русское завоевание Кавказа» до популярных «Сабель рая» Лесли Бланч 1960 г.[12]. Общая черта большинства западных источников — их антирусская направленность и слабость источниковой базы. Они часто основываются на слухах и недостоверных материалах. В особенности это свойственно популярной работе Боденштедта.

Гораздо оригинальнее источники, выражающие точку зрения на Кавказскую войну горцев-мусульман Северо-Восточного Кавказа, сражавшихся на стороне имамата. Они написаны по-арабски (реже — на тюркских языках) в традиционном для местной мусульманской историографии жанре хроники (араб. *таварих*). Наиболее известные переведены и опубликованы в последней трети XIX — XX в. Среди них выделяются сочинение историографа Шамиля Мухаммеда-Тахира ал-Карахи «Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских сражениях», написанное в 1850—1858 гг. и завершенное в 1873 г., и описание Кавказской войны секретаря имама Хаджи-Али ал-Чухи «Сказание очевидца о Шамиле» (1873)[13]. Это довольно сложные по форме и содержанию нарративные источники. Они написаны очень пристрастно, на основании личных воспоминаний, памятных записей, писем, карт и правовых документов имамата. Большую роль в аргументации авторов играет исламская риторика. Мусульманское сопротивление Российской империи представлено в этих хрониках в общем контексте исламизации Кавказа в VII—XIX вв.

Мухаммед-Тахир Карахский

Не стоит преувеличивать роли Кавказской войны на Северном Кавказе. С одной стороны, она оказывала и продолжает оказывать влияние на видение региона в местной, российской и зарубежной историографии (подробнее этот вопрос будет разобран в гл. 6). В то же время нельзя забывать, что уже в последней четверти XIX в. эмоциональный военный нарратив постепенно меняется на более спокойный энциклопедический позитивистский подход. После «замирения» горцев активизируется научная деятельность на Северном Кавказе. При поддержке властей наместничества Кавказский отдел Императорского Русского географического общества (КО ИРГО) продолжает классификацию, картографирование и описание региона, издавая в Тифлисе многотомные статистические и справочные издания — Сборник сведений о кавказских горцах (ССКГ, 1868—1881), Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (1881—1915), Известия КО ИРГО (1872—1917). Здесь же выходит газета «Кавказ», Кавказский сборник (1876—1912) и другая периодика.

Кавказская администрация привлекала к управлению и изучению края местную мусульманскую элиту. По поручению начальника Кавказского горского управления Д.С. Старосельского зять имама Шамиля и сын известного в Дагестане накшбандийского шейха Абд ар-Рахман Газикумухский составил в 1869 г. первое историко-этнографическое описание горцев Северо-Западного Дагестана. Перу того же автора принадлежат записки о пребывании его в свите пленного Шамиля в Калуге и комментарий к сочинению его отца шейха Джамал ад-дина по этике накшбандийского тариката, выдержки из которых были опубликованы в русском переводе в 1862 и 1869 гг.[14]. Упомянутые выше Хаджи-Али ал-Чухи, Мухаммед-Тахир ал-Карахи и другие мусульманские ученые сотрудничали с КО ИРГО и ССКГ. Во второй половине XIX в. на Восточном Кавказе складывается местная светская историография. Первыми произведениями этого жанра стали «Гюлистан-и Ирам» азербайджанского историка и военного А.-К.-А. Бакиханова (1844), а также «Асар-и Дагистан» (1895) дагестанского историка и правоведа Х.-Э ал-Алкадари[15]. Выросшие из переработанных хроник, они описывают историю Восточного Кавказа с эпохи Арабского халифата по середину XIX в.

3. Переосмысление северокавказского имперского нарратива в раннее советское время. Национально-освободительное движение против русского колониализма. Школа М.Н. Покровского и ее кризис. Апология империи в сталинской историографии. Историографический кризис позднего советского времени и пути выхода из него

Переосмысление российского имперского нарратива в регионе произошло в советскую эпоху. Оно связано с переоценкой опыта Российской империи и критикой дореволюционных источников на Кавказе. Ранняя советская историография 20—30-х гг. демонстративно порывала с подходами к Северному Кавказу и другим «восточным окраинам» России, принятыми при «старом режиме». По значению этот разрыв сопоставим с движением за «деколонизацию истории» в историографии стран третьего мира в 60—80-е гг. XX в.[16].

Отказываясь от упрощенного военного нарратива XIX в., советские ученые обратились к изучению прежде всего социальных сюжетов истории дореволюционного Северного Кавказа, при этом крайне идеологизируя ее, втискивая все и вся в упрощенный официозный вариант марксистской схемы классовой борьбы и антиколониального сопротивления народов восточных окраин царскому гнету. Этот подход и новый понятийный аппарат советской школы отразился в подборе и изданиях источников. Из публикаций XX в. для Северного Кавказа и Закавказья следует указать на ряд сборников, подготовленных на архивных материалах РГВИА, РГАДА, ЦГИА Грузии, РФ ИИАЭ и ЦГА РД в Москве и Махачкале[17].

Отношение к наследию Российской империи на Северном Кавказе во второй и последней трети XX в. неоднократно менялось. Немалую роль в этом сыграли частые смены политического и идеологического курса в СССР. Положение школы М.Н. Покровского об экспансии «торгового капитализма» на отсталые «восточные окраины» империи и отрицание позитивности дореволюционных реформ сменились в позднее сталинское время признанием «объективно прогрессивной роли» присоединения к России. После возвращения в 1940-е гг. к имперскому военному нарративу шельмования Шамиля как «агента империалистических держав», в 60—80-е гг. последовал новый скачок в сторону неумеренного прославления имама и его окружения. В духе официальной установки на «дружбу народов» в СССР появилось клише о «добровольном вхождении» народов Северного Кавказа в состав России и «солидарности» трудящихся разных национальностей в Российской империи. Эти «интеллектуальные прыжки» неизменно отражались в публикациях и интерпретации источников[18].

Советские подходы к изучению дореволюционного Северного Кавказа порой вызывают справедливые нарекания. В то же время не стоит преуменьшать значение советского источниковедения в регионе, следуя моде ругать все советское. В 50—80-е гг. сделано было действительно очень много позитивного. Были собраны, обработаны и систематизированы огромные документальные, нарративные и изобразительные материалы, включая устное народное творчество и музейные коллекции. Еще в 1930-е гг. академик И.Ю. Крачковский призывал к изучению местных арабоязычных и арабографичных источников XIX в., текстов русских военных переводчиков[19]. В этой области велись работы на Северо-Восточном Кавказе, в основном в Дагестане. Изучение мусульманской (в

том числе и арабской) культуры дореволюционного Северо-Западного Кавказа только начинается[20]. В целом можно сказать, что именно в результате работы историков и этнографов советского времени история региона в XVIII—XIX вв. стала нам относительно неплохо известна.

На рубеже XX—XXI вв. дальнейшее изучение дореволюционного Северного Кавказа столкнулось с историографическим и методологическим кризисом, корни которого уходят в период «железного занавеса» и «холодной войны». Почти за полвека отсутствия необходимых контактов круг научных интересов, подходы, даже язык науки в отечественном кавказоведении и за рубежом стали слишком различны. В России и на Северном Кавказе все еще господствуют старые позитивистские и эволюционистские модели объяснения исторического развития, давно отвергнутые на Западе. Наряду с идеологической зашоренностью постсоветская наука страдает от ограниченности источниковой базы. Еще очень мало используются местные источники на восточных языках. Российским ученым еще не известны османские архивы Турции и Ближнего Востока. Решать эти проблемы придется новому поколению историков Северного Кавказа.

4. Типология источников по дореволюционному Северному Кавказу. Архивы: центральные, мечетные и частные собрания на Кавказе и за его пределами

Для выхода из историографического кризиса у кавказоведов есть немало еще не реализованных возможностей, в первую очередь обращение к источникам, собранным их предшественниками в дореволюционную имперскую и советскую эпохи. Период включения Северного Кавказа в состав Российской империи и серии почти непрерывных дореволюционных реформ очень неплохо документированы. От XVIII, XIX и начала XX в. до нас дошли самые разнообразные документальные и нарративные материалы, десятки и сотни тысяч источников. Люди, события и реалии того времени известны нам неизмеримо лучше, чем предыдущих, а в чем-то и последующих эпох. Так, в отличие от советского периода, дореволюционные источники позволяют взглянуть на регион с разных точек зрения, со стороны разных слоев и группировок местного

горского и казачьего обществ, военных и гражданских российских властей, путешественников, писателей, а также зарубежных наблюдателей из Западной Европы, Османской империи, Ирана. Материалы эти действительно массовые и по большей части еще далеко не полностью изученные.

По дореволюционной истории Северного Кавказа можно выделить несколько основных групп документальных и нарративных источников. К первым относятся: 1) карты и планы[21], 2) статистика, 3) официальная и частная переписка, 4) делопроизводство, 5) нормативные акты (включая многочисленные законопроекты). Среди нарративных материалов можно выделить: 5) дневники и воспоминания, 6) памятные записи и хроники, 7) сводные историко-этнографические описания, 8) полемические мусульманские сочинения, 9) прессу, 10) фольклор, 11) художественную литературу. Можно также отметить несколько дополнительных видов изобразительных источников: 12) зарисовки, 13) изобразительные (в первую очередь музейные) материалы (зарисовки, картины, фотографии, декоративно-прикладное искусство). Все эти группы встречаются по всему региону, отдельные типы (например, 6, 8) более характерны для Дагестана, другие — для Осетии и Кабарды или Черкесии. Своя специфика есть у источников, происходящих из горской мусульманской и казачьей среды, из администрации имамата (например, арабские карты) и военно-народного управления.

Важную дополнительную информацию несут эпиграфика и микротопонимика. В составе исторических и строительных надписей встречаются правовые акты, договоры и памятные записи. Многочисленные эпитафии позволяют уточнить хронологическую канву исторических событий и биографии главных деятелей эпохи. Микротопонимика на кавказских, тюркских и иранских языках позволяет судить об отражении в народной исторической памяти реальных исторических событий[22]. Большая часть источников записана на русском языке. Довольно много текстов на французском и немецком. Имеется массовый материал на арабском и староосманском, а также кавказских языках в арабской графике (‘*аджам*). Эпиграфика и микротопонимика дореволюционного Северного Кавказа еще плохо изучены. Русскоязычные надписи региона вообще не привлекали внимания ученых. Арабские и тюркские надписи собраны в основном на Северо-Восточном Кавказе. Лучше всего они представлены в ставших классическими работах Л.И. Лаврова и А.Р. Шихсаидова[23].

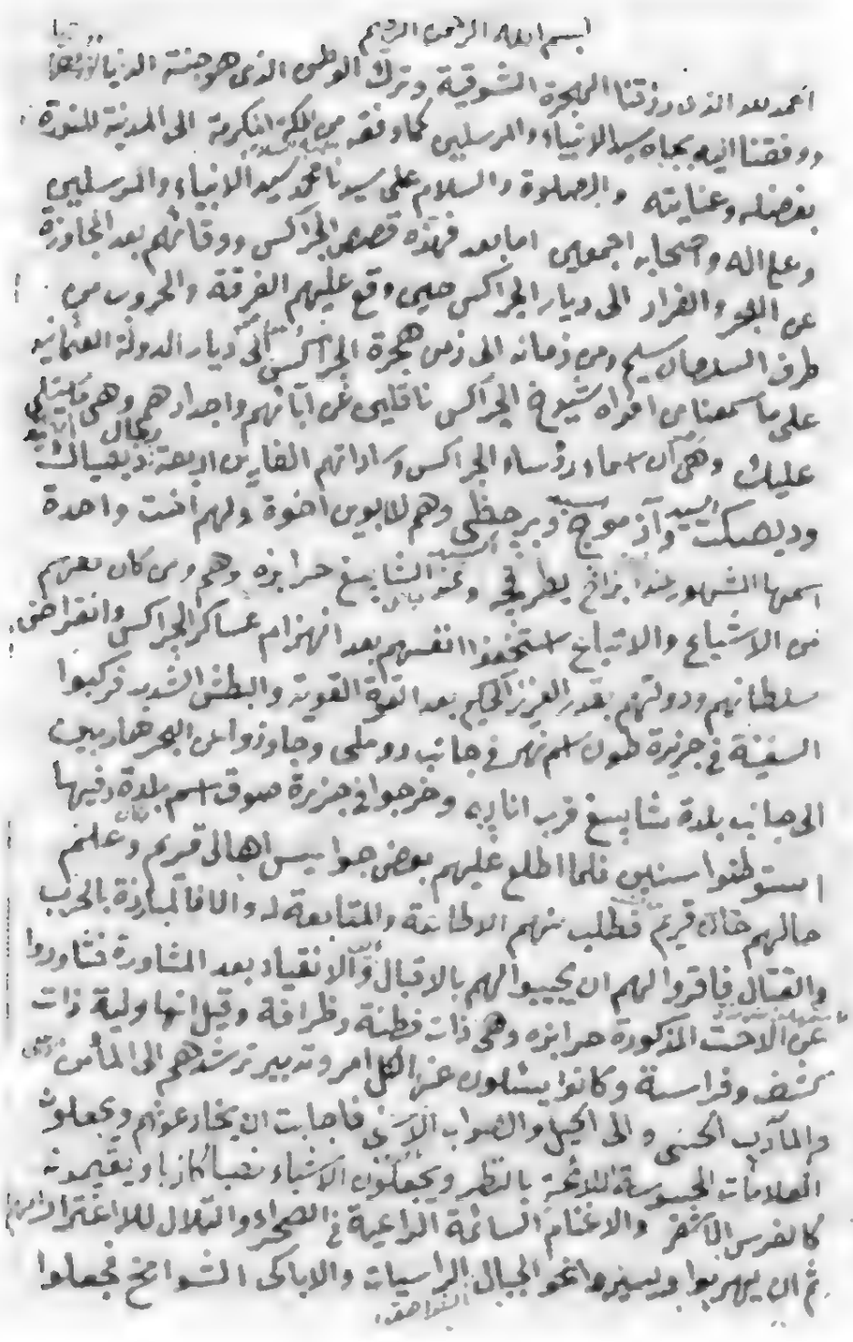
Лишь небольшая группа источников, в основном нарративного характера, опубликована. Подавляющее большинство документальных и повествовательных данных представлены архивными материалами и пока еще не введены в научный оборот. География расположения основных массивов источников широка. В ней отразились как особенности территориально-административного устройства дореволюционного и советского Кавказа, так и неоднократные войны и социальные потрясения двух последних столетий.

Самые важные и крупные архивные собрания сегодня сосредоточены на Кавказе. Не все они централизованы. В Дагестане сохранились сотни личных рукописных коллекций в горных селениях и городах Махачкале, Буйнакске, Дербенте, Избербаше, Кизилюрте, Кизляре, Хасавюрте. В 1990-е гг. в республике были восстановлены десятки мечетных собраний, в которых имеются уникальные арабские нарративные источники, документы и письма[24], вышедшие из сельских общин и конфедераций Нагорного Дагестана XVIII—XIX вв., имамата Дагестана и Чечни (1828/29—1959) и низовой администрации военно-народного управления (1860—1917). Любопытные частные собрания до начала 1990-х гг. сохранялись в Чечено-Ингушетии, но после распада республики и двух российско-чеченских войн (и до сих пор не оконченной кампании, начавшейся в 1999 г.) большинство из них пропало. Особенно сильно пострадали коллекции Грозного. На северо-западе региона можно отметить интересные частные собрания, недавно привлекшие внимание этнологов и востоковедов в Балкарии и Адыгее[25].

Следующий уровень представляют республиканские архивы. Для Северо-Восточного Кавказа важнейшие из них — Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД) и Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН (РФ ИИАЭ) в Махачкале, Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А) и Отдел рукописных фондов Северо-Осетинского института гуманитарных исследований (ОРФ СОИГИ) во Владикавказе. Здесь хранятся официальная статистика и карты, актовый и нормативный материал российских дореволюционных властей, начиная со времен создания в начале XVIII в. Кизлярского комендантства и кончая периодом Дагестанской и Терской областей (1860/61—1917), административными центрами которых были Владикавказ и Темир-Хан-Шура (современный Буйнакск). Погибшие в Грозном в ходе войны 1994—1996 гг. архивы отчасти могут

быть восстановлены на основе архивных фондов ЦГА РСО-А. И конечно, нельзя игнорировать колоссальные материалы Центрального государственного исторического архива Республики Грузии в Тбилиси, прежде всего фондов Кавказского наместничества и военно-народного управления (1860—1917).

На федеральном уровне следует отметить центральные собрания России. Для занимающихся дореволюционным Северным Кавказом большой интерес представляют Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)[26], Российский государственный архив древних актов (РГАДА) и Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ) в Москве, а также Российский государственный исторический архив (РГИА, в первую очередь фонд 1268 — Кавказского комитета) в Санкт-Петербурге. Здесь собраны источники, говорящие о разработке и осуществлении кавказской политики империи, отчеты центральных и кавказских правительственных учреждений, дипломатическая переписка. Для характеристики крупнейших военных и гражданских чиновников конца XVIII — начала XX в. ценные сведения можно почерпнуть из личных фондов отделов рукописей Государственного исторического музея (ГИМ) и Российской государственной библиотеки (бывшей Ленинки, РГБ), Российского государственного архива литературы и искусств (РГАЛИ) в Москве. Все архивы Кавказа, Москвы и Санкт-Петербурга имеют книги-путеводители по основным архивным фондам с описанием характера дел.



Арабская хроника про мухаджиров
«Кысас аш-шаракис»
Первая треть XX века

Начавшиеся в XIX в. массовые переселения с Северного Кавказа и на Северный Кавказ также оставили свой след в архивах за пределами региона. Это в первую очередь касается политической ссылки и эмиграции (*мухаджирства*) в Османскую империю во время и после окончания Кавказской войны (1817—1864). Обширная переписка по высылке с Кавказа во внутренние губернии Российской империи сторонников мусульманского повстанчества хранится в РГИА. Дела отдельных ссыльных и их семей находятся в тех городах, которые служили перевалочными пунктами и центрами ссылки, — Астрахани, Саратове, Новгороде, Пскове, Туле, Омске, Тобольске и других. Эти материалы до настоящего времени практически не изучены. Только начинается введение в научный оборот материалов РГИА и ряда региональных архивов — Государственных архивов Астраханской, Саратовской и Омской областей (ГААО, ГАСО, ГАОО)[27]. Подобная работа проводится в отношении государственных и частных коллекций выехавших с Северного Кавказа мухаджиров в Турции, Сирии, Иордании.

---

[1] *Невская В.П.* Колониальная политика царизма в Черкесии и Карачае в аграрном вопросе // Сборник трудов Карачаево-Черкесского педагогического института. Нальчик, 1958. Вып. 1.

[2] *Косвен М.О.* Материалы по истории и этнографии Кавказа в русской науке // Кавказский этнографический сборник. М., 1955. Вып. 1. С. 289.

[3] Оно издавалось дважды, в 1760 и 1958 гг. См.: История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. / Ред. М.О. Косвен и Х-М.О. Хашаев. М., 1958. С. 60—124.

[4] См. их блестящую и хорошо известную характеристику у Э. Саида: *Саид Э.* Ориентализм. СПб., 2006. С. 103, 106—107, 135.

[5] СПб., 1787—1791. Существует ряд русских извлечений, самое подробное из которых издано петербургским этнографом Ю.Ю. Карповым в 2002 г.

[6] См.: История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв.; *Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. 1—2. М., 1823; [*Его же*]. Исторические выписки о сношениях России с Персиею, Грузиею и вообще с горскими народами, в Кавказе обитающими со времен Ивана Васильевича доныне. СПб., 1996; *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. / Ред. Л. Броссе. СПб., Ч. 1—2. 1869.

[7] *Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. 1. С. 40.

[8] *Агларов М.А.* Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII — начале XIX в. М., 1988. С. 9—16. Лучший обзор дореволюционных русскоязычных источников по истории Кавказской войны читатель найдет в работе Н.И. Пок-

ровского 1939 г. См.: *Покровский Н.И.* Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2000. С. 27—100.

[9] Это хорошо видно из самих названий: *Фадеев Р.* 60 лет Кавказской войны. Тифлис, 1860; *Дубровин Н.* История войны и владычества русских на Кавказе. Т. I—VI. СПб., 1871— 1888; *Потто В.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. I—IV. СПб., 1886—1897.

[10] Подготовка XIII тома Актов, охватывающего последний период Кавказской войны и первые пятнадцать лет послевоенных преобразований (1847—1886), была закончена к началу Первой русской революции 1905 г., но из-за неурядиц и финансовых затруднений того времени этот том так и не был издан. Его материалы хранятся ныне в Центральном государственном архиве Грузии в Тбилиси в фонде Кавказской археографической комиссии (416).

[11] *Bodenstadt F.* Die Völker des Kaukasus und ihre Freihatskampfe gegen die Russen. Frankfurt-am-Mein, 1845.

[12] *Baddeley J.F.* The Russian Conquest of the Caucasus. L., 1908. Книга Л. Бланча недавно переведена на русский язык и опубликована в 1991 г. в Махачкале.

[13] Хроника Мухаммада-Тахира ал-Карахи. М.; Л., 1946; *Гаджи-Али.* Сказание очевидца о Шамиле. Махачкала, 1995.

[14] Кавказ. 1862. № 72—76; ССКГ. Вып. II. Тифлис, 1869; *Абдурахман из Газикумуха.* Книга воспоминаний. Махачкала, 1997; *Абдурахман ал-Газигумуки.* Краткое изложение подробного описания дел имама Шамиля. М., 2002.

[15] *Аббас-Кули-Ага Бакиханов.* Гюлистан-и Ирам. Баку, 1991; *Гасан-эфенди Алкадари.* Асари-Дагестан. Махачкала, 1994.

[16] См., например: *Sahli M.* Décoloniser l'histoire — introduction à l'histoire du Maghreb. P., 1965.

[17] Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20—60-х годах XIX в. / Ред. И.П. Петрушевский. Ч. I—II. М.; Л., 1936; Материалы по истории Дагестана и Чечни / Ред. С. Бушуев и Р. Магомедов. Махачкала, 1940; Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв. Документы и материалы. Т. 1—2. М., 1957; История, география и этнография Дагестана. XVIII—XIX вв. / Ред. М.О. Косвен и Х.-М. Хашаев. М., 1958; Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20—50-е годы XIX в. / Сост. В.Г. Гаджиев и Х.Х. Рамазанов. Махачкала, 1959; Феодальные отношения в Дагестане. XIX — начало XX в. Архивные материалы / Сост. Х.-М. Хашаев. М., 1969; Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. / Сост. В.К. Гарданов. Нальчик, 1974, и др.

[18] См.: Шамиль — ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. Сборник документальных материалов. Тбилиси, 1963; Русско-осетинские отношения в XVIII в. Сборник документов / Сост. М.М. Блиев. Т. 1—2. Орджоникидзе, 1976, 1984; Русско-дагестанские отношения в XVIII — начале XIX в. Сборник документов / Отв. ред. В.Г. Гаджиев. М., 1988; Российско-чеченские отношения в XVI—XIX вв. Архивные материалы. М., 1991.

[19] *Крачковский И.Ю.* Избранные сочинения. М.; Л., 1960. Т. VI. С. 560, 570.

[20] *Бабич И., Ярлыкапов А.* Исламское возрождение в современной Кабардино-Балкарии: перспективы и последствия. М., 2003.

[21] Интересный опыт проследить конструирование российского Кавказа в имперских и советских картах проделал недавно А.А. Цуциев. Это первая для

нашего региона историко-географическая работа такого рода. См.: *Цуциев А.А.* Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М., 2006.

[22] См., например: Библиография по топонимике Дагестана. Махачкала, 1984; *Бобровников В.О.* Реконструкция этнической истории багулал по данным микротопонимики // Дагестанский лингвистический сборник. Вып. 3. М., 1996. С. 6–14.

[23] Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках / Изд., пер., коммент., статьи и прилож. Л.И. Лаврова. Ч. 2–3. М., 1968, 1980; *Шихсаидов А.Р.* Эпиграфические памятники Дагестана X–XVII вв. как исторический источник. М., 1984. С учетом находок последней четверти века многие тексты в публикации Лаврова нуждаются в исправлении и уточнении.

[24] Их общую характеристику см. в кн.: *Шихсаидов А.Р., Тагирова Н.А., Гаджиева Д.Х.* Арабская рукописная книга в Дагестане. Махачкала, 2001.

[25] См.: *Бобровников В.О.* Каталог рукописей и старопечатных книг на арабском, персидском и тюркских языках из Кабардино-Балкарии // Письменные памятники Востока. М., 2005. Вып. 1.

[26] Наибольший интерес для характеристики дореволюционного Северного Кавказа имеет фонд Военно-учетного архива Главного штаба Кавказской армии (ВУА), а также фонды 52, 205, 410, 416 и 482.

[27] *Оразаев Г.М.* Материалы Астраханского областного архива // РФ ИИАЭ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 590. Одним из авторов этой главы летом 2003 г. начата работа по освоению северокавказских фондов ГАСО в г. Саратове.

Глава 2

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ В РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ XVIII В.

(1) Северный Кавказ в геополитике XVIII в. (2) Интересы России, Ирана, Османской империи и западных держав в регионе. Кавказ в планах российской дипломатии и торговли. (3) Российско-османское соперничество начала XVIII в. Военные действия в Кабарде и русско-турецкая война (1710—1711). Адрианопольский мирный договор (1713). (4) Каспийский поход Петра I (1722—1723). (5) Северный Кавказ в российской внешней политике второй трети XVIII в. Кубанский поход 1736 г. (6) Русско-турецкая война (1768—1774). Закубанский поход и захват Кабарды. Азово-Моздокская линия (1777). Экспедиции И.В.Якоби на Северо-Западном Кавказе (1779). Русско-турецкая война (1787—1791). (7) Северный Кавказ в Греческом проекте Екатерины II. Складывание кавказского фронтира империи.

1. Северный Кавказ в геополитике XVIII в.

XVIII век — переломный в политической истории Северного Кавказа. В это время в регионе появляются новые геополитические силы, меняется состав участников (*actors*) «большой игры» за Кавказ. Обстановку в регионе определял, с одной стороны, быстрый упадок Ирана и Османской империи — пограничных мусульманских держав, издавна соперничавших за гегемонию на Ближнем Востоке, а с другой — превращение России в великую державу, активно действовавшую не только в Европе, но и в Азии. Кавказская проблема, ставшая частью вопроса об обладании Ближним Востоком, волновала теперь не только Иран и Порту, но и запад-

ные державы — Англию, Францию, Швецию, которые пытались поддержать Османскую империю и Иран как противовес быстро усиливавшейся России, «мусульманский барьер» на пути дальнейшего расширения российских владений.

Главными событиями во внешней политике на Северном Кавказе в XVIII в. были Каспийский поход Петра I (1722—1723), создание при преемниках Петра, и особенно при Екатерине II, укрепленной российской границы по Кавказу, а также частые османские и крымские походы на Северо-Западный Кавказ, завоевания Надир-шаха в Закавказье и Дагестане, наконец, череда русско-турецких войн второй половины XVIII в., сопровождавшихся активизацией деятельности в регионе западных держав. К концу столетия Северный Кавказ постепенно втягивается в круг важнейших проблем мировой политики. Положение на стыке Европы и Азии, между Черным морем и Каспием, на главных коммуникациях, ведущих в Закавказье, Ближний и Средний Восток, делало этот регион привлекательным объектом внешней экспансии и предметом жестокого военного соперничества великих держав.

При описании борьбы за Северный Кавказ многие отечественные историки и, в особенности, политологи привыкли обелять действия русских, представляя их политических соперников в регионе «агрессорами». Этот тезис, как и тенденция северокавказских ученых преувеличивать значение региона для России того времени[1], представляется нам крайне спорным. Ведь в отличие от более поздних эпох, связанных с кавказскими войнами XIX в., в XVIII столетии регион еще не играл самостоятельной роли в российской внешней политике. Кавказскому направлению придавалось скорее вспомогательное значение в осуществлении далекоидущих планов по распространению влияния империи на мусульманском Востоке. Утверждение российского владычества на Кавказе в Петровскую эпоху рассматривалось петербургскими политиками как путь к установлению торговых связей со странами Среднего Востока, Центральной и Южной Азии и даже с Китаем. В правление Екатерины II овладение Кавказом было нужно скорее для реализации амбициозного Греческого проекта императрицы.

2. Интересы России, Ирана, Османской империи и западных держав в регионе. Кавказ в планах российской дипломатии и торговли

У каждого из старых и новых «игроков» в борьбе за Северный Кавказ были свои собственные планы и интересы. Сохраняя владычество в бассейне Черного моря и на его восточном побережье, Порта вынашивала планы расширения подконтрольной зоны в Закавказье и Прикубанье и распространения своего влияния на пространство между Кубанью и Волгой. В реализации этих планов Османская империя опиралась на своих вассалов — крымских ханов и ногайских *мурз*. Иран пытался проникнуть на Северный Кавказ через Дагестан, южная часть которого отошла к Сефевидам после заключения в 1639 г. ирано-турецкого договора, разделившего Кавказ на сферы влияния между двумя державами. Сефевиды стремились не только закрепиться в бассейне Каспийского моря, но и продвинуть свои границы значительно севернее, до Терека.

Для России Северный Кавказ давал не столько выход к южным морям, сколько являлся ключом к транзитным торговым путям в Азербайджан, Армению и Грузию. Петр I обращал особое внимание на прикаспийские области, занимавшие центральное место в кавказской политике конца его царствования. Он рассчитывал перенести мировую торговлю шелком с константинопольского пути на Астрахань, ставшую к тому времени для Петербурга отправным пунктом различных военных и дипломатических предприятий на Востоке. Осуществление этих планов сулило России заманчивые перспективы в международной посреднической торговле. Вместе с тем Петр способствовал созданию российского производства шелка-сырца и его переработке в г. Кизляре на Северо-Восточном Кавказе. К его выделке были привлечены казаки, армяне и грузины, переселенные в долину Терека. В 1710 г. в Сарафанникове (ныне станица Шелковская) был основан первый в России завод по переработке шелка-сырца. Армянин Сафар Васильев получил в 1718 г. государственную лицензию на разведение шелковицы и устройство шелковых заводов в регионе.

К началу XVIII в. сфера российского политического влияния в регионе ограничивалась небольшим прикаспийским районом с крепостью Терки при впадении в Терек р. Сунжа. Ввиду значимости этих территорий для решения стоявших перед ней задач, Рос-

сия оказывала покровительство мусульманским князьям Большой Кабарды (являвшейся связующим звеном между Северо-Западным и Северо-Восточным Кавказом), а также владетелям Северного Дагестана (лежавшего на пути к иранскому Азербайджану). Взятие русскими войсками Азова в 1696 г. на время поколебало господство Османской империи на Черноморском побережье.

Для успешного решения черноморской проблемы России прежде всего необходимо было обеспечить безопасность своих южных рубежей и заручиться поддержкой местных мусульманских «племен» и их правителей. В этих целях она всячески укрепляла торговые отношения с владетельными князьями и союзами сельских общин Дагестана и Чечни, разрешая им проход через российские владения и торговлю на южных границах Российской империи. Некоторые кабардинские князья, осознавая растущее военное присутствие Порты и Крыма, сами предлагали России заключить военный союз, обязываясь участвовать в военных действиях против этих держав на ее стороне. Ориентация на Россию северокавказских народов, искавших сильного союзника в их противостоянии османо-крымской экспансии, усиливала враждебность султанского правительства, начавшего в 1710—1711 гг. новую русско-турецкую войну.

Потерпев поражение в войне в Европе, Порта, согласно Карловицкому миру 1699 г. вынужденная поддерживать мирные отношения с европейскими державами, желала реванша на Кавказе. К тому же сама Россия, несмотря на потенциальные возможности, открывшиеся для нее после взятия Азова и выхода в Азовское море, не могла в это время закрепить свои успехи в Северном Причерноморье, занятая тяжелой войной со Швецией на севере и отражением османо-крымских нападений на юге. Османская империя активизировала свои действия в этом регионе и в Крыму, стремясь помешать выдвижению российских форпостов в пределы Кубани. Не ограничиваясь возведением новых и укреплением уже существующих крепостей (Еникале, Керчь), Порта предприняла дипломатическое наступление на Россию, потребовав от нее уничтожения Азовской флотилии, прекращения строительства новых судов на Воронежских верфях, уничтожения крепости Каменный Затон и размежевания русско-турецкой границы. К своим военно-стратегическим планам турки надеялись привлечь и кавказских мусульман, для чего в Ширван, Дагестан, Кабарду, Западную Черкесию и другие области Кавказа направлялись османские эмиссары. Актив-

ные завоевательные устремления Османской империи подстегивали крымских ханов и ногайских мурз к беспрерывным и опустошительным набегам на Западную Черкесию, Кабарду и малозаселенные и недостаточно укрепленные южные рубежи России.

3. Российско-османское соперничество начала XVIII в. Военные действия в Кабарде и русско-турецкая война (1710—1711). Адрианопольский мирный договор (1713)

Черноморское направление политики Петра I после неудачного Прутского похода потерпело крах. Прутский мирный договор, заключенный между Россией и Османской империей в июле 1711 г., закрывал для России доступ к Черному морю — по условиям договора она обязывалась вернуть Азов и срыть недавно отстроенные прибрежные укрепления; кроме того, Россия лишалась права вести торговлю по Черному морю. Через два года, в июне 1713 г., между Россией и Османской империей был подписан Адрианопольский мирный договор сроком на 25 лет, окончательно закрепивший условия соглашения. Отношения между двумя странами несколько нормализовались.

В то же время Россия не оставляла попыток закрепиться на Северном Кавказе. Уже в 1715—1716 гг. сподвижник Петра князь Александр Бекович-Черкасский (до крещения Девлет Кезден мирза) из влиятельного рода кабардинских князей Бекмурзиных, ближайший сподвижник Петра I, побывавший во многих областях Кавказа и детально изучивший реальную обстановку, составил карту Каспийского моря. Российские офицеры и чиновники, снабженные тайными инструкциями по сбору сведений экономического, политического и военного характера, отправлялись консулами и торговыми агентами в Исфаган и Шемаху. Благодаря проделанной подготовительной работе правительство Петра I получило подробную информацию о реальном состоянии дел в Дагестане и Иране.

Россия занялась укреплением своих юго-восточных границ. В годы петровского царствования левый берег Терека был укреплен казачьими станицами, в которых были поселены гребенские казаки. Бекович-Черкасский считал возможным предотвратить осман-

ское продвижение на Кавказе лишь в том случае, если Россия перейдет к более решительным мерам, вплоть до размещения в Кабарде и Дагестане русских гарнизонов и строительства крепостей. Он прямо советовал царю присоединить прикаспийские города, иначе «турки их под себя утвердят», а тогда «уже будет поздно». Однако этим планам не суждено было осуществиться: затянувшаяся Северная война, происки великих европейских держав заставили правительство отказаться от проекта размещения русских войск в пределах Северного Кавказа. Поэтому в 1720 г. Россия не смогла предотвратить вторжение в Кабарду сорокатысячного войска крымского хана Саадат-Гирея III и ее раскол на две враждующие партии — Баксанскую и Кашкатаускую, придерживавшиеся различных внешнеполитических ориентаций. В данный исторический момент в системе кавказской политики России главная роль отводилась не Кабарде, а Дагестану.

Овладение прикаспийскими землями в Дагестане и Азербайджане рассматривалось правительством Петра I только как шаг к продвижению Россию в Центральную Азию. При этом оно стремилось не столько к приобретению новых владений на Кавказе, сколько к установлению постоянных торговых связей с независимыми от Османской империи странами мусульманского Востока. В этом отношении следует отметить научно-торговые экспедиции, отправленные Петром через Дагестан в Среднюю Азию[2]. Так, в 1716 г. русское посольство во главе с уже упоминавшимся выше князем Бековичем-Черкасским и небольшим отрядом гребенских казаков было отправлено в Хиву. Его главной целью было открытие торговых путей по восточному побережью Каспия. Для сбора сведений о дорогах, ведущих через Закавказье в Центральную Азию, Индию и Китай, в иранский Исфаган была снаряжена экспедиция во главе с татарским мурзой А.И. Тевкелевым. Оба предприятия окончились для русских несчастливо. В 1717 г. Бековича-Черкасский и большинство его спутников погибли в пути, а Тевкелев был пленен в Астрабаде.

4. Каспийский поход Петра I (1722—1723)

В это время держава Сефевидов испытывала серьезный внутренний кризис. Глубокий экономический и политический упадок, разложение правительственного аппарата, непомерный рост нало-

гов, обострение религиозных противоречий, участившиеся антишахские выступления в покоренных провинциях делали неотвратимым падение сефевидского Ирана. Последствия кризиса сказывались не только в самом Иране, но и в подвластных ему областях, в частности в Дагестане, ханы и сельские конфедерации которого формально признавали сюзеренитет шаха. Ослабление Сефевидов они использовали для собственного возвышения. Почти одновременно с этими событиями начались восстания против персов на Восточном Кавказе. При взятии Шемахи повстанцами 7 августа 1721 г. было ограблено и убито 300 русских купцов, после чего руководители восстания казикумухский *хахлавчи* Сурхай и некий Дауд-бек обратились за покровительством к Османской империи[3], что ускорило начало петровского похода в Дагестан и Иран.

Заключение 30 августа 1721 г. Ништадтского мира, ознаменовавшего окончание Северной войны, позволило российскому правительству вплотную заняться подготовкой военной кампании на Каспии. Успеху мероприятия содействовал также переход в российское подданство ряда влиятельных дагестанских правителей. К маю 1722 г. подготовка к Каспийскому походу Петра I была завершена. Официальным поводом к началу кампании явились шемахинские события: во время восстания были разорены и русские купцы, как позже объяснялось — за то, что пытались скрыть в своих складах ценности шемахинской знати. Османскому посланнику в Петербурге было заявлено, что поход предпринимается не для ссоры с султаном и не для войны с шахом, а только для «отмщения той обиды», причиненной погромом в Шемахе, и «получения достойной сатисфакции». Петр I обнародовал манифест, переведенный на азербайджанский, персидский и арабский языки и обращенный к населению Кавказа и прикаспийских областей Ирана. В нем объявлялось, что русские войска выступают для наказания «бунтовщиков» (руководителей восстания), и содержался призыв к местному населению не покидать своих мест при приближении русских войск[4].

Отплыв из Астрахани с пехотой 18 июля 1722 г., через девять дней Петр I высадился на берегу Аграханского залива. Тем временем шедшая сухим путем кавалерия также вступила в Северный Дагестан. Территория от устья р. Сулака до р. Милюкент за Дербентом была занята в течение четырех недель. Столь быстрое продвижение по территории Дагестана русской армии объяснялось не только ее многочисленностью (в походе участвовало 100-тысячное

войско и флот, состоящий из 47 парусных судов и 400 галер), но и стремлением местного населения освободиться от поборов и притеснений шахской администрации.

Реакция наиболее крупных владетелей Кабарды, Дагестана и Ширвана на появление русских войск была неоднозначной. Опасаясь карательных действий, предводители Шемахинского восстания стали более настойчиво добиваться османской протекции. Большинство владетелей заняли позицию нейтралитета. Отошедший от Ирана тарковский *шамхал* Адиль Гирей, аксаевский владетель Султан Махмуд (Султан Мут) и кабардинский князь Арслан-бек Кайтукин изъявили готовность оказать поддержку Петру I, примкнув к русской армии по пути ее продвижения на юг.

В 20-х числах августа 1722 г. войска Петра I приблизились к Дербенту. В одной версте от города их встретила делегация дербентских жителей во главе с *наибом* Имамом-Кули-беком, вручившим царю ключи от городских ворот. За мирную сдачу крепости дербентский наиб был назначен правителем города, произведен в генерал-майоры и пожалован постоянным годовым окладом. Комендантом крепости был оставлен российский офицер. Далее Петр I намеревался совершить поход на Баку, где предполагалось строительство крепости у устья р. Кура. Однако в конце августа 1722 г. было принято решение прервать столь успешно продолжающийся поход и возвратиться назад, в Астрахань. Причин тому было несколько, и среди них — тяжелая эпидемия, вызвавшая падеж лошадей, рост заболеваний среди солдат, гибель в море у Аграханского залива двух эскадр с продовольствием, а также возникшая опасность преждевременной войны с Турцией, весьма встревоженной продвижением русской армии на Кавказе.

Перед отбытием Петр I распорядился о возведении в приморском Дагестане русских крепостей и расположении в опорных пунктах небольших русских гарнизонов. Они должны были помочь закреплению Прикаспия в зоне российского влияния. В конце августа — начале сентября 1723 г. близ устья р. Аграхань были построены провиантские склады, а в том месте, где р. Койсу делилась на два рукава — Сулак и Аграхань, была заложена крепость Святого Креста. Назначив командующим всеми оставленными на Кавказе гарнизонами генерала М.А. Матюшкина, 29 сентября 1722 г. Петр I отплыл в Астрахань.

Каспийский поход Петра I помешал Османской империи включить в сферу своего влияния прикаспийские области Север-

ного Кавказа и Восточного Закавказья: над дагестанским и ширванским побережьем Каспия был установлен российский контроль. В сентябре 1723 г. Иран, стремившийся избежать османской интервенции, был вынужден пойти на подписание договора с Россией. По условиям Петербургского договора шах признавал за Россией прикаспийские области Кавказа. Взамен Россия обязывалась помогать Ирану в борьбе с его врагами. Этот договор явился важной дипломатической победой России, сумевшей избежать войны с Ираном и в то же время получить желаемые земли.

С другой стороны, подписание договора обострило русско-османские отношения. Султан демонстративно готовился к войне, призывая пограничных пашей и крымского хана быть готовыми к выступлению. Персидские владения объявлялись принадлежащими Порте. Дербентское ханство султан был намерен присоединить на правах якобы давнего владения. Как и следовало ожидать, поход Петра I вызвал резонанс не только в придворных кругах Ирана и Порты, но и в западных державах, особенно Англии и Франции, которые обостряли русско-турецкие противоречия, стремясь отвлечь внимание Петербурга и Стамбула от европейских дел на юг и столкнуть их между собой.

В создавшейся ситуации российское правительство приняло неординарное решение и пошло на сближение с Ираном, чтобы не допустить Османскую империю на побережье Каспия и бывшие кавказские владения Сефевидов. Этот курс петербургского двора вызвал ответные действия со стороны Порты. В течение 1723 г. турецкие войска захватили Тбилиси, а русские войска заняли Баку, Решт и Энзели. Пользуясь бедственным положением Ирана, оккупированного афганцами с юга и подвергавшегося нашествию османов с запада, правительство Петра предложило шаху Хусейну I, а после его пленения афганцами безвластному сыну шаха Тахмаспу II уступить России занятые ее войсками территории, обещая взамен необходимую помощь Ирану в борьбе против его врагов.

Благодаря этим шагам российской дипломатии 12 сентября 1723 г. был подписан Петербургский ирано-русский договор, признающий за Россией Дербент и Баку, провинции Гилян, Мазандеран и Астрабад. Договор закрепил переход к России прикаспийских областей Северо-Восточного Кавказа, что явилось важным успехом восточной политики Петра I. По мнению современного английского историка Локарта, подписание этого договора «навело тонкий лоск законности агрессивным намерениям Петра I в

Северной Персии»[5]. Не случайно этот договор вызвал острое недовольство Стамбула. Свою лепту в разжигание русско-турецких противоречий внесли английский и французский посланники Стеньян и де Богак, требовавшие вывода русских войск из прикаспийских областей, объявления войны Портой России, угрожая в противном случае разрывом дипломатических и торговых отношений великих европейских держав с Османской империей[6].

Обострение российско-османских отношений было снято подписанием 12 июня 1724 г. русско-турецкого Константинопольского договора, признающего за Россией те области, которые она обрела у Ирана по Петербургскому договору 1723 г. Кроме того, Россия получала около двух третей приморской полосы Ширвана и часть земель в долине Самура, признававших прежде власть Сурхая. В приморской части Ширвана учреждалось отдельное Шемахинское ханство под управлением принявшего турецкое подданство Дауд-бека, с признанием верховной власти султана Ахмеда III. В Дагестане к Турции отходили Ахты, Рутул, Цахур и часть лезгинских земель из бывших владений Сурхая. Вдобавок к этому Османской империи отошли: остальная часть Азербайджана, Грузия, Армения и западные области Ирана.

5. Северный Кавказ в российской внешней политике второй трети XVIII в. Кубанский поход 1736 г.

После смерти Петра I политическая активность России на Северном Кавказе снизилась. Преемники Петра не проявили к региону особого интереса. Российские войска были выведены из кавказских пределов, и владения империи на Кавказе и в Предкавказье отодвинулись дальше на север, что было закреплено в новых международных договорах с Ираном. Рештский русско-иранский договор 21 января 1732 г. предусматривал возвращение Ирану занятых русскими войсками областей до Дербента, а Гянджинский трактат 10 марта 1735 г. оговаривал полный вывод российских войск с Восточного Кавказа, с передислокацией их в Кизляр. Российская граница отодвигалась к Сулаку, крепость Святой Крест уничтожалась. Начавшаяся было русско-турецкая война завершилась Белградским договором 1739 г., провозгласившим принцип «нейтралитета» Кабарды[7], которая считалась теперь равно независимой как от России, так и от Порты.

В современной историографии тому находят разные объяснения. Некоторые по старинке полагают, что дворцовые перевороты и засилье временщиков после смерти Петра I снизили эффективность внешнеполитической деятельности Петербурга, подорвали влияние России в европейских столицах, ослабили внимание к восточным делам, в том числе на Кавказе и в Прикаспийских областях. В последнее время эта господствовавшая прежде в отечественной литературе точка зрения подверглась справедливой критике. Большинство современных историков склоняется к тому, что охлаждение интереса империи к расширению российских владений на ее южных границах было вызвано скорее экономической нерентабельностью сохранения отдаленных и бедных северокавказских земель в составе Российского государства. В то время обладание Кавказом слишком дорого стоило империи[8]. На взаимоотношениях России с ее давними соперниками — Ираном и Османской империей сказалась и изменившаяся расстановка сил на европейской арене.

Заметные перемены в международных отношениях на Северном Кавказе произошли в 1740-е гг. После падения династии Сефевидов и последовавших затем междоусобиц в Иране наконец восстановилось единовластие. Правителем страны стал Надир — талантливый полководец, рассчитывавший поправить государственные дела новыми завоеваниями, одним из объектов которых стал Кавказ. Он начал борьбу с оттоманской Портой за возвращение ранее принадлежавших Ирану территорий, отторгнутых от него Петербургским и Стамбульским соглашениями. Как показали недавние исследования, завоевательные планы Надира, в сущности, продолжали политическую линию, которой традиционно придерживались Сефевиды[9], — он не только стремился к восстановлению прежних позиций Ирана в прикаспийской зоне, но и пытался проникнуть в глубь Северного Кавказа, совершая в 30—40-х гг. XVIII в. опустошительные нашествия в Дагестан.

Военную помощь Надир-шаху оказала Англия. Как и Османская империя, Иран XVIII в. широко прибегал к помощи европейских военных специалистов. Агент английской Ост-Индской компании капитан Джон Элтон, поступивший по рекомендации Лондона на иранскую службу, получил звание адмирала шахского флота. По договору с иранским правительством Элтон взялся за постройку для шаха 30 военных кораблей, подвоз боеприпасов и провианта по Каспию, обучение отрядов иранцев военному делу и подготовку к

высадке иранского десанта на северо-западном побережье Каспийского моря. Вместе с английским купцом Мунго Гремом он перевез на своих кораблях 980 пудов олова для иранской артиллерии. Обнаружив в лице Надира серьезного конкурента, Россия предпочла пойти на территориальные уступки Ирану, заключив с ним упоминавшиеся выше Рештский (1732) и Гянджинский (1735) договоры.

Некоторые коррективы в свою политику на Северном Кавказе внесла Османская империя. От прямого военного давления на Иран и Россию она перешла к тактике подкупа местных владетелей и старшин. Вместе с тем Порта пыталась создать внешнюю политическую опору своим действиям в регионе, поддерживая претендентов на иранский престол — противников Надира — под видом восстановления власти «законных наследников» династии Сефевидов. На этом фоне более предпочтительной выглядела политика России, использовавшей наряду с методами «ласкания» действенные меры оказания политической и негласной военной поддержки горским владетелям и старшинам. Особенно важным фактором в российско-османском противоборстве оказалось укрепление русской крепости Кизляра, строительство российских форпостов по реке Сулак, расположение подвижных кавалерийских частей на Засулакской плоскости на случай отражения возможного натиска Ирана.

Активная российская позиция в Кабарде грозила сузить сферу влияния Порты в регионе. Пытаясь восстановить быстро утрачиваемое влияние в регионе, Османская империя подталкивала крымских ханов к новым походам на Кавказ. Летом 1735 г. 60-тысячная армия Каплан-Гирея, усиленная 20 тысячами ногайцев и закубанских черкесов, выступила в поход на Иран. Продвигаясь ускоренным маршем по Северному Кавказу к Дагестану, к концу августа объединенные войска крымского хана вошли в Кабарду. Кабардинские владельцы пообещали выставить от каждого удельного княжества по 100 всадников, но фактически уклонились от участия в походе. Поход крымского хана привел к новой русско-турецкой войне (1735—1739), в которую Россия вступила, стремясь не допустить усиления крымского влияния на Северном Кавказе. В этой войне Россия добивалась отмены Прутского договора 1711 г., выхода в Черное море и обеспечения безопасности южных рубежей.

На Кавказском театре боевых действий часть закубанских черкесов вместе с Малым Ногаем выступили на стороне Османской империи и Крымского ханства, а кабардинцы в союзе с калмыка-

ми — на стороне России. В результате Кубанского похода 1736 г., предпринятого объединенными силами донских казаков, калмыков и конницы князей Большой Кабарды, были разбиты ногайские улусы Султан-Улу и Навруз-Улу. Часть фамилий Навруз-Улу приняла российское подданство. В Приазовье, Крыму и Молдавии русская армия одержала над османо-крымскими войсками ряд громких побед. Были заняты крепости Кинбурн, Очаков, Хотин. Дважды русские войска вторгались в Крым. Османская армия терпела поражение и на Балканах, где наступательные действия предприняла выступившая на стороне России Австрия. Только сепаратный мир, заключенный между Австрией и Османской империей, а также опасения возможного союза между Портой и Швецией заставили правительство Анны Иоанновны отказаться от закрепления побед русского оружия и ратифицировать в сентябре 1739 г. Белградский мирный договор.

Результаты войны, закрепленные договором, не соответствовали ни реальным успехам России, ни ее ожиданиям. Границы между Османской империей и Россией оставались неизменными. Азов объявлялся нейтральной зоной. Нейтральной же страной провозглашалась и Кабарда, воевавшая на стороне России с самого начала войны. Согласно шестому пункту Белградского договора, Кабарда объявлялась «вольной» и должна была служить барьером между двумя империями. Российско-османское соперничество из-за Кабарды ничем не разрешилось, и формально примирившиеся державы ревниво следили за соблюдением условий договора в отношении нее. Сама же Кабарда, получив таким образом независимость, оказалась на время избавлена от постоянных нашествий из Крыма, но не смогла эффективно использовать возможности твердого и гарантированного внешнеполитического статуса. Обострение внутренних распрей привело к углублению раскола кабардинского общества и официальному разделу в 1753 г. Большой Кабарды на две самостоятельные части.

Другим последствием Белградского договора стало обострение внешнеполитической обстановки в регионе. В 1740-х гг., в обход договорным условиям, Османская империя вновь активизировала свои действия на Северо-Западном Кавказе. На Восточном Кавказе Надир-шах стремился подчинить Дагестан и расширить зону своего влияния на север региона. В условиях участившихся разрушительных внешних нашествий и междоусобиц отдельные мусульманские правители и общины Северного Кавказа не раз обращались к

России с просьбами о покровительстве. В 40-х гг. в Петербург отправлялись посольства владетелей Дагестана и кабардинских князей. Тогда же чеченские общества добились российской протекции, взамен обещая в случае приближения неприятеля выступить против него на стороне России. Связанная условиями Белградского договора, Россия не шла на официальное включение жителей региона в российское подданство, ограничиваясь прозрачными намеками кумыкским, чеченским и кабардинским владельцам о признании их «в верном и вечном покровительстве» и выдачей годового жалованья. Российское правительство особенно заботилось об укреплении своих связей с Кабардой, обладавшей значительным авторитетом и политическим весом в регионе.

6. Русско-турецкая война (1768—1774). Закубанский поход и захват Кабарды. Азово-Моздокская линия (1777). Экспедиции И.В. Якоби на Северо-Западном Кавказе (1779). Русско-турецкая война (1787—1791)

Политическая обстановка на Северном Кавказе во второй половине XVIII в. определялась новыми факторами: выходом из борьбы Ирана после гибели в 1747 г. Надир-шаха и соперничеством двух оставшихся «игроков» — России и Османской империи. В это соперничество по-прежнему вмешивались западные державы, среди которых особенно активной была Франция. Вплоть до середины 50-х гг. французская дипломатия активно разжигала воинственные устремления в окружении султанов Махмуда I и Османа III, внушая необходимость противостоять «агрессивным замыслам России в отношении Кавказа и Османской империи».

Особое недовольство Османской империи и Крымского ханства вызвало строительство на Северном Кавказе стратегически важной русской крепости Моздок, начатое по указу Сената 9 октября 1762 г. В еще большей степени возведение Моздока нарушало интересы кабардинских князей, которые считали своей собственностью земли, на которых были возведены Моздокские укрепления. Из-за бегства в Моздок их крепостных усиливалась враждебность кабардинских князей. Они неоднократно обращались к российскому правительству с требованием уничтожить Моздок. Но российское правительство и не помышляло об этом,

поскольку строительство Моздока являлось составной частью имперской политики в регионе, оно положило начало планомерного российского завоевания всего Северного Кавказа.

Борьба вокруг Моздока стала одной из причин новой русско-турецкой войны (1768—1774). Обе воюющие стороны активно использовали в ней земли и людские ресурсы Северного Кавказа, который стал одним из важнейших театров военных действий. По планам турецкого командования предполагалось высадить крупный десант в районе Азова и Таганрога, присоединить к нему до 50 тысяч горцев Северного Кавказа и наступать в сторону Астрахани. По замыслам русского командования, помимо Балканского направления предусматривалось выделение значительных сил для действий на Северном Кавказе под руководством генерал-лейтенанта Берга на юге от Дона и генерал-майора де Медема на западе от Терека. В районе Кизляра под командованием де Медема должен был действовать 40-тысячный корпус, чтобы поднимать против турок кавказские племена и оказывать им необходимую помощь.

Война, начатая Турцией под влиянием Франции, закончилась ее полным поражением. В ходе войны и по ее итогам было заключено два договора, имевшие непосредственное отношение к Северному Кавказу: 1) Русско-крымский договор 1 ноября 1772 г., подписанный отделившимся от Турции крымским ханом Сахиб-Гиреем II, признающий Кабарду в подданстве России; 2) Русско-турецкий Кючук-Кайнарджийский договор 10 июля 1774 г., положивший, по справедливому замечанию Н.А. Смирнова, «основание новому устройству Крыма и Северного Кавказа»[10] и формально подтвердивший возвращение Кабарды под сюзеренитет России.

Русско-турецкая война 1768—1774 гг. окончательно изменила расстановку сил в регионе в пользу России, предопределив поэтапное присоединение отдельных территорий Северного Кавказа к Российскому государству: сначала Ингушетии и Восточной Осетии (1770), затем Большой Кабарды (1774), Чечни, шамхальства Тарковского и Северной Кумыкии (1781—1796) и, наконец, в целом приморского Дагестана в 1813 г. Чтобы удержать строптивых князей на своей стороне без серьезной политической уступки — уничтожения Моздока, Петербург стал проводить более гибкую политику, обещая владетелям значительные суммы за участие в оборонительных акциях и гарантируя «особливую Ее Императорского Величества милость» за службу в войсках де Медема. Боль-

шинство кабардинских князей соблюдало нейтралитет. Но часть их отошла в верховья Кумы и обратилась за помощью в Крым.

Для «увещевания» непокорных князей и изгнания кубанских мурз генерал де Медем выступил в Закубанский поход, в котором участвовали также горцы Дагестана, Чечни и Ингушетии. На помощь кубанцам пришла шеститысячная конница крымского хана, но калмыки разгромили ее в июне 1769 г. Объединившись с 20-тысячной конницей калмыков, русские войска стали в черте кабардинских владений. Это убедило большинство фрондирующих князей присягнуть на верность России. Попытки сопротивления остальных (в основном молодых князей) также потерпели неудачу. В августе того же года все «кабардинские владетели» признали сюзеренитет России и вернулись в свои родовые поместья. Развивая достигнутый успех, де Медем двинулся вверх по Кубани и заставил принять российское подданство ногайцев и абазин.

Разбив отряды крымского хана, Россия заключила с ним в 1772 г. договор «вечного союза и дружбы», по которому Крым сохранял номинальную независимость и прежние владения, за исключением приморских крепостей Керчь, Еникале и Кинбурн. Большая и Малая Кабарда переходили в подданство Российской империи. Признание «независимости» Крыма лишало Порту важнейшего военно-стратегического плацдарма для нападений на Северный Кавказ и юг России. Поэтому султанское правительство не признало договор 1772 г. Вместо хана Шахин-Гирея, заключившего договор о союзе с Россией, Стамбул назначил в Крым своего ставленника Бахадур-Гирея II, который, объединившись с остатками татарских и ногайских отрядов, совершал нападения на российские войска. Однако после окончательной победы русской армии ногайцы заключили с российским командованием формальный акт о прекращении военных действий. Население всех ногайских улусов, кочевавших в степях от устья Дуная до Кубани (около 80 тыс. кибиток), было переселено на земли между Кубанью и восточным берегом Азовского моря.

В борьбе с Российской империей Порта и Крым делали отчаянные попытки завладеть Кабардой. К османо-крымским войскам в 1774 г. примкнула часть кабардинской знати. Силы союзников были брошены на моздокский участок российской границы, но они были наголову разбиты 3 июня 1774 г. в сражении под Моздоком. В результате этой войны Россия прочно укрепила свои южные границы, обретя полную свободу действий на Северном

Кавказе. Русско-турецкая война 1768—1774 гг. окончательно изменила расстановку политических сил в регионе в пользу Российской империи. Заключение в 1774 г. Кючук-Кайнарджийского мирного договора отменяло ограничения, введенные Белградским договором. Большая и Малая Кабарда юридически закреплялись за Россией. Это означало, что империя могла также признать в российском подданстве тех мусульман Северного Кавказа, которые до того находились в вассальной зависимости от кабардинских князей.

Политическое состояние Кавказа до 1801 г.

Основным направлением в кавказской политике Петербурга с этого времени стало укрепление южных рубежей страны на Северном Кавказе. В последней четверти столетия российское правительство приступило к возведению единой системы военных укреплений от Черного моря до Каспия. В 1777 г. началось строительство Азово-Моздокской укрепленной линии. Укрепление и расширение старых и постройка новых крепостей (Александровской, Екатериноградской, Георгиевской, Павловской, Ставропольской и др.) с одновременным устройством вдоль всей линии казачьих станиц Волжского и Хоперского полков положили начало российской колонизации на Северном Кавказе. Эти военно-административные центры империи стали впоследствии ключевыми пунктами так называемой Кавказской укрепленной линии. В них размещались штаб-квартиры воинских частей, судебный и административный аппарат, военные склады и продовольственные запасы. Поощряемая правительством русская колонизация Предкавказья вела к появлению здесь, вслед за казаками, населения, переселявшегося из Центральной России. Гребенское, терское, а затем черноморское казачество, «как сословия служилые», составляли «передовой форпост» на южных российских рубежах.

Под укрепления кордонных линий и новые поселения отошла большая часть кабардинских пашен и зимних пастбищ в прикумских и притеречных степях. Это вело к разорению крестьян Большой и Малой Кабарды и ослаблению власти в регионе кабардинских князей. Недовольные строительством линии, представители военной знати Кабарды требовали от российских властей остановить строительство новых пограничных укреплений. Получив отказ, кабардинцы, поддержанные отрядами чеченцев, ногайцев и закубанских черкесов, начали в 1778 г. военные действия на Азово-Моздокской линии. Стычки на линии быстро переросли в сражения, которые велись силами значительных воинских объединений с обеих сторон. Коммуникации между укреплениями были прерваны. Военные действия кабардинцев и их союзников с регулярной русской армией под командованием генерала И.В. Якоби, поддержанной к тому же тяжелой артиллерией, шли с переменным успехом, пока осенью 1779 г. кабардинцы не были окончательно разбиты. Русские войска во главе с генералом Якоби в конце осени 1779 г. вошли в Кабарду.

В результате карательной экспедиции генерала Якоби на кабардинцев была наложена большая контрибуция: им вменялось в обя-

занность возместить в восьмикратном размере все убытки от нападений на линию и запрещалось селиться на левобережье Малки и Терека, заводить там пашни и выгонять скот. Отменялись все подати, которые платили им прежде перешедшие ныне под покровительство России горцы Осетии и Чечни. Зависимым крестьянам было разрешено уходить от своих владельцев и свободно переходить в российские владения. Вместе с тем для всех кабардинцев устанавливались жесткие правила проезда на линию — они должны были всякий раз получать от российского пристава, поставленного надзирать за Кабардой еще генералом Медемом, временный паспорт (*билет*) с поручительством старшего князя.

Итак, после заключения Кючук-Кайнарджийского договора политика империи на Северном Кавказе радикально изменилась. От заигрывания с представителями местной военной знати, склонявшейся к политическому союзу с Россией, власти империи перешли к политике жесткого военного контроля над территориями и населением региона, лишения мусульманских князей Кабарды прав суверенных независимых владык. Вскоре настал черед ногайцев. Летом и осенью 1783 г. их волнения были жестоко подавлены регулярной российской армией под командованием знаменитого русского полководца А.В. Суворова. Попавшие в плен были переселены в Крым и на северо-запад Прикаспия. Несколько десятков тысяч ногайцев были вынуждены откочевать за Кубань и обосноваться в Западной Черкесии.

Военно-политические успехи Российской империи на Северном Кавказе позволили включить в сферу российского влияния Западное Закавказье. В июле 1783 г. в крепости Георгиевск был заключен «Дружественный договор», оформивший протекторат России над Картли-Кахетинским царством Ираклия II. В преамбуле документа содержалось заявление Екатерины II о роли России в защите единоверной Грузии от внешних врагов. Восточная Грузия получала сильного покровителя, обязавшегося выступать за сохранение целостности ее территории, защищать ее в случае войны, а при ведении мирных переговоров настаивать на возвращении отторгнутых в разное время грузинских владений. Правители Картли-Кахетинского царства потеряли право вести независимую внешнюю политику, сохранив при этом полную внутреннюю автономию. Они обязаны были с войсками служить императрице.

С подчинением Грузии Российской империи остро встал вопрос о необходимости надежных коммуникаций между российским

центром и закавказскими владениями. В том же году через Главный Кавказский хребет стали восстанавливать дорогу, связывавшую Россию с Закавказьем. У входа в Дарьяльское ущелье, где начинался перевал через Большой Кавказ, в 1784 г. была заложена крепость Владикавказ, в названии которой не только отразились стратегические замыслы империи, но и та политическая доктрина, которая легла отныне в основу ее действий. Так началось строительство знаменитой впоследствии военно-грузинской дороги между Владикавказом и Тифлисом.

Расширение российских владений шло и на Северо-Западном Кавказе. Манифестом Екатерины II от 1784 г. было объявлено о присоединении к империи Крыма, Тамани и Правобережной Кубани. В первые годы после ликвидации Крымского ханства, в особенности после окончания русско-турецкой войны 1787—1791 гг., окончившейся новой победой России над Портой, значительная часть коренного мусульманского населения Крыма в несколько этапов эмигрировала в Османскую империю. Только после подписания в 1789 г. мирного договора между Россией и Портой из Крыма выехало до 30 тысяч татар. Во второй половине 80-х гг. XVIII в. в Ейские степи было переселено около трех тысяч ногайских семей[11].

К этому времени на верность России присягнули многие чеченские общества и дагестанские владетели. Как и кабардинские князья, они надеялись на сохранение и в будущем отношений с русскими в рамках военно-политического союза, сюзеренитета или покровительства, не влекущих за собой утраты их политической самостоятельности. Однако этим надеждам не суждено было оправдаться. Не считаясь с положениями утративших силу прежних договоров и трактатов, власти империи рассматривали мусульманских и христианских правителей Кавказа не как равных самодержцев, а как новых российских подданных, обязанных хранить нерушимую покорность. Замена федеративных отношений между империей и северокавказскими владениями на подданнические позволила Екатерине II объединить в 1785 г. земли, находившиеся в сфере влияния России, в Кавказское наместничество (1785—1796) под правлением назначаемого из Петербурга генерал-губернатора. К концу XVIII в. в регионе сосуществовали совершенно разные принципы политической организации власти, что было чревато не замедлившими сказаться осложнениями.

Ситуация осложнилась с началом новой войны с Османской империей (1787—1791). Порта засылала своих эмиссаров в Кабар-

ду, надеясь спровоцировать на Северном Кавказе антироссийские выступления. Но, несмотря на недовольство строительством русских крепостей, позиции Османской империи в регионе вовсе не были прочными — проосманская политическая ориентация населения оставалась неустойчивой. Первые русско-османские столкновения произошли в районе Кинбурна и были отмечены победами русского оружия. В военных действиях против Порты Россия широко пользовалась помощью местных горцев. В октябре 1787 г. в Закубанском походе участвовало пятитысячное войско кабардинцев (включая отряд осетин). Осенью 1790 г. на подступах к Кабарде произошло решающее сражение между войском Батал-паши и объединенными силами российских войск и горцев. Османская армия потерпела тяжелое поражение, а сам командующий попал в плен. Последняя попытка Порты взять реванш на Северном Кавказе не увенчалась успехом.

В июне 1791 г. русские войска совместно с горцами штурмом овладели Анапой — одним из самых мощных военно-фортификационных османских укреплений. Захват крепости во многом ускорил поражение Османской империи в войне. В конце 1791 г. в Яссах был подписан Русско-османский договор. Несмотря на военные победы России, условия мирного договора оказались умеренными, поскольку Порте удалось привлечь к их составлению западные державы, не заинтересованные в усилении российских позиций на Кавказе. По существу, Ясский договор лишь подтвердил условия Кючук-Кайнарджийского мира — Кубань закреплялась в качестве границы русских владений на Кавказе, Порта признавала присоединение Крыма, правобережья Кубани и Кабарды к России, право России защищать христианские народы Подунавья, хотя сами эти земли возвращались Османской империи.

Исходя из необходимости укрепления российских позиций в Правобережной Кубани, в Петербурге решили заселить новые российские владения запорожскими казаками. Особой императорской грамотой 1792 г. эти территории, названные Черноморией, провозглашались в «вечном владении» Черноморского казачьего войска. Центром новых российских владений стал г. Екатеринодар. Возведенная в 1794 г. кордонная линия вдоль Кубани до впадения в нее р. Лабы предназначалась для охраны нового участка российской границы. Чтобы укрепить Кавказскую военную линию и сблизить ее с линией, проходящей по Кубани, в 1798 г. была основана Малкинская кордонная линия. Под защитой казачьих укреплений степ-

ные территории Прикубанья активно заселялись выходцами из центральных областей России. Земли, опустевшие после ухода кубанских ногайцев в Османскую империю и переселения части их в Ейские степи, щедро раздавались российскому дворянству.

7. Северный Кавказ в Греческом проекте Екатерины II. Складывание кавказского фронтира империи

Военные действия на Северо-Западном Кавказе проводились не только ради укрепления южной границы России. При их оценке нельзя забывать еще более амбициозных завоевательных планов правительства Екатерины II. Среди сподвижников императрицы, особенно у Г.А. Потемкина, с середины 70-х гг. зрел так называемый Греческий проект. Его суть заключалась в плане полного завоевания и последующего раздела Османской империи, которая считалась в российских правительственных кругах того времени государством очень слабым, обреченным на скорую гибель. Вместо Порты власти Российской империи решили восстановить на Балканах и в Малой Азии Греческую империю (Византию). На престол в Константинополе Екатерина прочила своего второго внука, который был назван Константином (в честь первого христианского императора Римской империи Константина Великого). Из Молдавии, Валахии и Бессарабии между Россией и Австрией должно было быть создано новое буферное государство под древним названием Дакия, во главе которого Екатерина также собиралась поставить государя православного исповедания. По мысли императрицы, осуществление этого грандиозного прожекта должно было обеспечить вечный мир на Востоке[12].

Для действий против Османской империи Екатерина вступила даже в союз с Австрией, оставив более традиционный и выгодный для российской внешней политики союз с Пруссией. Шагами для осуществления Греческого проекта были присоединение к России в 1783 г. Крыма, создание Черноморского края (Новороссии), строительство черноморского флота и, наконец, завоевание и христианизация Северного Кавказа. Военные и дипломатические действия России на Северном Кавказе и в Западном Закавказье в стратегических планах екатерининского правительства опять же замыкались на Греческом проекте. Это была блестящая мечта, но

абсолютно неосуществимое дело, что и продемонстрировали две последние русско-турецкие войны конца екатерининского царствования. По тонкому замечанию Ключевского, «политика археологических реставраций встретилась здесь с политикой реальных интересов, с расчетами земельного хищничества»[13]. В результате Греческий проект обернулся для России приобретением новых мусульманских, а не православных территорий в неспокойном Кавказском крае и, по существу, усилением значения ислама в империи, о чем речь еще пойдет ниже (см. гл. 4, 9).

Что можно сказать о социальном и культурном значении стремительного продвижения Российской империи на Кавказ в XVIII в.? Присоединение Северного Кавказа к России не было просто приобретением новых территорий и подданных. Не следует сводить его только к завоеваниям и дипломатии, повторяя ошибку большинства кавказоведов, писавших об этом периоде северокавказской истории. Современный американский историк Томас Барретт, посвятивший этому вопросу специальное блестящее исследование, совершенно верно отмечет стремление ученых дореволюционного и советского времени, как и их западных коллег, изображать проникновение Российской империи на Северный Кавказ в виде пограничной линии. Излюбленным образом остается «Кавказская военная линия против горных “крепостей”...». Одни историки при этом акцентируют русский натиск, другие — сопротивление «кавказского барьера»[14].

На самом деле границы эти были гораздо более подвижными, проницаемыми и сложными. Во-первых, они постоянно двигались по направлению с севера на юг и с равнины в предгорья и горы. Кроме того, коренные жители региона постоянно меняли свою политическую ориентацию, легко заключая и легко нарушая союзы и договоры. Как мы могли убедиться из источников, собранных для этой главы, кабардинцы, черкесы, дагестанцы и прочие народы Северного Кавказа часто переходили от одной воюющей стороны к другой. Нередко меняли своих союзников и великие державы, споривщие за обладание Кавказом. Границы внутри региона проходили не только по земле. Они рассекали общество на врагов и друзей, приобретали социальное, культурное, а порой и религиозное значение. Российское завоевание вызвало к жизни немало изменений в общественном укладе и условиях существования северокавказского общества. Изменилось само население региона и окружающая его природа. С последней трети XVIII столетия через

весь регион протянулась Кавказская укрепленная линия, на Северном Кавказе появились новые дороги, селения, станицы, крепости, а позднее и города.

Продвижение России на Северный Кавказ в XVIII в. неплохо характеризует понятие расширяющегося «пограничья» или «фронтира» (от англ. *frontier*). По сути, благодаря завоеваниям и успехам российской дипломатии Кавказ стал одной из важнейших «восточных окраин» империи. Превращение это завершилось позднее, уже в XIX в. Но начало этому процессу было положено в эпоху, послужившую предметом настоящей главы нашей книги. О том, что термин «фронтир» неплохо «работает» на кавказских материалах, свидетельствует хотя бы цитировавшаяся выше работа Барретта. В ней фронтир определяется как «пограничная, прирубежная зона, при оценке которой нужно учитывать шедшую сюда внутреннюю и внешнюю миграцию большого числа населения, оседание на новых местах, образование новых сообществ и отказ от старых»[15]. Пока еще этот термин не завоевал особой популярности в отечественном кавказоведении. Однако настоящий прорыв, сделанный в изучении фронтира на других окраинах Российской империи на рубеже XX и XXI вв.[16], показывает перспективность этого понятия и подхода.

Нельзя забывать также и опасностей, кроющихся в теории фронтира. Дело в том, что появилась она еще в XIX в. в работах американских историков-позитивистов, пытавшихся объяснить значение освоения «Дикого Запада» в Соединенных Штатах Америки. Согласно господствовавшему тогда эволюционистскому подходу, фронтир толковался как двигатель социального прогресса. История американского пограничья сводилась к воспеванию подвигов белых переселенцев, отважно двигавшихся все дальше на Запад и вдохновенно создававших по пути американский индивидуализм и демократию. Наиболее видным представителем позитивистской американской историографии фронтира был известный историк XIX столетия Тернер. Его влияние на американскую историографию и особенно русистику поистине огромно. В духе Тернера всю российскую историю на Западе нередко сводили к обратному движению с Запада на Восток, произвольно соединяя основные исторические вехи в истории обеих стран, превращая взятие Казани в приобретение американцами Сент-Луиса, а присоединение к России Украины — в покупку Америкой у Франции Луизианы. Только в последние десятилетия историки наконец ото-

шли от такого упрощенного толкования фронтира. Однако тернеровское восприятие фронтира, в том числе и в кавказоведении, все еще чувствуется[17].

В то же время большинство ученых сегодня согласны с тем, что нельзя сводить историю пограничья к колонизации, а тем паче к насаждению цивилизации среди «диких» туземцев их более культурными и предприимчивыми соседями. Ведь в складывании фронтира кроме переселенцев и завоевателей принимают участие еще и местные общества. К тому же территориальное расширение пограничья империи не обязательно происходит однонаправленно. Оно не обязательно следует за движением солнца или идет наперекор ему. Южное направление имеет не меньшие права на существование, о чем свидетельствует кавказский опыт, приобретенный Российской империей, начиная с XVIII в. Нельзя не согласиться с Томасом Барреттом, что понять подлинное значение присоединения Кавказа к России можно, только заглянув за военные линии, обратившись к взаимоотношениям и передвижениям людских потоков, шедших через Северный Кавказ, причем не только во время войны, но и во время мира, в повседневности. Эти сюжеты будут разобраны в следующих главах нашей книги.

---

[1] См., например: *Гаджиев К.С.* Геополитика Кавказа. М., 2001. С. 10, 47–48.

[2] Значение научно-торговых экспедиций для ранней российской политики на Северном Кавказе было по-настоящему оценено историками только в последнее время. См., например: *Козлов С.А.* Новое об участии терско-гребенского казачества в Хивинском походе 1717 г. // Исторический опыт русского народа и современность. СПб., 1994. С. 116—119.

[3] См. об этом движении недавнее детальное исследование немецкого исламоведа Клеменса Сидорко: *Sidorko C.P.* 'Kampf den ketzerischen Qizilbāš!' Die Revolte des Hāğğī Dâ'ûd (1718--1728) // Caucasia between the Ottoman Empire and Iran, 1555 1914 / Hrsg. von R. Motika und M. Ursinus. Wiesbaden, 2000. S. 133–145.

[4] Текст манифеста опубликован в кн.: *Бутурлин Д.П.* Военная история походов россиян в XVIII столетии. СПб., 1823. Т. 4. Ч. 2. С. 211.

[5] *Lockhart L.* The Fall of the Safawi Dinasty and the Afghan Occupation of Persia. Cambridge, 1958. P. 248.

[6] АВПР. Ф. 89. Сношения России с Турцией. Оп. 89/1 (1724). Д. 6. Ч. 2. Л. 259, 301.

[7] История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века / Ред. Б.Б. Пиотровский. М., 1988. С. 433.

[8] См., например: *Ананьич Б.В., Правилова Е.А.* Имперский фактор в экономическом развитии России, 1700—1914 // Российская империя в сравнительной перспективе. М., 2004. С. 237—238.

[9] Это мнение разделяет большинство современных иранских историков. См., например: *Сардадвар А.* Тарих-е незами ва сийаси-йе Надиршах-е Афшар. Тегеран, 1354/1975. С. 740. О справедливости такого предположения свидетельствуют российские дипломатические источники того времени. См.: АВПР. Ф. 77. Сношения России с Персией. Оп. 77/1 (1741). Д. 4. Л. 314, 329.

[10] *Смирнов Н.А.* Политика России на Северном Кавказе в XVI– XIX веках. М., 1958. С. 104.

[11] Подробнее о массовых перемещениях населения между Крымом, Северо-Западным Кавказом, Балканами и Малой Азией в конце XVIII в. см. классическое исследование турецкого историка Кемаля Карпата: *Karpat K.H.* Ottoman Population 1830—1914. Demographic and Social Characteristics. Madison, 1985.

[12] Подробнее о Греческом проекте Екатерины II см.: *Ключевский В.О.* Курс русской истории // Его же. Сочинения. М., 1958. Т. V. С. 50—52. См. также: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1871. Т. 21. С. 34, 147, 165.

[13] *Ключевский В.О.* Курс русской истории. С. 51.

[14] *Барретт Т.М.* Линии неопределенности: северокавказский «фронтир» России // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Императорский период. Самара, 2000. С. 163, 164. Примеры подходов, охарактеризованных Барреттом, см.: *Потто В.А.* Утверждение русского владычества на Кавказе. Тифлис, 1901—1904. Т. 1—3; *Baddeley J.F.* The Russian Conquest of the Caucasus. L., 1908; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. / Ред. Б.Б. Пиотровский. М., 1988; The North Caucasus Barrier. The Russian Advance toward the Muslim World / Ed. by M. Bennigsen Broxup. L., 1992.

[15] *Барретт Т.М.* Линии неопределенности: северокавказский «фронтир» России. С. 165.

[16] См., например: *Khodarkovsky M.* Where Two Worlds Met. The Russian State and the Kalmyk Nomads, 1600—1771. Ithaca, 1992; *Рибер А.Дж.* Устойчивые факторы российской внешней политики: попытка интерпретации // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Советский период. Самара, 2001; *Ремнев А.В.* Россия и Сибирь в меняющемся пространстве империи, XIX — начало XX в. // Российская империя в сравнительной перспективе. М., 2004, и др.

[17] По-тёрнеровски кавказский фронтир России толкует современный российский историк Дмитрий Олейников. Он видит в нем не область перекрещивавшихся влияний, а скорее непроходимую грань, разделявшую горское «варварство» и российскую «цивилизацию». См.: *Олейников Д.И.* Россия в Кавказской войне: поиски понимания // Россия и Кавказ сквозь два столетия. СПб., 2001. С. 73—86. Примеры подобной оценки российских завоеваний не сложно найти и в других добротных, но анахроничных по подходу работах. См., например, изданный известным российским этнографом Ю.И. Семеновым сборник документов с характерным названием: Национальная политика в императорской России. Цивилизованные окраины (Финляндия, Польша, Прибалтика, Бессарабия, Украина, Закавказье, Средняя Азия). М., 1997.

Глава 3

КАВКАЗСКИЕ ГОРЦЫ И КАЗАКИ НА ГРАНИЦАХ ИМПЕРИИ

(1) Кавказские горцы и казаки на фронтире империи. (2) Иерархии и связи горских элит под российским протекторатом. «Аристократические» и «демократические» племена. Феодальная система «дворянских подарков» (уорктын) в Кабарде. Аталычество и куначество. (3) Сельская община, вотчина и народное собрание (джамаат, хаса, ныхас). Воины-общинники (уздени) «вольных обществ» и «демократических племен». (4) Общественное устройство гребенских и терских казаков: станичная община, войсковой круг и атаманы. Казаки и русская колонизация XVIII в. Создание черноморского и линейного казачества. Казачье «сословие» и «дворянство». (5) Ослабление горской знати и усиление общины. Приставское управление. Российские обычноправовые суды в Кабарде и Осетии. Конструирование горских «сословий». Северный Кавказ в Кавказском наместничестве и губернии (области).

1. Кавказские горцы и казаки на фронтире империи

Благодаря успехам российского оружия и дипломатии пограничье империи вместе с Кавказской линией продвигалось все дальше на юго-восток, с равнины в горы, пока не сомкнулось с закавказскими владениями России. Вместе с тем на границах Российской империи, проходивших по Северному Кавказу, складывалось весьма пестрое и своеобразное общество, точнее, целая мозаика местных сообществ. Постепенно в него вошла большая часть земель и населения Северного Кавказа, исключая только удаленные высо-

когорные районы Дагестана, Чечни, Черкесии и Адыгеи. Обзор политической истории северокавказского *фронтира* империи читатель найдет в предыдущей главе. Теперь мы обратимся к изучению социальной организации Северного Кавказа XVIII — первой половины XIX в.

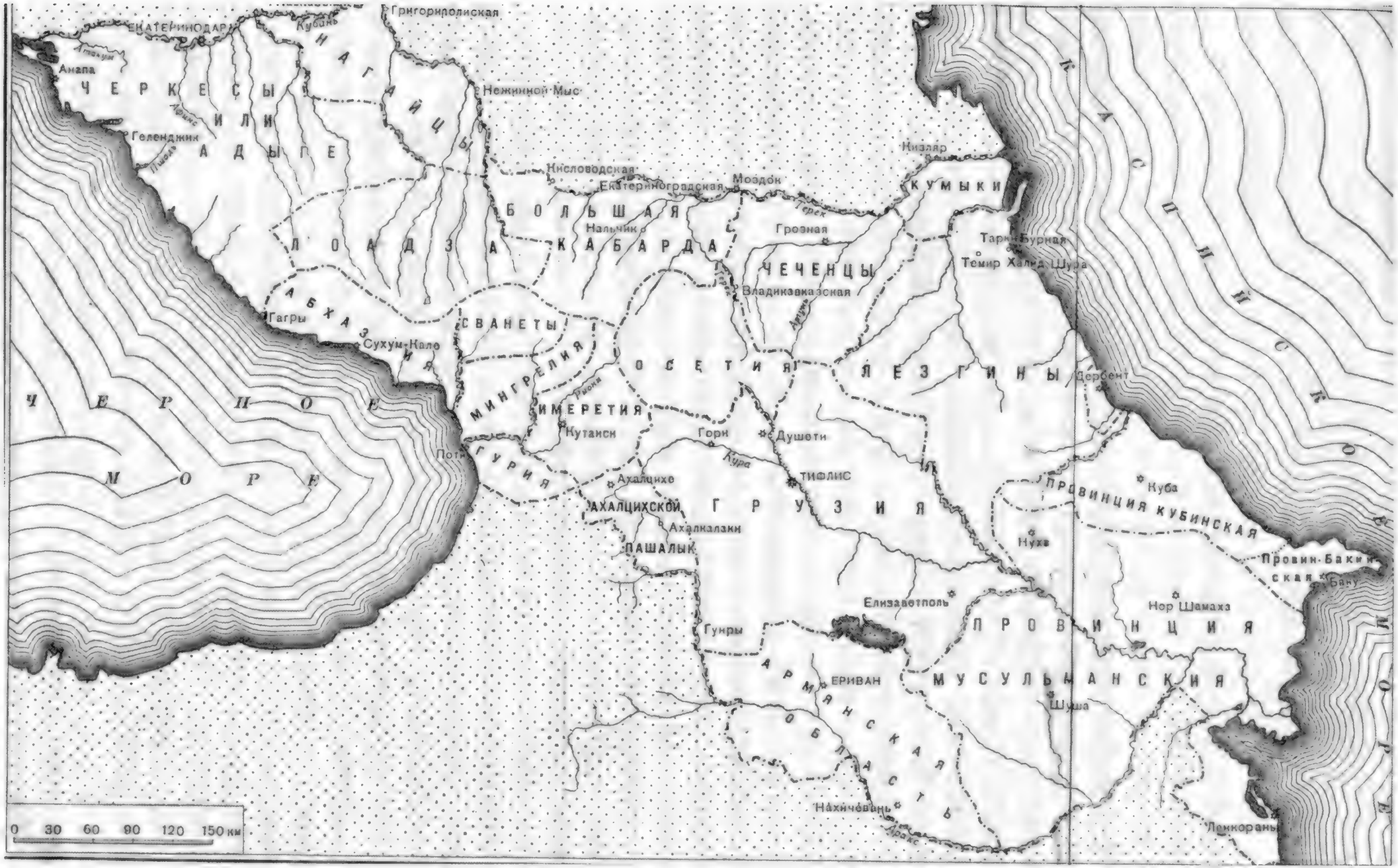
В литературе принято разделять, а порой противопоставлять общественное устройство «горцев» и «казаков». На самом деле оба эти понятия довольно условны. Начнем с того, что на протяжении всего изучаемого периода «горцы» не раз спускались на равнину и вновь укрывались в горах. Многие из них со временем влились в состав «казачества», включавшего в себя разнородные этнические и конфессиональные общины — от православных и старообрядцев из внутренней России до кочевников-калмыков, исповедовавших буддизм. Отношение к имперскому центру делило горцев и казаков еще надвое. Наряду со «служилыми» казаками, охранявшими южные рубежи России на Северном Кавказе, здесь сохранились отдельные «вольные» казачьи общины. Становясь российскими подданными, горцы превращались в «мирных». Горцы, оставшиеся за Кавказской линией или бежавшие за ее пределы, считались «немирными». Им путь в Россию был заказан точно так же, как и «вольным» казакам (некрасовцам и проч.), бежавшим за границу.

На северокавказском фронтире империи горцы и казаки чаще противостояли друг другу. Российские власти пытались опереться на последних в борьбе с немирными горцами. Вместе с тем грань, разделявшая два стана, была зыбкой. Казаки испытали немалое влияние горских соседей как в организации общинного управления и власти, так и в военном быту (вплоть до методов ведения войны, набегов и одежды, черкески). В начале XVIII в. казаки не меньше горцев противились строительству русских крепостей, отказываясь «сидеть» в них. Чтобы ослабить их сопротивление, Петр I отправил в 1716 г. в Хивинский поход 500 гребенских казаков. Вообще власти империи одинаково недоверчиво относились и к горцам, и к казакам. Об этом есть немало свидетельств XVIII — начала XIX в. Западные державы пытались сыграть на этом, правда без особого успеха. Например, Наполеон планировал поднять общее восстание казаков на юге России во время Отечественной войны 1812 г.

2. Иерархии и связи горских элит под российским протекторатом. «Аристократические» и «демократические» племена. Феодальная система «дворянских подарков» (уорктын) в Кабарде. Аталычество и куначество

Территории, присоединенные к России на Северном Кавказе в XVIII — первой половине XIX в., на первых порах сохранили свои границы и местных правителей, если те были лояльны империи. Принимая горцев в российское подданство, им порой запрещали менять что-либо в системе управления. Так, в 1819 г. военный губернатор Кавказский генерал А.П. Ермолов предписывал Зухум-*кади*, правителю дагестанского селения Акуша, «впредь... сохранять прежний образ управления и прежние обычаи без всякой перемены... Наблюдать, чтобы во владениях даргинских не было пристанища неприятелям и врагам России, и не иметь с ними никакой связи... Войска собрать только для охранения своих границ, но без воли главнокомандующего не входить в чужие земли... Согласуясь с милосердием великого нашего государя, не отягощаю я добрый народ даргинский податью, но в знак подданства повелеваю каждый год в сентябре месяце представлять две тысячи баранов к коменданту кр[епости] Дербентской...»[1].

Российская сторона не вмешивалась во внутренние дела горцев, оставляя управление ими в руках местной военной знати и сельских старшин. Федеративные договоры Российской империи с мусульманскими правителями Северного Кавказа XVIII — начала XIX в. признавали экстерриториальность права обеих сторон — как российского имперского, так и местного обычного (*адат*) и исламского (*шариат*). В русских крепостях горцы должны были подчиняться российским законам, а русские купцы и военные, оказывавшиеся в горских селениях, уважать местные обычаи. Так, заключенный в г. Георгиевске в 1783 г. и возобновленный 26 февраля 1802 г. договор, создававший в регионе федеративный союз горских владельцев под протекторатом России, имел целью «водворить мир и тишину между горскими владельцами, прекратить между ними самоуправство и доставить взаимную свободу торговли»[2]. Империя выступала гарантом всех этих политических образований, сохранявшихся под российским протекторатом.



Расселение горских народов в начале XIX в.

Организация власти и общества на Северо-Восточном Кавказе, по верному замечанию петербургских этнографов Л.И. Лаврова и Ю.Ю. Карпова, имела традиционно «вертикальный» характер[3]. Чем ниже жил народ или общество, тем сильнее было его влияние на соседей. Обладание равниной и предгорьями позволяло князьям-*пши* Кабарды и *шамхалам* Тарковским приморского Дагестана контролировать горцев, страдавших от малоземелья и арендовавших пастбища у жителей низин. Наиболее влиятельными были князья Большой Кабарды Атажукины, Мисостовы и Джамбулатовы. От них зависели горская знать (*уздени*) и сельские общины Большой и Малой Кабарды в современных Карачаево-Черкесии, Северной Осетии, Чечне и Ингушетии. Шамхал считался верховным правителем (*вали*) Дагестана. Его первенство признавали ханства и сельские конфедерации Нагорного Дагестана, среди них выделялись ханы Аварии, от которых зависели сельские конфедерации высокогорья.

Ко времени российского завоевания у горцев сложилось два основных типа общественного устройства. Они либо подчинялись наследным правителям из местной мусульманской знати, либо образовывали самоуправляющиеся союзы общин во главе с выборными старшинами. К первому типу относились населявшие Большую Кабарду и долину Кубани кабардинцы, бжедуги, темиргоевцы, хатукаевцы. К последнему — жившие в горах абадзехи, натухаевцы, шапсуги и ряд более мелких адыгских народов. Сходную организацию имели общины осетин и вайнахов Центрального Кавказа, а также конфедерации горцев Северо-Восточного Кавказа, за которыми в русской литературе закрепилось название «вольных обществ». К «демократическим племенам горцев» были близки и казачьи общины по Тереку. Народы Северо-Западного Кавказа, относящиеся к первому типу, русские авторы XIX в. называли «аристократическими», а ко второму — «демократическими». Последние, по их мнению, отстояли в своем развитии еще дальше от современности и ближе к первобытности.

Хорошо сознавая неудачность всех этих аналогий, взятых из античной политической теории[4], историки XX в. попытались выработать более адекватный понятийный аппарат. Они пришли к выводу о господстве у горцев феодальных отношений. Эта точка зрения разделяется сегодня большинством кавказоведов. Источники действительно позволяют говорить о наличии развитых вассально-ленных отношений и крепостного права в Большой Кабарде и

на Кубани, а также в приморском Дагестане. С долей условности можно говорить о наличии здесь «феодализма». Однако феодальная организация власти и собственности отнюдь не исчерпывала всех типов общественных отношений и связей в регионе. Шире, чем условные феодальные пожалования, тут встречалось общинное и частносемейное землевладение. Повсеместно было распространено рабство. Вассалитет дополняли (а порой и замещали) конфедеративные связи.

Наиболее развитая система вассально-ленных отношений сложилась в Кабарде. Отношения князей-*пши* с узденями строились по принципу *уорктына* или «дворянских подарков». За военную службу князь «дарил» землю (с прикрепленными к ней крепостными) вассалам — *тлекотлеш*ам и *дыженуго*, составлявшим высшую военную знать. Те, в свою очередь, за военную службу передавали часть земли в виде уорктына своим вассалам *уорк-шаотлугусам*, образовывавшим низший слой горской знати. Уорк-шаотлугус, как аульный владелец, передавал свою землю крестьянским кланам на правах общинного землепользования с условием несения оброка или барщины. Одновременно с тлекотлешами князь уступал часть земель своим дружинникам, принадлежавшим к низшей знати — *беслан-уорк*ам и *пшикеу*, а те передавали ее крестьянам. Так создавалась сложная иерархия, связывавшая большинство статусных групп горского общества.

На Центральном и Северо-Восточном Кавказе вассально-ленные связи не играли такой значительной роли, хотя и здесь, на равнине и в предгорьях, было распространено условное феодальное землевладение. В мусульманских ханствах Дагестана военная, судебная и исполнительная власть была сосредоточена в руках наследной военной знати, ханов и беков. В Осетии в роли беков выступали кланы *стыр* или *тыхджын мыггаг*. Ниже их по положению считались потомки от браков беков со свободными крестьянами-общинниками, носившие на Северо-Восточном Кавказе имя *чанка* (или *джанка*). Повсюду на Кавказе обычное право запрещало браки между разными статусными группами и урезало в правах потомков от браков высшей знати с женщинами из нижестоящей группы. Так, у адыгов и кумыков они теряли статус пши и образовывали отдельную группу *тума*, стоявшую между князьями и высшим дворянством.

Местные военные элиты, а через них и политические образования Северного Кавказа традиционно связывали сложные генеа-

логические и политические узы. Слабые подчинялись более могущественным соседям: платили дань и выставляли ополчение в случае войн и набегов. Свои права на престол дагестанские шамхалы обосновывали происхождением от *сейидов* — потомков пророка Мухаммеда. По преданию, сложившемуся уже в послемонгольское время, их предки пришли на Северный Кавказ с его легендарным исламизатором Абу Муслимом. Другие дагестанские ханы также возводили свой род к арабам-корейшитам, по преданию, пришедшим на Кавказ из Сирии. Генеалогия кумыкских и аварских беков, кабардинской и карачаевской знати восходила к крымским Гиреям, с именем которых связана исламизация Северо-Западного Кавказа Османской империей.

В политических связях на Северо-Западном Кавказе важную роль играл обычай искусственного родства (*аталычество*) высшей знати с их вассалами, у которых воспитывались их дети. В домах князей Большой Кабарды росли будущие крымские ханы из рода Гиреев. Сами они отдавали детей на воспитание узденям Малой Кабарды, а те, в свою очередь, выбирали «дядек»-*аталыков* из низших узденей Центрального Кавказа. Кроме того, элиты региона связывали наследные узы гостеприимства (*куначества*), которые они пытались перенести и на отношения с Россией. Так, кабардинские князья, разбитые Якоби в 1779 г., писали ему, что «с самых времен царя Иоанна Васильевича они никогда не были российскими подданными, а, находясь так, как кунаки в покровительстве, и что ныне желают покориться на тех же условиях»[5]. Отдельные княжеские и узденские роды с Северо-Западного Кавказа вошли в состав служилого российского дворянства уже в XVI—XVIII вв. Конница кабардинцев, тюменских и таманских черкесов участвовала в войнах России с Крымом, Польшей и Литвой со времен Иоанна IV (1530—1584) до конца царствования Петра I (1672—1725).

3. Сельская община, вотчина и народное собрание (джамаат, хаса, ныхас). Воины-общинники (уздени) «вольных обществ» и «демократических племен»

В горных районах организация власти была иной. Основой социального устройства тут были не условные пожалования типа «дворянских подарков» Кабарды, а сельская община. Последняя

являлась основной военной, экономической и административно-фискальной ячейкой горского общества. В Дагестане ее базу составляли малые семьи, объединенные в фракции родственников по отцовской линии, образовывавшие, в свою очередь, патрилинейные эндогамные кланы-*тухумы*. В состав тухума входили принятые под его покровительство свободные переселенцы (*апарг*) и рабы. У других народов Северного Кавказа сельская община состояла из больших семей (например, кабард. *быныхуэ*), которые объединялись в патрилинейные фракции, а те — в большие экзогамные кланы (чеч.-ингуш. *тайп*, осет. *аврида*, кабард. *тлепк*). Дореволюционные историки видели в общине родовую демократию[6], в действительности же она представляла иерархию соперничавших за власть и ресурсы кланов.

В основе ее экономической организации лежали общинная взаимопомощь и землепользование. Община выступала верховным собственником пастбищ, бывших основой жизнеобеспечения крупного селения или нескольких соседних сел и хуторов. Одновременно существовала подворная земельная собственность, которая у более исламизированных горцев Дагестана, Чечни и ряда районов Черкесии и Кабарды принимала форму частносемейного *мулька*. В большинстве же горных и предгорных районов нормы частного и общинного землевладения и землепользования регулировал местный адат. Все угодья на территории общины подлежали единому обязательному севообороту. У адыгов и вайнахов был также распространен обычай перераспределения пахотных участков. Обычное право запрещало передачу земель за пределы общины. Выходя из общины, горец терял и принадлежавшую ему в ней недвижимость.

Сельская община не имела повсеместного распространения на Северном Кавказе. Она господствовала в горах и предгорьях Северо-Восточного и Центрального Кавказа, а также в «демократических» адыгских обществах. Отсутствие описаний общины у «аристократических» адыгских племен XVIII — первой половины XIX в. объясняется ее отсутствием в Большой Кабарде. Здесь функции общины выполняла вотчина (кабард. *куажэ*)[7]. Она включала одну или несколько деревень, находившихся в крепостной зависимости от местной военной знати. Одно селение могло включать в себя несколько фамильных княжеских и переданных в виде дворянского пожалования поместий-вотчин. Возможно, именно преобладание вотчины обусловило отсутствие на Северо-Западном Кавказе круп-

ных городов со свободным торгово-ремесленным населением, подобных Дербенту в Южном Дагестане. До российского завоевания на Северном Кавказе вообще не было городского общества.

Горские общины объединялись в экономические и военно-политические союзы (авар. *бо*, дарг. *хуреба*, анд. яз. *иха*, груз. *эри*). Количество их было довольно значительно. Только в Нагорном Дагестане XVIII в. насчитывалось около 80 общинных конфедераций. В свою очередь, конфедерации общин могли объединяться в сверхсоюзы и ханства. Русские дореволюционные авторы называли их «*вольными обществами*». Возникнув по причинам военно-политического и судебного характера, эти объединения имели федеративное правительство, общий свод законов (*адат*), единый хозяйственно-культурный организм и нередко общий «войсковой» язык (например, аварский *болмацI*). Похожие конфедерации общин были в Чечне и Ингушетии, Северной Осетии, Карачае и среди «демократических племен» Черкесии. В горах и предгорьях Центрального Кавказа к их числу относились Балкарское, Урусбиевское (Баксанское), Чегемское, Хуламское и Безенгиевское общества, союз ингушских общин Галгай.

Отношения между общинами одного союза не обязательно имели равноправный конфедеративный характер. Между ними шла борьба за власть и ресурсы. Поэтому, пожалуй, даже чаще такие союзы были построены иерархически. Политическим центром союза становилось самое сильное селение. На Северо-Восточном Кавказе широкое распространение получил обычай *пахты* — военные отряды молодежи центрального селения регулярно объезжали зависимые от них общины, которые были обязаны содержать их как почетных гостей. Во главе союзного ополчения мог стоять наследный хан и даже *кади*. В Акушинском и Андадальском обществах Нагорного Дагестана последнему принадлежала высшая исполнительная и судебная власть. Балкарское общество подчинялось князьям Большой Кабарды, получая взамен право пользования принадлежавшими им на равнине пастбищами.

Споры с соседями, дела внутреннего управления и судебные иски горцев решались на так называемых народных собраниях, точнее, сельских сходах, на которых согласно местному адату присутствовали все полноправные взрослые мужчины общины. Сход и избранный им совет старшин совмещали функции правительства и суда. Система сходов была многоуровневой — от квартальных и общинных до общесоюзных. Различные уровни отличались преж-

де всего кругом решаемых на них проблем и степенью влияния на жизнь общины в целом. Эти коллегиальные органы носили в разных субрегионах Северного Кавказа разные названия. В Дагестане их, как и общину, называли арабским понятием *джамаат*, у вайнахов народные собрания именовались *кхел*, в Осетии — *ныхас*, Карачае — *тёре*, Кабарде и Черкесии — *хаса*. Иногда так же называли третейские суды посредников в общинах и конфедерациях (*джамаат*, *тёре*).

Народные собрания как высший орган политической и судебной власти имелись также у «аристократических племен» Северо-Западного Кавказа и в феодальных владениях приморского Дагестана. Здесь в них входили лишь местная знать, кумыкские *беки*, карачаевские *бии*, кабардинские князья и *уздени*. В Большой Кабарде хаса собиралась на уровне княжеского удела, союза двух или трех уделов и, наконец, всей земли. В нее входили княжеская и узденская «палаты». На хасе избирался правящий «старший» князь. На тёре Карачая правом решающего голоса обладали только бии. На княжеском совете избирался верховный правитель (*олий*) края. В союзах общин Балкарии на тёре собирались лишь представители местной элиты (*таубии*). Оно нередко играло роль суда посредников для жителей соседних Дигории и Карачая. Третейские судьи Осетии обычно избирались среди известных и знатных родов.

Горское общество времен российского завоевания имело ярко выраженный военный характер. Полноправным членом общества тут мог быть лишь воин-общинник. Боеспособные свободные мужчины составляли сельское ополчение, охватывавшее всех свободных горцев и потому насчитывавшее порой десятки тысяч воинов. В любую минуту горская община могла превратиться в военный отряд, способный сокрушить врага. Понимание общества как войска отразилось в исторической социально-правовой лексике горцев. Недаром во многих кавказских и картвельских языках понятия «народ», «община», «союз общин» служат синонимами для слова «ополчение» (авар. *бо*, дарг. *хуреба*, анд. яз. *ихa*, груз. *эри*). Не случайно также, что в записях дагестанского обычного права XV—XIX вв. эти термины неизменно переводили на арабский язык как «войско» (*джайш*, *'аскар*, *джунуд*)[8].

Основу ополчения составляли мужские союзы неженатой молодежи, реликты которых детально описаны этнографами советского времени на примере горцев Северо-Восточного Кавказа[9]. Такие объединения были для горцев путем к превращению в

Кавказский горец (1846)

полноправных общинников. Юноши старше 14 лет проходили в них своего рода инициацию. Всю зиму и часть весны они проводили в большом доме-крепости, пируя и упражняясь в воинском искусстве. Отдельные крепости такого рода сохранились в Нагорном Дагестане до наших дней. После того как весной открывались перевалы, союзы молодежи вместе с сельскими ополчениями нередко совершали набеги на долины Кахетии. У союза был военный предводитель (*шах*, *хан*), суд и сложная внутренняя иерархия. Самым почетным считался пост глашатая-церемонимейстера (тюрк. *мангуш*). Похожие институты отмечены в XVIII—XIX вв. у адыгов, хевсур, пшавов и сванов горной Грузии.

Горское общество распадалось на ряд иерархически расположенных и относительно замкнутых социально-правовых страт. Причем социальная градация одновременно была его клановой градацией. Общественное положение человека определялось тем, к какому клану он принадлежал. Большая часть горцев Северо-Восточного и отчасти Центрального Кавказа принадлежала к страте полноправных воинов-общинников. Среди последних также не было равенства. Так, у вайнахов среди узденей выделялись кланы *таялла нах* — «сильных людей», *юккьера нах* — «средних людей» и *лохара нах* — «низших людей». Основу сельской общины в Чечне и Ингушетии составляли средние уздени. В самом низу социальной лестницы здесь находилась прослойка домашних рабов (*лай*, *леш*), находившихся скорее на положении домашних слуг, выполнявших также полевые работы и ухаживавших за скотом. Эта страта веками складывалась из военнопленных и беглых переселенцев.

Похожую организацию горское общество имело в Дагестане. Его высшую страту образовывали *уздени*, являвшиеся костяком сельской общины. В отличие от Северо-Западного Кавказа этим

термином тут называли не знать, а свободных воинов-общинников. Они делились на сельскую элиту (*сала-уздени*, араб. *кубара*) и «чернь»; богатых и бедных; старожилов и пришлых и т.д. Как и в Чечне, здесь были домашние рабы (*лаг*, *кули*), которые в некоторых селениях даже жили отдельно, образуя особые кварталы. Границы между этими социальными группами не были четкими. Они перекрещивались с тухумным делением общины. Общиной управляла узденская верхушка, которую местные источники называют «правителями» (*руаса*, *чухби*, *карты*, *аксакалы*). Узденская верхушка общин боролась за власть и земли с горской знатью, среди которых в Северном и Среднем Дагестане выделялась единая сеть бекских тухумов Шамхалов, связанных родством с правителями Тарковского и Аварского владений.

4. Общественное устройство гребенских и терских казаков: станичная община, войсковой круг и атаманы. Казаки и русская колонизация XVIII в. Создание черноморского и линейного казачества. Казачье «сословие» и «дворянство»

Наряду с горцами все большую роль на северокавказском фронтире Российской империи в XVIII — первой половине XIX в. играло казачество. Заселение казаками равнины и предгорий Северного Кавказа началось еще в эпоху Московской Руси. Еще в XIV—XV вв. *казаками* (из тюрк. в знач. «не тяглый», «вольный человек», «пришелец») стали называть отряды или «ватаги», служившие разведчиками или охранявшие границы Ногайской степи, Руси, Литвы. Их создавали «беглые люди» из Московского царства и с недавно присоединенных к нему земель по Волге. В XV—XVII вв. войны, голод, постепенное закрепощение русского крестьянства вызвали волны беженцев из Центральной России на Северный Кавказ. Пик переселений пришелся на полное внутриполитических неурядиц правление Ивана IV и Смутное время конца XVI — начала XVII в. После религиозной реформы Никона усилился поток старообрядцев, бежавших от религиозных преследований на казачьи земли.

Нестабильность существования казачьих отрядов, их частые переселения не позволяют точно установить время складывания

терского и гребенского казачества. Первые сведения о них относятся ко второй половине XVI в. Терские казаки получили название от основанной в 1567—1568 гг. русской крепости Терки, в которой они обязались нести сторожевую службу. В XVII—XVIII вв. казачье население на левобережье Сунжи и правобережье Терека постепенно росло. В 1582 г. 300 донских казаков под предводительством атамана Андрея поселились в предгорьях Чечни на р. Акташи («на Гребнях»), отчего их потомки стали называться гребенскими казаками. Здесь они жили до 1685 г., когда бежали от нападений чеченцев и ингушей на Терек, основав там станицы Павлово и Кошлаковское. Вошедшие в состав гребенских казаков переселенцы с Дона и Кумы поселились в Кажоровцах в Большой Кабарде и Татартупе в Малой Кабарде. Позднее гребенские казаки основали станицы Новогладкую и Червленую.

Как и соседние горцы, казаки имели военную организацию общества и власти. Казачьи станицы были одновременно военными поселениями и самоуправляющимися крестьянскими общинами. Они жили в основном за счет рыбной ловли на Тереке и в Каспии. Меньшее значение у них имело земледелие и скотоводство. Ядро терских казаков составляли беглые крепостные крестьяне с Волги и Центральной России, гребенских — переселенцы с Дона и Украины. Большинство из них исповедовало православие. Реже встречались старообрядцы и представители нехристианских конфессий — ногайцы и кумыки-мусульмане, а также калмыки-буддисты. Кроме того, казаками становились горцы, укрывшиеся в казачьих станицах от кровной мести и преследований горских князей. Большая часть из них приняла крещение. Крещеные горцы образовали под Терками Черкасскую и Новокрещенскую казачьи слободы.

Складывание военно-политической организации терских и гребенских казаков в основном завершилось в XVII — начале XVIII в. Общественной жизнью общины или *станицы* управлял станичный *атаман*. Его вместе с помощниками (*есаулом* и *хорунжим*), писарем и советом старшин выбирали на сходах или сборах, на которые время от времени собиралось все взрослое мужское население станицы. Старшины были не только правителями, но и судьями, разбирая тяжбы между жителями станицы согласно местным обычаям и российскому праву. Как в городе-крепости Терки, так и в казачьем войске, представлявшем собой совокупность всех станиц, управление копировало станичное. Высшим органом ка-

зачьего самоуправления был *войсковой круг*, избиравший *наказного атамана*. Избранными считались те кандидаты, за кого было подано больше голосов.

Терские казаки (1890-е гг.)

Отношения между казаками и горцами чаще представляли собой военное противостояние. Обе стороны соперничали за владение пастбищами в долине Терека, куда одновременно с созданием казачьих станиц шло переселение горцев из горной Чечни. В долинах Сунжи и Терека бок о бок располагались казачьи и горские селения. В случае военных столкновений обе стороны при этом применяли одни и те же методы ведения войны. Они совершали набеги, угоняя у своих соседей скот и сжигая их поселения. Чаще всего эти столкновения происходили между гребенскими казаками и чеченцами. Вместе с тем развивались торговые и культурные связи казаков с горцами. Одним из каналов было куначество. Жители станиц терского и гребенского казачьих войск имели потом-

ственных кунаков среди черкесов, чеченцев и кумыков. Вооружение терских казаков — шашка, кинжал и горный мушкет — до середины XIX в. производилось в основном горскими оружейниками и поступало в станицы через армянских и грузинских торговцев[10].

Отношения терских и гребенских казаков с российским государством вплоть до первой четверти XVIII в. не были стабильны. Казаки отказывались от несения гарнизонной службы, разоряли российские земли по Дону и в Поволжье. В 1631 г. гребенские казаки отказались пойти на ногайцев. Отряды терских и гребенских казаков участвовали в «смутах» начала XVII в. и в движении Разина. Правда, в 1623 г. они явились с повинной в Москву в составе кабардинской делегации, а в 1687 и 1689 гг. ходили с русской армией против Крыма. Негативное отношение правительства к казакам хорошо видно по источникам. В дипломатической переписке с крымскими ханами и османскими султанами московские государи писали о северокавказских и донских казаках как о «всяких земель беглых людях» и «ворах»[11]. С другой стороны, они хорошо сознавали выгоду существования на плохо защищенных южных границах России иррегулярных казачьих войск.

Российские власти пытались управлять казаками через общую двухуровневую систему администрации — с воеводами на местах и приказами в центре. В 1618 г. в Москве был создан просуществовавший до 1646 г. Казачий приказ. Позднее Терское казачье войско перешло в ведение Посольского приказа. Договоры с терскими и гребенскими казаками заключались через наказных атаманов. Казаки обязывались служить в русских крепостях и защищать южные границы государства. Взамен правительство признало их самоуправление и даровало им занятые их предками на Северном Кавказе земли. Перестройка этих договорных по сути отношений связана с петровскими преобразованиями. В 1721 г. сначала Гребенское, а затем и прочие казачьи войска на Тереке были подчинены Военной коллегии, ведавшей всеми вооруженными силами страны. Казакам определялось постоянное хлебное и денежное пособие. Казачьи войска стали частью российской армии.

Цель преобразований казачества, начатых Петром I, заключалась в ограничении самоуправления станиц с включением казачьих войск в общую военную и гражданскую систему управления империей. Преемники Петра в целом продолжали эту политику. Указом 4 марта 1738 г. атаманов стала назначать Военная коллегия. При Екатерине II в 1775 г. были уничтожены войсковые круги. В

Терско-Кизлярском войске и в Горско-Моздокском казачьем полку, созданном правительством в 1765 г. из крещеных горцев и 517 семей переселенцев из Волжского казачьего войска, выборы станичных и войсковых должностных лиц были признаны нецелесообразными. Верховным собственником закрепленных за казаками земель стало государство. Прежде общие войсковые владения были разделены между станицами, которые, в свою очередь, передавали их в земельные наделы казакам в зависимости от их военного чина.

Преобразование казачьих войск происходило в условиях частых переселений и русской колонизации Предкавказья. Еще в 1711—1712 гг. для укрепления границы от османских и крымских вторжений Петр I поручил генералу Ф.М. Апраксину переселить на левобережье Терека пять станиц гребенских казаков. В 1724 г. на р. Сулак в приморском Дагестане была возведена крепость Святого Креста, куда с гарнизоном Терков была переброшена тысяча семей донских казаков. Еще одна тысяча переселенцев с Дона обосновалась в станицах по р. Аграхань. В 1735 г. крепость Креста по Гянджинскому договору была срыта, а ее население перевели в близлежащий Кизляр. По мысли правительства, переселенцы из других казачьих войск должны были укрепить терское казачество. На протяжении всего XVIII в. на Терек прибывали переселенцы из Донских, Бузулукских, Хоперских, Медведицких городков. «На подъем» семьи переселенцев казна отпускала по 4 руб. и путевое довольствие. Строить жилище и обзаводиться хозяйством казаки должны были за собственный счет. Станицы переселенцев с Дона располагались в низовьях Терека, за поселениями Гребенского войска.

Казачья колонизация региона сокращала непомерно огромные военные расходы империи по охране ее кавказских рубежей. Ее подъем был связан со строительством Кавказской линии, начатым, как уже говорилось, при Екатерине II. После того как в 1769 г. окончилось строительство крепости Моздок, с Дона под нее были переведены еще 250 семей, расселенных в 6 станицах (Наурская, Галгаевская, Ищерская, Мекенская, Калиновская, Луковская). В 1777—1780 гг. между Азовом и Моздоком была возведена оборонительная линия, при военных укреплениях которой были поселены казаки Волгского и Хоперского полков. Расширение линии привело к появлению на Северном Кавказе первых современных городов, большинство которых выросло на месте русских крепостей. В 1770 г. городской статус получил Моздок. В первой четверти XIX в.

городами стали крепости Кавказской линии Кизляр, Ставрополь, Владикавказ, Нальчик.

Вслед за казачьей началась крестьянская колонизация. Она направлялась в основном на земли Предкавказья и Кубани, закрепленные за Россией по Кючук-Кайнарджийскому миру 1774 г. Указ 1782 г. разрешал вольным переселенцам из России поселяться в районах, находившихся под защитой русских укреплений. Помещикам предоставлялись земли под заселение их крепостными. Особое внимание уделялось освоению Черкассого тракта, связывавшего Кавказ с Россией. Однако планы Екатерины II о превращении Северного Кавказа во вторую Новороссию не сбылись. Стычки с горцами и непривычные условия хозяйствования отпугивали переселенцев. Из 23 тысяч однодворцев и казенных крестьян, изъявивших желание обосноваться на Кавказе, в 1783—1786 гг. переселилось только 1250 человек. При Павле I, в 1796 г., вольное переселение крестьян на Северный Кавказ было воспрещено. Большинство россиян, купивших здесь земли, продавали или забрасывали их, а те, кто все-таки поселился в Предкавказье, не собирались возделывать их, а использовали как пастбища. Пришлое крепостное крестьянство не прижилось в регионе. К середине XIX в. оно составляло лишь 2% населения Ставрополья и 0,5% — Черномории.

Планы крестьянской колонизации степи быстро рухнули. Кабардинцы и прочие признавшие власть империи «мирные горцы» отказывались в ней участвовать. Немало российских крестьян и дворян, рискнувших обосноваться на Северном Кавказе, было разорено. Колоссальные убытки от осуществления этого проекта потерпел фаворит Екатерины II князь А.А. Вяземский. Получив более 70 тыс. десятин в степном Предкавказье, он переселил сюда тысячу своих крепостных из среднерусских губерний. В центре своих владений он основал крупный поселок Черный Рынок. Вяземский начал было развивать на своих землях широкомасштабное товарное земледелие, в основном выращивание пшеницы. Своих крестьян он пробовал обучить виноградарству и морскому рыболовству. Однако все его начинания были безуспешны. Вскоре он продал поместье. К началу XIX в. на месте Черного Рынка оставалась лишь нищая деревушка в 50 домов.

Успешнее проходила казачья колонизация, в результате которой в степном Предкавказье и на Северном Кавказе возникли новые военные казачьи формирования. Ее ход, помимо продолжавшегося строительства Кавказской линии, определяла также имперская

политика превращения казачества в военных поселенцев на границах России. Вскоре после уничтожения Запорожской Сечи у Г.А. Потемкина явилась мысль воссоздать казачье войско для обороны границ возникшей тогда Новороссии. В 1783 г. он дал разрешение бывшим запорожцам Апрону Головатому, Хорьку Черепеге и Легкоступу «приглашать охотников к служению в казачьем звании». В 1787 г. императрица объявила о восстановлении старого войска под именем Войска верных казаков. Его атаманом стал Черепега, а главным начальником князь Потемкин, принявший в 1790 г. титул гетмана Черноморского и Екатеринославского казачьих войск. Восстановленные казачьи полки участвовали в русско-турецкой войне 1787—1791 гг.

В вечное владение войску были переданы обширные земли, получившие название Черномории. В них входили Тамань (1788 г.), побережье между Днепром и Бугом (1790 г.), устье р. Кубань до берегов Азовского и Черного морей и р. Еи (1792 г.). С этого времени казачье войско стало называться Черноморским. Переселением черноморцев на Северный Кавказ руководил войсковой судья Головатый. Уже к 1794 г. казаки основали здесь 40 куреней, большинство из которых носили прежние запорожские названия. Центром их владений стал заложенный в 1794 г. Екатеринодар. Войско несколько раз пополнялось переселенцами с Дона и Украины. В 1808 г. к черноморцам присоединились 500 запорожцев, ушедших в Османскую империю после разорения Сечи. В 1809—1811, 1821—1825 и 1848—1850 гг. на земли Черноморского войска было переселено всего около 100 тысяч малоросссийских казаков из Полтавской и Черниговской губерний.

Черноморцы должны были осваивать земли и охранять Кубань от нападений горцев. С этой целью они были приписаны к новому участку Кавказской линии, устроенному по Кубани до впадения в нее Лабы. Эти укрепления получили название Черноморской кордонной линии. Черноморцы были поставлены в привилегированное положение по отношению к местному населению, но лишились былой самостоятельности. Лишь в административном делении отразились запорожские порядки. Территория войска делилась на 5 округов, а те — на *курени*. Всеми судебными и хозяйственными делами округа ведало окружное правление из войскового полковника, писаря, есаула и хорунжего. По организации правление напоминало сечевые округа (*паланки*). Куренное правление включало куренного и сельского атаманов, сельского смотрителя и пи-

саря. Главой войска был наказной атаман, сначала выборный (три первых атамана), а затем назначаемый правительством.

Кубанские казаки (1869)

В правление Павла I (1796—1801) и Александра I (1801—1825) черноморцы постепенно превращались в одно из подразделений действующей на Кавказе регулярной русской армии. Войско было разделено на 20 полков. Расширялись полицейские функции окружных правлений. В 1801 г. появилась войсковая канцелярия. Казачье самоуправление сохранялось только на низшем куренном или станичном уровне. В 1820 г. Черноморское войско перешло в подчинение командующему Отдельным Кавказским корпусом и главноуправляющему в Грузии. Этот пост занимал тогда известный генерал А.П. Ермолов. В 1824—1827 гг. он перевел на Кубань из Терского войска хоперских казаков. Казачьи полки пополнялись и за счет горцев, но число их было невелико. Ермолов продолжал имперскую линию на ограничение казачьего самоуправления. В 1819 г. он назначил главой гребенских казаков вместо атамана офицера регулярной армии.

Централизация управления гребенскими и терскими казаками была завершена в 1832 г. По окончании строительства Кавказской линии все станицы по Тереку, верхнему и среднему течению Кубани были объединены в Кавказское линейное казачье войско. Оно включало Терский, Гребенский, Кизлярский и Моздокский полки. Как и у черноморцев, во главе его стоял наказной атаман, но не выборный, а назначаемый военным министром из Петербурга. В его руках было сосредоточено военное и гражданское управление. Первым атаманом стал генерал Верзилин. За время существования войска сменилось пять атаманов, наиболее значительным среди которых был генерал-майор Ф.А. Круковский (1849—1852). Станичное самоуправление было ограничено и поставлено под контроль линейного начальства. Как и прочие казачьи войска, в 1835 г. черноморские и линейные казаки перешли в ведение департамента Военных поселений при Военном министерстве. Еще в 1827 г. их атаманом был назначен наследник престола, будущий император Александр II. С тех пор до 1917 г. все российские императоры, будучи наследниками престола, осуществляли номинальные атаманские функции. Эта символическая связь еще более подчеркивала служилый характер казаков в империи.

Одной из задач государства при проведении всех описанных выше преобразований было превращение казачества в военно-служилое сословие империи. Законодательно его статус в целом по России начинал оформляться в екатерининское царствование. На Северном Кавказе он был окончательно определен в Положении 1845 г. о Кавказском линейном казачьем войске. Статус казачества тут был не слишком привилегированным. Кроме военной службы казаки несли перед государством почтовую, подводную, дорожную, квартирную, паромную и другие повинности. Следует также отметить, что доступ в казачье сословие был не так сложен, как обычно думают[12]. До 30-х годов XIX в. власти пытались усилить казачье сословие, приписывая к нему мирных горцев и переселяемых на Северный Кавказ государственных крестьян. Эти меры покрывали неизбежную убыль казаков в результате военных действий, не прекращавшихся до 60-х годов XIX в.

Усилия центральных властей по созданию единого казачьего сословия империи не стыковались с политикой военных властей Кавказской линии по интеграции его в регулярную действующую армию. В последней трети XVIII — первой половине XIX в. в Черноморском и Линейном войсках формируется казачье офицерство,

по статусу близкое к дворянству. Раскол казачьего общества на дворян и станичную массу был закреплен законодательно. Срок военной службы для казачьих офицеров был определен в 25 лет, на пять лет меньше, чем для рядовых казаков. При размежевании войсковых угодий казачьи старшины Черноморского и Линейного войска захватили большие пространства земель под частные хутора в ущерб общинному (куренному и станичному) землевладению. В 1817—1842 гг. в обоих войсках размер пожизненного надела для рядового казака был установлен в 30 десятин, для старшин и унтер-офицеров — в 60—100 дес., офицеров и чиновников правлений — от 200 до 500 дес., а генералов — 1500 десятин.

5. Ослабление горской знати и усиление общины. Приставское управление. Российские обычноправовые суды в Кабарде и Осетии. Конструирование горских «сословий». Северный Кавказ в Кавказском наместничестве и губернии (области)

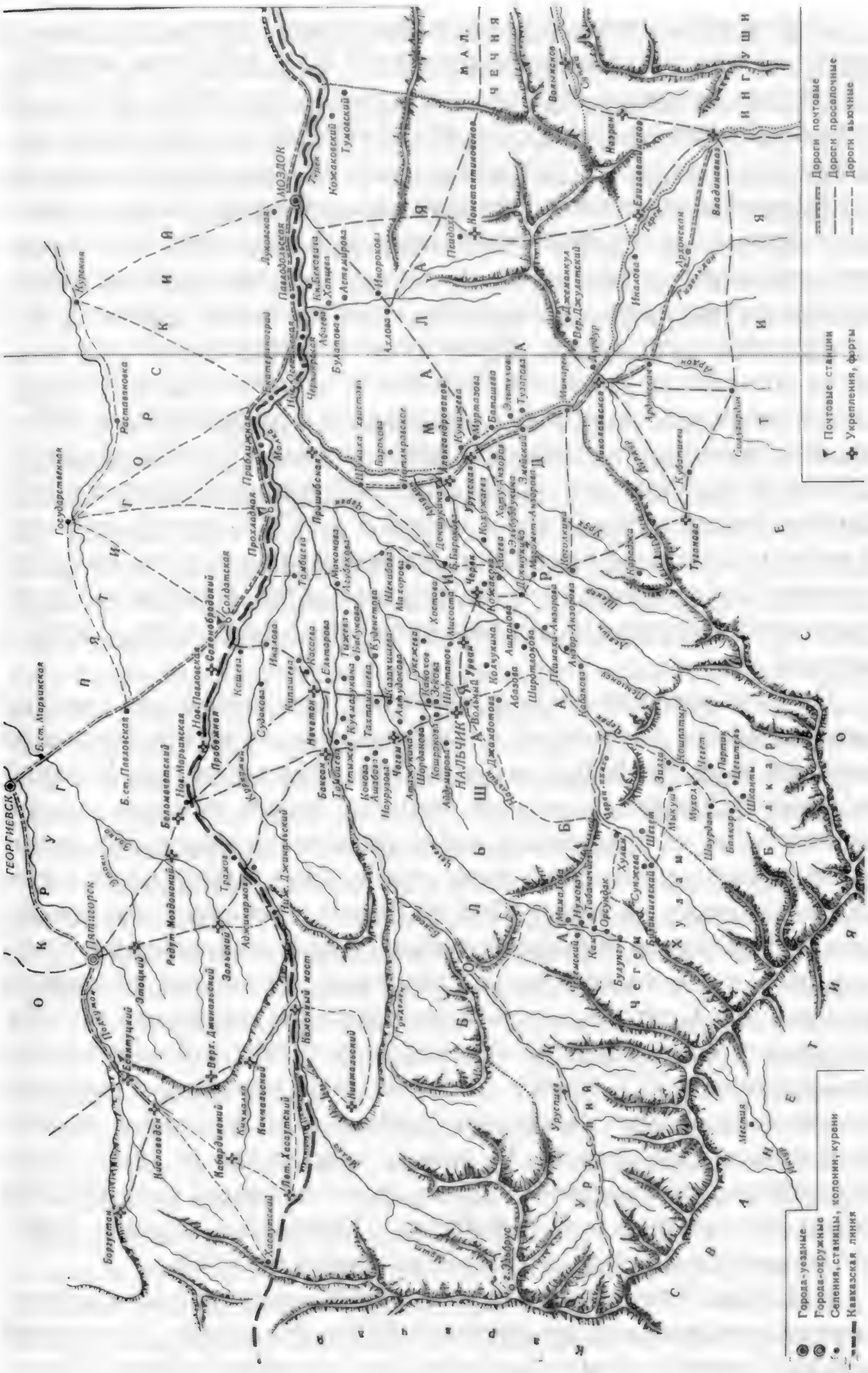
Чуть позднее преобразования казачества начали меняться отношения империи с знатью и общинами горцев. Сначала перемены коснулись Кабарды, раньше вошедшей в сферу российского влияния, затем они затронули предгорные и горные районы Центрального и Северо-Восточного Кавказа, попадавшие под влияние Кавказской линии. Целью России было «умиротворение» горцев. «Мирным горцам» было запрещено собирать сельские ополчения и княжеские дружины. Было запрещено аталычество и куначество, особенно с «немирными горцами» за Кавказской линией. Горские князья потеряли право объявлять войну, совершать набеги, взимать дань с прежде подвластных им народов. Большинство княжеских родов к середине XIX в. обеднело настолько, что не могло возобновлять уорктына. Система «дворянских подарков» была подорвана, и сложные феодальные иерархии горцев теряли смысл.

Ограничение прав горской знати происходило на фоне быстрого упадка крупных феодальных владений Кабарды и Дагестана. Перевес в борьбе горских общин и знати был на стороне первых, чем не преминули воспользоваться российские власти. Кабарда была ослаблена давними междоусобицами пророссийской Баксанской и проосманской Кашкатауской княжеских «партий». Могуще-

ство Аварского ханства в Дагестане было подорвано после смерти в 1801 г. его правителя Умма-хана. После смерти в 1804 г. Рустем-хана резко ослабло Кайтагское уцмийство. В 1820 г. Кайтаг был разделен на отдельные бекские владения. В 1812 г. в Южном Дагестане от Казикумухского ханства отделилось Кюринское ханство. В 1820 г. оба ханства объединились под властью Аслан-хана, но после его смерти, в 1839 г. опять распались. «Вольные общества» Нагорного Дагестана и Чечни вышли из-под власти кумыкских беков и шамхалов Тарковских.

Изгоняя из своей среды беков и чанков, союзы общин Нагорного Дагестана объявляли представителей горской знати вне закона. От второй половины XVIII в. и начала XIX в. дошло немало адатных соглашений такого содержания[13]. Подобный переворот произошел в конце XVIII в. в общинах шапсугов, натухайцев и абадзехов. Как и у дагестанских горцев, власть тут захватили старшины общин. Князья и уздени были изгнаны из народных собраний (*хаса*) горцев. В Закубанской Черкесии в это время появились так называемые «присяжные братства» общин, поклявшиеся поддерживать друг друга в борьбе со знатью и русскими войсками. Под их покровительство в первой трети XIX в. бежало немало находившихся на положении крепостных зависимых горцев (*тфокотлей*) из «аристократических племен». Только в 1830 г. у шапсугов и абадзехов укрылось 1200 бжедугов. В свою очередь, горская знать находила убежище у «аристократических племен» в пределах Кавказской линии.

В борьбе горских общин со знатью российское правительство встало на сторону последней. Поддерживая князей и узденей, оно подчиняло их российским военным и гражданским чиновникам. Сначала российскую власть представляли русские офицеры, назначенные комендантами крепостей Дербента, Кизляра, Моздока. Они подчинялись Астраханскому губернатору (прежде — воеводе), который ведал всеми российскими владениями на Кавказе. С последней трети XVIII в. горские владения стали делить на *приставства*. Высшая военная, исполнительная и судебная власть была передана в руки приставов. На эту должность нередко назначали горских князей. Впервые эта система была введена в 1769 г. в Большой Кабарде. Стремясь подорвать значение родовой знати, российские власти часто ставили приставами над одними народами выходцев из чуждых им «племен»: кабардинца над черкесами, осетина над карачаевцами и т.д.



Большая и Малая Кабарда в первой половине XIX в.

Следующим шагом в реформировании системы управления мирными горцами стало учреждение в 1793 г. в Кабарде иерархии российских судов по образцу учреждений, созданных ранее для киргиз-кайсаков на Сибирской оборонительной линии. Здесь вводились родовые суды и расправы, в них разбирались гражданские и имущественные иски горцев знатоками обычного права по местному адату, но под российским контролем. При этом было сохранено прежнее деление горцев на «роды», находившиеся под юрисдикцией разных княжеских кланов. Апелляции на их решения, дела о государственной измене, убийствах и разбоях решались на основании российских законов в Верхнем пограничном суде в Моздоке под председательством его коменданта. В дальнейшем судебно-административное устройство Северо-Западного и Центрального Кавказа не раз менялось. Подчинение кабардинской знати военной администрации завершилось с отменой в 1822 г. власти верховного князя и созданием Временного кабардинского суда, также соединявшего нормы обычного и российского права. Подобный Владикавказский инородный суд был учрежден в 1828 г. для осетин и ингушей.

По мере того как росло российское могущество на Северном Кавказе, власти Кавказской линии все более заменяли владельцев Большой и Малой Кабарды российскими чиновниками. В первой половине XIX в. большая часть горцев на северо-западе и в центре региона были поставлены под власть русских приставов. После того как эта система управления была опробована в Кабарде, она постепенно вводилась в Карачае, Осетии, Чечне. В обязанности приставов входили надзор за порядком, сбор податей и разрешение судебных споров как христианских, так и мусульманских подданных империи. На Центральном Кавказе приставы появились в 1839 г. Их права и обязанности были определены в подготовленном генерал-адъютантом П.Х. Граббе «Положении об управлении мирными горскими народами». Приставам подчинялись выборные старшины и начальники селений. В систему приставства не вошли только осетины Дигорского общества, управлявшиеся российскими военными чиновниками из Кабарды. Приставская система управления просуществовала в регионе до середины XIX в.

В Дагестане власть горских владельцев под российским протекторатом продержалась до середины XIX в. Но и здесь российские военные власти стали вмешиваться во внутренние дела ханств, смещая неугодных им правителей. Так, в 1819 г. генерал Ермолов

попытался передать власть над Аварией сыну Гебека Сурхай-хану. Проект этот провалился, но в 1828 г. вдове Ахмет-хана Паху-бике пришлось под нажимом русских военных властей разделить ханство между своим сыном Абу-Нуцал-Султаном и Сурхай-ханом. Когда горский владелец изменял России, его владение передавалось другому верному империи хану. В 1818 г. за измену правителя Хасан-хана было ликвидировано Мехтулинское ханство. Но уже в 1820 г. оно было восстановлено. После измены кайтагского уцмия Адиль-хана в 1820 г. в эту область был назначен русский пристав, который должен был управлять ею при новом хане, не меняя старых порядков.

После того как права и обязанности горской знати перешли к Российскому государству, она была поставлена перед выбором либо бежать за Кавказскую линию, либо стать на службу империи. Многие разорившиеся князья и уздени избрали первый путь, но большинство пошло по второму. Выходцы из военной горской знати служили России в армии, гражданской и судебной администрации для горцев, возглавляли конные и пешие отряды *горской милиции* с функциями жандармерии при Кавказской линии (в них превратились горские ополчения). С офицерскими чинами горцы получали права и чины российского дворянства. Тем самым они включались в общероссийскую сословную иерархию. Сложная иерархия военной знати Кабарды была переведена на ее язык как «дворяне», или «уздени первой, второй и третьей степени».

Эта градация появляется в записках о «привилегированных сословиях» Кабарды, составлявшихся русскими офицерами начала XIX в. по поручению властей Кавказской линии. Горскую знать Северо-Западного Кавказа пытались включить во внутрисословную иерархию чинов российского дворянства, создававшуюся в то время. При этом социальная страта знати-*дыженуго*, известная прежде в русских источниках XVIII в. под названием «лутших» или «старших узденей», превратилась в узденей 1-й степени; стоящие ниже их *тлекотлеши* и *уорк-шаотлугусы* — в узденей 2-й; а княжьи дружинники *пшикеу* — в узденей 3-й степени. Упадок могущества горской знати и в целом военной элиты горского общества вызвал стирание рамок между разными слоями горской военной знати, сливавшимися в единое «горское дворянство». Работы современных историков позволяют говорить об искусственности и незавершенности сословного деления в дореформенной России[14]. Справедливость этого тезиса хорошо видна на северокавказском фронтире, где кон-

струирование дворянского сословия происходит только в самом конце XVIII — первой половине XIX в.

Одновременно с интеграцией горцев и казачества в российскую сословную систему Северный Кавказ был включен и в единую имперскую иерархию власти. Как уже говорилось, при Екатерине II в 1785 г. на российский Северный Кавказ было распространено общее положение о губерниях. При этом в административном отношении регион остался, как и прежде, тесно связан со Средним и Нижним Поволжьем. В 1786 г. Кавказская область вместе с Астраханской вошла в Кавказское наместничество. Как и во внутренней России, власть наместника тут во многом совпадала с властью губернаторов, с той лишь разницей, что он управлял не одной, а тремя губерниями. Кроме Кавказской и Астраханской кавказскому генерал-губернатору подчинялась и Саратовская губерния. В пределах этих пограничных областей наместник Кавказский обладал высшей судебной, исполнительной и военной властью.

Он был тесно связан с центральной властью и высшей петербургской бюрократией. Наместников назначала императрица. Приезжая в Петербург, наместник имел право заседать в Сенате. Первым на этот пост был определен двоюродный брат знаменитого екатерининского фаворита П.С. Потемкин (1786—1792). Центр наместничества не раз переезжал. Замечательна судьба его первой столицы Екатеринограда, основанного в 1777 г. в среднем течении Терека у подножия гор. С помпой в 1786 г. в него перенесли рези-

Герб Кавказской области (1822)

денцию наместника, возвели роскошный дворец и триумфальную арку с надписью «Дорога в Грузию». Однако уже через два года центр наместничества переместился на северо-запад, в Георгиевск (1788), а затем — в Астрахань (1802). Екатериноград превратился в одинокую казачью станицу с триумфальной аркой в чистом поле.

В пику матери в 1796 г. Павел I уничтожил Кавказское наместничество, соединив его с Астраханской губернией. Однако в 1802 г. указом Александра I Астраханская губерния вновь была разделена на две — Астраханскую и Кавказскую. Столица последней вернулась в Георгиевск. Военная и гражданская власть над обеими губерниями была передана инспектору Кавказской линии князю П.Д. Цицианову (1802—1806). Грузия, присоединенная к России в 1801 г., была также передана под его управление. В 1822 г. Кавказская губерния была преобразована в область, а ее центр отодвинули на северо-запад в г. Ставрополь, подальше от набегов горцев и ближе к дорогам в Центральную Россию. Преобразование Кавказской области в 1847 г. в Ставропольскую губернию и создание в 1844 г. нового Кавказского наместничества с центром в Тифлисе связаны уже с Кавказской войной и эпохой Великих реформ, речь о которых пойдет ниже.

---

[1] ЦГИАГ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 848. Л. 4, 7.

[2] [*Броневский С.М.*] Исторические выписки о сношениях России с Персиею, Грузиею и вообще с горскими народами, на Кавказе обитающими, со времен Ивана Васильевича доныне. СПб., 1996. С. 149.

[3] *Лавров Л.И.* Этнография Кавказа. Л., 1982. С. 148; *Карпов Ю.Ю.* Россия и этносоциальные процессы на Северном Кавказе в новое и новейшее время // Россия и Кавказ сквозь два столетия. СПб., 2001. С. 191.

[4] Деля горцев на первобытные «демократические» и более развитые «аристократические» племена, российские авторы первой половины XIX в. использовали модель трех основных форм общественного устройства (монархии—аристократии—демократии), впервые сформулированную еще «отцом истории» Геродотом и развитую Платоном, Аристотелем, Полибием и Цицероном. Она была особенно популярна в эпоху присоединения Северного Кавказа к Российской империи.

[5] [*Броневский С.М.*] Исторические выписки о сношениях России с Персиею, Грузиею и вообще с горскими народами, на Кавказе обитающими со времен Ивана Васильевича доныне. СПб., 1996. С. 123.

[6] См., например: *Леонтович Ф.И.* Адаты кавказских горцев. Одесса, 1882. Вып. I. С. 24; *Ковалевский М.М.* Родовое устройство Дагестана // Юридический вестник. М., 1888. Т. 29. Ч. 3. С. 541.

[7] Подробнее об этом см.: *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII — первой половине XIX в. Нальчик, 1994. С. 50—82. А также см. Приложение 2 в наст. издании.

[8] Гидатлинские адаты. Махачкала, 1957; Хрестоматия по истории права и государства в Дагестане XVIII—XIX вв. / Сост. Т.М. Айтберов. Махачкала, 1999. Ч. I.

[9] *Шиллинг Е.М.* Кубачинцы и их культура // Труды Института этнографии АН СССР. М., 1949. Т. 8; *Булатова А.Г.* Традиционные праздники и обряды народов Нагорного Дагестана в XIX — начале XX в. Л., 1988; *Карпов Ю.Ю.* Джигит и волк. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб., 1996, и др.

[10] Подробнее о влиянии на казаков Северного Кавказа горского быта и материальной культуры см. в работе: *Дмитриев В.А.* Типология русско-северокавказских заимствований в материальной культуре // Россия и Кавказ сквозь два столетия. СПб., 2001. С. 58—68. См. также: *Барретт Т.М.* Линии неопределенности: северокавказский «фронтир» России // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Императорский период. Самара, 2000. С. 175.

[11] *Сватиков С.Г.* Автономия Дона // Донская волна. 1919. № 26. С. 7, 9.

[12] См., например: История казачества Дона и Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 2001.

[13] Подробнее об этом см.: *Бобровников В.О.* Арабоязычное соглашение (*иттифак*) как вид нормативного акта в Дагестане XVIII—XIX вв. // Восток. 2003. № 4. С. 47—49.

[14] Из недавних работ в области сословного строительства в Российской империи особенно заслуживают внимания следующие: *Фриз Г.Л.* Сословная парадигма и социальная история России // Американская русистика. Самара, 2000. С. 121—162; *Каменский А.* Элиты Российской империи и механизмы административного управления // Российская империя в сравнительной перспективе. М., 2004. С. 115—139.

Глава 4

ИСЛАМ И ХРИСТИАНСТВО НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

(1) Религия и идентичность в борьбе за покорение Северного Кавказа в XVIII — первой половине XIX в. (2) Исламизация Северо-Западного Кавказа османскими и крымскими миссионерами. Анапа как исламский и торговый центр. Складывание местной мусульманской духовной элиты. Эфенди Кабарды. (3) Особенности внутренней исламизации на Северо-Восточном Кавказе. Гази и шахиды. Борьба за веру (джихад) в политической истории и исламской риторике. Социально-экономическое устройство мечетных общин в Дагестане и Чечне. (4) Шариатское движение и мусульманское повстанчество XVIII в. Политизация суфизма. Движение шейха Мансура и его разгром. Истоки и значение «мюридизма» в религиозно-политической борьбе в Дагестане и Чечне. (5) Борьба ислама и христианства в Осетии. Православное миссионерство в царствование Елизаветы Петровны. Осетинское подворье и Кавказская комиссия для восстановления православия. Признание при Екатерине II исламa (1783). Поддержка шариатского движения и создание мехкеме в Кабарде (1807). Церковное устройство Центрального Кавказа. Новый подъем православного миссионерства в первой половине XIX в. Переводческая деятельность Русского библейского общества. (6) Церковная организация христианских общин казаков и русских переселенцев Предкавказья. Институт закащиков и благочинных в Астраханской губернии. Реорганизация церковной жизни в XIX в. Церковь, духовенство и школа

в степном Предкавказье. Борьба православия со старообрядчеством.

1. Религия и идентичность в борьбе за покорение Северного Кавказа в XVIII — первой половине XIX в.

Религиозный состав населения Северного Кавказа в период покорения его Российской империей в XVIII — первой половине XIX в. отличался крайней пестротой. Здесь жили мусульмане, иудеи, православные, язычники. После 1664 г., когда в Нижнее Поволжье и степное Предкавказье перекочевали калмыки, основавшие здесь Калмыцкое ханство, в регионе появились и буддисты. Большинство из перечисленных выше религиозных общин делилось на внутриконфессиональные группы. Если мусульмане Северо-Западного Кавказа следовали ханафитской религиозно-правовой школе (араб. *мазхаб*) суннитского ислама (господствовавшей в Османской и Российской империях), то их единоверцы на Центральном и Северо-Восточном Кавказе придерживались шафиитского мазхаба. В Дагестане имелось шиитское меньшинство. Небольшие общины горских евреев Северо-Восточного Кавказа исповедовали иудаизм. Казаки и русские переселенцы относились к православию и разным толкам старообрядчества. Наконец, на Северо-Западном и отчасти Центральном Кавказе были недавно обращенные в ислам или православие язычники.

До начала государственного нациестроительства, а особенно советского административно-национального размежевания на Северном Кавказе в первой трети XX в., идентичность населения региона была не столько этнической, сколько конфессиональной[1]. При этом границы между религиозными группами оставались довольно подвижными. Как коренные жители региона, так и переселенцы не раз меняли свое вероисповедание. Язычники становились мусульманами, а затем обращались в православие. Были крещены многие буддисты. Часть (особенно новокрещеных) православных вновь стали мусульманами. Шииты и отчасти иудеи были ассимилированы мусульманами-суннитами, а часть старообрядцев — православными. Эти переходы происходили не без влияния православных и мусульманских миссионеров, которых нередко поддержи-

вали державы, боровшиеся за обладание Кавказом. При этом Османская империя пыталась насаждать суннитский ислам, Иран — шиизм, а Российская империя — православие. Тем самым они приобретали новых подданных и укрепляли границы государства. Конфессиональная принадлежность имела в глазах власти значение идентичности политической.

2. Исламизация Северо-Западного Кавказа османскими и крымскими миссионерами. Анапа как исламский и торговый центр. Складывание местной мусульманской духовной элиты. Эфенди Кабарды

Исламизация Северо-Западного Кавказа закончилась только в XVIII — первой половине XIX в. В отличие от Восточного Кавказа ислам утвердился здесь поздно, не в Средневековье, а уже на рубеже Нового времени. В распространении ислама в XVI—XVIII вв. принимали участие отряды дагестанских воителей за веру (*гази*) и мирные проповедники, прибывавшие в Кабарду и Адыгею из Дагестана и Чечни. Однако наибольшую активность проявляли османские и крымские миссионеры. Под их влиянием мусульмане Северо-Западного Кавказа и стали ханафитами. Суфийских братств, всегда игравших огромную роль в жизни мусульманских общин Восточного Кавказа, здесь не было, хотя по крайней мере в конце XVIII в. среди мусульман Большой Кабарды и наблюдался несомненный интерес к суфизму, о чем свидетельствуют рукописные списки стихов Зу-н-Нуна ал-Мисри, трактатов ал-Газали и других суфиев, обнаруженные в мечетных и частных собраниях Кабарды[2].

Вплоть до начала XIX в. идущее из Крыма мусульманское влияние явно перевешивало на Северо-Западном Кавказе османское. Только после завоевания Крыма Россией и включения его в состав империи в 1784 г. поток мусульманских миссионеров из Крыма в Кабарду прекратился. На рубеже столетий центром исламизации оставалась Анапа. Несмотря на то что крепость время от времени переходила то в руки русских, то опять возвращалась туркам, ее последние османские коменданты всемерно поддерживали распространение ислама среди жителей Большой Кабарды. Немалую активность в этом отношении проявили управлявшие Анапой Сеид-Ахмед, Гасан-Чечен-оглы и Чатыр-Осман-оглы.

Первыми ислам приняли кабардинцы. От них он распространился в предгорьях Карачая, чуть позднее — в Балкарии и горах Адыгеи. Исламскими центрами здесь служили османские крепости на Черноморском побережье Кавказа — Сухум, Гагры, Анапа. Замыкавшаяся на них сеть торговых путей вместе с тем становилась сетью миссионерской. Мусульманские проповедники путешествовали вместе с торговцами или под видом торговцев, обращая в ислам окрестное население. С другой стороны, горцы шли в османские крепости за солью, свинцом, порохом, тканями, на которые они обменивали воск, мед и продукты местных промыслов. Сюда же, в основном в Анапу, сбывали захваченных во время войн и набегов рабов-*ясырей*. Кроме того, проводниками исламизации служили военные отряды гази, в основном из Крыма, которые нередко высаживались на Кавказе.

Исламизация Северо-Западного Кавказа была поверхностной. Это отразилось в духовной культуре и быте адыгов. Большинство мечетей строилось из дерева и мало отличалось от жилых домов. Минаретов не было, и муэдзин, чтобы возвестить призыв к молитве, залезал на дерево. Постепенно наряду с домусульманскими появлялись арабские имена, предписанная *шариатом* одежда (чадра и платок у женщин), мусульманский похоронный обряд, а также празднование Уразы- и Курбан-Байрама. Медленнее приживалось обрезание мальчиков, еще в начале XIX в. не получившее повсеместного распространения. Пищевые запреты ислама на употребление свинины и алкоголя были приняты сначала кабардинской знатью. С этим, похоже, связан упадок княжеской охоты на кабанов в горах. В частной и общественной жизни предписания шариата уживались с правовыми и неправовыми обычаями. Заключая брачный договор (*никах*) и уплачивая невесте предписанный шариатом брачный дар (*махр/кебин*), жених продолжал выдавать ее родным узаконенный адатом выкуп-*калым*. Перед оформлением брака невесту по обычаю нередко продолжали умыкать.

Судя по всему, первые пятничные мечети и начальные школы (*мектеб*) при них появились в Кабарде, Карачае и приморской Адыгее только в XVIII в. Еще в начале XIX столетия их было немного. По сведениям Хан-Гирея, в это время в Большой Кабарде имелось не более 100 мечетей. У западных адыгов их число не превышало 20. В конце 30-х годов XIX в. Дж. Белл насчитал в Причерноморье до 40 примечетных школ[3]. Значительная часть мектебов группировалась тогда в прибрежных районах вокруг Анапы. Источником их

существования были частные пожертвования и субсидии со стороны турок. *Вакфы*, на которых держалась система исламского образования на Северо-Восточном и Центральном Кавказе, на северо-западе региона не получили распространения.

Среди мулл на Северо-Западном Кавказе сначала было много турок и крымских татар. Между ними встречались также кумыки и аварцы из Дагестана. Ко времени установления российского владычества сложилась и местная мусульманская духовная элита. Мусульмане уезжали через Анапу продолжать свое образование в Османскую империю. Одним из каналов распространения исламского знания в регионе был хадж, пока Россия не начала ограничивать его, пытаясь оградить «замиренный Кавказ» от османского влияния. Одним из первых известных северокавказских *хаджи* был бжедугский князь Айтеч, совершивший паломничество в Мекку еще в 1630 г. Его потомки носили почетный титул *хаджи-муж* (дети хаджи). Многие хаджи занимались кроме учебы коммерцией, а порой и работорговлей. Во главе мусульманской духовной элиты стояли получившие исламское образование в Стамбуле и Бахчисарае или в Дагестане имамы мечетей и шариатские судьи, носившие титул *эфенди*. К их числу относятся несколько влиятельных ученых-*улемов* первой половины XIX в. — шапсугский *кади* Хаджи-Измаил, кабардинский *уздень* Исхак Абуков, кабардинский эфенди Хаджи-Умер Шеретлоко и натухайский кади Мухаммед-Амин, ставший позднее *наибом* Шамиля на Северо-Западном Кавказе.

Немногочисленная еще мусульманская духовная элита пополнялась в основном из низов горского общества. По свидетельству Адыль-Гирея, в ней было немало вольноотпущенников. Среди кабардинской военной знати карьера муллы не пользовалась популярностью. За счет поступлений от обязательной милостыни-*закята* и других отчислений мулл и эфенди содержали избравшие их сельские общины. Сохранившаяся запись о жалованье одного мулы в Карачае гласит: «...по согласию и по приговору с каждого дома отдается зимой аульному эфендию по барану и по одному стогу сена, дрова по одному вьюку на ишаке и летом по барану». За выполнение обязанностей шариатского судьи эфенди получал с каждого члена общины сверх оговоренной суммы по 50 коп. серебром в год[4].

3. Особенности внутренней исламизации на Северо-Восточном Кавказе. Гази и шахиды. Борьба за веру (джихад) в политической истории и исламской риторике. Социально-экономическое устройство мечетных общин в Дагестане и Чечне

Конфессиональная ситуация на Северо-Восточном Кавказе была иной, чем на северо-западе региона. В отличие от поздно и поверхностно исламизированного Северо-Западного Кавказа большая часть Дагестана вошла в состав мусульманского мира еще в VII—XIV вв. Последними к XV—XVII вв. ислам приняли сельские общины (*джамааты*) и конфедерации горцев Северного Дагестана, Чечни и Ингушетии. К XVI в. прежде сильное здесь православие (с центром в Кахетии) окончательно утратило контроль над землями на северо-востоке и в центре Северного Кавказа. По крайней мере с XIV—XV вв. в Дагестане и Чечне не было внешнего импульса исламизации, сопоставимого с военно-политической экспансией Османской империи и Крымского ханства на северо-западе региона. Арабские завоевания времен Халифата послужили лишь начальным толчком этого процесса. Уже к IX в. они прекратились, и в дальнейшем распространение ислама шло благодаря деятельности мусульманских миссионеров и воителей за веру местного происхождения. Даже в армиях великих завоевателей, например Тимура, были местные мусульманские отряды.

В Средние века в Нагорном Дагестане и Чечне шли ожесточенные войны за веру между государствами и сельскими общинами мусульман и их соседями, еще исповедовавшими христианство. Их памятниками до сих пор остаются сотни святых могил мучеников за веру (араб. *шахид*ов), самым знаменитым из которых остается «Сороковник» (тюрк. *кырхляр*) XI—XII вв. на одноименном кладбище Дербента возле средневековых «Ворот *джихада*». Однако к XVIII в. противостояние ислама и христианства на Северо-Восточном Кавказе давно прекратилось. Через эти земли уже не проходила линия борьбы между мусульманами и христианами. Совершенно справедливую оценку конфессиональной ситуации той эпохи дал в своей знаменитой исторической географии Кавказа С.М. Броневский, писавший, что все здесь «исповедуют магометанскую веру суннитской или Омаровой секты»[5] (т.е. принадлежат к мусульманам-суннитам).

Военное противоборство Османской империи и сефевидского Ирана в XV—XVII вв. раскололо мусульман региона на враждующие фракции «правоверных» суннитов, поддерживавших турок, и сторонников «еретиков»-шиитов из Ирана. Во время походов в Дагестан Сефевиды насильственно обращали местное население в шиизм. Кроме того, сюда переселялись шииты из иранского Азербайджана. Эту политику в первой трети XVIII в. продолжал Надир-шах. Так, на Северо-Восточном Кавказе появились небольшие шиитские общины, крупнейшая из которых была в Дербенте, но шииты так и остались религиозным меньшинством на Северном Кавказе. Сунниты относились к ним крайне враждебно. Время от времени между ними случались вооруженные стычки. Особенно кровопролитной была резня, учиненная дагестанским ополчением Сурхай-хана и Дауд-бека в Шемахе в 1721 г., о которой говорилось выше (см. гл. 2). Ворвавшись в город, сунниты перебили всех шиитов, способных носить оружие, продали в рабство захваченных женщин и детей, а коменданта крепости и его семью изрубили и бросили на съедение псам.

Между тем прекращение конфронтации ислама и христианства отразилось в изменении официальной риторики дипломатических документов той эпохи. С раннего Средневековья до XVI в. в оправдание нападений на немусульманских соседей мусульманские авторы относили Дагестан к «области войны» (араб. *дар ал-харб*), т.е. немусульманским землям за пределами действия мирных договоров мусульман с немусульманами (араб. *дар ас-сулх*). Война за утверждение веры против этих районов считалась священным долгом любого мусульманина. Эта традиция перешла из договоров о военно-политических союзах, заключавшихся между мусульманскими правителями, в дагестанские исторические хроники Тарих Дагистан, Дербенд-наме и др. Однако к XVIII в. это понятие выходит из обихода местного мусульманского права. Его продолжали применять лишь к северо-западу региона. Весь Дагестан, а также Чечня и Ингушетия давно стали рассматриваться как «исламские территории» (араб. *дар ал-ислам*), на которых война за веру невозможна, да и не нужна.

В свою очередь, Российское государство, начиная с появления на Северо-Восточном Кавказе на рубеже XVI—XVII вв., ни разу серьезно не пыталось христианизировать край. Принимая мусульманских правителей Дагестана и Чечни под свое покровительство, русские цари не обязывали их или их подданных менять веру. Они

должны были лишь платить подать-*ясак* и обязаться не предпринимать враждебных действий против российских властей и подданных. Та же политика продолжалась на большей части российского Кавказа в XVIII и первой половине XIX в. Включение в состав российской (прежде всего военной) элиты мусульманских князей Дагестана не сопровождалось насильственной христианизацией. Отдельные случаи добровольного перехода в православие наблюдались не тут, а на северо-западе региона, как, например, в случае с женой Иоанна Грозного Марией Темрюковной. В отличие от других мусульманских регионов, рано вошедших в состав Московского царства, например Поволжья, Северо-Восточный Кавказ не стал объектом активной миссионерской деятельности.

К этому времени все мусульманское население субрегиона имело почти единообразную организацию. Горожане Дербента, оседлые земледельцы и кочевники-ногайцы, как жители равнины, так и горцы, делились на мечетные общины (араб. *джамааты*). Религиозной жизнью общин управляли выборные имамы, которых в центре и на севере Дагестана называли *дибирами* (перс.), а в остальных частях субрегиона *муллами* (тюрк.). Вместе с муэдзинами (*будун/мудун*) и кланами-*тухумами* наследной военной знати они являлись правителями общин, представляя высшую законодательную, исполнительную и военную власть общин. В союзах общин и мусульманских ханствах была должность *муфтия* (араб. *кади ал-джайш*), выносившего решения по спорным делам. В некоторых союзах, таких как Акуша, Цудахар и Андалал, эта должность превратилась в наследственную обязанность военного предводителя конфедерации.

Экономическую основу мечетных общин составляли неделимые общинные владения (араб. *харим*) и часть частной движимой и недвижимой собственности (араб. *мульк*), изъятая их владельцами из торгового оборота и переданная на благотворительные и религиозные нужды общин в виде вакфов. Этот важный институт, отсутствовавший на Северо-Западном Кавказе, был широко распространен в Дагестане и Чечне. На юге Дагестана первые вакфы отмечены уже в VIII в. В их категорию входили поля, сады, пастбища, леса, караван-сараи и бани, книги, доходы от солеварен и нефтяных месторождений, порой целые селения, принадлежавшие бекам и ханам[6]. Вакфы составляли основу существования и независимости мусульманской духовной элиты. За их счет существовала система примечетных начальных (*мектеб*) и средних (*медресе*) школ, целая армия студентов при них, святые места (*зияраты/пиры*)

и суфийские обители (*ханака*). Кроме вакфов казну общин пополняла обязательная для правоверных мусульман очистительная милостыня (*закят*).

4. Шариатское движение и мусульманское повстанчество XVIII в. Политизация суфизма. Движение шейха Мансура и его разгром. Истоки и значение «мюридизма» в религиозно-политической борьбе в Дагестане и Чечне

Мусульманское общество Северного Кавказа испытало в XVIII и первой половине XIX в. серьезные потрясения. В XVIII столетии среди мусульманской духовной элиты зародилось движение против российского проникновения на Северный Кавказ. В первой трети XIX в. оно было возглавлено сторонниками братства Накшбандия, которое активно распространялось на Восточном Кавказе, в первую очередь в Нагорном Дагестане. Поэтому в литературе за ним утвердилось название «*мюридизма*»[7]. Это движение появилось в союзах сельских общин Нагорного Дагестана в первой половине XVIII в. и было связано с новым витком исламизации. Главным лозунгом движения было утверждение среди горцев норм шариата и приведение местных адатов в соответствие с требованиями ислама. Постановления о переходе от адата к мусульманскому праву выносили на сельских сходах. Поэтому его более правильно называть шариатским. По своему значению шариатское движение было сопоставимо с Реформацией в Европе конца XV — XVI в. Оно постепенно распространялось в направлении с юго-востока на северо-запад, из Ширвана и Дагестана в Чечню и Ингушетию.

Долго у шариатского движения не было политического центра, общих руководителей и единой программы действий. Наиболее активными его сторонниками стали правители союзов сельских общин («вольных обществ») Джар в Северном Азербайджане, Ахты-пара в Южном Дагестане, Акуша-Дарго и Цудахар в Среднем Дагестане, Гидатль, Томурал в Северном Дагестане. Однако они еще не образовывали политической лиги и даже не поддерживали друг с другом особых контактов. Наряду с неисламскими обычаями предметом критики идеологов шариатского движения, среди которых были известные дагестанские ученые (*алимы*) и правоведы XVIII в., например Мухаммед Кудутлинский и Давуд Усишинский,

были закрепленные адатом привилегии горской знати. Борьба со знатью привлекла на их сторону сельские общины. Вводя в кодексы местного обычного права нормы шариата, общины изгоняли представителей местной знати, объявляя их вне закона. От XVIII — первой половины XIX в. дошли десятки таких договоров[8].

Усиление российского политического и военного присутствия в регионе в последней трети XVIII в. вызвало резкие антироссийские настроения среди мусульманской знати. В это время в ней завоевывает популярность идея войны за веру (*джихад*) и освобождение северокавказских мусульман из-под власти «проклятых русских». В начале XIX в. идеологи шариатского движения пытались воспользоваться этим и сделали первоначально ставку на горскую знать. Они попробовали объединить под лозунгом *джихада* или *газавата* силы мусульманских общин и ханов. Это еще плохо изученная страница истории мусульманского повстанчества на Северо-Восточном Кавказе. Так, в 1819 г. аварский ученый Саид Араканский призвал горцев к джихаду против русских под руководством Сурхай-хана Аварского. Он также направил письмо с просьбой о помощи к османскому султану Махмуду II[9]. Однако из этого плана ничего не вышло, и вскоре сам Саид Араканский смирился с властью русских. Со своей стороны, к 1830-м гг. горская знать отошла от участия в движении за джихад. Она приняла сторону русских, видя в них гарантию сохранения своих привилегий в борьбе с общинами горцев.

К этому времени шариатское движение получило мощную подпитку со стороны суфизма, обмирщенные идеи которого обрели тогда небывалую популярность. Суфизм был широко распространен на Северо-Восточном Кавказе уже в раннее Средневековье. Он сыграл немалую роль в исламизации региона, где он, по справедливому замечанию современного исламоведа А.К. Аликберова, порой служил «формой бытования ислама»[10]. Но к XIX в. сначала в Южный Дагестан, а затем и в Чечню и Ингушетию проникают новые ответвления братств, принадлежавшие уже к обновленческому течению в суфизме. Реформированные и усиленные в XVIII в. братства были полны миссионерского рвения увеличить число своих членов. С этого времени в регионе господствовало братство Накшбандия (точнее, его ветвь Халидия-Муджаддидия, берущая начало от *шейха* Халида из Багдада, 1776—1827). К середине столетия здесь появилось также братство Кадирия, потеснившее накшбандийские отделения (*вирды*) в Чечне, Ингушетии и Северном Дагестане.

К концу XVIII в. движение за очищение ислама и *джихад* против России перекинулось в Центральный, а затем и на Северо-Западный Кавказ. Во главе его здесь тоже встали склонявшиеся к суфизму отдельные представители местной мусульманской духовной элиты, известные антироссийскими и проосманскими симпатиями. Среди них выделялся пастух Ушурма (Мансур, ум. 1794?) из чеченского селения Алды. Он учился в Дагестане, где вступил в братство Накшбандия, и затем, по непроверенным данным, в 1783 г. стал его шейхом. Вокруг него собирались недовольные русским засильем чеченцы, дагестанцы и кабардинцы. В 1785 г. направленная против Ушурмы в Алды карательная экспедиция полковника русской армии Ю.Ю. Пиери была наголову разбита повстанцами. Сторонники шейха одержали еще несколько небольших побед. Возглавивший мусульманское ополчение Ушурма удостоился прозвища Мансур (араб. *Победоносный*).

Рассчитывая на помощь турок, Ушурма стремился захватить Азово-Моздокскую военную линию, овладеть Военно-грузинской дорогой через Осетию и Кавказский хребет и выбить русских с Северного Кавказа. Накануне очередной русско-турецкой войны 1787—1791 гг. Большая и Малая Кабарда отложились от России и послали свои отряды Мансуру. Летом 1785 г. его армия осадила Кизляр, но была разбита. Неудачи преследовали шейха, который был талантливым оратором, но плохим полководцем. К лету 1786 г. у шейха, по данным русских лазутчиков, было «войска не более 300 человек и то совсем не из знатных, а из бродяг». После ряда поражений Мансур с несколькими тысячами сторонников укрылся в Закубанье. Разбитый в битвах при реках Уруп и Лаба в 1787 г., он вынужден был бежать в османскую Анапу. Оттуда он продолжал наводнять регион посланиями к мусульманам, призывая их подняться на джихад против России. В 1791 г. генерал Гудович взял приступом Анапу. Захваченный в плен шейх Мансур был помещен на «безысходное пребывание» в Шлиссельбург, где вскоре умер.

На Северо-Восточном Кавказе обстановка до 1820-х гг. была спокойнее. Но и здесь зрело возмущение усилением российского владычества. Идея защиты чистоты шариата от посягательств неверных правителей получила тут поддержку ряда влиятельных накшбандийских шейхов. Среди них наибольшую роль в деле распространения исламского повстанчества сыграли Хас-Мухаммед Ширванский, его преемник (*халифа*) шейх Мухаммед Ярагский (из с. Яраг в Южном Дагестане, ум. 1838—1839) и ученик последнего

Джамалуддин Казикумухский (из с. Кумух, ум. 1869). Братство Накшбандия начало распространяться в Дагестане двумя последними шейхами. Двое из первых трех имамов государства, созданного в ходе *джихада*, а именно Гази-Мухаммед (правил с 1828 или 1829 по 1832 г.) и Шамиль (правил 1834—1859, ум. 1871) были учениками этих суфиев. Политическая и военная деятельность имамов будет рассмотрена в следующей главе, а сейчас мы коснемся отношения возглавленного ими движения к суфизму и участия суфиев в мусульманском повстанчестве времен Кавказской войны.

Начало джихада отмечено столкновением между первым имамом Гази-Мухаммедом и его суфийским наставником Джамалуддином Казикумухским, а также острым спором между двумя крупнейшими суфиями Северо-Восточного Кавказа. Широко известен рассказ о том, как Джамалуддин сначала отказался дать Гази-Мухаммеду разрешение вести джихад, прекрасно осознавая военное превосходство русских. Рассердившись на своего бывшего учителя, Гази-Мухаммед обратился прямо к наставнику самого Джамалуддина — шейху из Ярага. Последний был обижен притеснениями Кюринского хана, одного из мусульманских правителей на русской службе, и без особых колебаний согласился на газават. Только под таким двойным нажимом Джамалуддин согласился на джихад.

Позднее, в правление Шамиля, Джамалуддин Казикумухский оказался в двусмысленном положении. С одной стороны, Джамалуддин являлся суфийским наставником Шамиля и в этом качестве он не только проводил «выборы» Шамиля на пост имама в 1834 г., но и был верным советчиком Шамиля вплоть до самого разгрома имамата в 1859 г. Этим он завоевал себе огромную популярность у дагестанских мусульман. С другой стороны, казикумухский шейх продолжал противиться ведению войны с русскими. Существует несколько свидетельств, говорящих о том, как он неоднократно пытался заставить Шамиля остановить кровопролитие. Известно, что во время Кавказской войны шариатское движение поддержал ряд шейхов из числа преемников Джамалуддина Казикумухского. Они встали на сторону имамов и бежали из районов, находившихся под властью русских, на территории, охваченные джихадом. Наиболее известным из них был, конечно, шейх Абдуррахман Согратлинский (1792—1882). Источники называют его ревностным сторонником джихада, но лично он в войне не участвовал.

Все имамы собирали вокруг себя учеников-*мюридов* и использовали их для захвата военно-политической власти над сельскими

общинами Северо-Восточного Кавказа. Однако из этого отнюдь не следует, что их связывали отношения наставника (*мюршида*) с мюридами. Ведь в эпоху имамата понятие «мюрид» не всегда употреблялось в традиционном суфийском значении этого слова. Так называли того, кто «подчинялся шариату и повиновался установлениям ислама»[11]. В шамилевское время лишь немногие мюриды были практикующими суфиями, а большинство из них относилось не к *тарикатским*, а к *наибским* (или *шариатским*) *мюридам*, т.е. к элитной военной гвардии Шамиля. Они принимали участие лишь в обрядах громкого зикра, который во время походов Шамиля стал своего рода солдатской песней. Ни в каких других суфийских религиозных обрядах они не участвовали. Здесь понятие «мюрид» означало послушного своему долгу человека, поставившего себя по отношению к имаму в положение, подобное тому, которое мюрид братства обязан занимать по отношению к своему шейху.

Шариатский мюрид. Рис. Т. Горшельта

Не все суфии могли согласиться с такой необычной интерпретацией чисто суфийских принципов и институтов. Она находила поддержку только у крыла Накшбандия, которое возглавил в годы Кавказской войны шейх Абдуррахман Согратлинский. Он и его последователи полагали, что откровения настоящего суфизма доступны только небольшой избранной группе мюридов, которые уже очистили сердце от всех дурных наклонностей и выполняют все предписания шариата. Для более широкой публики ступенью к постижению тариката считался шариат. Их не допускали в братство, позволяя им лишь исполнять громкий *зикр* с использованием речитативов и гимнов. Но существовала и оппозиционная группировка во главе с шейхом Махмудом Алмалинским (1810—1877) из Северного Азербайджана. Она резко выступала против профанации идей суфизма и использования их в корыстных политических целях.

Сложное переплетение обмирщенных суфийских принципов, политической и религиозной борьбы на фоне глубокой трансформации шариатского движения определяло развитие мусульманского общества на Северо-Восточном Кавказе середины XIX в. Глубокий раскол мусульманского общества на сторонников и противников власти Российской империи, произошедший на Северо-Восточном Кавказе в период Кавказской войны, оказал немалое влияние на последующее развитие региона при проведении российских реформ. Этот раскол продолжал ощущаться вплоть до начала XX в. и сыграл определенную роль в противостоянии советской власти и ее противников в годы революции и Гражданской войны. Вместе с тем не следует преувеличивать его значение и антироссийскую направленность политизированного суфизма, делая ту же ошибку, которую допускали российские дореволюционные власти. Не только суфии, но в целом и мусульманская духовная элита региона постепенно адаптировались к изменившейся обстановке, довольно гибко меняя свои взгляды и религиозные практики вслед за изменениями в условиях жизни северокавказских мусульман.

5. Борьба ислама и христианства в Осетии. Православное миссионерство в царствование Елизаветы Петровны. Осетинское подворье и Кавказская комиссия для восстановления православия. Признание при Екатерине II ислама (1783). Поддержка шариатского движения и создание мехкеме в Кабарде (1807). Церковное устройство Центрального Кавказа. Новый подъем православного миссионерства в первой половине XIX в. Переводческая деятельность Русского Библейского общества

Российские власти с опаской смотрели на воинствующие исламские движения на Северном Кавказе. Они пытались противопоставить им как укрепление российской границы, так и проповедь христианства среди замиренных горцев. В то время как из османских крепостей на Черноморском побережье по региону рассеивались мусульманские миссионеры, на Центральном Кавказе не менее активно работали православные миссии. Главным объектом их деятельности на Северном Кавказе со второй трети XVIII в. стали осетины, которых православные миссионеры и российские чиновники рассматривали как «древних христиан», отпавших от веры после усиления ислама в горах Кавказа в Средние века. Православное прошлое Осетии, которое усиленно исследовалось начиная с XVIII столетия, оправдывало в глазах миссионеров предпринимаемое ими крещение осетин.

Религиозная ситуация в Осетии того времени была исключительно сложной. Ко времени прихода сюда русских среди осетин было немного православных, к тому же их обрядность и верования испытали сильное влияние язычества. Часть сельских общин Осетии и местная военная знать еще в XVI — начале XVII в. приняла ислам, сохранив при этом ряд языческих культов и верований. Антироссийские и османофильские мусульманские движения распространялись по региону в основном из Дигории и Тагаурии. Именно здесь в конце XVIII в. нашел себе приверженцев упоминавшийся выше шейх Мансур. В 1802—1805 гг. выступавший подобно Мансуру за очищение ислама Ахмат Дударов возглавил тут общину своих единомышленников. Чуть позднее, в 30-е гг. XIX в., Беслан Шанаев «с товарищами» поднял в Тагаурии антирусское

восстание под лозунгами джихада. Русские войска жестоко подавили движение. Его руководители были высланы во внутренние губернии России.

Обращение осетин в православие шло одновременно с переселением их из предгорьев на равнину, в заложенную в 1763 г. крепость Моздок, в ее окрестности, а позднее также в крепость Владикавказскую (ныне г. Владикавказ). У истоков православного миссионерства в Осетии стояли иерархи Грузинской православной церкви. Еще в 1744 г. при поддержке Святейшего синода они основали в Малой Кабарде Осетинское подворье. Тут построили храм, при котором собирались открыть приходскую школу. Подворье устраивалось с целью обучения осетинских юношей и подготовки из них местных священников. Однако школа так и не была открыта. Грузинские священники ограничивались торговлей с мусульманами Большой Кабарды, которым они продавали привозившуюся из Кизляра рыбу и прочие товары. Существование подворья в районе традиционного османского влияния вызывало сильное недовольство Порты. В конце концов в 1769 г. турки убили архимандрита подворья в Грузии и подговорили кабардинцев разгромить подворье[12].

После этого миссионерскую деятельность на Северном Кавказе стала направлять Русская православная церковь, хотя среди миссионеров по-прежнему было немало выходцев из Грузии. Начало русской миссии было положено еще в 1745 г., когда Святейший синод решил отправить за счет казны в Осетию русскую православную миссию. Здесь начали строить церкви, крестить население и обучать местных жителей основам православной веры. Новокрещеным были обещаны различные льготы вплоть до материальной помощи[13]. В 1746 г. на основе миссии была создана Кавказская комиссия для восстановления православия среди осетин и других народов Кавказа. Руководителем ее до 1764 г. был грузинский священник Пахомий. Кроме него в состав комиссии вошли знающие осетинский язык иерархи Русской православной церкви, а также прапорщик Андрей Бибирюлев, представлявший российскую администрацию в Осетии, и глава осетинского посольства в Петербурге Зураб Елиханов. Деятельность Кавказской комиссии регулировалась Синодом совместно с российскими военными комендантами Моздока и Кизляра.

Создание русской православной миссии на Северном Кавказе следует рассматривать в контексте развернувшегося в правление

Елизаветы Петровны (1741—1761) массового крещения российских язычников и мусульман на восточных и южных границах России. Кавказская комиссия недаром появилась после создания в Казани в 1740 г. печально известной Новокрещеной конторы во главе с Лукой Конашевичем. Конечно, в Центральном Кавказе религиозное обращение было более осторожным и не столь репрессивным, как в Поволжье. Однако временное ухудшение положения инаковерующих произошло по всей империи. Они казались правительству менее верными подданными, чем православные. Как и в Поволжье, на Северном Кавказе в результате насильственного крещения зрело недовольство политикой российских властей. Новокрещеные тайно возвращались в ислам, участвовали в антироссийских выступлениях. Поводом к бунтам нередко служил отказ выдать новокрещеным положенное им вознаграждение. Так, в 1769 г. старшина Куртатинского ущелья Бахтигерей Есенов взбунтовал 100 человек своего селения из-за того, что ему недодали на Осетинском подворье 12 аршин полотна и рыбу. Восставшие разрушили Подворье, разграбили его казну и убили пятерых служащих.

Вскоре в российской религиозной политике в регионе, как и по всей империи, произошел резкий поворот. Это было связано с воцарением Екатерины II (1762—1796). Правительство свернуло массовое насильственное крещение. В 1764 г. в Поволжье была закрыта Новокрещеная контора, а в 1769 г. — Осетинское подворье на Кавказе. В 1764 г. Екатерина организовала под эгидой Астраханского губернатора и коменданта Кизляра Моздокскую духовную осетинскую школу для новокрещеных горцев. Ее выпускники получали работу в сельских храмах Осетии. В 1771 г. Кавказскую комиссию преобразовали в Осетинскую духовную комиссию (иногда ее называют Моздокской по месту создания). Главой ее стал русский священник — протоиерей Лебедев. В состав комиссии вошли четыре священника (два русских, два грузина), три диакона (два русских, один грузин), пять причетников и один переводчик[14]. Кавказская комиссия работала до конца XVIII в. и в целом не добилась особых успехов по христианизации горцев.

Деятельность православной миссии контролировали российская администрация на Кавказе и Святейший синод. Центром миссии оставался г. Моздок. В самом конце екатерининского царствования, в 1792 г. тут была основана кафедра епископа Моздокского и Мажарского. Одновременно он являлся архимандритом при грузинском посольстве в России, которое также располагалось в Моз-

доке. Первым епископом стал знавший осетинский язык грузинский священник Гай. С 1793 г. подготовка священников для горных селений Центрального Кавказа велась на Моздокской викарной епископской кафедре. В том же году Моздокский епископ Гай перевел на осетинский язык православный катехизис. Русские власти всячески поощряли заселение Моздока крещеными горцами из Малой Кабарды и Осетии. Наряду с задачами местного управления эта мера должна была также способствовать осуществлению стратегического плана Екатерины по созданию на прежних османских землях православной Греческой империи (подробнее см. в гл. 2).

При Екатерине государство перешло к более гибкой политике, веротерпимости по отношению к неправославным подданным империи. Орудием государственного контроля над недавно присоединенными территориями вместе с православием становился ислам. После присоединения Крыма в 1783 г. манифестом Екатерины II всем мусульманским подданным России было гарантировано свободное исповедание их веры. Было разрешено строить мечети и примечетные школы. Лояльную российскому правительству мусульманскую духовную элиту региона собирались включить в состав российской администрации. В 1788—1789 гг. под контролем российских властей была создана иерархическая организация для мусульманской духовной элиты Поволжья и Сибири во главе с муфтием (Оренбургское магометанское духовное собрание, ОМДС). В 1794 г. был подготовлен аналогичный проект крымского *муфтията* (Таврического магометанского духовного правления, образование которого было завершено при Николае I в 1831 г.).

Следуя этим принципам, определенным еще в екатерининское царствование, в 1805 г. губернатор Астраханский и Кавказский князь П.Д. Цицианов подготовил проект «Об устройстве системы органов управления на Северном Кавказе», в основу которого была положена идея Екатерины о признании «покровительства российскими властями мусульманской вере». В силу целого ряда причин цицановский проект не был реализован. Органов духовной власти для мусульман Северного Кавказа так и не было создано. Вместе с тем в царствование Александра I (1801—1825) было решено поддержать так называемое шариатское движение в Кабарде, о котором уже рассказывалось в предыдущей главе нашей книги. Чтобы привязать к России ее новых мусульманских подданных на Северо-Западном Кавказе, в 1807 г. прежние родовые суды и расправы заменили на *мехкеме* по мусульманскому праву, за введение

которых выступали Адиль-Гирей Атажукин и другие представители мусульманской духовной элиты Кабарды. При этом было принято разработанное Шорой Ногмовым «Народное условие» — программа исламизации права и быта кабардинцев.

Кроме того, российское правительство пыталось противопоставить мусульманскому повстанчеству на границах империи лояльных России представителей мусульманской духовной элиты. При этом оно рассчитывало на мусульман из других регионов империи, в основном из Поволжья. Тем самым власти пытались поставить Северный Кавказ под юрисдикцию созданного в 1788—1789 гг. ОМДС. Еще при Екатерине II для переговоров с кабардинскими князьями был вызван Тажетдин-эфенди из Казани. Эта практика (правда, без особого успеха) продолжалась в годы Кавказской войны XIX в. Так, в 1840 г. секретарь Кабардинского временного суда Якуб Шарданов просил командующего русскими войсками генерала Граббе прислать на Кавказ «просвещенных и благонамеренных мулл», преимущественно уроженцев Казани и Бухары, «дабы на месте и открыто в мечетях могли они уличить Шамиля и его последователей в лживом толковании Алкорана». Проект Шарданова был отвергнут, но в 1845 г. наместник Кавказский М.С. Воронцов отправил в Чечню против Шамиля пророссийски настроенного крымского *кади* Эскер-сеид Халиля эфенди, а в 1852 г. пригласил 10 *улемов* из Оренбургского муфтията для противодействия проповедникам газавата.

В первой половине XIX в. политика России по отношению к исламу не раз менялась. Под влиянием Кавказской войны призрак мусульманского повстанчества стал пугать российское правительство. По справедливому замечанию современного американского историка Пола Верта, признав ислам и познакомившись с ним ближе, власти империи научились бояться его[15]. Синод получил неограниченные права в христианизации нерусских подданных народов. Были ужесточены наказания за переход из православия в другую веру. По Уложению о наказаниях уголовных и исправительных, принятому 15 августа 1845 г., «за отвлечение чрез подговоры, обольщения или иными средствами, кого либо от христианской веры православного или другого исповедания в веру магометанскую, еврейскую или иную не христианскую, виновный приговаривается: к лишению всех прав состояния и к ссылке в каторжную работу в крепостях на время от восьми до десяти лет... с наложением клейм».

Продолжая переселение осетин из предгорий на равнину, с 1830-х гг. власти старались расселять мусульман и христиан по разным селениям, пытаясь укрепить новую православную идентичность российских подданных Осетии. Если в мусульманских селах на средства общин строились квартальные мечети, то в православных миссионеры открывали церкви. Появилось пять новых церквей: две в Центральной Осетии (селения Зака, Нар), две в Куртатинском ущелье и одна в Дигории. В связи с постоянной перестройкой управления в регионе менялась и его церковная православная администрация. После присоединения Грузии к России в 1801 г. Осетинская епархия была упразднена, а духовенство Осетии, Кизляра и других православных общин Кавказской губернии подчинено Грузинскому экзархату (1771—1825). Им ведало Кавказское церковное управление в Тифлисе. После того как по инициативе командующего войсками Кавказской линии и Черномории генерала П.Х. Граббе в 1843 г. была создана Кавказская епархия с центром в г. Ставрополе (первый епископ о. Иеремей, 1843—1849), православные иерархи Северного Кавказа были выведены из подчинения грузинской церкви и перешли непосредственно в юрисдикцию Святейшего синода.

Со второй трети XIX в. вновь усилилось православное миссионерство в регионе. В Петербурге было создано Православное миссионерское общество. К православному миссионерству на Северном Кавказе подключилось Русское Библейское общество. Его Кавказское отделение открылось в 1818 г. в Георгиевске с целью «распространения Священного Писания как во всей [Кавказской. — *И.Б.*] губернии, так и в сопредельных с нею заграничных местах». Однако вероотступничества новокрещеных не удалось предотвратить. Архивные документы пестрят жалобами православных иерархов на отпадение их прихожан в ислам[16]. Большую роль в деятельности православных миссионеров на Северном Кавказе, как и в других регионах империи, стали играть переводы Писания и учебной религиозной литературы на местные языки, в основном на осетинский. В 1824 г. экзарх Грузии Феофилакт Русанов при поддержке Московского комитета Русского Библейского общества впервые издал Евангелие на осетинском языке. В 1848 г. в Петербурге на осетинском языке вышла Псалтырь, а в Тифлисе — Евангелие в новом переводе Мчедлова.

6. Церковная организация христианских общин казаков и русских переселенцев Предкавказья. Институт закащиков и благочинных в Астраханской губернии. Реорганизация церковной жизни в XIX в. Церковь, духовенство и школа в степном Предкавказье. Борьба православия со старообрядчеством

Еще одной серьезной проблемой, которая тревожила российские церковные и светские власти на Северном Кавказе, была борьба с христианским сектантством и управление православными Предкавказья. В регионе долго не было отдельной епархии, что мешало установлению твердого церковного контроля над религиозной жизнью казаков и русских переселенцев. Первоначально земли российского Северного Кавказа относились к Казанской, а с 1602 г. — к Астраханской епархии. В XVIII в. епископы Феодосий, Лаврентий, Варлаам, Илларион, Мефодий, Антоний, Никифор Феотаки активно распространяли христианство в долине Терека, создавая тут православные приходы, храмы и монастыри. Вместе с тем среди казаков и русских переселенцев всегда было немало старообрядцев, чьи общины не собирались подчиняться православным иерархам и Синоду. Особенно сильны были позиции старообрядчества у гребенских казаков. Как отмечалось в одном из донесений казачьего войскового начальства Гребенской линии, «в гребенских городках не имеется ни одного попа, за исключением Терской крепости». Борьба со старообрядчеством стала одним из основных направлений церковной деятельности в XVIII—XIX вв.

В последние годы царствования Петра I отношение государства к «староверам» в целом ухудшилось. С 1714 г. с них брали двойную подать. В 1722 г. их обязали носить определенный наряд, в котором видна была насмешка над расколом. Действуя через офицеров и старост, местные православные иерархи заставляли казаков креститься тремя перстами, регулярно посещать православные храмы и исповедоваться у православных священников. Однако эти административные меры не имели особых успехов. Казаки-старообрядцы держались по отношению к православному духовенству крайне враждебно. Они избивали и прогоняли назначенных к ним православных священников, пытались привлечь на свою сторону светские власти Петербурга, посылая массу жалоб на действия православных миссионеров в Военную коллегию. В 1763 г. 740 казаков

гребенских станиц отказались пойти в православную церковь на исповедь. Наконец, в первые годы правления Екатерины II дело гребенских казаков было разобрано в Сенате и православная миссия на казачьих землях была закрыта.

Борясь с религиозным диссидентством среди христиан, власти в то же время пытались усилить надзор за православным населением и духовенством Северного Кавказа. В первой половине XVIII в. епархии России были разделены на несколько заказных округов, от 10 до 30 церквей каждая. Наблюдение за богослужением и хозяйством храмов, а также нравственностью низшего духовенства в округе поручалось *закащику*. В его обязанности входило также доводить распоряжения епархиальных властей до приходов, доносить епископам о всех случаях нарушения Духовного регламента 1721 г., налагать на нарушителей духовное покаяние и штрафы, разбирать споры между духовенством и прихожанами. Первым закащиком у гребенских казаков стал Федор Иванов, построивший здесь при поддержке наказного атамана новые храмы. Другой закащик Астраханской епархии вошел в состав духовного правления, открытого в Кизляре. Наряду с Моздоком Кизляр превращался в один из центров православия на Центральном и Северо-Восточном Кавказе. В конце 70-х гг. XVIII в. закащики были заменены *благочинными*, каждый из которых курировал храмы и приходы нескольких крепостей и станиц Кавказской линии.

Церковная организация Северного Кавказа постоянно менялась. В начале XIX в. из Астраханской была выведена Екатеринославская епархия. По всему региону началось массовое строительство храмов в тех селах и станицах, население которых было не менее 500 душ мужского пола. В 1818 г. открылось Екатеринодарское духовно-приходское училище, а в 1824 г. — уездное духовное училище в Ставрополе. Еще в 1794 г. Черноморское побережье Кавказа было передано из Астраханской в Таврическо-Феодосийскую епархию. Православные иерархи Крыма, в особенности епископы Иов и Христофор, немало занимались развитием сети православных церквей и развитием религиозного образования среди казачества. В конце столетия в Причерноморье было уже 27 православных приходов, работало 16 и строилось еще 9 храмов. В отличие от Астраханской в Таврической епархии существовала выборность духовенства. Казаки выбирали церковный причт и войсковых иереев, которые затем утверждались в должности епископом Таврическим. В 1820 г. Причерноморье вновь вернулось в Астраханс-

кую епархию, но уже в 1829 г. православные общины Северного Кавказа перешли в новую Донскую епархию с центром в г. Новочеркасске.

Наконец, как уже говорилось выше, в 1843 г. появилась отдельная Кавказская епархия. В нее вошли все православные общины региона, кроме ряда приходов степного Предкавказья, оставшихся в Екатеринодарском духовном правлении. Значение православия на Северном Кавказе немало выросло. В Ставрополе была открыта консистория, а в 1846 г. духовная семинария. Быстро росло число церквей. К 60-м гг. в епархии насчитывалось уже около 400, а в 1875 г. — 425 храмов, большинство из которых находилось на территории Кубанской (220) и Терской (77) областей. Расселяя казаков на землях Северо-Западного Кавказа, освобожденных уехавшими в Османскую империю горцами, власти пытались дать каждому селу свою церковь и православного священника. Так, командующий войсками Кубанской области генерал Н.И. Евдокимов указывал: «Я считаю совершенно необходимым назначить священников и церковнослужителей во все без исключения вновь водворенные в нынешнем году казачьи станицы Кубанской области... Предлагается на каждые 200 семейств переселенцев назначать одного священника... с выдачей участков земли в вечное потомственное владение»[17].

Православное духовенство, направлявшееся по распоряжению епархиального начальства в казачьи станицы, в течение первых шести лет получало жалованье наравне с офицерами. Священнику выдавали 2 пая (60 десятин), дьякону — полтора пая (45 десятин), дьячку — 1 пай (30 десятин). Переданные им во время службы земельные участки переходили в их потомственное пользование. Несмотря на эти привилегии, служение на Северном Кавказе оставалось непопулярным среди русских православных иерархов. В годы Кавказской войны многих отпугивала близость военных действий и перспектива оказаться в плену или в заложниках у «немирных горцев». Во многих закубанских станицах даже не было православных священников. Распространение православия на Северном Кавказе в XIX в. шло совсем не так триумфально, как его изображают современные церковные историки.

Сильные позиции на Северном Кавказе удерживало старообрядчество. Немало общин раскольников осталось в Терском казачьем войске. К тому же со второй половины XVIII в. началось массовое переселение на Кавказскую линию старообрядцев из

внутренних губерний России. К середине столетия они составляли едва ли не одну шестую линейного казачества. На 130 тысяч в Кавказском линейном войске 20 500 было старообрядцами. Центрами старообрядчества по-прежнему служили гребенские станицы. Известны случаи массового перехода казаков-переселенцев в «старую веру» под влиянием местных раскольников. Когда в новых станицах власти строили новые православные церкви, раскольники разбирали их, как это случилось в 40-е гг. в станицах Червленая и Щедринская. В Кизлярском, Моздокском и некоторых других казачьих полках старообрядцы составляли подавляющее большинство. Несмотря на все усилия православного миссионерства, вновь усилившегося после создания Кавказской епархии, конфессиональный состав региона оставался очень пестрым. Значительная часть коренного и пришлого населения по-прежнему ускользала от контроля российских церковных властей.

---

[1] Подробнее об этом см.: *Бобровников В.О.* Советские национальные реформы и смена идентичности народов Северо-Западного Дагестана // Расы и народы. М., 2001. Вып. 26. С. 68—95.

[2] *Бобровников В.О.* Каталог рукописей и старопечатных книг на арабском, персидском и тюркских языках из Кабардино-Балкарии. С. 277.

[3] *Белл Д.* Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837, 1838, 1839 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов / Сост. В.К. Гарданов. Нальчик, 1974. С. 524.

[4] *Леонтович Ф.И.* Адаты кавказских горцев. Одесса, 1882. Вып. 1. С. 279. См. также: Документы по истории Балкарии. Нальчик, 1959. С. 75.

[5] Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским. М., 1823. Ч. 1. С. 302.

[6] Статистика вакфных владений, начатая в дореволюционном Дагестане, отметила здесь в начале XX в. 63985 десятин вакфов, что составляло примерно 5% сельскохозяйственных угодий края. См.: *Хашаев Х.-М.О.* Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961. С. 156.

[7] *Смирнов Н.А.* Мюридизм на Кавказе. М., 1969. Критический разбор понятия «мюридизм» см.: *Бобровников В.О., Кемпер М.* Мюридизм // Ислам на территории бывшей Российской империи / Отв. ред. и сост. С.М. Прозоров. Вып. 5. М. (в печати).

[8] Образцы таких документов, свидетельствующих о распространении шариатского движения, см. в кн.: Хрестоматия по истории права и государства Дагестана в XVIII—XIX вв. / Сост., пер. и коммент. Т.М. Айтберова. Махачкала, 1999. Ч. I. С. 36—37, 42—45.

[9] Копия письма хранится ныне в Махачкале. См.: РФ ИИАЭ. Ф. 16 (Письма). Оп. 1. № 248. См. также: Ф. 16. Оп. 1. № 7, 340.

[10] *Аликберов А.К.* Северный Кавказ // Ислам на территории бывшей Российской империи: энциклопедический словарь / Отв. ред. и сост. С.М. Прозоров. М., 2001. Вып. 3. С. 91.

[11] Хроника Мухаммада Тахира аль-Карахи. О дагестанских войнах в период Шамиля. М.; Л., 1946. С. 6.

[12] Миссионерская деятельность Осетинского подворья на Северном Кавказе подробно освещена в работе М.М. Блиева. См.: *Блиев М.М.* Осетинское посольство в Петербурге 1749—1752 гг. Орджоникидзе, 1961. С. 12 -24.

[13] *Клапрот Ю.* Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807 - 1808 гг. // Осетины глазами русских и иностранных путешественников XIII—XIX вв. Орджоникидзе, 1967. С. 167, 169.

[14] Подробнее о православном миссионерстве в Осетии см.: *Калоев Б.А.* Моздокские осетины. М., 1995. С. 195.

[15] *Werth P.* At the Margins of Orthodoxy. Mission, Governance and Confessional Politics in Russia's Volga-Kama Region, 1827—1905. Ithaca; London, 2002. P. 183.

[16] См., например: РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 453.

[17] ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 391. Л. 204—205.

Глава 5

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА В СУДЬБАХ РЕГИОНА И РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

(1) Понятие и периодизация Кавказской войны. (2) Предпосылки войны. Генерал А.П. Ермолов и начальный период войны (1817—1827). (3) Имамы Гази-Мухаммед, Гамзат-бек и Шамиль. Создание в Нагорном Дагестане и Чечне военно-теократического государства (имамат). Централизация управления союзами горских общин. (4) Первый и второй периоды войны на Северо-Западном Кавказе. Наибы Шамиля Хаджи-Мухаммед (1842—1844), Сулейман-Эфенди (1845—1846) и Мухаммед-Амин (1848—1859) в Черкесии. Действия М.С. Воронцова (1844—1854). (5) Северный Кавказ в Крымской войне (1853—1856). Князь А.Н. Барятинский и окончание Кавказской войны на Северо-Восточном Кавказе (1859). Покорение адыгов Северо-Западного Кавказа (1859—1864). (6) Основные направления историографии Кавказской войны.

1. Понятие и периодизация Кавказской войны

Одной из центральных проблем кавказоведения на протяжении последних полутора веков остается Кавказская война XIX в. Это одно из самых сложных и драматичных событий в истории региона. Историки зачастую воспринимают ее слишком эмоционально, а политические деятели используют для политических спекуляций. Как в отечественной, так и в зарубежной литературе есть тенденция преувеличивать ее значение, сводя всю историю взаимоотношений Северного Кавказа и России к бесконечной войне. Временные и географические рамки ее растягиваются до невозможности.

Так, некоторые чеченские публицисты постсоветского времени отодвинули ее начало к самому началу российского проникновения на Северный Кавказ, в эпоху Ивана Грозного и Бориса Годунова, а конец протянули до двух нынешних российско-чеченских кампаний.

Оставляя в стороне эти крайности, следует отметить, что само понятие Кавказской **войны** введено дореволюционным историком Р.А. Фадеевым в книге «Шестьдесят лет Кавказской войны». Вплоть до 1940-х гг. дореволюционные и ранние советские историки предпочитали более осторожно говорить о Кавказских **войнах** империи[1]. Термин «Кавказская война» окончательно прижился в советское время. Хронологически Кавказскую войну помещают между 1817 и 1864 гг. Выделяют до пяти ее периодов: действия А.П. Ермолова и восстание в Чечне (1817—1827), складывание *имамата* Нагорного Дагестана и Чечни (1828 — начало 1840-х гг.), распространение власти имамата на горную Черкесию и деятельность М.С. Воронцова на Кавказе (1840-е — начало 1850-х гг.), Крымская война и покорение А.И. Барятинским Чечни и Дагестана (1853—1859), покорение Северо-Западного Кавказа (1859—1864).

Основные очаги войны были сосредоточены в труднодоступных горных и предгорных районах на Северо-Восточном и Северо-Западном Кавказе, окончательно покоренных Российской империей только к концу второй трети XIX в. Основным ареалом войны оказались земли Северного и Среднего Нагорного Дагестана и Чечни. В Закубанье, Большой и Малой Кабарде война имела свои особенности, на которых мы подробно остановимся ниже.

2. Предпосылки войны. Генерал А.П. Ермолов и начальный период войны (1817—1827)

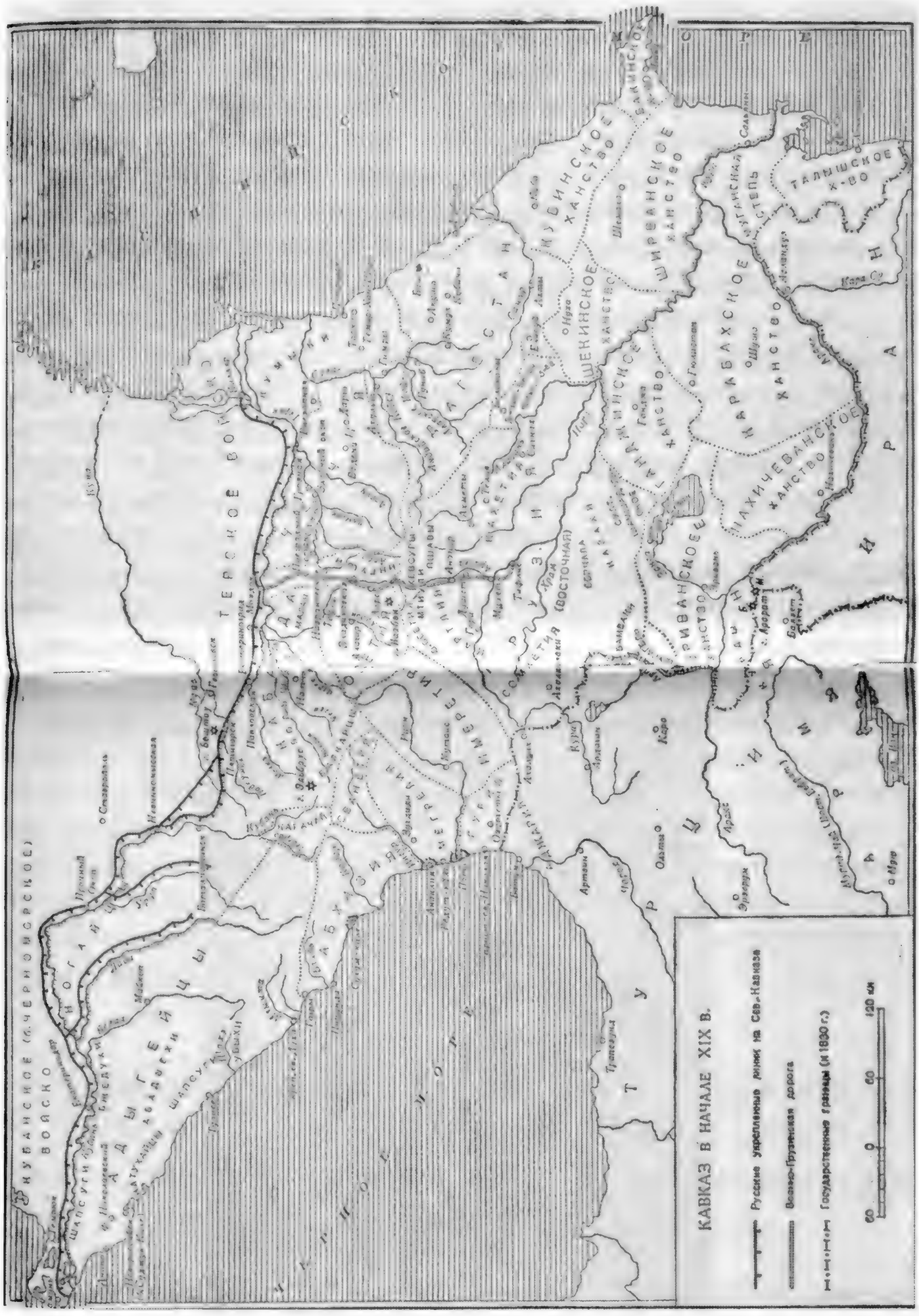
В какой-то мере прологом, но отнюдь не началом Кавказской войны послужило покорение Российской империей Большой и Малой Кабарды в последней трети XVIII — начале XIX в. Сгон коренного населения с земель, отводившихся под строительство Кавказской линии, заселение их казаками вызвали длинный ряд восстаний, которые возглавила прежде лояльная империи мусульманская знать горцев. Последние антироссийские восстания, под-

нятые в Большой Кабарде в 1794 и 1804 гг. и поддержанные ополчениями карачаевцев, балкарцев, осетин и ингушей, были жестоко подавлены. В 1802 г. генерал К.Ф. Кнорринг усмирил непокорных осетин-тагаурцев, уничтожив резиденцию их предводителя Ахмата Дударова, совершавшего набеги в районе Военно-грузинской дороги.

Завоевание Северо-Западного и Центрального Кавказа проходило в обстановке частых и победоносных для Российской империи войн с Османской империей и Ираном. К началу XIX в. успехи русского оружия позволили российским дипломатам включить не только Северный Кавказ, но и Закавказье в зону преимущественного российского влияния. По Бухарестскому мирному договору 1812 г. Порта признавала присоединение к России Западной Грузии и переход под российский протекторат Абхазии. В тот же год был официально подтвержден переход в российское подданство ингушских обществ, закрепленный Владикавказским актом. В октябре 1813 г. Иран подписал в Гюлистане мирный договор с Россией, признав в вечном российском владении Дагестан, Картли-Кахетию, Карабахское, Ширванское, Бакинское и Дербентское ханства.

Таким образом, в результате войн на Кавказе и за его пределами Россия *de jure* закрепила за собой большую часть территории Северного Кавказа, за исключением его юго-западной оконечности, остававшейся в сфере влияния Порты. Вне российского контроля продолжали оставаться труднодоступные горные районы Северного и Центрального Дагестана и Южной Чечни. Власть империи не распространялась и на горные долины Закубанской Черкесии. Эти территории служили убежищем для всех недовольных властью России и бежавших за Кавказскую укрепленную линию. Предстояло объединить под властью империи весь регион *de facto*, используя передышку, наступившую после заключения мирных договоров. Эта задача была решена российскими военными и политиками в годы Кавказской войны.

Первый период войны связан с деятельностью на Кавказе талантливого русского полководца и политика, героя Отечественной войны 1812 г., генерала А.П. Ермолова (1816—1827). Назначенный командующим Отдельным Грузинским (впоследствии Кавказским) корпусом в мае 1816 г., он убедил императора Александра I перейти к планомерному военному завоеванию региона. При Ермолове русские впервые попытались установить полный политический и военный контроль Российской империи над всей территорией



Политическое деление накануне Кавказской войны

Северного Кавказа. В 1822 г. были распущены действовавшие в Кабарде с 1806 г. шариатские суды (*мехкеме*). Вместо них в Нальчике учреждался Временный суд по гражданским делам с участием и под полным контролем российских чиновников. Кабарда лишилась последних остатков независимости. Вслед за этим были присоединены к России зависимые в прошлом от кабардинских князей балкарцы и карачаевцы. На Северо-Восточном Кавказе были завоеваны кумыкские земли в междуречье Сулака и Терека.

Среди военных проектов Ермолова был план переноса прикрывавшей южные рубежи империи Кавказской линии с Терека на Сунжу, к подножию Кавказского хребта. Стремясь расчленить Большую Кабарду на две части и вместе с тем разрушить существовавшие помимо империи (и, как правило, враждебные ей) традиционные военно-политические связи между мусульманами Северного Кавказа, он построил через ее территорию у подножия гор на реках Малке, Баксане, Чегеме, Нальчике и Тереке русские крепости. Новые укрепления образовали Кабардинскую линию. Все население Кабарды оказалось заперто на небольшой территории и отрезано от Закубанья, Чечни и горных ущелий.

Генерал А.П. Ермолов. *С литографии В.Ф. Тамма*

В 1818 г. была усилена Нижне-Сунженская линия, укреплен редут Назрановский (современная Назрань) в Ингушетии и построена крепость Грозная (современный Грозный) в Чечне. В Северном Дагестане в 1819 г. была заложена крепость Внезапная, а в 1821 г. — Бурная. Новые укрепления, по замыслу командующего, должны были запереть горцев в ущельях и обеспечить их непосредственное подчинение российской военной администрации. Освободившиеся земли было предложено заселить казаками. Согласно плану Ермолова, русские войска продвигались в глубь предгорий Большого Кавказского хребта от Терека и Сунжи, выжигая «немирные» аулы и вырубая покрывавшие Малую Кабарду, и в особенности Южную Чечню (Ичкерию), дремучие леса. На сопротивление и набеги горцев Ермолов отвечал суровыми репрессиями и карательными экспедициями, полагая, что «жестокость здешних нравов нельзя укротить мягкосердечием»[2].

Действия Ермолова вызвали общее восстание горцев Чечни в 1825—1826 гг. Его руководителями были Бей-Булат Таймиев (Таймазов) из с. Маюртуп и Абдул-Кадыр. Восставшие добивались возвращения им земель, захваченных при строительстве крепости Грозная и укреплений по р. Сунжа. Восстание быстро распространилось и на Северный Дагестан, захватив Аксай, Костек и другие селения на Кумыкской плоскости в междуречье Терека и Сулака. Бей-Булата поддержали некоторые дагестанские муллы из числа сторонников шариатского движения. Они призывали горцев подняться на *джихад* за освобождение от засилья «проклятых урусов». Бей-Булат встал во главе местных ополчений, но был разбит регулярной армией, и движение вскоре было подавлено.

3. Имамы Гази-Мухаммед, Гамзат-бек и Шамиль. Создание в Нагорном Дагестане и Чечне военно-теократического государства (имамат). Централизация управления союзами горских общин

В 1827 г. Ермолов был смещен и на его место назначен генерал-адъютант И.Ф. Паскевич (1827—1831). Но на Северном Кавказе надолго сохранилась память о деяниях «проконсула Кавказа» Ермолова. Паскевич во многом продолжал его деятельность. В 1830-е гг. русские позиции в Дагестане были укреплены Лезгинской кордон-

ной линией. В 1832 г. была построена крепость Темир-Хан-Шура (современный Буйнакск). Однако быстро подавить повстанческое движение в горах Дагестана и Чечни так и не удалось. Основным ареалом военных действий на втором периоде войны, пришедшемся на 30-е и начало 40-х гг. XIX в., продолжал оставаться Северо-Восточный Кавказ. Главным очагом мусульманского сопротивления империи в это время стал Нагорный Дагестан, объединенный под властью единого военно-теократического мусульманского государства — *имамата*.

Генерал И.Ф. Паскевич

Во главе повстанцев встал аварец из с. Гимры Гази-Мухаммед (иначе: Гази-Магомед, Кази-Мулла, Мулла-Магомед, прав. 1828—1832, род. 1794), ученик (араб. *мюрид*) влиятельных на Северо-Восточном Кавказе накшбандийских шейхов Мухаммеда Ярагского и Джамалуддина Казикумухского. В 1828 или 1829 г. общины ряда аварских селений избрали его своим религиозным и военным главой (*имам*). С этого времени начинается создание единого имамата Нагорного Дагестана и Чечни. Чуть ли не ежедневно Гази-Мухаммед выступал с проповедями о необходимости подняться на борьбу за веру (араб. *джихад*) против русских. Сохранилось большое число его писем к старшинам общин, правителям ханств Се-

веро-Восточного Кавказа. Среди его адресатов были Махди-шамхал Тарковский, Аслан-хан Казикумухский и Кюринский. В резкой форме Гази-Мухаммед требовал от них «ввести шариат в своих областях»[3]. Однако его дипломатическая деятельность не увенчалась успехом, поскольку Гази-Мухаммед не умел идти на компромиссы. С общин, присоединившихся к движению, Гази-Мухаммед брал присягу следовать шариату, отказаться от местных адатов и прервать сношения с русскими. Почти повсюду он поголовно вырезал горскую знать, видя в ней пособников русских и лицемерных врагов ислама (*мунафиков*). За его недолгое правление было казнено 30 влиятельных беков.

Зимой 1830 г. Гази-Мухаммед начал войну за веру. Его тактика состояла в организации стремительных неожиданных рейдов. В 1830 г. он захватил ряд аварских и кумыкских селений, подвластных Аварскому ханству и Тарковскому шамхальству. К имамату добровольно присоединились Унцукуль и Гумбет, были покорены андийцы. В 1830 г. Гази-Мухаммед попытался захватить с. Хунзах, столицу принявших российское подданство ханов Аварских, но был отбит. Затем он поднял против русских жителей Закатал, но и там потерпел поражение от регулярных русских войск. В 1831 г. Гази-Мухаммед разграбил Кизляр, а в 1832-м осадил Дербент. В марте 1832 г. имам подошел к Владикавказу и осадил Назрань, но был разбит регулярными войсками. Имам лично предводительствовал смелыми и неожиданными рейдами на подвластную российским властям территорию. Новый начальник Кавказского корпуса генерал-адъютант барон Г.В. Розен (1831—1837) разбил войско Гази-Мухаммеда и занял его родное селение Гимры. Первый имам был в бою убит.

Преемником Гази-Магомеда был избран его сподвижник и соотечественник аварец Гамзат-бек (прав. 1833—1834, род. 1789) из с. Гоцатль. Отец второго имама играл важную роль в Аварском ханстве, он был *чанкой* — потомком от браков дальних родственников аварских ханов с дочерями узденей из могущественной Койсубулинской конфедерации сельских общин Аварии. Однако сам Гамзат-бек, как и два других имама, опирался на свободных общинников-узденей. Некоторое время Гамзат боролся за власть. Сначала его поддержала лишь небольшая часть аварских селений. Многие хотели иметь правителем не гоцатлинского чанку, а гимринского узденя Шамиля. Но вскоре под властью Гамзат-бека оказалась значительная часть Нагорного Дагестана и Чечни.

В 1833 или 1834 г. совет *улемов* Койсубулинской конфедерации объявил его вторым имамом. Где это произошло, в точности неизвестно: указывают Гоцатль, или Кородy, или Ирганай. По утверждению немецкого востоковеда и современника Гамзат-бека Ф. Боденштедта, жившего в то время в Тифлисе, имамом его назначил сам накшбандийский шейх Мухаммед Ярагский. Однако местные источники никак не подтверждают это сообщение[4].

Гамзат-бек следовал предложенной Гази-Мухаммедом тактике набегов на земли союзов сельских общин и ханств, признавших власть России. Он разбил отряды Мехтулинского хана и шамхала Тарковского, но потерпел серьезное поражение от соединенных сил Казикумухского хана, акушинцев и цудахарцев под с. Хаджалмахи и не смог перенести войну на равнину. Второй имам продолжал истреблять роды беков. Их имущество переходило в казну имамата. Эти средства позволили Гамзат-беку осуществить поход против Аварского ханства.

В июне—июле 1834 г. он осадил Хунзах, овладел им и безжалостно перебил ханскую семью и ее ближайших сторонников, включая престарелую ханшу Китлилай, Паху-Бике, ее сыновей Абу-Нуцал-Султан-хана и Умма-хана Аварских, Сурхай-хана и своего бывшего учителя Нур-Мухаммеда Аварского. После этого Гамзат-бек приступил к организации государственного устройства имамата на землях Аварского ханства и «вольных обществ» Нагорного Дагестана и Чечни. Деятельность его была непродолжительна. В том же году он пал жертвой кровной мести от рук Османа и Хаджи-Мурата, молочных братьев убитых ханов. Люди Гамзат-бека были заживо сожжены во дворце[5].

Третьим имамом был избран земляк и последователь Гази-Мухаммеда, ученик накшбандийского шейха Мухаммеда Ярагского, Шамиль (ок. 1798—1871, прав. 1834—1859). Образ этого незаурядного политического деятеля и реформатора очень мифологизирован. Со времен Кавказской войны в нем привыкли видеть прямотаки революционера, пытавшегося круто повернуть ход истории общества и права на Северном Кавказе, но обманувшегося в своих надеждах привить шариат горцам. Еще генерал А.В. Комаров считал, что стремление руководителей исламского повстанчества — Шейха Мансура, Гази-Мухаммеда, Шамиля — заменить суд по адату шариатским судом потерпело полный крах. «Шамиль... настойчиво и энергически, в течение 27 лет, стремился к уничтожению суда по адату... однако он не достиг цели. По взятии Шамиля

в плен все население Дагестана немедленно восстановило у себя разбор дела по адату, и от шамилевского шариата осталось только одно воспоминание...»[6] Без особых изменений эту формулировку воспроизводили советские исследователи дореволюционного Северного Кавказа. На самом деле Шамиль скорее был продолжателем преобразований, начатых в Нагорном Дагестане в ходе шариатского движения XVIII в. Но он проводил свои реформы уже в масштабе не отдельных общин и их союзов, а всего региона.

Шамиль создал в Дагестане и Чечне военно-теократическое государство — *имамат*. Превращение имама в правителя началось еще при Гази-Мухаммеде. В присоединившихся к нему селениях он нередко оставлял своих *наибов*-заместителей. У Гамзат-бека были уже постоянные наибы, каждый из которых возглавлял определенный район. После уничтожения аварских ханов второй имам открыто начал играть роль правителя Аварии. Процесс оформления государственного устройства имамата завершился при Шамиле.

Имам Шамиль в Калуге
Фото братьев Блюм с дарственной надписью имама Ф.С.Шукину (1868—1869)

К середине 50-х гг. третий имам стал суверенным правителем края. При нем завершилось государственное строительство имамата. Во главе пирамиды стоял Шамиль. Как имаму ему принадлежала верховная светская и религиозная власть. Он официально принял титул *халифа* (*амир ал-муминин*, араб. *предводитель правоверных*), что должно было придать его власти легитимность в глазах мусульман Кавказа и Ближнего Востока. Тем самым Шамиль прямо связывал себя с преемниками Мухаммеда, четырьмя «праведными халифами», при которых в мусульманском мире VII в. и появился этот титул. Вместе с тем в дипломатической переписке Шамиль продолжал признавать примат духовной власти османского султана, который также носил этот титул и претендовал на духовную преемственность с правителями Арабского халифата.

Подобно правителям халифата, имам сосредоточивал в своих руках не только религиозную, но и военную, исполнительную, законодательную и судебную власти. Он являлся верховным судьей на территории имамата. Два дня в неделю — субботу и воскресенье — Шамиль посвящал приему жалобщиков. Решение обычно выносилось на месте. Чтобы помочь имаму в его политических, административных, религиозных и судебных обязанностях, в 1842 г. был создан совет (*диван*) из приближенных Шамиля.

Наибы были опорой военно-административного аппарата. Они назначались имамом. Наибство обычно включало в себя одно «вольное общество», но в некоторых случаях несколько. Число наибов было различным в разное время: от четырех в 1840 г. до 33 — в 1856 г. Одним из знаменитых наибов Шамиля стал убийца Гамзат-бека Хаджи-Мурат. Наиб отвечал за порядок на своей территории, должен был собирать налоги, приводить в исполнение приговоры шариатских судей и судить своих подчиненных по военно-административным законам Шамиля. Позднее был создан чин *мудира*, который отвечал перед имамом за несколько соседних наибств. Ниже наиба стояли *дибиры* или *мазумы*, которые руководили подразделениями наибства. Им подчинялись старшины деревень. Для того чтобы контролировать наибов и мудиров и собирать информацию, независимую от их отчетов, у имама были *мухтасибы*, которые путешествовали инкогнито и сообщали Шамилю о деятельности его заместителей. По этим донесениям многие наибы, в том числе Хаджи-Мурат, были смещены имамом.

Основой своего государства Шамиль сделал мусульманское право (*шариат*). Это было действенное оружие в борьбе с «невер-

ными» русскими завоевателями. Он провел целый ряд судебно-административных реформ. Их целью было, во-первых, укрепление шариата и, во-вторых, искоренение местных норм обычного права (*адата*) и некоторых нововведений (араб. *бида*), появившихся на Кавказе в результате контактов с русскими. Инструкции и постановления Шамиля, принятые в 1842—1847 гг. по разным общественным вопросам, известные под именем *Низама,* были равносильны законодательству. Шамиль не был таким уж непримиримым врагом адата и сторонником «чистого» шариата, каким его рисуют дагестанские исторические предания. Правовая реформа (*низам*) Шамиля, как и другие мероприятия, проводившиеся в имамате в условиях непрерывной войны, не могла быть последовательной и окончательной. Положения мусульманского права сочетаются в ней с некоторыми нормами адата. В наибствах по законам низама судили с учетом местного обычного права.

В социальной сфере Шамиль продолжал начатую первыми двумя имамами борьбу с ханско-бекской знатью. При нем большинство семей беков и чанков Нагорного Дагестана были физически истреблены. Последний представитель рода аварских ханов мальчик Булач-хан был сброшен в пропасть (1834), а большинство кланов беков и чанков в горах и предгорьях вырезаны. Их владения составили основу государственного имущества имамата (араб. *байт ал-мал*). После разгрома имамата они перешли в российскую казну. Социальной опорой государства Шамиля была сельская община (*джамаат*).

Благодаря реформам Шамилю удавалось почти четверть века сопротивляться хорошо оснащенной военной машине Российского государства. Вопреки укоренившемуся мнению реформы Шамиля не прерывались после его поражения в войне. Российские власти нередко продолжали его преобразования, порой проводя их руками шамилевских наибов, перешедших на российскую службу. Опыт реформ Шамиля в Дагестане был использован и на юге края, а также на равнине, никогда не входивших в состав имамата. Как ни парадоксально, уничтожение горской знати и унификация судебно-административного управления Нагорного Дагестана и Чечни, осуществлявшиеся в имамате, помогли утверждению российского владычества на Северо-Восточном Кавказе.

За несколько лет Шамиль подчинил себе значительную часть Северо-Восточного Кавказа. Применяя тактику партизанской войны, он тревожил гарнизоны русских крепостей левого фланга и центра Кавказской линии. К 1835 г. он усилился настолько, что

осадил в Хунзахе правителя Аварии Аслан-хана Казикумухского. Новый начальник Отдельного Кавказского корпуса генерал Е.А. Головин (1837—1842) послал в 1837 г. против Шамиля генерал-майора К.К. Фези, который захватил аварские селения Хунзах, Ашильта, укрепление Ахульго и осадил имама в Телетле, но не смог взять его и вынужден был заключить с ним перемирие. Экспедиция против Шамиля, посланная в 1839 г. под руководством генерал-адъютанта П.Х. Граббе, осадила его в крепости на горе Ахульго, но имам с небольшим отрядом мюридов пробился сквозь кольцо осаждавших и скрылся в горах Аварии.

Уже в 1840 г. Шамиль возобновил военные действия против русских в Чечне. Из множества стычек, произошедших в этом году, особенно кровопролитно было сражение под Валериком 11 июля. Чеченцы совершили набег на русское военное поселение Александровское по Военно-грузинской дороге, а войско под командованием самого имама безуспешно пыталось взять Назрань. Наиб Шамиля Кебед-Мухаммед (известный в русских источниках как Кибит-Магома) подчинил его власти ряд селений в долине р. Андийское Койсу и «вольное общество» аварцев Салатавии. Весной 1842 г. генерал Головин отправился из Ичкерии в поход против резиденции Шамиля, находившейся тогда в даргинском с. Дарго, но был разбит горцами и вынужден был с большими потерями отступить. В том же году наибы Шамиля пытались поднять против российских властей сельские общества Южного Дагестана. Поражения русских войск в 1842 г. послужили причиной замены Головина на посту командующего Отдельным Кавказским корпусом генерал-адъютантом А.И. Нейдгартом (1842—1844). Продолжалось укрепление левого фланга Кавказской линии. В 1844 г. было возведено укрепление Петровск (современная Махачкала).

4. Первый и второй периоды войны на Северо-Западном Кавказе. Наибы Шамиля Хаджи-Мухаммед (1842—1844), Сулейман-Эфенди (1845—1846) и Мухаммед-Амин (1848—1859) в Черкесии. Действия М.С. Воронцова (1844—1854)

На Северо-Западном Кавказе в течение двух первых периодов Кавказской войны активных военных действий между русскими

войсками и отрядами «немирных» горцев не велось. Главной целью российского командования здесь была изоляция местного населения от враждебного России мусульманского окружения в Османской империи. Ситуацию во многом определяли враждебные России действия Порты.

Опорным пунктом Османской империи на побережье Северо-Западного Кавказа вплоть до русско-турецкой войны 1828—1829 гг. оставалась крепость Анапа, оборонять которую помогали отряды натухайцев и шапсугов. Русские войска, осадившие крепость в мае 1828 г., смогли взять ее только в середине июня. Успехи российских войск на Балканах и в Закавказье и прямая угроза взятия Константинополя вынудили Османскую империю пойти на подписание мирного договора, оформленного в Адрианополе в августе 1829 г. К России отходили Анапа, Поти и Ахалцих; Порта отказывалась от своих притязаний на закубанские территории.

Основываясь на положениях Адрианопольского договора, определившего политический статус Западной Черкесии, российское правительство перешло к решительным действиям, направленным на подчинение адыгов военно-административной власти империи. Стремясь укрепить Черноморское побережье, воспрепятствовать контрабандной торговле закубанцев и держать в осаде поселения прибрежных натухайцев, шапсугов, убыхов и садзов, военное командование учредило Черноморскую береговую линию. Береговые укрепления, возведенные в 1837—1839 гг., протянулись от Анапы до Пицунды. Но в начале 1840 г. Черноморская линия была сметена широкомасштабным наступлением шапсугов, натухайцев, убыхов на прибрежные форты. К ноябрю того же года береговые укрепления были восстановлены, но сам факт разгрома Черноморской береговой линии показал, сколь мощным потенциалом сопротивления обладали черкесы Закубанья.

В то время как на Северо-Восточном и на Северо-Западном Кавказе продолжались военные действия, политическая обстановка в покорившихся России районах Центрального Предкавказья не могла оставаться спокойной. Здесь вспыхивали стихийные крестьянские выступления, которые, как правило, жестоко подавлялись в ходе карательных экспедиций. Результатом одной из таких экспедиций, предпринятой генералом Абхазовым против ингушей и тагаурцев летом 1830 г., стало включение Осетии в административную систему империи и введение здесь системы приставского управления, о которой уже говорилось выше (см. гл. 4). Недовольные

исходом событий 1830 г., крестьяне отказались признать российские нововведения. Для водворения порядка в Осетию снова был отправлен русский военный отряд. Жертвой расправы стало селение Кобан. Жители сожженного Кобана были насильно выдворены на равнину и поселены на Ардонском хуторе. С 1831 г. в Осетии окончательно установилось российское военное управление.

Третий период Кавказской войны (40-е — первая половина 50-х гг. XIX в.) отмечен попытками Шамиля завязать связи с мусульманскими повстанцами на Северо-Западном Кавказе. Туда отправлялись *наибы* имама — Хаджи-Мухаммед (1842—1844) и Сулейман-Эфенди (1845—1846). Весной 1846 г. Шамиль предпринял попытку прорваться в Западную Черкесию. С девятитысячным войском он подошел к Кабарде и, переправившись на левый берег Терека, расположился в селах кабардинского владельца Мухаммед-Мирзы Анзорова. Предполагалось, что на соединение с армией Шамиля выступят отряды западных адыгов под предводительством Сулеймана-Эфенди. Однако желаемой поддержки ни у них, ни у кабардинцев Шамиль не нашел. Поэтому он вынужден был отступить назад, в Чечню. С ним ушло несколько сот кабардинцев, его активных сторонников, и в их числе Мухаммед-Мирза Анзоров.

Мухаммед-Амин
С картины И.С. Богатырева «Магомет Амин — наиб Закубанский» (1920—1930-е гг.)

В конце 1848 г. в Черкесии появляется третий *наиб* Шамиля — Мухаммед-Амин. Скоро ему удалось продвинуться дальше своих предшественников по пути создания у западных адыгов централизованной государственности с элементами теократии. Он завершил создание в Абадзехии единой системы административного управления, поделив территорию абадзехских обществ на четыре округа — *мехкеме* и обложив население налогами, на которые содержались отряды всадников регулярной армии Шамиля (*муртазиков*). Утвердившись у абадзехов, Мухаммед-Амин взялся за распространение новых порядков у других адыгских «племен». С начала 1850 до мая 1851 г. ему подчинились бжедуги, шапсуги, натухайцы, убыхи и несколько более мелких обществ. Были созданы еще три мехкеме — два в Натухае и один в Шапсугии. Огромная территория между Кубанью, Лабой и Черным морем оказалась подвластна *наибу*. Но ему не удалось закрепить достигнутое и воспользоваться благоприятными для адыгов внешнеполитическими обстоятельствами, связанными с Крымской войной, в которой на стороне Османской империи выступили Великобритания и Франция.

Учитывая уязвимость Черноморской береговой линии, Николай I распорядился оставить ее, уничтожив русские укрепления. Ожидая всплеска активности в Западной Черкесии и в имамате Шамиля в ответ на военные действия союзных войск, российское командование сконцентрировало на кордонных линиях по Кубани и Тереку основные силы Кавказской армии. Однако недостаток доверия и взаимопонимания между союзным командованием и адыгскими лидерами, противоречивые действия союзнических войск привели к тому, что Черкесия оказалась в стороне от главного театра военных действий, а ее население заняло выжидательную позицию.

Российские главнокомандующие на Кавказе часто менялись. Нейдгарта вскоре заменил граф М.С. Воронцов (1844—1854). По сравнению с предшественниками его полномочия были значительно расширены. Кроме военной власти Воронцов сосредоточил в своих руках гражданское управление всеми российскими владениями на Северном Кавказе и в Закавказье. Воронцов активизировал военные действия в горных районах, контролировавшихся имаматом. В июне 1845 г. он проник в глубь Северного Дагестана, захватил и уничтожил с. Дарго, долго служившее резиденцией Шамилю. Этот поход доставил ему княжеский титул, но стоил России огромных потерь. С 1846 г. на левом фланге Кавказской линии

было возведено несколько новых укреплений и казачьих станиц. В Чечне русские войска продвигались вперед, производя вырубку лесов в предгорьях.

Воронцов предпринял несколько решительных, но мало значащих походов на территорию имамата. В 1847 г. он осадил аварское с. Гергебиль, но отступил из-за распространения в русских войсках эпидемии холеры. Этот важный опорный пункт имамата был взят в июле 1848 г. генерал-адъютантом князем З.М. Аргутинским. Несмотря на это поражение, отряды Шамиля вскоре возобновили свои действия на юге Лезгинской линии и в 1848 г. безуспешно пытались овладеть русским укреплением в лезгинском с. Ахты. В 1852 г. новый начальник Левого фланга генерал-адъютант князь А.И. Барятинский смог выбить «немирных» горцев из ряда стратегически важных селений Чечни.

5. Северный Кавказ в Крымской войне (1853—1856). Князь А.Н. Барятинский и окончание Кавказской войны на Северо-Восточном Кавказе (1859). Покорение адыгов Северо-Западного Кавказа (1859—1864)

Новый, четвертый период Кавказской войны начался в связи с разворачиванием Крымской войны (1853—1856). Кавказский фронт оказался важным ее участком. На Северо-Восточном Кавказе в это время активизировались действия Шамиля. В 1854 г. имам начал совместные с Турцией военные действия против России на Северном Кавказе и в Закавказье. В июне 1854 г. отряд под предводительством самого Шамиля перешел через Главный Кавказский хребет и разорил грузинское с. Цинандали. Узнав о приближении русских войск, армия имама отступила в Дагестан, унеся с собой большую добычу и несколько заложников.

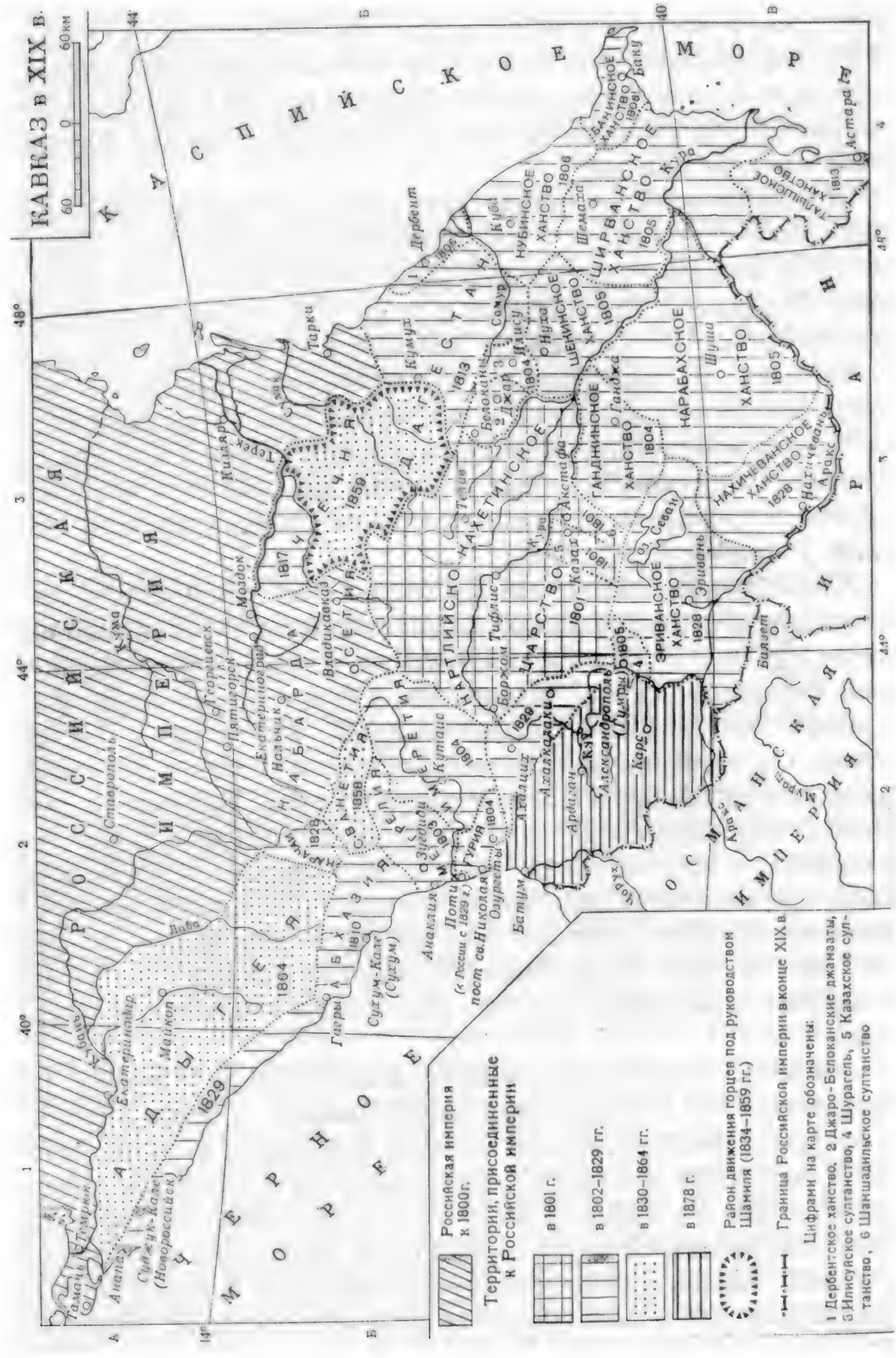
На Северо-Западном Кавказе русские войска оставили Кубань и укрепления Черноморской кордонной линии. В 1854 г. князь Воронцов не смог поправить положение и покинул Кавказ, передав управление корпусом генерал-майору Реаду. Положение изменилось только после вступления на престол нового императора Александра II (1855—1881) и окончания Крымской войны. Сменив нескольких главнокомандующих, правительство назначило руко-

водителем русских войск на Кавказе кн. Барятинского (1856—1862). Кавказский корпус был усилен войсками, вернувшимися из Анатолии. К этому времени силы Шамиля начали иссякать. Разоренные войной сельские общины горцев стали сдаваться российским военным властям.

Крымская война оказалась тяжелым испытанием не только для Российской империи, но и для союзнической коалиции. В феврале 1856 г. начались мирные переговоры между воюющими державами. Парижский мирный договор (март 1856 г.) фактически признал за Россией ее права на все завоевания на Кавказе, начиная с 1774 г. Единственным пунктом, ограничивающим российское владычество в регионе, являлось запрещение содержать военный флот на Черном море и строить прибрежные укрепления. Несмотря на условия Парижского договора, западные державы пытались поддерживать мусульманское повстанчество на южных кавказских границах Российской империи.

Свободное побережье способствовало тому, что многочисленные турецкие и европейские (большей частью английские) суда под видом торговли подвозили к черкесским берегам порох, свинец и соль. В феврале 1857 г. к берегам Черкесии отправился отряд иностранных волонтеров, в основном поляков, численностью 374 человека. По замыслу организаторов экспедиции, небольшой отряд, предводительствуемый польским инсургентом Т. Лапинским, должен был перерасти в артиллерийский корпус регулярной армии. Но этим планам не дали реализоваться противоречия и конфликты между сторонниками шамилевского наиба Мухаммед-Амина и османского офицера Сефер-бей Зана, действовавших больше во вред себе, чем России, отсутствие действенной помощи со стороны Стамбула и Лондона, внутренние разногласия в черкесском обществе.

Война вступила в свой заключительный этап. В 1856—1857 гг. отряд генерала Н.И. Евдокимова выбил Шамиля из Чечни и добился покорения всех «немирных» селений. В Дагестане русскими войсками была взята Салатавия, составлявшая один из главных оплотов Шамиля. Он пытался было отвлечь внимание противника диверсией против Назрани, но был отбит и отступил в чеченское с. Ведено, сделав его своей новой резиденцией. В апреле 1859 г. Ведено было взято. Шамиль отступил в свое последнее убежище, аварское с. Гуниб, которое было осаждено и взято 25 августа 1859 г. (6 сентября по нов. ст.). Шамиль сдался Барятинскому. После



Российские территориальные приобретения на Кавказе XIX в.

капитуляции имама отправили с семьей в ссылку в г. Калугу. Тут он жил с 1859 по 1869 г. Калужскую ссылку разделили с Шамилем и некоторые его приближенные. В 1870 г. Шамиль получил от Александра II дозволение совершить *хадж*, выехал из России и поселился в г. Медине, где скончался и похоронен в 1871 г. Кавказская война на Северо-Восточном Кавказе была завершена. На Северо-Западном Кавказе сопротивление горцев продолжалось до мая 1864 г. Оно было сломлено уже при вел. кн. Михаиле Николаевиче, сменившем кн. Барятинского на посту командующего Кавказской армией в 1862 г.

1859—1864 годы составляют последний, пятый период войны, когда Российской империи противостояли разрозненные отряды адыгов, сражавшиеся в труднодоступных горных районах Северо-Западного Кавказа. На завершающем этапе войны военные действия отличались особой жестокостью. «Черкесские аулы выжигались сотнями». После пленения Шамиля русское военное командование перебросило значительные силы с Левого фланга Кавказской линии на Правый, где и до этого находилась большая часть Кавказской армии. В ноябре 1859 г. Мухаммед-Амин, как и *имам*, признал себя побежденным и присягнул на верность России. В декабре этого же года внезапно скончался Сефер-бей Зан, а к началу 1860 г. покинул Черкесию отряд европейских волонтеров. В этом же году прекратили сопротивление натухайцы. Но шапсуги, абадзехи и убыхи продолжали борьбу за независимость.

Западные адыги предприняли попытку объединиться. На общем собрании представителей абадзехов, шапсугов и убыхов, состоявшемся в июне 1861 г. в долине Сочи, был учрежден верховный орган власти — *Меджлис*, который ведал всеми внутренними делами черкесов, включая сбор ополчения. По сути, новая система управления повторяла тот механизм, который был учрежден Мухаммед-Амином, но с существенной разницей — верховное руководство поручалось группе влиятельных лиц. Объединенное правительство абадзехов, шапсугов и убыхов пыталось добиться признания своей независимости и вести переговоры об условиях прекращения войны с российским военным командованием. Они просили российские власти не строить на территории их союза дорог, укреплений, станиц, не вводить туда войска, дать им политическую самостоятельность и свободу вероисповедания. Одновременно они обращались к Британии и Османской империи за официальным дипломатическим признанием и помощью.

Но все эти попытки ни к чему не привели. Более того, российское военное командование, широко используя тактику «выжженной земли», рассчитывало вообще очистить все Черноморское побережье от непокорных черкесов, либо истребив их, либо изгнав за пределы края. До весны 1864 г. продолжалось вооруженное сопротивление черкесов. 21 мая в местечке Кбаада (Красная поляна) в верховьях р. Мзымта торжественным молебном и парадом войск было отпраздновано окончание Кавказской войны и утверждение русского владычества на Западном Кавказе.

6. Основные направления историографии Кавказской войны

Осмысление Кавказской войны в историографии продолжается до настоящего времени. И по меткому замечанию современного русского историка Д.И. Олейникова, «Кавказская война историографий продолжается и в наши дни»[7]. В заключение следует сказать об основных направлениях и теориях, существующих в огромной многоязычной литературе об этой войне. Можно выделить три основные устойчивые научные традиции. Они отражают позиции трех основных политических соперников, интересы которых столкнулись в войне: Российской империи, великих держав Запада и, наконец, горцев, а точнее, сторонников движения мусульманского сопротивления. Эти традиции определяют трактовки войны в исторической науке. Все они продолжают сосуществовать, соперничать и вместе с тем оказывать друг на друга влияние на протяжении полутора веков. Что же можно сказать об идеях, характеризующих теоретические основы каждого направления?

Во-первых, это **российская имперская традиция**, начало которой задолго до революции 1917 г. положил курс лекций генерала Д.И. Романовского. Ее ключевыми понятиями, точнее, образами являются «умиротворение Кавказа» и «колонизация» (в смысле — освоение территории). После резкой смены исторического дискурса в России после революции 1917 г. сторонники русской имперской традиции перекочевали в Западную Европу и США. За рубежом они испытали сильное влияние первой волны русской эмиграции, а позже, как это ни парадоксально, советской исторической школы. Из эмигрантских работ следует выделить известный учебник Н. Рязановского (сына русского эмигранта-историка) «История

России», выдержавший пять переизданий. Сторонники этого направления представлены в англоязычной «Современной энциклопедии по русской и советской истории», выходившей в 1970-е гг. под редакцией Дж.Л. Висжинского[8]. В России это направление представлено ныне работами историка М.М. Блиева и его школы. В 1994 г. вышла книга Блиева и В.В. Дегоева «Кавказская война», в которой имперская научная традиция сочетается с ориенталистским подходом[9] (о ней будет рассказано в гл. 14).

В раннее советское время в России сложилась вторая научная традиция исследований Кавказской войны, которую можно назвать **традицией сторонников движения горцев**. Она основана на противопоставлении «завоевания» и «сопротивления». В советское время (конец 20-х — 30-е гг. и после 1956 г.) завоевателями выступали отделенные от «народа» антропоморфные «царизм» и «империализм». В этой традиции можно найти ключевые понятия, взятые из имперского направления, но поставленные в иную систему координат.

Горцы императорского конвоя

Представление о советской трактовке «колонизации» на Северном Кавказе может дать отрывок из авторитетного труда известного историка российско-кавказских отношений А.В. Фадеева:

«...всякое колонизационное движение вызывается не какими-либо идейными побуждениями или свойствами национального характера, а экономическими потребностями общественных классов и социальными условиями их существования. При этом государство поощряет те формы и направления колонизационного процесса, которые выгодны в данный момент господствующему классу»[10].

Немало сторонников горского сопротивления имеется среди зарубежных кавказоведов. Они вышли из школы советологии, в годы «холодной войны» творчески развившей идеи ранней советской историографии. Сторонники горского движения известны не только популярной работой Лесли Бланч «Сабли рая» (1960), наиболее часто цитирующейся и сравнительно недавно переведенной на русский язык (Махачкала, 1991). В более серьезном исследовании Роберта Баумана «Необычные русские и советские войны на Кавказе, в Средней Азии и Афганистане» речь идет об «интервенции» русских на Кавказе и о «войне против горцев» в целом. Последним по времени является уже ставшее классическим исследование израильского историка Моше Гаммера «Мусульманское сопротивление царизму: Шамиль и покорение Чечни и Дагестана»[11]. Особенность всех этих работ — отсутствие в них российских архивных источников.

Вместе с тем на Западе широко распространена и третья, **геополитическая традиция**, в основе которой лежит вера в изначально присущее России стремление расширяться и «порабощать» присоединенные территории. Геополитическая школа, видимо, берет начало в публицистике Д. Уркварта. Его печатный орган «Portfolio» (выходил с 1835 г.) уравновешенные западные историки признают «органом русофобских устремлений». Именно у Уркварта встречается образ Кавказа только как «**щита**», прикрывающего Персию и Турцию (а стало быть, и британскую Индию) от русского наступления. Классическим трудом этого направления считается вышедшая еще в начале XX столетия работа Дж. Бэдли «Завоевание Россией Кавказа». Наиболее обстоятельная опора этой школы находится в «Обществе исследований Центральной Азии», в издаваемом им журнале «Central Asian Survey» (Лондон, Великобритания) и выразившем *credo* этого «Общества...» сборнике «Северо-Кавказский барьер. Наступление России на мусульманский мир»[12]. Само название сборника отражает основы видения происходящих в регионе процессов.

---

[1] *Фадеев Р.А.* Шестьдесят лет Кавказской войны // *Он же.* Собрание сочинений. СПб., 1889. Т. 1. Ч. 1. Ср.: *И.*[*И.*] *О*[*реус.*] Кавказские войны // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1894. Т. XIIIа (имеется недавняя перепечатка без указания имени автора: Кавказские войны // *Торнау Ф.Ф.* Воспоминания кавказского офицера. М., 2000. С. 324—341); *Покровский Н.И.* Кавказские войны и имамат Шамиля / Ред. В.Г. Гаджиев. М., 2000.

[2] Записки А.П. Ермолова. М., 1868. Т. 1. С. 34.

[3] *Мухаммед-Тахир аль-Карахи.* Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских сражениях / Пер. и коммент. А.М. Барабанова и Т.М. Айтберова. Махачкала, 1990. Ч. 1. С. 18.

[4] См. подробнее об этом: *Кемпер М.* К вопросу о суфийской основе джихада в Дагестане // Подвижники ислама. Культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе / Ред. С.Н. Абашин, В.О. Бобровников. М., 2003. С. 280.

[5] О правлении второго имама см.: Гамзат-бек, второй имам Чечни и Дагестана. Смерть ханши Паху-бике. Описание ханского дворца в Хунзахе // Кавказский сборник. Тифлис, 1911. Т. XXXI. С. 40; *Аль-Карахи М.-Т.* Блеск дагестанских сабель... Ч. 1. С. 127—128.

[6] *Комаров А.В.* Адаты и судопроизводство по ним // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1868. Вып. I. Отд. 1. С. 7.

[7] *Олейников Д.И.* Россия в Кавказской войне: поиски понимания // Россия и Кавказ сквозь два столетия. Сб. ст. / Сост. Г.Г. Лисицына, Я.А. Гордин. СПб., 2001. С. 69.

[8] *Riasanovsky N.A.* A History of Russia. N.Y.; Oxford, 1993. P. 389; The Modern Encyclopedia of Russian and Soviet History / Ed. by Joseph L. Wieczynsky. 1978. Vol. 7. P. 145—151.

[9] *Блиев М.М., Дегоев В.В.* Кавказская война. М., 1994.

[10] *Фадеев А.В.* О внутренней социальной базе мюридского движения на Кавказе XIX в. // Вопросы истории. 1955. № 6.

[11] *Gammer M.* Muslim Resistance to the Tsar: Shamil and Conquest of Chechnia and Daghestan. L., 1994. Существует пиратский русский перевод этой книги, правда не согласованный с автором и изобилующий грубыми фактическими ошибками и опечатками: *Гаммер М.* Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. М., 1997.

[12] North Caucasus Barrier. The Russian Advance toward the Muslim World / Ed. by M. Bennigsen Broxup. L., 1992.

Глава 6

ПОСЛЕДНИЕ ВОЛНЕНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

(1) Мусульманское повстанчество второй трети XIX в. (2) Сельские волнения в Дагестане и Чечне (1859—1871). Причины их подъема и поражения. Лидеры мусульманского повстанчества. (3) Роль суфизма в мусульманском сопротивлении. Движение Кунта-Хаджи. Исламофобия имперских властей и борьба с «зикризмом». (4) Появление абречества и его эволюция. (5) Восстание 1877 г. Его основные центры, лидеры и этапы. Подавление восстания. (6) Политическая ссылка как орудие интеграции северокавказских мусульман в Россию. Ее пути, ход и историческое значение. Адаптация горцев к российской действительности.

1. Мусульманское повстанчество второй трети XIX в.

История сопротивления мусульман Северного Кавказа российскому владычеству после окончания Кавказской войны еще плохо изучена. За пределами внимания ученых осталось большинство первоисточников. Сведения о восстаниях черпают в основном из официальных документов и мемуаров, исходящих из лагеря противников движений. Местные горские источники на арабском, тюркских и кавказских языках, характеризующие взгляды самих восставших, используются еще очень редко. Только в последнее время началась работа по их переводу на русский язык[1]. Абсолютно неизученными остаются документальные и нарративные источники из бывших османских архивов. Все эти соображения заставили нас посвятить отдельную главу этой важной и сложной проблеме.

Хронологически последние восстания охватывают период с 1858/59 до 1877 г. Они захватили в основном горные и равнинные

районы Северо-Восточного Кавказа и Абхазию в Закавказье. На Северо-Западном Кавказе до 1864 г. продолжались военные действия. После окончания Кавказской войны серьезного сопротивления там не было по двум причинам. Во-первых, горцы были насильно выселены из труднодоступных ущелий на равнину. Большая часть переселенцев в первые же годы после установления российского владычества эмигрировала с Северного Кавказа в Османскую империю. Во-вторых, организации сопротивления мешало чересполосное расселение «замиренных горцев» с казаками и переселенцами из Южной России. Что же касается Северо-Восточного Кавказа, то здесь сопротивление принимало самые различные формы: от бунтов и набегов, убийства отдельных чиновников до крупных восстаний и массовых переселений в Османскую империю.

2. Сельские волнения в Дагестане и Чечне (1859—1871). Причины их подъема и поражения. Лидеры мусульманского повстанчества

После разгрома имамата вооруженное сопротивление российским властям не имело единого центра и руководства. Между волнениями в Нагорном Дагестане, Чечне и Ингушетии, как правило, не было связей, хотя восстание в одном районе порой перекидывалось на соседний. Сопротивление имело локальный характер и обычно охватывало территорию отдельных селений, самое большее — округов. Между 1859 и 1877 гг. в Дагестанской области можно насчитать 18 выступлений против власти русских. Крупнейшими из них были волнения «вольного общества» андийцев в 1860 и 1861 гг., движение сельских общин Ункратля под предводительством Каракуль-Магомы из с. Хварши в 1861—1862 гг., восстание 1863 г. в Закатальском округе, волнения в Кайтаго-Табасаранском и Аварском округах в 1866—1867 гг., повторное восстание ункратлинцев в 1871 г. Все они были подняты жителями труднодоступных горных районов. На их подавление российские военные власти потратили немало времени и сил. Поводом к выступлениям служили изменение системы управления в крае, рост налогов, переселение горцев на равнину, слухи о готовящемся крещении горцев и обращении их в казаков.

Раньше всего волнения начались в Ингушетии. Здесь они были вызваны массовыми переселениями. Взбунтовавшийся в мае 1858 г.

союз общин назрановцев добивался уничтожения Назрановского редута. К восставшим присоединились карабулаки и галашевцы. Подтянув подкрепления из-под Владикавказа, военное командование подавило восстание. По приговору военно-полевого суда пять руководителей восстания были казнены, 37 человек прогнаны через строй и сосланы в каторжные работы, а несколько сотен участников высланы на поселение в Сибирь. В мае 1860 г. восстали жители чеченского аула Беной. Соединившись с общинами Верхней Ичкерии, они повели партизанскую борьбу в лесах между реками Ямансу и Аксай. Во главе восставших стояли Султан-Мурад и Бойсунгур из Беноя. Только в начале 1861 г. русские войска смогли окружить и истребить ополчение восставших. Были сожжены 15 селений, включая Беной и его хутора. Оставшиеся в живых жители их были выселены частью на равнину Большой Чечни, а частью в селения Ичкерии.

Одному из руководителей Беноевского восстания, Султан-Мураду, удалось бежать. Он присоединился к Аргунскому восстанию, начавшемуся в июне 1860 г. под руководством Умы Дуева из с. Дзумзой и кади Шатоевского общества Атабая. Отряды восставших блокировали все укрепления Кавказской линии от Шатоя до редута Евдокимовское. К ним присоединились горские ополчения Чактинского наибства и конфедерации аккинцев. Восставшие осадили несколько русских укреплений, но взять их так и не смогли. Командующий войсками Терской области генерал Н.И. Евдокимов при поддержке регулярных войск и казаков разбил восставших на Аргуне. Однако уже в октябре 1860 г. волнения вновь начались и продолжались до начала 1861 г. К подавлению выступления были привлечены отряды чеченской горской милиции под руководством генерала Мусы Кундухова. Атабай и Султан-Мурад и все активные участники движения были выселены с семьями в Центральную Россию.

Донесения русских властей Дагестана также пестрят сведениями о сельских бунтах[2]. В 1861 г. начались волнения в Северном Дагестане. Ункратлинцы под предводительством Каракуль-Магома перебили сельских старшин в селениях Ботлих, Тинди и чамалинских обществ на границе с Чечней. Стянув в этот район военные силы, власти Дагестанской области подавили движение. 143 участника были высланы с Северного Кавказа. В 1863 г. началось восстание в Закатальском округе в Северном Азербайджане, вызванное злоупотреблениями местного начальства при попытках об-

ращения мусульман в православие. Во главе восстания встал штабс-капитан горской милиции Хаджи-Муртуз. Восставшие осадили русскую крепость в с. Закаталы и уничтожили шедший на подмогу к осажденным отряд генерала Шаликова. Волнения были сурово подавлены. Участники были осуждены военно-полевым судом на ссылку с семействами во внутренние губернии России. Их дома были разрушены, а сады вырублены. Закатальские события вызвали новые брожения в Гумбете и Ботлихе.

В 1866 г. крупное восстание произошло в Кайтаго-Табасаранском округе. Жители с. Харбук отказались вносить новую подымную подать в 2 руб. и восстали, но вскоре были разбиты регулярными войсками и сосланы во внутренние губернии страны. В июне 1866 г. волнения перекинулись на с. Маджалис, куда решено было перенести ставку окружного начальника после упразднения Кайтагского уцмийства. На этот раз причиной восстаний было уничтожение священной власти *уцмия*, род которого относили к *сейидам* — потомкам пророка Мухаммеда, и опасение введения в округе христианских порядков. Уже в июле бунт был подавлен, но волнения перекинулись сначала на Северный Табасаран, а затем в Аварию. В Аварском округе во главе недовольных встал племянник Шамиля Габизат-Магома. Он собрал ополчение из селений Эрпели, Каранай, Унцукуль и Ашильта. Однако по доносу сельских старост руководители готовящегося выступления были схвачены и высланы с семействами в Сибирь. Движение было задушено до подъема восстания.

Цепь многочисленных волнений в Дагестане 60-х гг. заканчивается повторным крупным восстанием ункратлинцев в 1871 г. Об этом характерном случае локального восстания стоит рассказать в подробностях[3]. В 1871 г. начальник Ункратлинского участка наиб Хаджияв Каратинский задержал группу горцев из с. Сильди, конфисковав у них кожу, полученную, как он считал, контрабандой из Грузии. Против сильдинцев было возбуждено уголовное дело, и они были заключены в тюрьму в окружном центре Ботлихе. Во время заключения некоторые из задержанных умерли. В отместку сильдинцы напали на дом ставшего их кровником наиба, сожгли здание, а самого наиба, успевшего выскочить из пожара, зарубили. Затем восставшие сильдинцы разбили отряд горской милиции под командованием прапорщика Ахмед-хана. Восстание быстро распространилось на соседние селения. Оно было подавлено при помощи регулярных войск только несколько месяцев спустя. По при-

говору военного суда все участники бунта были высланы в Ставрополье. Селения их были разрушены.

3. Роль суфизма в мусульманском сопротивлении. Движение Кунта-Хаджи. Исламофобия имперских властей и борьба с «зикризмом»

Порой русские военные власти сами провоцировали горцев на восстания своими неумелыми действиями в области религии. Причиной тому была исламофобия, укоренившаяся в российской политике в XIX в. После Кавказской войны кавказское и центральное начальство как огня боялись шариата и суфизма. В них видели серьезную опасность стабильности российской власти в регионе. Плохое знание местных и общих исламских реалий (как, кстати, и в настоящее время) приводило к серьезным осложнениям в российской внутренней политике на Северном Кавказе. Не замечая различий в религиозных практиках и даже политической ориентации разных суфийских братств, российские власти повели борьбу главным образом против отделений (*вирдов*) братства Кадирия, появившегося на Северном Кавказе к середине XIX в.

Власти не видели разницы между ответвлением братства Накшбандия под руководством Абдуррахмана Согратлинского, выступавшего за джихад, и пацифистским движением, связанным с именем шейха братства Кадирия Кунта-Хаджи (рубеж XVIII—XIX вв. — 1867) из с. Киши. Между тем Кунта-Хаджи еще в 50-е гг. осуждал любую войну, призывая к смирению, отказу от призрачного земного бытия и самосовершенствованию. За эти взгляды он подвергся гонениям в имамате Шамиля и отправился в *хадж* в 1858 г. Вернувшись на родину после пленения Шамиля (1861), он возобновил свою проповедь. Шейх быстро приобрел себе учеников-*мюридов*, число которых доходило до 5 тысяч. За любовь к публичному коллективному исполнению *зикр*а (молитвы с поминанием имен Аллаха, включавшей в себя танец и пение) последователей Кунта-Хаджи назвали *зикристами*. Эти особенности ритуала отличали их от братства Накшбандия, члены которого предпочитали совершать тихий зикр.

Страхи перед суфизмом в его кадиритском обличье хорошо видны из донесения командующего войсками Терской области, а

позднее областного начальника генерала кн. М.Т. Лорис-Меликова. «Учение зикра, — писал он главнокомандующему Кавказской армией, — направлением своим во многом подходящее газавату, служит теперь лучшим средством народного соединения, ожидающего только благоприятного времени для фанатического пробуждения отдохнувших сил». Генерал полагал, что бороться с Кадирия следует осторожно, используя не столько военную силу, сколько опираясь на его противников из числа чеченских *алимов* и мулл. Грубый нажим, по его мнению, мог привести к перерождению движения в мусульманское повстанчество. «Для нас будет очень невыгодно, — отмечал он в том же донесении, — если взамен религиозной секты у чеченцев явится вождь восстания»[4]. В громком публичном исполнении зикра власти видели аналог военных песен, исполнявшихся в армии Шамиля перед началом сражений.

Начальство Терской области запретило публичное исполнение зикра. Над Кунта-Хаджи и его семьей был учрежден надзор. 3 января 1864 г., боясь возможной вспышки нового восстания в Чечне вскоре после начала волнений в Польше, власти Кавказского наместничества арестовали шейха и его брата Мовсара в Шалинском районе Аргунского округа и под особым конвоем отправили через Владикавказ в Новочеркасск. Затем Кунта-Хаджи был выслан на вечное поселение в с. Устюжино Новгородской губернии, где он вскоре скончался (1867). С требованием освободить шейха в январе 1864 г. в с. Шали собралось 3—4 тысячи его приверженцев, которые были разогнаны войсками генерала Туманова. Противостояние между ними (вооруженными лишь кинжалами) и русскими войсками окончилось поражением последователей Кунта-Хаджи, из которых 164 (по другим сведениям, более 400) было убито. В чеченской историографии это столкновение известно как «кинжальный бой»[5]. Место гибели мюридов шейха стало одной из почитаемых местных святынь (*зияратов*).

Как и предупреждал кавказские власти начальник Терской области М.Т. Лорис-Меликов, репрессии против шейха и его последователей озлобили местное население и вызвали цепь бунтов. Через два года после Шалинского дела, в мае 1865 г. мюрид Кунта-Хаджи Таза Экмирзаев из с. Харачой встал во главе восстания в Ичкерии. Поводом к нему послужили слухи о планируемом выселении ичкеринцев с Северо-Восточного Кавказа. Выданный старшинами Шали, Таза и 17 его ближайших помощников были арестованы накануне выступления. Военно-полевой суд приговорил

руководителя восстания к смертной казни, но по амнистии заменил ее 12 годами каторги. Остальные арестованные с семьями были высланы в центральные губернии России. За участие в планируемом выступлении аул Элистанжи был переведен в Надтеречное наибство, а на общину с. Харачой наложена денежная контрибуция в 1000 руб. Власти и позднее продолжали преследовать вирд Кунта-Хаджи.

4. Появление абречества и его эволюция

Другим видом сопротивления горцев имперским порядкам стала деятельность разбойников, известных на Северном Кавказе под именем *абреков* или *качаков*. Явление это только начинает изучаться[6]. В дореволюционной историографии его считали следствием присущего горцам «хищничества», естественной склонности к воровству и насилиям. В советское время изучению абречества мешала официальная установка на дружбу народов. Анализ первоисточников, включая мемуары, документы, письма и фольклорные материалы, показывает, что абречество появилось в результате российских дореволюционных реформ. По верному замечанию одного из борцов с абреками полковника Козачковского, «разбои на Кавказе ведут начало со времен покорения края»[7]. Абреки вышли из деклассированных представителей бывших военных сословий горцев. В своих действиях они опирались на болезненно трансформированные дореформенные практики насилия, включая кровную месть, военные дружины молодежи, набеги, обычай гостеприимства.

В первые десятилетия после окончания Кавказской войны в районе действовали отдельные абреки и разбойничьи шайки. Они направляли свои набеги из традиционных труднодоступных районов: покрытых лесами горных ущелий Южной Чечни, Западного Дагестана и Северного Азербайджана. Время набегов по-прежнему приходилось в основном на весенние и летние месяцы. Подобно прежним дружинам горской молодежи, абреки образовывали отряды (от нескольких десятков до нескольких сотен человек), которые грабили и сжигали селения и при возможности захватывали их жителей в плен. Объектом нападения абреков нередко становились селения, где проживали их кровные враги. Не случайно известный абрек Вара из чеченского с. Гехи погиб как жертва предательства чеберлоевского наиба Мурада Гуданата, имевшего с Ва-

рой кровные счеты. Гуданат заманил Вару в с. Новые Атаги и дал знать о его приезде русскому отряду из укрепления Воздвиженское. Драгуны окружили дом, где укрылся абрек, и Вара был убит в последовавшем между ними бою.

Характерной чертой этого периода в истории абречества была его связь с освободительным движением горцев. Знаменитые абреки Назир-абрек и Атабай Карачаевский погибли в сражениях с русскими войсками. После разгрома имамата отряды абреков участвовали в серии локальных антироссийских выступлений и в массовом дагестано-чеченском восстании 1877 г. Кроме набегов и грабежей на большой дороге абреки занимались нападениями на крепости и убивали русских офицеров. Так, в 1872 г. ими был убит начальник Хасавюртовского округа, объезжавший свою территорию. В то же время абречество как форма насилия сохраняло еще немало дореформенных местных черт. Жившие профессиональным разбоем, абреки уже не возвращались к мирной крестьянской жизни и хорошо сознавали свое изгойство.

5. Восстание 1877 г. Его основные центры, лидеры и этапы. Подавление восстания

Последней крупной вспышкой мусульманского повстанчества на Северо-Восточном Кавказе стало восстание 1877 г. Его история еще недостаточно изучена[8]. Слухи о приближении к Кавказу освободительной османской армии, распространившиеся с началом русско-турецкой войны в 1877 г., вызвали стихийные антироссийские бунты по всему Дагестану и Чечне. На западе Кавказа взбунтовались горцы Абхазии. Обстановка стала взрывоопасной уже в 1875 г. В Нагорном Дагестане, Чечне и Ингушетии циркулировали письма ставшего генералом османской армии сына Шамиля Гази-Мухаммеда (Кази-Магомы), в которых он призывал мусульман Дагестанской и Терской областей подняться на *джихад*. Он обещал помощь единоверческой турецкой армии и требовал участия оружием и деньгами в борьбе с «русскими гяурами». В 1875—1876 гг. в Дагестане и Чечне действовало несколько турецких агентов из числа дагестанских эмигрантов (*мухаджиров*), посланных генерал-губернатором Эрзерума для подготовки крупного восстания в горах. Узнав о планах восстания, русские власти подавили его в зародыше в 1876 г.

Однако избежать выступления горцев оказалось невозможно. Сразу после начала русско-турецкой войны 1877—1878 гг. началось стихийное восстание. Первыми 12—13 апреля 1877 г. выступили горцы Ичкерии (в горной Чечне). Во главе восстания встал вернувшийся из Османской империи чеченец из с. Зандак Алибек-хаджи. Его основными помощниками и предводителями восставших стали Дада Залмаев из с. Чеберлой, а также упоминавшиеся выше руководители выступлений 60-х гг. Султан-Мурад из Беноя и Ума Дуев из Дзумзоя, вернувшиеся на Северо-Восточный Кавказ из ссылки. На сходе ученых и старшин селений Веденского округа Алибек-хаджи был провозглашен новым *имамом*. Распространяя по всей Чечне письма и прокламации, он привлек на свою сторону ополчения беноевцев, зандаковцев и селения в долине р. Аксай. В течение месяца к восстанию присоединились 47 селений Восточной Ичкерии. По донесениям российских военных властей, оно «грозило перейти на Салатавию, Аух и Чеберлой»[9].

Тактика русского командования Терской области заключалась в блокировании восставших в горах, недопущении их соединения с дагестанцами и населением других районов Чечни и Ингушетии. Из частей горской дагестанской милиции был сформирован нагорный Дагестанский отряд под командованием князя А.Д. Накашидзе, в задачу которого входила охрана границы между Дагестаном и Чечней в районе Ботлиха. Против восставших было брошено до 25 тысяч регулярных войск, укрепленных отрядами казаков и горской милиции. 22 апреля состоялась битва при Майортупе. Русские войска разбили трехтысячное ополчение Алибека-хаджи. Восставшие вынуждены были отступить и укрыться в непроходимых лесах в предгорьях Южной Чечни. Начались жестокие репрессии против восставших. Примкнувшие к ним аулы, их посевы и сады безжалостно выжигались.

В Дагестане восстание началось 15 мая 1877 г. Первыми поднялись горные селения Гумбета на северной границе с Чечней. Ополчение восставших численностью до 600 человек собралось в с. Сиух. Отряд русской армии под предводительством полковника князя Накашидзе окружил селение, и вскоре аул был взят. 28 мая главные мятежные селения, включая Артлух, Данух и Сиух, были истреблены. Однако восстание перекинулось сначала в Салатавию, а затем в сельскую конфедерацию Дидо на западной границе Дагестанской области с Грузией. Здесь центром восстания были селения Кеметль и Асахо. Неприступное положение аула на горном

кряже в течение нескольких дней не позволяло русским войскам взять его. Восставшие села защищали вместе с сельским ополчением женщины и дети. К середине июня восстание в Дидо было подавлено.

Всюду действия восставших и российской регулярной армии разворачивались приблизительно по одному сценарию. Восставшие нападали на отдельные малочисленные отряды солдат, разрушали крепостные сооружения и мосты, использовавшиеся для координации действий военной администрации области. Вооруженные силы восставших составляли сельские ополчения, в основе которых лежали мужские союзы, распущенные российскими властями после окончания Кавказской войны, но вновь воссозданные горцами в силу необходимости. Отдельные чиновники военно-народного управления примкнули к восставшим. Но подавляющее большинство бывшей военной элиты, включая бывших шамилевских наибов, остались верны империи, на сторону которой они перешли в конце войны. Русские войска, блокируя восставших, пытались не допустить соединения их отрядов. Укрепленные горные селения они быстро разрушали при помощи бомбардировки артиллерией.

Легкие победы не позволяли русской армии остановить движение. Последнее еще не исчерпало своего потенциала и продолжало распространяться по Северо-Восточному Кавказу с северо-востока на юг и запад. В какой-то мере все новые вспышки возмущений были связаны с усилением антирусской агитации через агентов османской Турции и быстрым распространением в горах ложных слухов о поражении русских войск под Арзрумом в Малой Азии. Новая волна восстания захлестнула Дагестан и Закатальский округ Северного Азербайджана в августе 1877 г. К этому времени восстание сместилось в районы, охваченные джихадом в годы Кавказской войны. 29 августа жители Гунибского округа свергли власть поставленных над ними сельских старост и наибов. Повстанцы осадили русскую крепость Гуниб. Центром движения стало аварское селение Согратль, служившее резиденцией бывшего советника Шамиля. старого накшбандийского шейха Абдуррахмана, известного во всем Нагорном Дагестане благодаря своему участию в *газавате* времен Кавказской войны.

В Аварии и других землях Северного Дагестана восставшие представляли собой странную смесь участников *джихада* 1828—1859 гг. и беков, потерявших последние остатки былой власти в ходе

российских реформ. Похоже, у них не было не только единого руководства, но и общего духовного религиозного лидера. Как бы то ни было, был вновь объявлен джихад, и восставшие горцы Аварии захотели избрать нового имама. Они обратились к шейху Абдуррахману Согратлинскому и попросили его согласия на избрание на должность имама его сына Мухаммеда-Хаджи[10]. Шейх долго колебался, прежде чем благословил сына занять этот пост. По-видимому, он прекрасно сознавал, что восстание плохо организовано и обречено на поражение. Мухаммед-Хаджи никак не проявил себя как суфий. Он не прославился и как способный руководитель. Поэтому сложно с точностью указать на причину избрания его имамом, кроме, быть может, одного обстоятельства — того, что он был сыном Абдуррахмана. В помощь имаму был избран совет из семи улемов, копировавший *диван* Шамиля.

Между тем восстание распространялось далее по Центральному и Южному Дагестану. В начале сентября 1877 г. оно охватило Казикумухский округ, где во главе повстанцев встали наибы Фатали-бек и Абдул-Меджид из рода Казикумухских ханов, отрешенного от власти после создания Дагестанской области. Захватив русскую крепость в Кумухе, они перебили гарнизон и членов окружного народного суда. Повстанцы восстановили ханское правление, избрав ханом Казикумухским отставного майора Джафара. Последний от имени согратлинского имама и себя лично стал рассылать письма к конфедерациям Нагорного Дагестана, призывая их разорвать договоры о повиновении с неверными русскими. Из Кумуха армия повстанцев под руководством хана Джафара и бывшего капитана горской милиции Гаруна Кадиева двинулась в Даргинский округ. Отряд под предводительством Фатали-бека и Абдул-Меджида отправился в Цудахар и Куппу.

В сентябре восстание достигло своего пика. Волнения прокатились по всему Дагестану и даже Северному Азербайджану. В лагерь восставших перешла часть мусульманской военной и духовной элиты. Были восстановлены отмененные в 60-е гг. старые титулы и формы правления. В Кайтаге восстание возглавил сын последнего правителя Кайтага Махди-бек, принявший титул и власть уцмия на сходе в с. Башлы. В Табасаране были восстановлены майсумство и кадият, переданные местным руководителям движения — Умалат-беку и Аслан-беку. В Кюринском округе во главе повстанцев встал штабс-капитан горской милиции Мухаммед-Али-бек, провозгласивший себя ханом Кюринским. На Самуре предводителем по-

встанцев стал принявший титул хана Кази-Ахмед-бек. Окружные чиновники укрылись в русской крепости в Кубе. Большинство табасаранских беков бежало под защиту царских войск в Дербент.

Первое генеральное сражение случилось 12 сентября под с. Леваши. Бой еще раз продемонстрировал преимущества регулярной армии перед горским ополчением. Повстанцы понесли серьезное поражение. В сражении погиб начальник Казикумухского отряда восставших Фатали-бек. Эта победа позволила русской армии стянуть силы для начала одновременных наступательных действий в разных округах Дагестана и Чечено-Ингушетии. В Дагестан перебрасывались все новые войска из Терской и Кубанской областей, Астрахани, Бакинской губернии, Средней Азии. Были созданы ударные группы с мощной артиллерией, позволявшие уничтожать даже труднодоступные горные селения и укрепления. Из Тифлиса была вызвана гальваническая команда 9-го саперного батальона.

29 сентября началось сражение соединенных отрядов восставших с царскими войсками под с. Кутиша. Оно длилось трое суток и окончилось новым поражением повстанцев. 5 октября 1877 г. горцы сделали последнюю попытку прорваться сквозь заслон русских войск на равнину. Но и на этот раз они были наголову разбиты. Для наказания поддержавших движение кутишинцев «приказано было сжечь их хлеба в стогах и третью часть аула»[11]. Потерпев поражение в Среднем Дагестане, горцы активизировали свои действия на юге области. На осажденный ими Дербент наступали отряды Махди-бека из Кайтага и кумухцев во главе с Джафар-ханом. На помощь Дербенту были направлены три колонны российских войск. Одна из них двигалась из Баку, другая — из Петровска и третья — морем из Красноводска в Средней Азии. Осаждавшим не удалось помешать этому наступлению. Под Каякентом и Джемикентом они потерпели серьезное поражение от отряда Д.Б. Тер-Асатурова, двигавшегося со стороны Петровска, и вынуждены были снять осаду. 23 сентября в Дербент вступила колонна Тер-Асатурова. Восставшие, понеся крупные потери, вынуждены были отойти в горы.

Последний период восстания занимает время с октября по ноябрь 1877 г. Его результатом стало подавление движения и организация карательных экспедиций для наказания селений, принявших участие в восстании. Основные военные действия опять сосредоточились в Среднем и Западном Дагестане и в Южной Чечне. Их проводили две основные группировки царских войск, одна из ко-

торых была сосредоточена на границах Темир-Хан-Шуринского округа, а вторая — в Дербенте. Первая карательная экспедиция была направлена из Дербента в Кайтаг еще 27 сентября. Ее возглавлял полковник А.В. Комаров. Усилив свой отряд горской милицией и тремя сотнями Дагестанского конно-иррегулярного полка, он занял и сжег с. Башлы. От местных жителей были взяты заложники-*аманаты*. С 5 октября по 20 ноября отряд Комарова разбил соединенные силы Махди-бека, Джафар-хана и Умалат-бека, преследуя их от Янгикента и Маджалиса до Ахтов. Все мятежные селения, встречавшиеся на пути следования колонны, безжалостно уничтожались. Их жители расселялись по окрестным селениям.

В ходе действий карательных отрядов в Южном Дагестане были захвачены или истреблены все важнейшие предводители восставших в этом районе. Махди-бек Кайтагский был схвачен в самурских лесах и вскоре умер от ран (10 ноября). 13 ноября Умалат-бек Табасаранский был убит в с. Ханаг своим же окружением. В Дербент с повинной явился сначала Кюринский хан Мухаммед-Али-бек, а затем правитель Южного Табасарана Аслан-бек. Были освобождены от осады все русские крепости, в первую очередь Ахты. Осаждавший ее капитан Кази-Ахмед успел скрыться и присоединился к основным силам повстанцев в с. Согратль. Одновременно с подавлением восстания в Южном Дагестане проходила также карательная экспедиция генерала Смекалова в Западном Дагестане. В ее составе было 14 с половиной рот пехоты, 6 сотен казаков и горная батарея. 12 октября был занят Ботлих. К 16 октября «мятеж был задушен» в Андийском и Гунибском округах. На население была наложена контрибуция: по вьюку сена, мерке овса и барану с каждого двора; с пяти дворов — по быку.

После этого оставшиеся у повстанцев силы вынуждены были перейти в Северо-Западный Дагестан. Центр восстания сместился в с. Телетль, где укрылись ополчения и руководители движения. Сюда же из Южной Чечни прибыл Ума Дуев с отрядом ополчения аргунцев и ичкеринцев. 24 октября 1877 г. Телетль был окружен царскими войсками под руководством генерала Смекалова и подвергнут бомбардировке. На следующий день восставшие сдались, только Ума Дуев успел бежать в Согратль. Власти примерно наказали захваченных здесь зачинщиков восстания. Кланы (*тухумы*) главарей были арестованы и в полном составе отправлены по этапу в Гунибскую крепость для дальнейшей высылки в отдаленные губернии России. Селение Телетль было уничтожено, а его жите-

ли расселены в других дагестанских селениях. Восставшие обязаны были возместить ущерб, нанесенный государственному и частному имуществу при подавлении восстания. Те же карательные меры применялись в Чечне.

Последний удар по восстанию был нанесен в Среднем Дагестане. В Согратле находились руководители восстания, включая имама и совет улемов. Основные силы выставил Кумух, а Цудахар прикрывал оба селения со стороны Темир-Хан-Шуры. 19 октября князь Меликов взял штурмом и уничтожил Цудахар. 23 октября карательный отряд занял Кумух. Джафар-хан был схвачен и отправлен в Темир-Хан-Шуру, где вскоре скончался. 1 ноября 1877 г. был окружен Согратль, где укрылись последние силы и все наиболее важные вожаки восставших. Осада его велась в течение двух суток. Около недели карательные отряды оставались в селении, производя расправу. В лагерь русских войск было доставлено 274 наиболее видных участника восстания, в том числе имам Мухаммед-Хаджи, Абдул-Меджид, Ума Дуев с сыновьями, Дада Залмаев и шейх Абдуррахман Согратлинский. Только Алибеку-хаджи удалось бежать. Согратль был сожжен, а его жители выселены частично в соседние хутора, а частью — во внутренние районы России. Падение Согратля означало конец восстания 1877 г. В ноябре того же года были уничтожены последние очаги сопротивления в Самурском округе Южного Дагестана, Закатальском, Кубинском и Нухском округах Северного Азербайджана. Карательные отряды действовали до середины 1878 г.

Восстание продемонстрировало как силу, так и слабость российского владычества на Северном Кавказе. С одной стороны, даже массовые волнения не смогли сокрушить российскую власть. Большая часть местных чиновников и отрядов горской милиции остались верны режиму. С другой стороны, власти поняли, что введенный ими режим судебно-правовой автономии не так дорог коренному населению, как они полагали. Об этом свидетельствовали многочисленные попытки восстановления прежнего ханского управления. Стало ясно, что власти недооценили возможностей мусульманского повстанчества. Волнения охватили 394 селения во всех округах Дагестана, Чечни и Ингушетии. В Дагестанской области в нем участвовало 11 642 двора из имевшихся 13 140[12]. Опасность исходила не от шейхов Кадирия и ветви Накшбандия, занимавших квиетическую позицию, а от движения за джихад. После подавления восстания было ограничено общинное самоуправле-

ние. Был также усилен надзор за мусульманской духовной элитой. Восстание усилило страхи империи перед мусульманским повстанчеством на Кавказе и в Средней Азии.

Поражение восстания свидетельствовало об окончании эпохи вооруженного мусульманского повстанчества на Северном Кавказе. Попытка восстановить имамат провалилась. Вернуться к временам Кавказской войны оказалось уже невозможно. Ополчение горцев не могло сравниться с регулярной российской армией. Копируя учреждения, созданные имамом Шамилем и его предшественниками, руководители восстания не смогли вдохнуть в них искру жизни. Восстание так и не смогло создать государственной структуры, способной конкурировать с аппаратом власти Российской империи. Слабость восстания в определенной мере объясняется отсутствием среди его руководителей крупных политиков того класса, каким был имам Шамиль. Коалиция разных социальных и политических групп, временно объединившихся в лагере восставших, была слишком аморфной. Она не смогла ни выработать единой программы действий, ни даже сформулировать общих целей движения. Идея строительства шариатского государства на основе движения за джихад провалилась.

Восстание 1877 г. было подавлено с жестокостью, не идущей в сравнение с милостями, оказанными российскими властями Шамилю и другим руководителям имамата Нагорного Дагестана и Чечни в 1859 г. В Нагорном Дагестане было сожжено и разрушено несколько сотен селений. Уничтожение садов и полей горцев привело к голоду в ближайшие после восстания годы. Сотни человек мирного населения были насильственно согнаны со своих земель. В течение шести-семи месяцев в Гунибе и Дербенте работали комиссии военно-полевых судов. В Терской области такие суды действовали в Грозном и Владикавказе. Повсюду совершались многочисленные казни над главными руководителями восстания. Были повешены имам Мухаммед-Хаджи Согратлинский, Ника-кади Цудахарский, Абас-паша, Абдул-Меджид Фатуев, Абдул-Гаджиев, Абдул-Эфендиев и многие другие. Всего по приговору военно-полевого суда было казнено до 300 человек. Позднее в руки правительства попал Алибек-хаджи. Он и еще 10 предводителей повстанцев в Чечено-Ингушетии были казнены в Грозном.

Шейха Абдуррахмана Согратлинского приговорили к ссылке, но, учитывая его преклонный возраст и заступничество влиятельных дагестанцев на русской службе, ссылку заменили домашним

арестом в с. Нижнее Казанище. Здесь он и умер в 1882 г. Почти тысяча семейств была выселена в Сибирь и внутренние губернии России. Только некоторым участникам восстания удалось бежать в Турцию. Среди них были как участники вооруженной борьбы, так и суфии из линии Абдуррахмана Согратлинского, в частности известный впоследствии в Турции накшбандийский шейх Мухаммед ал-Мадани из с. Кикуни. Карательные меры правительства были связаны со стремлением избежать рецидивов мусульманского повстанчества в регионе, вырвав его корни и саму память о нем. Именно благодаря 1877 г. (а также *мухаджирству* 1860-х гг.) император Александр II остался в памяти народов Северного Кавказа не как «царь-освободитель», а как беспощадный деспот. Таким его рисуют исторический фольклор и литература, в первую очередь плачи, хроники и памятные записи о восстании 1877 г.[13].

6. Политическая ссылка как орудие интеграции северокавказских мусульман в Россию. Ее пути, ход и историческое значение. Адаптация горцев к российской действительности

Политическая ссылка коснулась самых разных слоев северокавказского общества. Более всего от нее пострадали представители мусульманской военной и духовной элиты. Среди последних можно указать крупного правоведа и историка наиба Южного Табасарана (1866/67—1878) Гасана Алкадари, а также известного суфийского шейха Сайфуллаха-кади Башларова, сосланных в 1878 г. по подозрению в участии в восстании. Ссыльных отправляли в Россию двумя путями — водным, через Петровск и Астрахань, и сухопутным, через Харьков. Уже летом 1877 г. через Астрахань было выслано около 700 горцев мужчин, женщин и детей из селений Северо-Западного Дагестана. В конце 1877 г. и в начале 1878 г. сухопутным путем в Центральную Россию проследовало 756 семей и 514 ссыльных из Гунибского, Даргинского и других округов Дагестана. Эта волна охватила больше районы Среднего и Южного Дагестана. Весной и летом 1878 г. во внутренние губернии России были высланы 660 семей коренных жителей Терской области и около 300 горцев без семей. Многие тысячи дагестанцев и чеченцев смогли вернуться на родину только после амнистии, объявлен-

ной в 1883 г. участникам восстания правительством Александра III (1881—1894).

Политическая ссылка с Северного Кавказа во внутреннюю Россию практически не изучена. Только начинают вводиться в научный оборот яркие первоисточники, рисующие жизнь, ощущения и связи ссыльных северокавказцев в дореволюционной России. Среди них стоит отметить архивные документы МВД, переписку между ссыльными и их семьями на Северном Кавказе, дневники и мемуары о ссылке[14]. Эти источники показывают, что, несмотря на существовавший языковой и культурно-религиозный барьер и полицейский надзор, многие дагестанцы и чеченцы смогли выжить и адаптироваться к жизни в разных немусульманских и мусульманских регионах России, таких как Южное Поволжье, Урал, Северная Россия, Украина.

Именно здесь была сосредоточена основная масса ссыльнопоселенцев. В течение четырех-пяти лет их семьи и одиночные ссыльные проживали в уездных городах и селениях Новгородской и Псковской губерний, в среднерусских городах — Туле, Калуге и Орле, а также на Украине — в Харькове. Особенно много ссыльных было отправлено в Волго-Уральский регион, на земли Саратовской, Самарской, Воронежской, Уфимской, Казанской и Оренбургской губерний. Образованные мусульмане с Северо-Восточного Кавказа смогли завязать тесные связи с тюркоязычной мусульманской духовной элитой этих регионов. Они учились у них и, в свою очередь, преподавали и работали в примечетных *медресе* и *мектебах*, а порой и в светских учебных заведениях.

Пример упоминавшегося выше Сайфуллаха-кади, который был учеником известного суфия и сторонника реформы мусульманского образования Зайнуллы Расулева в г. Троицке за Уралом, позволяет говорить о сетях мусульманского и суфийского образования, связывающих Северный Кавказ с внутренними мусульманскими регионами Российской империи в последней четверти XIX в. Вероятно, существовало и обратное влияние политической ссылки или изгнания, применявшихся в репрессивных целях, на укрепление этих связей. Знание тюркских языков в соединении с мусульманской ученостью помогало ссыльным найти работу в сельских и городских общинах мусульман Центральной России и Поволжья. Приведем еще один пример. Известно, что преемник Согратлинского шейха Ильяс Цудахарский (ум. 1908) был выслан из своего родного даргинского селения Цудахар в область Алты-Ата в Самар-

ской губернии со смешанным населением, включавшим как русских и казаков, так и татар, башкир и казахов. Очутившись в этой новой среде, Ильяс Цудахарский завоевал себе немалое уважение у местных мусульман. По возвращении из ссылки вынужденные переселенцы становились проводниками российских влияний у себя на родине.

---

[1] Из материалов этого рода стоит отметить переводы отдельных арабоязычных хроник, документов и писем с Северо-Восточного Кавказа, выполненные дагестанскими востоковедами Х.А. Омаровым и Т.М. Айтберовым. См.: Восстания дагестанцев и чеченцев в послешамилевскую эпоху и имамат 1877 года. Материалы / Сост. и пер. Т.М. Айтберова, Х.А. Омарова, Ю.У. Дадаева. Махачкала, 2001. Кн. I.

[2] См., например: РГВИА. Ф. ВУА. 1861. Д. 6685. Л. 11—17.

[3] Материалы о движении ункратлинцев неоднократно публиковались. См., в частности: *Бацадаса (Гусейнов) М.* История селения Саситли. Махачкала, 1994. С. 19—28; Восстания дагестанцев и чеченцев в послешамилевскую эпоху и имамат 1877 года. С. 33—48.

[4] *Ибрагимова З.Х.* Чечня после Кавказской войны. М., 2000. С. 87. См. также: ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 2. Д. 14. Л. 30.

[5] Подробнее об истории движения Кунта-Хаджи см.: *Месхидзе Дж.* Кунта-Хаджи // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь / Сост. и отв. ред. С.М. Прозоров. М., 1998. Вып. 1.

[6] См. подробнее: *Бобровников В.О.* Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие. Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. М., 2002. С. 16—97.

[7] *Козачковский В.* Разбои на Кавказе. Владикавказ, 1913. С. 3.

[8] См., например: История Дагестана. М., 1968. Т. 2. С. 150—162. Наиболее детально политическая история движения изложена в недавнем исследовании дагестанского историка Гасанова. См.: *Гасанов М.М.* Национально-освободительная и классовая борьба народов Дагестана в 60—70-е годы XIX в. Махачкала, 1997.

[9] Хроника восстания в Терской области. Приложение к «Терскому календарю» на 1891 год. Владикавказ, 1890. С. 2.

[10] Последнего не нужно путать с его старшим братом Хаджи-Мухаммедом, который служил кади и советником при шамхале Тарковском Абу-Муслим-хане. Эта ошибка часто встречается в литературе о восстании.

[11] *Гасанов М.М.* Национально-освободительная и классовая борьба народов Дагестана в 60—70-е годы XIX в. С. 75.

[12] ЦГА РД. Ф. 2. Д. 279.

[13] См., например: Восстания дагестанцев и чеченцев в послешамилевскую эпоху и имамат 1877 года. С. 145—149, 168.

[14] См. официальную переписку о ссыльнопоселенцах в Северной России: «Возвращение на родину признается еще рановременным...» Ссыльные горцы в Псковской губернии. 1862—1880 гг. / Публ. Е.М. Федоровой // Отечественные архивы. 2004. № 3. С. 66—92. Из нарративных источников заслуживает внимания стихотворный дневник Гасана Алкадари «Диван ал-мамнун», написанный по-арабски в период его ссылки в г. Спасске Тамбовской губернии в 1879—1883 гг. (Темир-Хан-Шура, 1913, на араб. яз.). См.: Историко-литературное наследие Гасана Алкадари / Сост. Г.М.-Р. Оразаев. Махачкала, 1988. С. 141—148.

Глава 7

МУХАДЖИРСТВО И РУССКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ

(1) Массовые переселения в контексте Кавказской войны. (2) Понятия мухаджирства и колонизации. Мухаджиры в имамате Шамиля. Внутренние миграции как орудие российской политики. Переселения и военная колонизация Северо-Западного и Централыюго Кавказа в проектах А.А. Вельяминова, Н.Н. Раевского и Н.И. Евдокимова. (3) Причины и география мухаджирства и колонизации. Демографическая война России и Османской империи. Участники, идеологи и противники эмиграции. Муса Кундухов, Абдуррахман Согратлинский и Ирчи Казак. Османская пропаганда и роль слухов в развитии эмиграции. (4) Периодизация мухаджирства и колонизации. Российское и османское миграционное законодательство. Ограничение эмиграции с Кавказа при Михаиле Николаевиче и А.М. Дондукове-Корсакове. (5) Пути эмиграции и статистика. Мухаджиры в позднеосманском обществе и государстве.

1. Массовые переселения в контексте Кавказской войны

В истории Северного Кавказа в XIX в. есть две ключевые и довольно сложные для понимания темы — Кавказская война и массовые переселения военного и послевоенного времени. Первую мы недавно рассмотрели; к изучению второй переходим. Обе они тесно связаны друг с другом. Вторая тема связана, в свою очередь, с процессами *мухаджирства* (или *махаджирства*) и русской *колонизации* региона. *Мухаджирами* — от арабского «переселенец, эмигрант» — называли горцев, вынужденных покинуть Кавказ после окончания Кавказской войны, уступив свои земли казакам и рус-

ским переселенцам. Несмотря на то что с выселения горцев прошло уже более полтораста лет, тема эта воспринимается сегодня на Северном Кавказе очень и очень болезненно. Особенно эмоционально к ней относятся на Северо-Западном Кавказе, большинство горского населения которого в виде эмигрантов-мухаджиров навсегда покинуло Кавказ и Россию, переселившись на земли Османской империи. О значении мухаджирства для исторической памяти северокавказцев хорошо говорят сами названия посвященных ей работ[1].

В отличие от Кавказской войны изучение массовых переселений и русской колонизации Северного Кавказа очень долго оставалось под негласным запретом. В силу официальной советской установки о «добровольном вхождении» восточных окраин в состав России и солидарности их трудящихся с русским народом историческое исследование массового бегства из «братской» России горцев-мухаджиров не приветствовалось. Кроме того, в условиях «железного занавеса» сбор материалов о северокавказских эмигрантах на зарубежном Ближнем Востоке для подавляющего большинства отечественных ученых был попросту невозможен. Положение резко изменилось за последние десятилетия. С 1990-х гг. начался шквал публикаций и диссертационных работ о мухаджирстве[2]. Тема эта, как и Кавказская война, сохраняет популярность среди северокавказских и в целом российских историков и этнологов до настоящего времени.

Прежде чем обратиться к разбору истории мухаджирства и колонизации, следует отметить таящуюся здесь опасность. Как и при восприятии Кавказской войны, в этих вопросах сложно переплелись наука, эмоции и политика. Тема мухаджирства до сих пор используется в политических целях. Даже ученые, переходя к мухаджирству, теряют объективность. Их оценки нередко страдают излишней прямолинейностью и отсутствием «полутонов». Определение мухаджирства как «геноцида» горцев Россией, в результате которого они, согласно известному замечанию П.К. Услара, «были уложены на кладбище народов», однобоко. Ведь массовые переселения на Северный Кавказ и эмиграция из региона не меньше зависели от действий главного соперника России — османской Турции. Не следует думать, что в отношении русских переселенцев власти не проявляли столь же жесткого диктата. Достаточно вспомнить насильственную казачью колонизацию Кубани, рассмотренную нами выше.

2. Понятия мухаджирства и колонизации. Мухаджиры в имамате Шамиля. Внутренние миграции как орудие российской политики. Переселения и военная колонизация Северо-Западного и Центрального Кавказа в проектах А.А. Вельяминова, Н.Н. Раевского и Н.И. Евдокимова

Общий ход массовых переселений на Северном Кавказе XIX в. был задан во время Кавказской войны. Само понятие «мухаджирство» появилось в годы войны. Так называли себя сторонники имамата, находившие убежище на его территории. Согласно мусульманской исторической традиции, первыми мухаджирами были пророк Мухаммед и его сподвижники, вынужденные совершить переселение (*хиджру*) из Мекки в Медину из-за притеснений врагов ислама. Северокавказские мухаджиры соотносили себя с героями раннего ислама. С такой коннотацией понятие вошло в арабоязычную литературу XIX в. В своих мемуарах зять Шамиля Абдуррахман Казикумухский поясняет: «*Мухаджир* — арабское слово, означающее того, кто переселяется из *дар ал-харб* ("область войны" — земли, воюющие против мусульман) в *дар ал-ислам* ("область войны" — территория, находящаяся под властью мусульманских правителей). Первым из Мекки в Медину переселился наш пророк Мухаммед, да будет мир над ним. После оно стало обычным для его [т.е. мусульманской. — *И.Б., В.Б.*] общины и совершается при условиях, указанных в исламских книгах»[3].

Если понятие мухаджирства сложилось среди оказавшихся в лагере побежденных мусульман-переселенцев, то термин *колонизация* взят из словаря их противников, русских политиков и военных, победивших в Кавказской войне. Характерное понимание этого явления можно найти в статье «Колонизация» Энциклопедии Брокгауза и Ефрона: «...массовое вселение в некультурную или малокультурную страну выходцев из... цивилизованного государства»[4]. Под *внутренней колонизацией* российского Северного Кавказа, обсуждавшейся в военных и гражданских проектах освоения региона, понималась переселенческая колонизация всего или части региона силами казаков и русских переселенцев. Под малокультурными народами подразумевались кавказские горцы. В этих планах казачеству и русскому крестьянству отводилась роль носителей *mission civilisatrice* среди диких горцев. В перспективе колонизация

и мухаджирство противостояли друг другу как два разных культурных проекта. На практике же они были взаимосвязаны.

Как общественные явления мухаджирство и русская колонизация выросли из внутренних миграций военного времени. К их числу относились стихийные переходы крестьян Кабарды в Закубанскую Черкесию, спуск горцев на равнину, создание укрупненных селений и городов-крепостей Центрального и Северо-Западного Кавказа, организованная военная колонизация. Конечно, переселения касались прежде всего горцев. Больше всего от переселений пострадали адыги Закубанской Черкесии, оказавшие наибольшее сопротивление российскому продвижению на Кавказ. В переселения были также вовлечены казаки Линейного и Черноморского войск. Другим источником внутренних миграций служило расширение Кавказской линии. Вытесняя горцев из стратегически важных предгорий и долин рек, российские власти переселяли на их место казаков и военных поселенцев. Именно районы массовых внутренних миграций военного времени — Кубань и Кабарда, Осетия и Ингушетия — стали впоследствии центрами мухаджирства.

Массовые перемещения населения на Северном Кавказе XIX в. чаще всего происходили насильственно. Все вовлеченные в борьбу за регион силы использовали их в политических целях. С одной стороны, Шамиль опирался на мухаджиров как на военную элиту имамата. При его поддержке некоторые из них проделали головокружительную карьеру, как, например, знаменитые наибы Даниялбек Илисуйский и Хаджи-Мурад Аварский. Жили мухаджиры за счет *закята* и военной добычи. Вместе с тем Шамиль относился к переселенцам с подозрением. Он ввел практику насильно переселять сельские общины, оказавшие сопротивление имамату. Разрушив в 1843 г. Хунзах как оплот Аварского ханства, он переселил его жителей на земли, подчинявшиеся имамату. В 1844 г. жители Чиркея перешли на сторону Шамиля и были поселены им на территории «вольного общества» аварцев Салатавии. Эта политика проводилась вплоть до падения имамата в 1859 г. На Северо-Западном Кавказе к ней прибегал шамилевский наиб Закубанской Черкесии Мухаммед-Амин (1848—1859).

В свою очередь, русские военные проводили переселения как для поощрения «мирных горцев» и казаков, так и с тем, чтобы наказать их. Так, в 1810 г. ингуши, обязавшись охранять Военно-грузинскую дорогу в районе Дарьяльского ущелья, добились права «землями и лесами пользоваться... безвозбранно по правую сторону те-

чения реки Терек»[5]. Старшины общин горцев Осетии в 1820-е гг. получили отнятые у знати Малой Кабарды равнинные угодья на Центральном Кавказе. Вокруг Моздока возникла сеть хуторов и станиц приписанных к казакам крещеных осетин. В 1830-е гг. большинство осетин, согласно одобренному Ермоловым плану коменданта Владикавказа полковника Скворцова, добровольно переселились с гор на равнину. Цели экономического освоения региона при этом, похоже, не играли особой роли, отступая на второй план перед задачами охраны коммуникаций и «умиротворения» горных районов. Заселение равнины вокруг Владикавказа продолжалось в 1832—1849 гг. в ходе так называемой военной колонизации. Сюда переводили станицы терских казаков.

Переселение на равнину не спасало горцев от многочисленных повторных переселений, проводившихся, как правило, уже без их согласия. Вслед за изменением фронта и расширением Кавказской линии массовые внутренние миграции стали настоящим бедствием для жителей Малой и Большой Кабарды и Закубанья. При проведении в 1817 г. Сунженской укрепленной линии большинство живших по Сунже ингушей были переселены из предгорий в Назрань. Очень часто с места на место передвигали чеченские селения. По свидетельству очевидцев, к 1860-м гг. «во всей Чечне не осталось ни одного аула, ни одного двора, который по несколько раз не переселялся бы с одного места на другое». После строительства в Черномории в 1830-е гг. Зеленчукской и Лабинской кордонных линий, по плану начальника Правого фланга Кавказской линии генерал-майора Г.Х. Засса, началось возвращение кабардинцев, бесленеевцев и абазин за Лабу, в долины Зеленчуков и Кубани. В 1850-е гг. тут было создано 18 укрупненных селений в окружении казачьих станиц.

В виде репрессивной меры применялась высылка отдельных семей и целых селений за пределы региона. Журналы военных действий времен Кавказской войны пестрят сообщениями о выселениях селений непокорных горцев в Россию и Закавказье. Так, когда в 1830 г. в Северном Азербайджане было разгромлено присоединившееся к имамату Джаро-Белоканское общество, «селения Гогами, Джары и Закаталы... истреблены до основания вместе с обширными древними садами... Обитатели упомянутых разоренных селений... переселены на плоскость Алазанскую [т.е. в Грузинскую губернию. — *И.Б., В.Б.*]»[6]. Временное или вечное поселение в степном Предкавказье полагалось для семей нарушителей паспортной («би-

летной») системы, пойманных при переходе Кавказской линии или укрывавших в своих домах беспаспортных кунаков из числа горцев. Эта мера была введена в 1847 г., согласно одобренным наместником Кавказским князем М.С. Воронцовым «Правилам о поступлении с пленными и добровольными выходцами из горцев»[7].

В проектах по «умиротворению» и «освоению» Северного Кавказа, подготовленных военными в 30-е — начале 60-х гг. XIX в., переселению и колонизации отводилось важное место. Их создатели, как и часто сменявшие друг друга командующие Кавказской армией, не имели единого принципа переселенческой политики. Даже начальники разных участков Кавказской линии порой придерживались на этот счет противоположных взглядов. Противоречивым оставалось видение проблемы массовых миграций в придворном окружении и в среде высшей петербургской бюрократии. Начальники Главного штаба Кавказской армии А.П. Карцов, штаба войск Терской области И. Зотов и глава Кубанской области Н.И. Евдокимов выступали за сгон горцев из труднодоступных горных ущелий. Их предложения поддерживал наместник Кавказский князь А.И. Барятинский (1856—1862). Другие влиятельные военные и чиновники считали необходимым сохранить за горцами хотя бы часть прежних земель во избежание новых волнений. Таких взглядов придерживались начальники Правого крыла Кавказской линии Г.И. Филипсон, Кабардинского округа В.В. Орбелиани, советник российского посольства в Константинополе В.А. Франкини, военный министр генерал-фельдмаршал Д.А. Милютин.

Между сторонниками и противниками русской колонизации региона шла постоянная борьба. Она обострилась после окончания войны, в конце 1850-х — середине 60-х гг. Ход и результаты этой борьбы в немалой степени предопределили развитие мухаджирства. За это время был подготовлен ряд важных проектов переустройства управления краем и расселения в нем горцев и казаков. Еще в 1833 г. командующий войсками на Кавказской линии и в Черномории ген. А.А. Вельяминов разработал «Специальный проект по завоеванию и колонизации горских земель». Чтобы продвинуть линию укреплений в глубь горных районов, он предлагал переселять горцев в предгорья и на равнину, создавая по соседству с их аулами казачьи станицы, которые должны были облегчить задачу надзора за настроениями переселенцев. По мнению Вельяминова, «средство ускорить покорение горцев состоит в отнятии у них плоскостей и заселении оных казачьими станицами»[8]. С целью ослаб-

ления кабардинцев он еще раньше советовал лишить их пастбищ, заняв их под казачьи поселения.

Против проекта Вельяминова выступил начальник первого отделения Черноморской прибрежной линии генерал-лейтенант Н.Н. Раевский. В конце 1830-х — начале 40-х гг. он составил ряд докладных записок, в которых в числе прочего писал о роли внутренних миграций и колонизации. Наибольший интерес представляют «Записка о торговле с горцами и переселении на восточный берег» и «О политическом состоянии Восточного берега». Не отрицая пользы от крестьянской и казачьей колонизации Северо-Западного Кавказа, и в особенности Черномории, Раевский предлагал расселять поселенцев на свободных территориях и не лишать горцев принадлежащих им бедных в экономическом отношении земель. Распространению среди горцев российского влияния, по его мнению, должно было способствовать развитие посреднической торговли казаков с горцами. Планы крестьянской колонизации Северо-Западного Кавказа в начале 40-х гг. XIX в. представили командующий Кубанской линией генерал-лейтенант П.Х. Граббе и начальник Правого фланга Кавказской линии Г.Х. Засс.

Генерал Н.И. Евдокимов

В 1860 г., после сдачи в плен Шамиля, во Владикавказе состоялось совещание командования армии, посвященное перспективам завершения войны на Северо-Западном Кавказе. На совещании был принят разработанный Н.И. Евдокимовым план занятия русскими войсками непокорных районов Закубанской Черкесии. Он заключался в постепенном вытеснении горцев либо на открытые заболоченные равнины, либо в Османскую империю. Отнятые у них земли должны были быть заняты под казачьи станицы, которые предназначались для охраны южных рубежей империи по Черноморскому побережью и Главному Кавказскому хребту. Разделив горцев на «племена», более и менее «опасные» для российского владычества в регионе, Евдокимов советовал выслать первых поголовно в османскую Турцию как «тайных врагов» России[9]. При этом он предлагал низовой администрации проводить политику двойных стандартов — на деле выдворяя горцев за пределы российских владений, но на словах всячески удерживая их на родине.

Поддержав этот проект, командующий армией наместник князь Барятинский признал «единственным средством прочного утверждения нашего в Закубанском крае... водворение казаков на передовых линиях, чтобы постепенно стеснять горцев и лишать их средств к жизни. Нет причины щадить те племена, которые упорно остаются враждебными, государственная необходимость требует отнятия у них земель»[10]. Власти Кавказского наместничества были не прочь отделаться от беспокойных подданных, устав от бесконечного сопротивления горцев. Общее отношение правительства к эмигрантам, которые нередко покидали Кавказ под видом паломников-*хаджи*, предельно ясно, хотя и резко выразил Барятинский: «А знаете что? Ведь это, пожалуй, и не дурно, что уйдет эта сволочь, которая нам только в тягость. Не останавливайте, пусть идут в Мекку или куда хотят».

3. Причины и география мухаджирства и колонизации. Демографическая война России и Османской империи. Участники, идеологи и противники эмиграции. Муса Кундухов, Абдуррахман Согратлинский и Ирчи Казак. Османская пропаганда и роль слухов в развитии эмиграции

Во многом благодаря тому, что в последние годы Кавказской войны на северо-западе региона возобладала точка зрения Евдокимова, массовые переселения после окончания войны выходят на более высокий, межрегиональный уровень. Наряду с непрекращающимися внутренними переселениями массовый характер принимает эмиграция горцев в Османскую империю, начавшаяся на Северном Кавказе еще в первой половине XIX в. В это время и складывается движение, получившее в литературе название мухаджирства. Среди переселенцев было немало и бывших мухаджиров из разгромленного Россией в 1859 г. имамата Шамиля, в частности бывший духовный наставник имама, все еще крайне популярный на Северо-Восточном Кавказе накшбандийский шейх Джамалуддин Казикумухский (ум. 1869, Стамбул). Отправляющиеся в османскую Турцию эмигранты тоже стали называть себя мухаджирами. Так это название закрепилось за всем переселенческим движением.

Не нужно думать, что эмиграция горцев в Османскую империю была вызвана только репрессивной переселенческой политикой российских военных властей. На самом деле у мухаджирства была не одна, а целый комплекс причин. Иначе оно не приняло бы такого массового характера и не продолжалось бы так долго, в течение более полувека. По всему региону эти причины были сходны, но не идентичны. Дело в том, что условия жизни горцев послевоенного Северного Кавказа, да и переселенческая политика России довольно сильно различались на северо-западе, в центре и на северо-востоке региона. Наиболее широкий размах мухаджирство получило на Северо-Западном Кавказе. Эмиграция охватила подавляющее большинство местного горского населения. Чуть менее пострадали от нее горцы Центрального Кавказа, осетины и вайнахи. Дагестан был меньше затронут массовыми переселениями послевоенного времени.

Главной причиной выезда в Османскую империю был, конечно, насильственный сгон жителей Северо-Западного и ряда райо-

нов Центрального Кавказа с насиженных мест в горах и предгорьях. Большинство горцев Закубанской Черкесии не могли прижиться на непривычных для них приморских равнинах. Кроме того, после российского завоевания резко изменился экономический и общественный быт региона. Целый ряд привычных для горцев видов деятельности отошел в прошлое. С прекращением войны потеряли значение горские ополчения, лишь малая часть которых была переведена на положение горской милиции. После «умиротворения» горцев представители престижных прежде военных профессий рисковали остаться не у дел. Были окончательно уничтожены запрещенное в России еще в 1804 г. рабство и работорговля военнопленными, составлявшие важный источник доходов в Закубанской Черкесии, в частности у убыхов, полностью покинувших Северный Кавказ после окончания войны.

Экономическим источником мухаджирства стало растущее разорение знати и обезземеливание горцев после окончания Кавказской войны. В Кабарде и Дагестане кланы горских князей и знати так и не добились возвращения конфискованных у них во время Кавказской войны российскими военными и имамами владений. Не были восстановлены правовые привилегии знати. Кроме того, в ходе Кавказской войны у многих сельских конфедераций Чечни и Дагестана, поддержавших Шамиля, были конфискованы пастбищные горы. Во время военных действий были разрушены многие поля на горных террасах. Конфискации и разорение земель восставших продолжались в 1860—1870-е гг. Потерявшие земли и имущество участники войны и восстаний охотно уходили в Османскую империю с семьями. Однако обезземеливание никогда не выступало в качестве главной причины эмиграции. Гораздо сильнее по горцам ударила русская колонизация на Центральном и Северо-Западном Кавказе.

Сознавая всю серьезность земельного вопроса на Северном Кавказе, российское правительство приступило к его урегулированию сразу же после окончания войны. По всему региону начали работать сословно-поземельные комиссии. Однако подчас неумелые действия чиновников только усиливали брожение в горском обществе. Судя по информации, поступавшей в Кавказское наместничество из округов, начавшиеся российские реформы второй половины 60-х гг. XIX в. вызывали скорее опасения коренного населения. Так, начальник Кабардинского округа, анализируя причины эмиграции, ставил на первое место среди них земельный воп-

рос и реформы[11]. Представители бывшей военной знати Осетии и Балкарии эмигрировали целыми кланами, пытаясь сохранить своих рабов и крепостных. Потерянное имущество и привилегии они надеялись наверстать на военной службе у султана. Многие при этом бросали выгодную для них прежде работу в военной администрации края. Вместе с кланами знати уходили семьи зависимых крестьян, недовольные переселениями и обезземеливанием.

Кроме внутренних причин переселенческое движение всегда сильно зависело от международной обстановки на Ближнем Востоке. В советскую эпоху в отечественном кавказоведении укоренилась традиция перекладывать чуть ли не всю ответственность за мухаджирство на агентов Османской империи и западных держав, пытавшихся оторвать Кавказ от России. Это клише оказывает влияние даже на лучшие из недавних работ[12]. Но не нужно вдаваться и в другую крайность, игнорируя попытки западных держав и Османской империи сыграть на карте массовых переселений с Кавказа. Дипломатические источники XIX в. хорошо показывают, что такие попытки имели место. Истина, по нашему мнению, лежит посередине. Мухаджирство стало частью продолжавшегося русско-турецкого соперничества на Ближнем Востоке, осложненного к тому же действиями пытавшихся ослабить Россию западных держав.

В целом эмиграция с Кавказа развивалась на фоне политического противостояния Российской и Османской империй. Своего пика она достигла между Крымской (1853—1856) и русско-турецкой (1877—1878) войнами. Современный американский историк Марк Пинсон образно назвал это противостояние «демографической войной»[13]. Точнее, это был новый виток демографической войны, начавшейся со времен покорения Крыма и русских завоеваний в Причерноморье в XVIII в. Обе великие державы периодически «обменивались» подданными. Османская Турция добивалась иммиграции мусульман российского пограничья, чтобы укрепить за их счет наиболее уязвимые районы османского фронтира на Балканах, в Малой Азии и на Ближнем Востоке. В свою очередь, Россия принимала и расселяла на своих пограничных землях уходившее с границ Османской империи христианское население, прежде всего армян и разные православные меньшинства, укрепляя ими свои южные границы, в том числе на Северном Кавказе и в Закавказье.

Значение массовых переселений XIX в. на границах Османской и Российской империй, как правило, недооценивают. Между тем, по верному замечанию тюрколога Джастина Мак-Карти, они во

многом создали современное общество и политическую карту Кавказа, Балкан, Малой Азии. Он называет возникшую на обломках Османской империи республиканскую Турцию страной иммигрантов[14]. Этот тезис вполне можно отнести и к российскому Северо-Западному Кавказу. Корни русификации региона, произошедшей здесь уже в ходе советских национальных реформ XX в., уходят в первые десятилетия после русского завоевания Кавказа. Нельзя не обратить внимание и на социокультурное значение мухаджирства и русской колонизации. Насильственное переселение нанесло мусульманам региона глубокую травму, заметную у нескольких поколений эмигрантов в диаспоре. Под влиянием массовых переселений обострились отношения мусульман с христианами, что в последние десятилетия существования обеих империй привело к серии кровопролитных межконфессиональных столкновений и резне в Малой Азии и Закавказье.

Нельзя не отметить и влияния на развитие мухаджирства местных элит. На российском Северном Кавказе действовали османские эмиссары, пытавшиеся склонить побежденных горцев к эмиграции в Турцию. В этой роли нередко выступали представители местной мусульманской военной и духовной знати. Среди них оказалось немало ловких дельцов, неплохо устроившихся сначала в российской, а затем в османской военной администрации. Благодаря им в Османскую империю уходили целые народы. Ярким примером деятеля такого типа является Муса Кундухов (1818—1889), родом из мусульманской знати (*алдаров*), оставивший интересные мемуары о мухаджирстве[15]. Окончив Павловское военное училище в Петербурге, Кундухов сделал блестящую карьеру в русской армии, дослужившись до генерал-майора, начальника Военно-Осетинского и Чеченского округов. Во главе отрядов горской милиции он участвовал с российской стороны в Кавказской и Крымской войнах, в подавлении Краковского мятежа 1846 г. и Венгерской революции 1849 г., последних волнений на Северном Кавказе 1860-х гг.

В 1864 г. Кундухов резко меняет свою жизнь. Он уходит в отставку и по согласованию с властями Кавказского наместничества за вознаграждение 10 тыс. руб. серебром организует переселение в Османскую империю более 5 тысяч семей чеченцев, ингушей и нескольких десятков мусульман-осетин, которыми он прежде управлял. Вместе с ними уходит и вся семья Кундухова. За оставленные на Кавказе имущество и земли он получил от русского правительства компенсацию в 45 тыс. руб. серебром[16]. В эмиграции он смог

сделать не менее стремительную военную карьеру. Обосновавшись в вилайете Сивас, он начал службу в армии, где постепенно приобрел широкую известность и авторитет у османских властей. В османской армии Кундухов дослужился до паши в чине *мирлива*. Уже на османской стороне он участвовал в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. После войны долго командовал гарнизоном Эрзерума. Благодаря такой удачной карьере семья Кундухова заняла высокое место в османской политической элите. Его сын был министром иностранных дел в ранней республиканской Турции.

Среди эмиссаров мухаджирского движения на Северо-Западном Кавказе можно отметить других представителей местной военной и мусульманской элиты, служивших, подобно Кундухову, в русской армии и окружной администрации. К их числу относятся кабардинцы полковник Кавказско-Горского полуэскадрона Фица Абдрахманов, генерал-майор Кубанского казачьего войска Могукоров, начальник Шапсугского округа генерал-лейтенант Темирхан Шипшев, осетинский *алдар* из Дигории Абисалов и старшина Куртатинского ущелья осетин-мусульманин Ахмет Цаликов. Пользуясь авторитетом среди горцев, они смогли организовать в управлявшихся ими округах партии переселенцев и переправить их на территорию Турции. Только в 1863—1864 гг. Темирхан Шипшев склонил к эмиграции около 60 тысяч шапсугов. Среди руководителей потоков мухаджиров из адыгов и вайнахов реже встречались религиозные деятели, такие как кабардинский мулла Жамурза Варитлов, уведший в Османскую империю в 1865 г. до 900 кабардинцев, мулла Исхак среди шапсугов, *кади* Мухаммед-эфенди Хубиев у карачаевцев, мусульманские *улемы* Хут, Чанахока, Челягаштука из бжедугов.

На Северо-Восточном Кавказе инициаторами переселения чаще выступали представители мусульманской духовной элиты, особенно суфии. На мусульман Дагестана и Чечни большое влияние оказали письма с призывами к переселению, которые распространяли в 1860—1880-е гг. агенты османского правительства и участники *джихада* времен Кавказской войны и восстания 1877 г. Ученик уехавшего в Стамбул Джамалуддина Казикумухского, известный накшбандийский шейх Абдуррахман Согратлинский написал в конце 70-х гг. на арабском языке сочинение о *хиджре*. В своем трактате он выступал за массовую эмиграцию мусульман с Северного Кавказа. По мнению шейха, когда мусульманские земли попадают под власть немусульманских правителей, а правовер-

ные уже не могут выполнять свои религиозные обязанности и нет надежды восстановить права ислама при помощи *газавата*, каждый мусульманин обязан покинуть территорию, ставшую *дар ал-харб*, и переселиться на территорию, где господствуют законы ислама. Согласно Абдуррахману, только такая эмиграция позволяет продолжить священную войну из-за границы, в данном случае, конечно, с территории Османской империи.

Сохранились стихи в поддержку мухаджирства, написанные в середине 1860-х гг. Ирчи Казаком (ок. 1830 — ок. 1879), известным кумыкским поэтом из Засулакской Кумыкии. Вернувшись из русской ссылки, куда он попал за похищение рабыни последнего шамхала Тарковского, Ирчи Казак тяжело переживал установившиеся на послевоенном Кавказе новые русские порядки: солдат, наводнивших край, взятки, которые берут в канцеляриях. Русские построили школы и «чугунные [железные. — *В.Б.*] дороги», но от этого жизнь мусульман не стала легче. Поэт призывает земляков: дурные люди продают свою веру за деньги; кто любит ислам — тот уедет («совершит *хиджрет*»)... «Давайте, мусульмане, соберем свои семьи и уедем в Османское государство, — пишет он. — Тем более что московский царь разрешает нам уехать. Султан (*хункар*) это наша опора». «Кто переселится, тот окажется в раю, а тот, кто любит спокойствие, пусть остается в Дагестане»[17]. Эти и другие сатиры Ирчи Казака с призывами к мухаджирству ходили в списках по всему Северному Кавказу.

Среди представителей горской военной и духовной элиты были и противники мухаджирского движения. Они всячески отговаривали горцев от опрометчивого шага. Об этом, в частности, немало писал и проповедовал натухаец Костанк-эфенди (Куштанок), говорил абадзех Карабатыр-бей (Хаджи Батырбей) и другие популярные среди горцев лидеры. Однако их голоса терялись в хоре сторонников мухаджирства. К тому же сильным стимулом для эмиграции служили многочисленные и самые невероятные слухи, циркулировавшие среди горцев-мусульман в неспокойное после окончания Кавказской войны время. Больше всего горцы боялись крещения и введения рекрутчины или обращения в казаки. Российские власти пытались разубедить своих новых подданных, указывая на нелепость этих слухов. С их опровержения начинается, например, «Прокламация к чеченскому народу», изданная Барятинским в 1860 г. Но горцы охотнее верили письмам из Османской империи, где их убеждали в скором начале преследований мусульман на Северном Кавказе.

В Турции им сулили земли, принадлежавшие переселившимся в Россию армянам, а также налоговые льготы и денежные пособия. Хотя роль слухов в возникновении мухаджирского движения пока еще слабо изучена, их значение было поистине огромно.

4. Периодизация мухаджирства и колонизации. Российское и османское миграционное законодательство. Ограничение эмиграции с Кавказа при Михаиле Николаевиче и А.М. Дондукове-Корсакове

Историю переселения горцев в Османскую империю и русской колонизации на Северном Кавказе нередко ограничивают второй третью XIX в. Это не совсем правильно. На примере казачьей колонизации мы уже убедились, что основы колонизации были заложены на Северном Кавказе намного раньше. Северокавказская (черкесская) диаспора начала складываться в османской Турции по крайней мере с XVI в. В XVIII — первой половине XIX в. отдельные представители адыгской и дагестанской диаспоры сделали блестящую военную и духовную карьеру в Стамбуле. Особенно ценились здесь воины с Северо-Западного Кавказа и ученые из Дагестана[18]. К 1840-м гг. некоторые ключевые посты в центральной османской администрации занимали бывшие черкесские *мамлюки*. Сохранив связи с родиной, они оказали впоследствии немалую поддержку своим соотечественникам, вынужденным массами уезжать в Османскую империю после окончания Кавказской войны.

Предысторию мухаджирства следует начинать с эпохи массовых внутренних миграций времен Кавказской войны. Как самостоятельное движение мухаджирство оформилось в последний период войны и послевоенное пятидесятилетие. В истории мухаджирства выделяют до шести этапов: (1) вторая половина 1850-х гг.; (2) первая половина 1860-х гг.; (3) вторая половина 1860-х — начало 1870-х гг.; (4) 1870-е гг.; (5) 1880-е и начало 1890-х гг.; (6) вторая половина 1890-х — 1920-е гг. Ту же периодизацию в целом имели продолжавшиеся на Северном Кавказе внутренние миграции и русская колонизация. От периода к периоду менялись численность эмигрантов, направление миграционных потоков и главное — миграционная политика правительства. Во время войн между Россией и османс-

кой Турцией границы между обеими странами закрывались и масштабы переселения сокращались. С перерывами мухаджирство продолжалось до середины 20-х гг. XX в.

В разных частях Северного Кавказа хронология переселения имела свои нюансы. На северо-западе региона его первый этап начинается раньше 50-х гг. XIX в. В 1858 г. в Османскую империю уехали прикубанские ногайцы и черкесы. Рост миграций горцев в этот период отчасти вызван деятельностью черкесской диаспоры, представители которой звали горцев в Турцию. В это время у властей Кавказского наместничества и Петербурга еще не было четкого видения переселенческой политики. На Северо-Западном Кавказе шли военные действия и даже не проводилось крупных внутренних перемещений населения.

На втором этапе был реализован описанный выше знаменитый проект переселений генерала Евдокимова, главным образом по отношению к натухайцам, абадзехам, бжедугам, верхним абадзехам, темиргоевцам и хатукаевцам и всем прочим горцам Черномории. Об отличии этого периода от прежних переселений писали многие историки, в частности А.В. Сивер, отметивший, что «после покорения Кавказа переселение стало проводиться властями целенаправленно, зачастую насильственно, сгоняя горцев с их традиционных мест обитания»[19]. Их расселяли в равнинных и степных районах. От гор их отделяла цепь казачьих станиц. Многие из побежденных отказывались жить в этих условиях. Поэтому первая половина 1860-х гг. — время наиболее массовых внешних миграций горцев в Османскую империю; тогда переселилась значительная часть западных адыгов и кабардинцев. Этот период мухаджирства и русской колонизации региона лучше всего освещен в российских документальных источниках и переписке[20].

Авторы, писавшие о массовых переселениях на послевоенном Северном Кавказе, как правило, ограничиваются красочным описанием страданий горцев. Но не в лучшем положении оказались и поселенные на их бывших землях казаки. Заведовавший колонизацией Закубанья Евдокимов вел дело очень круто, сгоняя черноморских казаков на новые места целыми станицами. Допущенные окружными властями при этом насилия в отношении казачества вызвали серьезные волнения в Черномории. После этого администрация созданной на ее месте Кубанской области пошла на уступки, согласившись ограничить переселение охотниками и очередниками к переселению. В 1860—1864 гг. в верховьях Кубани и в

Закубанье было создано таким образом 83 новых казачьих поселения. На Северо-Восточном Кавказе окружное начальство не приняло плана русской колонизации приобретенных земель, осуществленного в Кубанской области Евдокимовым. В Дагестане русская колонизация территорий шла только на равнине, причем весьма туго. Здесь так и не произошло массового сгона горцев на равнину. Даже селения, перенесенные из гор на равнину за какие-либо провинности, через некоторое время возвращались назад.

Все дела по переселениям и колонизации были сосредоточены в руках Главного штаба Кавказской армии, который входил в прямые сношения по этому вопросу с османским правительством. На уровне областей организацией переселения горцев занимались их военные начальники — Н.И. Евдокимов в Кубанской и Д.И. Святополк-Мирский в Терской, а также начальники округов — В.В. Орбелиани в Кабардинском округе Кубанской области, генерал-майор П.Д. Бабыч — в Натухайском. Они подчинялись военному начальству, привлекая для организации переселений руководство казачьих станиц, а также градоначальников городов Тамани и Керчи и руководство Одесского управления Русского пароходного общества. Все сложные и спорные вопросы горских миграций, возникавшие у них, решались в Главном штабе. Выселение горцев-мусульман с Кавказа всячески поддерживали и местные православные иерархи, в частности епископ Кавказский и Черноморский о. Игнатий Брянчанинов, надеявшийся в результате этой политики окончательно христианизировать Северный Кавказ.

В это время как с российской, так и с османской стороны начинает разрабатываться миграционное законодательство. Если до начала 1860-х гг. финансовая поддержка выселения горцев российскими властями в Османскую империю имела эпизодический характер, то с 1862 г. встал вопрос о финансировании из российской казны всех этапов эмиграции. 10 мая 1862 г. вышло постановление Кавказского комитета «О переселении горцев», согласно которому было решено финансировать мухаджирское движение. Была образована Комиссия по делу о переселении горцев в Турцию. Комиссия была уполномочена организовывать переселение горцев Северного Кавказа, выдавать им паспорта и денежные пособия на выселение, вести переговоры с владельцами транспортных судов о перевозке эмигрантов. Дополнительно в черноморских портах — Анапе, Тамани, Туапсе, Сочи и Константиновском — были организованы подкомиссии во главе с комиссарами, которые следили за

погрузкой горцев на морские суда. Чуть позже были организованы Константиновский и Анапский карантинно-таможенные посты. Руководители Комиссии и комиссары подкомиссий составляли подробные отчеты об отправке горцев в Османскую империю, в том числе и отчеты финансовые, для предоставления их в Главный штаб Кавказской армии.

Еще в 1860 г. в Стамбуле была создана Верховная комиссия по переселению. Ее возглавил губернатор Трапезунда Хафиз-паша. Сначала она подчинялась Министерству торговли, а с июля 1861-го по май 1875 г. действовала самостоятельно. В 1861 г. между Россией и Турцией было заключено специальное соглашение по вопросам эмиграции, вошедшее в историю под названием комиссии Лобанова — Лорис-Меликова, по имени возглавлявших ее российских чиновников. Османские власти обязались принимать и расселять на землях империи мухаджиров с Северного Кавказа, но сами предъявили к российскому правительству требование начинать переселение не ранее мая 1864 г. и переселять ежегодно не более 5 тысяч семей. Российское правительство обязалось отправлять горцев небольшими партиями и завершить переселение за 10 лет. В 1865 г. данный этап внешних миграций горцев в Османскую империю был завершен. В действительности обе стороны не раз нарушали договоренности.

На третьем этапе, во второй половине 1860-х — первой половине 1870-х гг., переселения были в основном связаны с российскими реформами на Северном Кавказе, речь о которых пойдет в следующих главах нашей книги. В это время кроме эмиграции проводились и широкие внутренние миграции, и переселение жителей горных и предгорных районов на равнину приняло особенно массовый характер. Процесс переселения горцев на равнину проходил в Балкарии, но он не принял такого массового характера, как это имело место в Осетии и Чечне. С целью облегчения надзора и управления мелкими горными аулами в этот период началось образование так называемых укрупненных селений Северо-Западного и Центрального Кавказа. Их создавали, насильственно переводя общины разных предгорных и равнинных селений на новое место. Только в 1865—1867 гг. 93 аула: из населенных пунктов Большой Кабарды были укрупнены в 33, а из 25 аулов Малой Кабарды сделали 9. На Северо-Восточном Кавказе укрупнения поселений и вообще переселений горцев на равнину вплоть до начала советских преобразований 1920-х гг. не проводилось.

Столкнувшись с многочисленными нарушениями российской стороной договоров о мухаджирах и общей неподготовленностью страны к приему десятков, если не сотен тысяч переселенцев, Османская империя начинает в этот период ограничивать поток мухаджиров. В Тифлисе и Петербурге также возобладали противники эмиграции. Появился запрет на массовую эмиграцию в Османскую империю. Был издан приказ главнокомандующего Кавказской армией «О прекращении дальнейшего выселения горцев массами» и предписание начальника Терской области «О запрещении жителям Большой и Малой Кабарды выезда в Турцию и об аресте лиц, агитирующих кабардинцев к переселению (с отправкой в тюрьму во Владикавказ)». Пытаясь обойти официальные препоны на пути эмиграции, мухаджиры все чаще прибегают в этот период к получению билетов, разрешающих им временный выезд из России для совершения паломничества в Мекку. Многие из паломников навсегда оставались в Османской империи.

Сталкиваясь с такими случаями все чаще, власти Кавказского наместничества стали ограничивать поток паломников-хаджи с Северного Кавказа. В конце 1865 г. 2500 семьям горцев из Кубанской области было отказано в просьбе о выдаче им временных заграничных паспортов. Продающие в связи с ожидаемым переселением свое имущество подвергались аресту. Проводилась широкая агитационная кампания против выезда в османскую Турцию. Наконец местная администрация стала требовать от аульных старшин и начальников участков принятия на сельских сходах общественных приговоров, в которых горцы изъявляли желание остаться жить на Северном Кавказе. Большинство аулов Северо-Западного и Центрального Кавказа соглашались предоставить администрации такие приговоры, но жители Малой Кабарды отказывались. В 1872 г. были введены Временные правила о порядке увольнения мусульман Кубанской области за границу, согласно которым горцам разрешался лишь временный выезд за границу с целью совершения паломничества в Мекку и Медину. Выезд на постоянное место жительства им был запрещен.

На четвертом этапе, в 1870-е гг., среди российских гражданских чиновников и военных вновь стали появляться сторонники массовых переселений. В это время некий Г. Буткевич подготовил план полного выселения горского населения с Северного Кавказа. Как и в разобранных выше проектах Вельяминова и Евдокимова, он разделил горцев на менее и более опасных для государственных

интересов России. Буткевич предлагал выселить с Кавказа наиболее опасных, к которым он относил западных адыгов, кабардинцев, чеченцев и народы Дагестана. По замечанию автора проекта, «кабардинцам, живущим на пути наших главных сообщений с Закавказьем, следует предоставить не только полную свободу к выселению в Турцию, но даже содействовать выселению... Что же касается чеченцев, самого фанатичного, неблагонадежного и разбойнического населения на Кавказе, занимающего богатейшую во всех отношениях часть Терской области, то крайне необходимо и желательно поголовное их выселение и при том, если бы оно не состоялось добровольно, следовало бы употребить для этого силу»[21]. Менее опасными, по мнению Г. Буткевича, были тюркоязычные балкарцы и карачаевцы, а также принявшие крещение осетины.

В 70-е гг. подобные идеи не находили особого сочувствия у российских властей в Тифлисе и Петербурге. Но отдельные их сторонники были среди северокавказских чиновников. В частности, их сторонником был будущий начальник Кубанской области Н.И. Михайлов, представивший в департамент Главного управления наместника Кавказа записку с обоснованием своих предложений по экспатриации горцев в османскую Турцию. По его мнению, изгнание горцев из региона должно облегчить его дальнейшую русскую колонизацию. Он считал, что «разрешение горцам переселяться в Турцию, не стесняя их никакими условиями, было бы мерою весьма полезною в том отношении, что мы избавились бы от неблагонадежного в политическом смысле населения... опасаться же обезлюдения края нет основания, ибо оставленные горцами места немедленно могут быть населены русскими без особенных усилий и материальных пожертвований, так как русских, ищущих прочного здесь водворения, и в настоящее время в области очень много, которые, за неимением свободных земель, представляют своего рода кочевое население»[22].

Начальник Терской области (1863—1873), известный в будущем российский государственный деятель М.Т. Лорис-Меликов, был противником подобных планов. Он считал, что следует бороться с пропагандой переселения горцев, которая в этот период наиболее активно велась в Терской и Кубанской областях османскими эмиссарами и некоторыми представителями мусульманской духовной элиты. Для предотвращения массового выезда горцев в Османскую империю он предлагал высылать наиболее деятельных пропагандистов мухаджирства во внутренние губернии России и выдворять за

границу тех мухаджиров, которые, вернувшись на Северный Кавказ, вновь начинали агитировать население за переселение в Османскую империю. В администрации Кавказского наместничества, возглавляемого тогда вел. кн. Михаилом Николаевичем (1862—1881), возникло две «партии» — противников и сторонников эмиграции горцев. В результате возникших между ними дискуссий миграционное законодательство было вновь несколько изменено. В 1876 г. был подготовлен «Проект правил о переселении горцев в Турцию», снявший ряд ограничений на добровольный выезд горцев за пределы российских владений.

Новый всплеск внутренних и внешних миграций произошел в 1880-е — начале 1890-х гг. Это было вызвано несколькими причинами. Во-первых, активизировались переселения горцев Северо-Западного и Центрального Кавказа на равнину и крестьянская колонизация региона. Во-вторых, после подавления восстания 1877 г. многие из его участников пытались скрыться за границу, и шла массовая высылка сторонников этого последнего акта мусульманского повстанчества во внутренние губернии России. Многие из сосланных за поддержку восстания в конце 70-х и начале 80-х гг. сумели бежать из Центральной России и нелегально пробирались в Османскую империю. Как уже говорилось, мюриды накшбандийского шейха из Нагорного Дагестана Мухаммеда ал-Мадани помогли ему бежать из сибирской ссылки и тайно переправили в Стамбул. То же удалось и другим участникам джихада 1877 г. В этой обстановке резко выросла роль слухов. Горцы опасались распространения на них всеобщей воинской повинности, введенной в России в 1876 г., и бежали в Турцию. Опровержения местных властей не помогали. Отчасти волна переселений была спровоцирована и активной организацией военных казачьих поселений на границах горских аулов.

На пятом этапе в Кавказской администрации продолжались споры о выселении горцев и о поддержке крестьянской колонизации на отнятых у них землях. Немало сторонников этих проектов работало в администрации Кубанской области, более прочих охваченной мухаджирским движением. Они по-прежнему полагали, что горцы приносят «очень много вреда русскому населению Кубанской области, широко отдаваясь грабежам и воровству». Чтобы отделаться от этого «неспокойного элемента», они предлагали воспользоваться стремлением горцев к выезду в османскую Турцию и навсегда удалить их с русского Кавказа. Против столь резких мер

выступал ряд не менее влиятельных лиц, в том числе сменивший Михаила Николаевича в роли правителя Кавказского края известный российский государственный деятель, главноначальствующий гражданской частью на Кавказе, А.М. Дондуков-Корсаков (1882—1890). Он всячески пытался ограничить даже добровольные переселения в Османскую империю, находя их вредными для спокойствия региона и в целом для российского владычества.

Итогом споров явилось новое изменение российского миграционного законодательства на Северном Кавказе. В 1885 г. были приняты новые «Правила переселения горцев»[23]. Ограничения на добровольный выезд горцев за границу были сняты. Для переселения сельской общины требовалось согласие на переселение 2/3 ее членов (впоследствии половины) и согласие османской стороны принять ее. Свой переезд эмигранты должны были оплачивать сами. Они навсегда теряли право возвращения на родину и прежние владения, переходившие на северо-западе региона в собственность Кубанского казачьего войска. Горцы, решившие остаться на Северном Кавказе, обязаны были беспрекословно выполнять все распоряжения начальства, в том числе и по переселению. Османская сторона тоже принимала меры к урегулированию миграций и установлению государственного контроля над переселением. В 1887 г. в Стамбуле была восстановлена упраздненная в 1875 г. Верховная комиссия по переселению. Возобновление ее работы связано с резким увеличением числа мухаджиров.

В конце 1880-х и первой половине 1890-х гг. многие горцы Терской и Кубанской областей воспользовались новыми правилами и уехали с Кавказа. Во время шестого этапа, со второй половины 1890-х гг. по 1910-е гг., наиболее важными стали уже не столько внешние, сколько внутренние миграции, связанные с крестьянской колонизацией региона. Наиболее массовой на этом этапе была эмиграция горцев из Чечни и Дагестана. На Северо-Западном Кавказе ее размеры были скромнее. С 1890-х гг. на всем Северном Кавказе, в том числе и в Кабарде, Чечне и Дагестане, возобновилась пропаганда мухаджирства, которую вплоть до начала Первой мировой войны вели османские эмиссары. Одним из основных стимулов к переселению стал религиозный. Расширяются культурные и экономические связи между северокавказской диаспорой и оставшимися в регионе горцами. Выпускники северокавказских *медресе* продолжали образование в Османской империи, прежде всего в знаменитом мусульманском университете аль-Азхар в Ка-

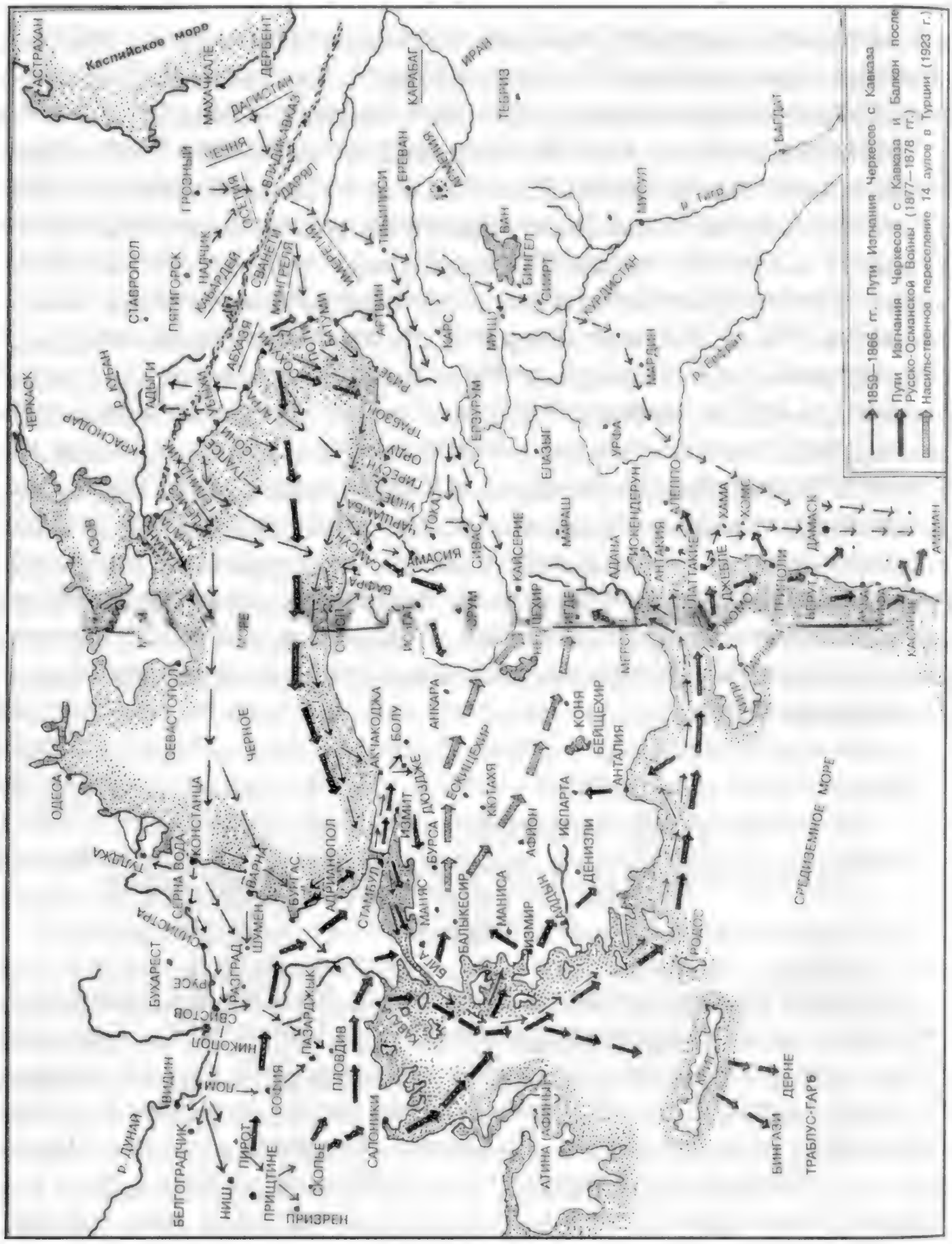
ире, а также в медресе Стамбула. Книги, печатавшиеся в мусульманских издательствах Стамбула и Каира, поступали в примечетные школы и библиотеки мусульман Северного Кавказа.

В наместничество И.И. Воронцова-Дашкова (1905—1915) и вел. кн. Николая Николаевича (1915—1917) российская администрация Кавказского края по-прежнему прилагала усилия по ограничению внешних миграций горцев. По негласному правилу, на поступавшие от горцев просьбы о разрешении переселиться местные власти должны были проводить переговоры с инициаторами отъезда и отговаривать их от этого шага. Эмигранты же находили все новые уловки для обхода законов. Чаще всего они испрашивали разрешение на выезд «на богомолье в Мекку», иначе говоря, на хадж. В 1909 г. в России было учреждено «Общество попечения о мусульманских паломниках». Оказывая визовую поддержку хаджи из России, оно вместе с тем занималось сбором информации и статистики о хадже из России, что должно было облегчить российскому правительству надзор за потоками паломников, ускользавших из-под его надзора. Значительную часть хаджи по-прежнему давал российский Кавказ.

5. Пути эмиграции и статистика. Мухаджиры в позднеосманском обществе и государстве

Маршруты переселения с Северного Кавказа в Османскую империю были проложены еще в первую половину XIX в. Окончательно они установились со второй половины 1850-х гг. Существовали как морской (по Черному морю), так и сухопутный (через Закавказье) пути эмиграции. На Северо-Западном и отчасти Центральном Кавказе мухаджиры чаще избирали морской путь по Черному морю через Тамань и Керчь, а впоследствии и через российские порты Одессу, Новороссийск, Поти и Батуми. Кроме российской Черноморской компании их перевозили османские, а также европейские суда. Мухаджиры прибывали в турецкие города-порты: Стамбул, Трабзон, Самсун.

Сухопутный путь мухаджиров лежал через Закавказье. Этим путем предпочитали двигаться дагестанцы, большая часть чеченцев, ингушей и осетин. Горцам Северо-Западного Кавказа пользо-



Пути переселений мухаджиров
с российского Кавказа второй половины XIX в.

ваться сухопутным путем было запрещено. Переходя через Большой Кавказский хребет в районе Закатальского округа или двигаясь по Военно-грузинской дороге через Владикавказ и Тифлис, они приходили к русско-турецкой границе через Эриванскую и Тифлисскую губернии. Далее их путь лежал к анатолийским городам Карс и Муш. Этим путем шло особенно много нелегальных эмигрантов. Обычно они пересекали границу по ночам, небольшими группами. Полиция и кордонная стража регулярно задерживали их в Тифлисском и Александропольском уездах и по Военно-грузинской дороге, но перекрыть поток нелегальных эмигрантов не могли.

Что можно сказать о статистике переселений? По данным председателя Кавказской археографической комиссии А.П. Берже, только в 1858—1865 гг., когда размеры эмиграции были наибольшими, Северный Кавказ покинуло 439 194 человека[24]. Из них подавляющее большинство составляли адыги Северо-Западного Кавказа (шапсуги, убыхи, абадзехи и т.д.) и близкие к ним по языку и культуре абхазы. По официальным данным, в 1856—1925 гг. Северо-Восточный Кавказ покинуло около 40 тысяч чеченцев и ингушей, 39 660 ногайцев (включая ногайцев Кубанской области), 8—10 тысяч осетин и 20—25 тысяч дагестанцев. С середины 60-х гг. по начало XX в. с Кавказа выехало еще около 200 тысяч мухаджиров. Многие исследователи склонны считать эти цифры слишком заниженными. Например, А.Х. Касумов приводит цифру 900 тысяч эмигрировавших из России в османскую Турцию адыгов. Учитывая массовую смертность среди беженцев от эпидемий и тяжестей пути, Марк Пинсон и турецкий историк Кемаль Карпат оценивают количество мухаджиров, покинувших Россию, в 1,2 млн. человек[25]. Выходцы из черкесской диаспоры впадают в крайность, доводя численность мухаджиров до двух миллионов человек.

Следует отметить, что все эти данные слишком приблизительные и неточные. Во-первых, никакой точной статистики горского населения Северного Кавказа до его окончательного российского завоевания не велось. Для соблюдения условий договора 1860 г. и собственных интересов российская администрация областей долгое время преуменьшала количество выезжавших за пределы Северного Кавказа эмигрантов. Кроме того, зачастую на целую семью выдавался один паспорт (на главу семьи), и в статистику заносился один человек. Следует также иметь в виду, что далеко не все архивные документы уцелели. Совсем недавно, в ходе российско-чеченской войны 1994—1996 гг., погибли богатейшие архивы Чечни

и Ингушетии в Грозном. Владикавказские документы только частично копируют их. Нельзя также забывать, что значительная масса мухаджиров (например, участники восстания 1877 г.) переходили границу нелегально, в основном через Главный Кавказский хребет и Закавказье. Размеры нелегальной эмиграции с дореволюционного Северного Кавказа были очень высоки. Что же касается османской статистики, то она не учитывала массовой гибели мухаджиров от голода и болезней в пути и до расселения в Турции.

Северокавказских мухаджиров расселяли в «горячих точках» империи, на местах, где османские власти были слабы, а антиосманское сопротивление сильно. Чеченцев и дагестанцев больше использовали для охраны столицы (Стамбула) и ведущих к ней стратегических путей. На юго-востоке Малой Азии военизированные поселения мухаджиров должны были сдерживать развитие антиосманского национального движения армян, курдов и кызылбашей. На Ближнем Востоке (в основном на территории Дамасского вилайета — современные Сирия, Ливан, Израиль и Иордания) мухаджиры использовались как буферная сила, охранявшая границы империи от арабских бедуинских племен и друзов.

В отличие от выходцев с Северо-Западного Кавказа, переселенцев из Чечни, Ингушетии и Дагестана не размещали на Балканах. Документов, подтверждающих это, нет. О том же говорят результаты полевых исследований северокавказских этнографов, начавших недавно работать в Турции и Сирии. Большинство дагестанцев и вайнахов прибыло в Османскую империю уже после восстания 1877 г. Османская империя уже потеряла свои балканские провинции к этому времени и благодаря этому избежала вторичного переселения с Балкан на Ближний Восток и в Малую Азию. Дагестанцы и чеченцы в основном были расселены на территории собственно Турции. Оттуда они частично расселились далее на юго-запад, образовав смешанные переселенческие общины в Ираке, Египте, Йемене, Саудовской Аравии, Иордании.

В Османской империи (и в возникших на ее обломках национальных государствах) власти использовали мухаджиров и их потомков на тех же «работах», что и Россия на Северном Кавказе казаков, поселенных на землях, откуда были согнаны мухаджиры. Из них формировались прежде всего полицейские части, а также иррегулярные воинские части (*башибузуки*) и жандармерия, использовавшиеся для подавления волнений и поддержки правящего режима. Из курдов и северокавказских мухаджиров были созда-

ны полки иррегулярной кавалерии. По имени правившего тогда султана Абдул-Хамида II (1876—1909) они получили название Хамидие. Эти подразделения использовали для усмирения повстанческих движений на окраинах Османской империи. Согласно гипотезе А.Г. Авакяна, проект создания Хамидие был выработан в 1878 г. при деятельном участии известных мухаджиров Мусы Кундухова и сына Шамиля Гази-Мухаммеда, переселившегося в османскую Турцию в 1871 г.[26].

Мухаджиров охотно использовали в жандармерии. Так, в Эрзруме в 1903 г. из 300 имевшихся в городе и его окрестностях жандармов подавляющее большинство были мухаджирами или потомками переселенцев с Северного Кавказа. Использование выходцев из черкесской диаспоры в армии и госаппарате осталось традицией Ближнего Востока и после распада Османской империи. В Сирии и Палестине, образовавших в 1920 г. подмандатную французскую территорию, отряды черкесской кавалерии вошли в состав так называемых специальных войск с функциями жандармерии. С 1925 г. черкесские иррегулярные войска стали основой французских сил оперативного назначения. Аналогичную роль отряды черкесской конницы играли при англичанах в Трансиордании. После обретения независимости военная «специализация» в черкесской диаспоре сохранилась. Утратив связи с исторической родиной, она превратилась в первой половине XX в. в отдельную довольно привилегированную страту мусульманского общества на Ближнем Востоке, сыгравшую важную роль в общественно-политических преобразованиях в регионе.

---

[1] Трагические последствия Кавказской войны для адыгов (вторая половина XIX — начало XX в.). Сборник документов и материалов / Сост. Р.Х. Гугов, Х.А. Касумов, Д.В. Шабаев. Нальчик, 2000; *Касумов А.Х., Касумов Х.А.* Геноцид адыгов. Из истории борьбы адыгов за независимость в XIX веке. Нальчик, 1992; *Берзег Н.* Изгнания черкесов // Россия и Черкесия (вторая половина XVIII — XIX в.). Майкоп, 1995; *Кудаева С.Г.* Огнем и железом. Вынужденное переселение адыгов в Османскую империю (20—70-е гг. XIX в.). Майкоп, 1998, и др.

[2] *Кушхабиев А.* Черкесы в Сирии. Нальчик, 1993; *Он же.* Черкесская диаспора в арабских странах (XIX—XX вв.). Нальчик, 1997; *Кумыков Т.Х.* Выселение адыгов в Турцию — последствие Кавказской войны. Нальчик, 1994; *Кумыков З.Т.* Вопрос о выселении адыгов в Турцию в 50—60-х годах XIX в. в историческом кавказоведении. Нальчик, 1998; *Мамбетов Г.* Из истории на-

сильственного выселения адыгов в Турцию // Россия и Черкесия (вторая половина XVIII — XIX в.). Майкоп, 1995; *Магомедханов М.М.* Дагестанцы в Турции. Махачкала, 1997; Адыгская и карачаево-черкесская зарубежная диаспора: история и культура. Нальчик, 2000; Эмиграция дагестанцев в Османскую империю. Сборник документов и материалов. Кн. I—II / Сост. А.М. Магомеддадаев. Махачкала, 2000; Эмиграция северокавказских народов в Османскую империю (вторая половина XIX — начало XX в.): Сб. ст. / Сост. С.Ф. Алибеков. Махачкала, 2000; *Бадерхан Ф.* Северокавказская диаспора в Турции, Сирии и Иордании. М., 2001. См. также: *Магомеддадаев А.М.* Дагестанская диаспора в Турции и Сирии (генезис и проблемы ассимиляции). Дис. ... к.и.н. Махачкала, 1996; *Бадаев С.-Э.С.* Вайнахская диаспора в Турции, Иордании и Сирии. Дис. ... к.и.н. Грозный, 1998; *Абдулаева М.* Переселение дагестанцев в Османскую империю во второй половине XIX — начале XX в. (причины и последствия). Дис. ... к.и.н. Махачкала, 1999; *Алиев Б.Р.* Северокавказская диаспора в странах Ближнего и Среднего Востока: история и современные процессы (вторая половина XIX — XX в.). Дис. ... к.и.н. Махачкала, 2001; *Авакян Б.Р.* Черкесы в системе государственной власти Османской империи и Турции (вторая половина XIX — первая четверть XX в.). Диссертация... д.и.н. Ереван, 2001; *Ганич А.А.* Черкесы в Иордании: особенности исторического и этнокультурного развития. М., 2007.

[3] *Абдурахман из Газикумуха.* Книга воспоминаний. Махачкала, 1997. С. 96.

[4] *Н.Р.* Колонизация // Энциклопедический словарь / Под ред. Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. XVIIIa. СПб., 1895. С. 736. Ср.: *Милюков П.* Колонизация России // Там же. С. 740—746; Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20—70-е годы XIX в.). Сборник архивных документов / Сост. Т.Х. Кумыков. Нальчик, 2001. С. 206.

[5] АКАК. Т. IV. Тифлис, 1870. С. 899—901.

[6] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6237. Л. 174.

[7] ГАКК. Ф. 389. Оп. 1. Д. 39. Л. 50—51.

[8] Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи. С. 73.

[9] Там же. С. 106.

[10] РГВИА. Ф. 38. Оп. 30/286. Св. 866. Д. 2, 117.

[11] Вдали от Родины. Сборник документов / Сост. Х.М. Думанов. Нальчик, 1994. С. 96.

[12] См., например: *Сотавов Н.А.* Северный Кавказ в кавказской политике России, Ирана и Турции в XVIII в. Махачкала, 1989.

[13] *Pinson M.* Demographic Warfare — an Aspect of Ottoman and Russian Policy, 1854—1866. Ph.D. Dissertation. Cambridge: Harvard University, 1970. P. 1. При очень интересной постановке вопроса приходится признать, что задача адекватного исторического исследования «демографической войны» между Российской и Османской империями пока не выполнена. Никто еще пристально не сравнивал источников османских и российских архивов по мухаджирству. Сам Пинсон только обозначил в своей диссертации основные направления такой работы.

[14] *McCarthy J.* Death and Exile. The Ethnic Cleansing of Ottoman Muslims, 1821—1922. Princeton, 1995. P. 2.

[15] Мемуары Мусы Кундухова // Дарьял. Владикавказ, 1995. № 2. Полный текст мемуаров был опубликован в эмигрантском журнале «Кавказ» в Париже. См.: Le Caucase, 1936—1937.

[16] Архивная служба Республики Северная Осетия-Алания (г. Владикавказ). Ф. 12. Оп. 8. Д. 9. Л. 68. Авторы главы выражают благодарность А.А. Ганич за любезно предоставленные архивные материалы.

[17] О роли мухаджирства в творчестве Ирчи Казака см.: *Бобровников В.О.* Каталог рукописей и старопечатных книг на арабском, персидском и тюркских языках из Кабардино-Балкарии // Письменные памятники Востока. М., 2005. Вып. 2.

[18] См. об этом подробнее: Caucasia between the Ottoman Empire and Iran, 1555—1914 / Hrsg. von R. Motika und M. Ursinus. Wiesbaden, 2000.

[19] *Сивер А.В.* Шапсуги. Этническая история и идентификация. Нальчик, 2002. С. 101.

[20] «Доклад комиссии по делу о переселении в Турцию» (15.02.1865, Тифлис); «Отчет гр. Евдокимова о военных действиях, исполненных в Кубанской области в период времени с 1-го июля 1863 года по 1-е июля 1864 г.»; «Обзор колонизации 1864 г.»; «Дело канцелярии Начальника Терской области по секретному столу о переселении туземцев Терской области в Турцию» (1863—1867 гг.); «Дело канцелярии начальника Терской области Временной комиссии, заведывающей переселением туземцев Терской области в Турцию» (1865—1866 гг.). Общую характеристику источников по переселенческой политике России этого этапа см. в кн.: *Кумыков Т.Х.* Выселение адыгов в Турцию. С. 21, 47, 76.

[21] *Буткевич Н.* Мусульманский вопрос на Кавказе // Трагические последствия Кавказской войны для адыгов. С. 245—246.

[22] Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи. С. 431.

[23] Там же. С. 277—313.

[24] *Берже А.П.* Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. 1882. Т. XXXIII. С. 167.

[25] *Pinson M.* Ottoman Colonization of the Circassians in Rumeli after the Crimean War // Etudes Balkaniques. Sofia, 1973. № 3. P. 72; *Karpat K.H.* Ottoman Population 1830—1914. Demographic and Social Characteristics. Madison, 1985. P. 68—79.

[26] *Авакян Б.Р.* Черкесский фактор в Османской Турции (вторая половина XIX — первая четверть XX в.). Ереван, 2001. С. 168—169.

Глава 8

РЕФОРМЫ И КОНТРРЕФОРМЫ В КАВКАЗСКОМ НАМЕСТНИЧЕСТВЕ. ВОЕННО-НАРОДНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

(1) Стереотипы и реалии Северного Кавказа времен «Великих реформ» и «контрреформ». (2) Отношения центра и периферии в Кавказском наместничестве при М.С. Воронцове, А.И. Барятинском и вел. кн. Михаиле Николаевиче (1844—1881). Кавказский комитет (1845—1882). (3) Военное и гражданское управление на Северном Кавказе. План реформ с опорой на обычай и общину. Истоки, принципы и цели военно-народного управления. (4) Упразднение Кавказской линии и новое административное деление региона. Военно-народное управление в Дагестанской области. Особенности реформ в Терской и Кубанской областях. Реформы казачьих войск. (5) Контрреформы после упразднения наместничества и Кавказского комитета. (6) Опыт кавказского военно-народного управления в Закавказье и Средней Азии. Международные аналоги на примере арабских бюро французского Алжира.

1. Стереотипы и реалии Северного Кавказа времен «Великих реформ» и «контрреформ»

Северный Кавказ нередко представляют отсталой и замкнутой окраиной дореволюционной России, эдаким медвежьим углом,

невосприимчивым к поздно доходившим сюда нововведениям. Этот стереотип, созданный в русской литературе XIX в., рушится при внимательном изучении источников. В действительности регион чутко реагировал на все заметные перемены в общественном и политическом устройстве России. Сразу после окончания Кавказской войны на Северном Кавказе начался длинный ряд реформ, окончившихся уже в советское время. Эти преобразования определили ход развития местного общества и его положение в составе Российского государства более чем на полвека. Их общее направление было задано в эпоху «Великих реформ», начавшуюся в Центральной России с восшествия на престол Александра II (1855—1881). Истоки реформ как в России, так и на российском Северном Кавказе нужно искать в последнем десятилетии царствования Николая I (1825—1855).

Реформы и контрреформы 1860—1880-х гг. поразительно быстро достигли кавказских границ. При том что общие цели в центре и на периферии совпадали, регион, конечно, имел немалое своеобразие. С одной стороны, сказывались последствия недавней Кавказской войны и *мухаджирства*. С другой стороны, Кавказ был тесно связан с важнейшими восточными и западными окраинами империи, такими как Средняя Азия, Сибирь, Польша, Украина. Его присоединение стало еще одним шагом на пути российского продвижения на Восток. Во главе Кавказского края нередко стояли люди, карьера которых начиналась на других окраинах. Методы, испробованные при «умиротворении» Кавказа, затем переносились в Среднюю Азию. Кавказ последней трети XIX в. послужил неплохим полигоном для теоретиков и практиков реформ. Впервые примененная здесь система военно-народного управления впоследствии была перенесена в Западное Закавказье и Среднюю Азию, присоединенные позднее.

2. Отношения центра и периферии в Кавказском наместничестве при М.С. Воронцове, А.И. Барятинском и вел. кн. Михаиле Николаевиче (1844—1881). Кавказский комитет (1845—1882)

Общий ход реформ на Северном Кавказе последней трети XIX в. определяла в немалой степени своеобразная система уп-

равления, сложившаяся в регионе еще во время Кавказской войны, в середине 1840-х — 1850-е гг. В роли проводников преобразований времен «Великих реформ» тут выступали военные власти Кавказского наместничества. Через наместника, особо приближенного к императору, и так называемый Кавказский комитет они были включены в единую имперскую властную иерархию. История формирования наместничества и Кавказского комитета неплохо показывает место Кавказа в империи и его связи с другими регионами пред- и пореформенной России.

Кавказское наместничество XIX — начала XX в. не нужно путать с одноименным учреждением, созданным при Екатерине II и описанным нами выше. Уместнее будет сравнить его с наместничеством в Царстве Польском. Кавказское наместничество было создано в ходе Кавказской войны, в 1844 г. К этому времени в регионе сложился запутанный узел военных, экономических и политических проблем. Усилия правительства приблизить конец войны не достигали успеха. Гражданское управление, введенное в Кавказском крае сенатором П.В. Ганом в 1840 г., оказалось неэффективным. В отдельных районах Восточного Кавказа оно вызвало волнения. Кавказ слишком дорого стоил: поглощая огромные людские и финансовые ресурсы, взамен он давал империи лишь проблемы.

После визита на Кавказ в 1837 г. Николай I решил, что выход из сложившегося положения лежит в еще большей концентрации власти как в местном, так и в высшем управлении краем. Такую задачу можно было решить, передав всю полноту местной власти одному особо доверенному императору лицу. Во-вторых, следовало создать специальный высший комитет, при помощи которого можно было бы контролировать Кавказ и управлять краем из столицы. Так появился в 1844 г. наместник Кавказский в Тифлисе, а в 1845 г. — Кавказский комитет в Петербурге.

Наместник управлял Кавказским краем, в состав которого вошли все российские владения на Северном Кавказе и в Закавказье, включая Кавказскую область, преобразованную в 1847 г. в Ставропольскую губернию, и Кавказскую линию. В административном плане Кавказ был отделен от Поволжья. В руках наместника была сосредоточена высшая гражданская и военная власть. Он также мог изменять общие законы империи применительно к условиям региона. Наместник являлся главнокомандующим Кавказской армией, руководил войсками и укреплениями Кавказской линии. Наместник имел право решать на месте все вопросы, не превышающие

власти министра, т.е. фактически был уравнен в правах с министрами. Он не был подотчетен ни одному из центральных министерств и ведомств. По вопросам, выходящим за пределы министерских полномочий, он должен был обращаться в Кавказский комитет, а по вопросам военного или внешнеполитического характера — лично к императору.

Наместник Кавказский граф М.С. Воронцов

Первым наместником стал генерал-губернатор Новороссийский граф М.С. Воронцов (1844—1854). Он не был фаворитом Николая I, но имел обширные связи. Влияние среди высшей бюрократии и доверие императора, заслуженное на посту наместника, позволяли Воронцову проводить независимую линию в управлении регионом. После Воронцова, оставившего свой пост по болезни, обязанности наместника недолго исполняли генералы Н.А. Реад (1853—1854) и Н.Н. Муравьев (1854—1856). Затем на эту должность был назначен князь А.И. Барятинский (1856—1862), а после отставки последнего — вел. кн. Михаил Николаевич (1862—1881). Оба последних наместника пользовались огромным влиянием в Петер-

бурге. Первый, знаменитый победитель Шамиля, был личным другом императора Александра II. Михаил Николаевич, приходившийся младшим братом Александру II, имел еще больший вес в Петербурге. Не отличаясь особыми талантами, он сумел опереться в своей деятельности на способных администраторов М.Т. Лорис-Меликова, Д.С. Старосельского и др. При нем была завершена Кавказская война на Северо-Западном Кавказе (1864).

Для оперативной связи Тифлиса с Петербургом и решения проблем региона служил Кавказский комитет. В системе центральных органов власти России он представлял собой экстраординарное учреждение. Аналогичную роль в империи играли так называемые территориальные или национальные комитеты, через которые осуществлялось управление окраинами империи: два Сибирских, по делам Западных губерний, Западный, Комитет по делам Царства Польского (1864—1881). В компетенцию Кавказского комитета входил разбор изъятых из ведения Комитета министров всех гражданских дел Северного Кавказа и Закавказья, выходивших за рамки полномочий министров, кроме военных и дипломатических вопросов. Он почти полностью дублировал состав Комитета министров. В комитет направлялись ежегодные отчеты наместника, сметы бюджета Кавказской области и Закавказского края. Он также курировал вопросы торговли, промышленности и сельского хозяйства, землевладения, переселений, народного образования и здравоохранения на Кавказе.

Чиновники Кавказского комитета назначались императором. Они занимали министерские и другие высшие государственные должности. Первый состав комитета включал в себя известных представителей высшей бюрократической элиты: военного министра А.И. Чернышева (председатель), вел. кн. Александра Николаевича, шефа жандармов графа А.Ф. Орлова, министра государственных имуществ П.Д. Киселева, председателя департамента законов Государственного совета графа Д.Н. Блудова, министра финансов Ф.П. Вронченко, министра внутренних дел графа Л.А. Перовского и министра юстиции графа В.Н. Панина. Управляющим делами комитета был назначен В.П. Бутков. Состав комитета мало менялся. В 1856 г. место умершего Чернышева занял граф Орлов, после которого в 1861 г. обязанности председателя в течение нескольких лет выполнял кто-либо из старших членов комитета.

Пик деятельности Кавказского комитета пришелся на время наместничества Воронцова и первые годы правления Барятинско-

го. Комитет никогда не становился между царем и наместником и нередко лоббировал интересы последнего в правительстве, как это делал князь Черныпшев для Воронцова. В период «Великих реформ» в наместничестве также начались преобразования. Их душой стал князь Барятинский. Резко расширены были права наместника. В 1858 г. при нем было создано Главное управление с департаментами внутренних дел, юстиции, финансов, государственных имуществ. Вся власть продолжала сосредотачиваться в руках наместника. Совет Главного управления, позднее преобразованный в Совет наместника, обладал лишь совещательными полномочиями. Нетрудно заметить, что, по существу, аппарат управления в наместничестве копировал центральный. Дальнейшее усиление власти наместника и обособление его от центрального имперского правительства произошли при вел. кн. Михаиле Николаевиче.

3. Военное и гражданское управление на Северном Кавказе. План реформ с опорой на обычай и общину. Истоки, принципы и цели военно-народного управления

Организация местного управления, сложившаяся в годы Кавказской войны, была довольно сложной и запутанной. Наряду с территориями, находившимися под прямым российским управлением, которые управлялись по общим законам империи, на Северо-Восточном и отчасти Центральном Кавказе сохранялись мусульманские владения и союзы горских общин под российским протекторатом. Здесь действовало косвенное управление. Власть, суд и сбор налогов были сосредоточены в руках местных владельцев или сельских старшин, действовавших под контролем российских офицеров. До начала 1860-х гг. разные районы Северного Кавказа не имели единой администрации, налогообложения и судопроизводства. Наряду с общеимперским гражданским управлением существовало военное. Огромные территории, занятые горцами и казаками, управлялись Штабом при наместнике через офицеров Кавказской армии.

Продолжение военных действий оттягивало начало реформ. Сдача Шамиля в 1859 г. и конец Кавказской войны позволили приступить к давно уже готовившимся Кавказским комитетом преоб-

разованиям. В рапорте военному министру Д.А. Милютину после пленения 25 августа 1859 г. Шамиля Барятинский писал: «Полувековая война на Восточном Кавказе окончена... Я сделал распоряжение о немедленном устройстве во всех новопокоренных обществах нашего управления»[1]. В основном реформы коснулись горцев и казаков. Вместо военной для них создавалась новая администрация, получившая название военно-народной. Ее сущность неплохо сформулировал наместник Кавказский (1905—1915) генерал-адъютант граф И.И. Воронцов-Дашков: «Система военно-народного управления, созданная на Кавказе в период борьбы русских войск с местными горцами, основана на сосредоточении административной власти в руках отдельных офицеров, под высшим руководством главнокомандующего Кавказской армией, и на предоставлении населению во внутренних делах ведаться по своим *адатам*»[2].

Наместник Кавказский князь А.И. Барятинский
Литография В.Ф. Тамма

Роль введения военно-народного управления среди реформ, а затем контрреформ, проводившихся на Северном Кавказе, сопоставима со значением крестьянской реформы во внутренних губерниях России. В обоих случаях реформаторы исходили нередко из

сходных представлений и принципов. Недаром новая система власти апеллировала прежде всего к народу (под которым здесь понимались в основном горцы), ища опору реформ в народных обычаях и общине. Создателем военно-народного управления был, в первую очередь, сам наместник князь Барятинский. В период его недолгого наместничества были разработаны основные принципы военно-народного управления. Однако в разгар реформ, в 1862 г., князь не сошелся с властями в Петербурге и вынужден был подать в отставку. Окончательное воплощение в жизнь его планов, с определенными коррективами, произошло уже в правление вел. кн. Михаила Николаевича.

Военно-народное управление опиралось на идеологию, выработанную в ходе войны. Провал планов Гана по распространению на Кавказ общих законов империи и опыт борьбы с мусульманским повстанчеством привели Барятинского к мысли развивать на Северном Кавказе *адат* в ущерб *шариату*, в котором он видел опасность антироссийских исламских движений (*мюридизма*). Другой опорой имперского строительства на Кавказе он собирался сделать сельскую общину, о стабилизирующем влиянии которой много писалось в науке и публицистике того времени. К сходным выводам пришли российские правоведы, востоковеды, этнографы, привлеченные к подготовке реформ. Среди них можно назвать востоковеда и дипломата Н.В. Ханыкова, одного из создателей академического российского исламоведения А.К. Казембека, крупного специалиста по мусульманскому праву Н.Е. Торнау, военных историков и этнографов-любителей генерала А.В. Комарова, барона К.Ф. Сталя и многих других. В какой-то степени Барятинский развивал идеи Ханыкова, с которым давно был близок.

При выработке проекта военно-народного управления немалую роль сыграл долгий опыт косвенного управления, широко применявшегося в Закавказье военными губернаторами кавказскими, от И.В. Гудовича (1806—1809) до Ермолова (1816—1827). Первый эксперимент такого рода был проведен в Кубинском ханстве в Северном Азербайджане. В 1806 г. оно попало под протекторат России. Во главе ханства был поставлен один из местных беков (Хаджи-бек) со званием *наиба*. Ему было поручено управлять по прежним обычаям, но под русским контролем. После отпадения и вторичного покорения Кубы в 1809 г. по приказу главнокомандующего генерал-фельдмаршала Гудовича управление было передано совету из четы-

рех влиятельнейших беков, деятельностью которого руководил начальник размещенного в провинции русского отряда, в свою очередь подчинявшийся Бакинскому коменданту. После подавления восстания 1810 г. во главе совета из четырех беков был поставлен русский штаб-офицер. В дальнейшем эта практика применялась и на Северном Кавказе.

Проект режима военно-народного управления был разработан Главным штабом Кавказской армии в конце Кавказской войны. Впервые оно было опробовано на практике в 1852 г. в Чечне. Позднее его принципы вошли в «Особую инструкцию для управления горцами». Первым законодательным актом, в котором основы военно-народного управления были изложены наряду с общей программой реформ, стало принятое 1 апреля 1858 г. «Положение о Кавказской армии», которое включало в себя отдельную часть «По управлению горскими народами, не вошедшими в состав гражданского управления». Поскольку на Северо-Западном Кавказе тогда еще шла война, а Большая и Малая Кабарда давно находились под властью российской военной администрации, при Барятинском опыты по введению военно-народного управления ограничивались Дагестаном и Чечней. Основные принципы и порядок управления горцами по новой системе определяла инструкция для окружных начальников Левого крыла Кавказской линии, утвержденная Барятинским 23 марта 1860 г.

Согласно § 28 «Положения» 1860 г., горцам-мусульманам было даровано право управляться «по адату и шариату и по особым правилам, постепенно составляемым, на основании опыта и развивающейся в них потребности»[3]. Те же права были гарантированы в «Прокламации к чеченскому народу», обнародованной Барятинским в 1860 г. По обычному праву разбирались мелкие уголовные правонарушения и поземельные споры между общинами. Мусульманскому праву остались подсудны гражданские иски, включая случаи раздоров между мужем и женой, родителями и детьми, бракоразводные процессы, опекунские дела, споры по завещаниям и благотворительной и религиозной собственности (*вакф*). Все состояния мусульман Северного Кавказа должны были быть уравнены в правах. Начавшее было создаваться сословие горских дворян рушилось. Привилегии, закрепленные за знатью дореформенным адатом, были отменены. Исчезла социальная иерархия местной военной элиты, развитая в дореформенное время особенно сильно в Большой Кабарде и равнинном Дагестане.

Джамаат превращался в бессословную общину (*сельское общество*). В нее допускались лишь свободные общинники (*уздени*) и уравненные с ними в правах бывшие рабы и их потомки, принадлежащие к одному или нескольким селениям и хуторам, составляющим джамаат. Чтобы войти в сельское общество, беки и домашние слуги подавали прошение местному окружному начальству. Были созданы новые органы управления общиной, включавшие в себя сельский сход, старшину (*бегавул*) с помощниками и сельский суд в составе *кади* и знатоков местного адата. Реформированный джамаат стал основным посредником между горцами и военными властями наместничества. Община отвечала за уплату налогов, поддержание правопорядка на ее землях, выдачу разбойников и повстанцев, ремонт дорог и выделение подвод для нужд войск, проходящих по ее территории. Мусульман Северного Кавказа освободили от рекрутских наборов. На военную службу и в горскую милицию принимали только добровольцев.

По мысли российской администрации, реформа обычного права и общины преследовала следующие основные цели.

Во-первых, она должна была преодолеть судебно-административную раздробленность и создать единую централизованную организацию края. В ходе реформы были упразднены последние мусульманские политические объединения Северо-Восточного Кавказа, обладавшие собственной юрисдикцией, — ханства Казикумухское (в 1858—1859 гг.), Аварское (в 1861—1864 гг.), Кюринское (в 1862—1865 гг.), владения Кайтага и Табасарана (в 1866 г.), шамхальство Тарковское и Мехтулинское ханство (в 1867 г.) в Дагестане. Гарантом права и закона вместо сельских обществ горцев, местных беков или ханов стало Российское государство, а низовыми органами судебной и законодательной власти для местного мусульманского населения — горские или сельские словесные суды.

Другой целью реформы было ослабление власти мусульманской элиты и создание единой местной светской администрации, пользующейся доверием и авторитетом у местных жителей и послушно исполняющей решения российских властей. После реформы в состав сельской администрации и суда у горцев был введен сельский старшина. У горцев осталось право выбирать большинство членов суда. Мулла и *муэдзин*, служивший секретарем сельского суда, бегавул, а также остальные члены суда выбирались каждые три года. Сохранился высокий образовательный и возрастной ценз для судей: они должны были быть старше 25 лет, хорошо знать

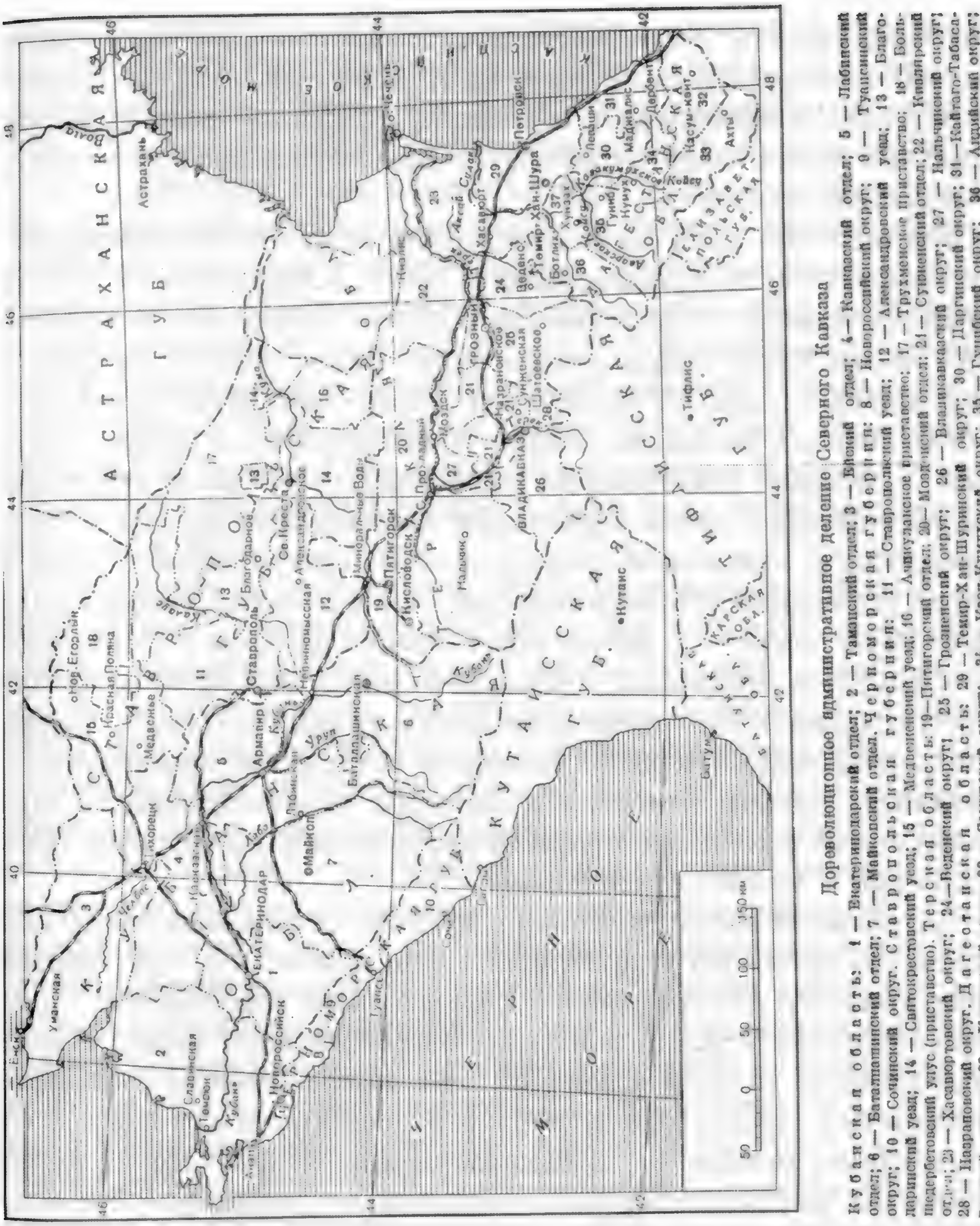
арабское делопроизводство, адат и шариат. Сельские общества сохранили прежний полицейский аппарат.

Третьим направлением реформы было ослабление шариата и модернизация адатного права и процесса, имевшая целью подготовить постепенный переход горцев к единому российскому законодательству. По форме суд остался прост. Процесс по-прежнему носил обвинительный характер. Прокуроров и адвокатов не было. Сельский суд собирался у мечети по пятницам, если заявление не требовало немедленного разбирательства. За исключением изнасилований, увоза девиц и оскорбления женщин, дела в судах рассматривались гласно. Из принятых в адате наказаний в несколько измененном виде юридическую силу сохранили изгнание кровника (*канлы*), штраф за пролитие крови (*дият, алым*) и платежи за любое правонарушение в пользу пострадавшего и общины.

Вместе с тем российская администрация попыталась уничтожить ряд архаичных уголовных норм адата, прямо противоречащих российскому законодательству. Начальникам округов было вменено в обязанность не допускать применения в народных судах «решений по шариату и адату, которые противоречат общему духу наших законов». Кровомщение приравнивалось к убийству, совершенному при отягчающих обстоятельствах. Был запрещен адат, разрешавший трехдневный грабеж имущества убийцы. Вместо кровной мести и захвата имущества односельчан или родственников неисправного должника (*ишкиль* или *баранта*), устанавливались денежные композиции[4] по адату при посредничестве сельских мулл и российских офицеров в округах.

4. Упразднение Кавказской линии и новое административное деление региона. Военно-народное управление в Дагестанской области. Особенности реформ в Терской и Кубанской областях. Реформы казачьих войск

Вся описанная выше программа мер проводилась на Северном Кавказе с последних лет войны. Для координации действий военных властей в этом направлении в апреле 1858 г. при Главном штабе Кавказской армии было создано Отделение по управлению горскими народами, не вошедшими в состав гражданского управления.



Административное деление Кавказского края в последней трети XIX в.

После окончания войны, в мае 1865 г., его преобразовали в Кавказское горское управление. Оно состояло из четырех небольших отделений и, как и все кавказское начальство, располагалось в Тифлисе. Это учреждение стало головным институтом кавказского военно-народного управления. По своим функциям оно напоминало специальную канцелярию при наместнике. Начальник отде-

ления подчинялся непосредственно наместнику, но был лишен всякого самостоятельного значения и лишь передавал его приказы на места. В обязанности начальника отделения входили разбор споров по военно-народному управлению и ревизия его военных начальников на местах.

Вместе с тем была проведена полная реорганизация Кавказского края. Вместо упраздненной в 1860 г. Кавказской линии на Северном Кавказе создавалось три области. Правое крыло Кавказской линии, части Тифлисской и Дербентской губерний вошли в Дагестанскую область с центром в г. Темир-Хан-Шура (современный Буйнакск). На землях Джаро-Белоканского «вольного общества» был создан Закатальский округ Елизаветпольской губернии. Его управление в целом копировало дагестанское. Центр и часть Левого крыла Кавказской линии вошли в Терскую область с центром во Владикавказе, а Черноморская линия с частью Левого крыла Кавказской линии — в Кубанскую область с центром в Екатеринодаре. Подобно Закаталам, в последней выделялся Черноморский округ, впоследствии преобразованный в губернию (1896). География управления Северным Кавказом претерпела изменения. К Северному Кавказу относились лишь две последние области. Дагестанская область с Закатальским округом административно принадлежали к Закавказскому краю[5].

Социальная организация и управление в северокавказском обществе по-прежнему отличались мозаичностью. Города региона находились под общероссийским гражданским управлением. Примерно половина Терской и большая часть Кубанской области были закреплены за казаками. Бывшее линейное казачество было преобразовано в Терское казачье войско, а Черноморское и шесть бригад линейных казаков — в Кубанское казачье войско. Оба они были изъяты как из общеимперского гражданского управления, так и из ведения военно-народного управления. К последнему первоначально были отнесены чуть ли не вся Дагестанская область (кроме приморских городов Дербента и Порт-Петровска, ныне Махачкала), восемь населенных горцами-мусульманами округов Терской области и пять горских отделов Кубанской области. Однако на деле осуществить проект военно-народного управления в том виде, как он был описан выше, удалось только в Нагорном Дагестане и Закаталах, где он просуществовал вплоть до 1917 г.

Наиболее жизнеспособным этот режим оказался в Дагестане. В области была создана стройная централизованная трехступенчатая

система власти, от сельских старшин до начальников округов и области. На территории ханств и союзов общин к 1867 г. было создано 4 военных отдела и 9 округов[6]. Округа делились на *наибства*, а те — на сельские общества. Границы наибств, как правило, совпадали с наибствами Шамиля и прежними «вольными обществами». Исполнительная и судебная власть в общинах осталась в руках выборных сельских старшин и кади, образовывавших сельский словесный суд. Их возглавлял и контролировал сначала выборный, а после подавления восстания 1877 г. назначаемый властями бегавул. Общины сами содержали немногочисленную сельскую администрацию. Идея Барятинского заменить шариат адатом оказалась пустой мечтой. Сельские суды продолжали исходить из норм обычного и мусульманского права, что и было закреплено законодательно в 1868 г.[7].

В отличие от дореформенной эпохи, решения сельских старшин не были окончательными. Они могли быть обжалованы в месячный срок в девяти окружных народных судах, созданных при окружных начальниках. В юрисдикцию окружных судов входил также разбор тяжких уголовных и гражданских правонарушений. Апелляционной инстанцией для последних стал Дагестанский народный суд при генерал-губернаторе Дагестанской области в г. Темир-Хан-Шура. Случаи убийств, грабежей, хищений казенного имущества, бунтов, нападений на начальство, скрытого или явного неповиновения властям разбирались в комиссиях военного суда при расквартированных в области войсках. Тяжбы горцев с русскими переселенцами решались уже не по адату и шариату, а по общим законам империи сначала в Дагестанском областном суде, а с 1875 г. в трех мировых отделах в Дербенте, Темир-Хан-Шуре и Порт-Петровске.

В отличие от других областей, в Дагестане русская администрация до советского времени была крайне малочисленна. Поэтому не только в селениях, но и в наибствах, округах и даже в области у власти стояли в основном кавказцы. Многие из них прежде воевали с русскими на стороне имамата, но затем перешли на сторону империи. Очевидец, побывавший тут в 1867 г., заметил: «...в Верхнем Дагестане во главе народного управления сидят все еще шамилевские наибы; но теперь они, по крайней мере с виду, — агнцы...»[8] Наибами военно-народной администрации служили шамилевские наибы Мухаммед из Гоцоба и Исмаил Чохский. Офицерами горской милиции стали шамилевский наиб Фата-Али, сын

Сурхай-хана Аварского, Кебед-Мухаммед из Телетля, при Шамиле имевший чин *мудира* и управлявший семью наибствами. В высшей администрации было много тифлисских армян и грузин. Дагестанской областью управлял сначала князь Л.И. Меликов (1860—1880), а затем князь Н.З. Чавчавадзе (1880—1896).

В Терской и Кубанской областях удалось реализовать лишь отдельные элементы военно-народного управления. В отличие от Дагестана его институты здесь никогда не отличались единством и стройной организацией. В целом на Центральном и Северо-Западном Кавказе военно-народное управление продержалось недолго и имело свои существенные особенности. Можно говорить о двух небольших периодах в истории его существования. В 1860-е гг. были созданы лишь низовые институты на уровне сельских обществ и округов (отделов). Однако уже через несколько лет выяснилась непригодность режима, разработанного в основном по дагестанским образцам, к местным условиям. Во второй период (1870-е — начало 1880-х гг.) организация власти и общества обеих областей не раз менялась. В это время произошел отказ от военно-народного управления, сначала в пользу общегражданского, а вскоре — военного режима.

Основой пореформенной системы управления горцами здесь также стала бессословная сельская община. В 1870 г. для Терской области было опубликовано аналогичное дагестанскому законопроекту 1868 г. «Положение об аульных обществах»[9]. Для горцев, включенных в состав военно-народного управления, создавались сельские (*аульные*) общества. Ими управляли выбранные на сельских сходах старшины, совмещавшие обязанности сельской администрации и суда. Главой общины стал сельский старшина, обязанный предоставлять вышестоящим российским властям рапорты о всех правонарушениях в селении, председательствовать на сельском суде, разбиравшем мелкие гражданские иски между членами общины, правонарушения о причинении материального ущерба, обеспечивать поимку скрывшихся от правосудия преступников. Аналогичные органы управления были созданы для горцев Кубанской области.

Система адатно-шариатного правосудия у горцев Терской и Кубанской областей была не трех-, а двухуровневой. Такие суды были созданы здесь намного позднее, чем в Дагестане, и не раз меняли форму. В 1869 г., согласно указу «О сельском суде», в каждом селении учреждались выборные горские словесные суды. Члены окружных народных судов (созданных чуть раньше) не выби-

7. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ДЕЛЕНИЕ КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ И ЧЕРНОМОРСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.
Территория Шапсугского берегового батальона, переданная из Кубанского казачьего войска в Черноморский округ в 1868 г.
12 станиц Кубанского казачьего войска, переданные Ставропольской губернии 30.XII. 1869 г.
Территория, присоединённая к Кубанской области в 1884 г.
Границы и центры уездов Кубанской области к 1888 г.
Территории, присоединённые к Черноморской губернии в 1904 г.
Границы Кубанской области и Черноморской губернии к 1917 г.
Границы отделов Кубанской области к 1917 г.
Границы округов Черноморской губернии (до 1896 г. - Черноморский округ)
НОВОРОССИЙСК Центры губерний и области
Армавир Центры отделов и округов в начале XX в.
Отважная Прочие населенные пункты
УЕЗДЫ К 1888 г.:
1 Баталпашинский
2 Ейский
3 Екатеринодарский
4 Закубанский
5 Кавказский
6 Майкопский
7 Темрюкский
СОКРАЩЕНИЯ:
А. Александровская
Г. Грушевская
К. Калиновская
Н. Надеждинская
Сер. Сергиевская
Ст. Старомарьевская
ПОЛКОВЫЕ ОКРУГА В 1900 г.:
1 - Таманский
2 - Полтавский
3 - Ейский
4 - Уманский
5 - Черноморский
6 - Кавказский
7 - Екатеринодарский
8 - Урупский
9 - Лабинский
10 - Кубанский
11 - Хопёрский
Ейск (Центр отдела до 1903 г.)
Уманская (Центр с 1903 г.)
Темрюк (до 1897 г.)
Славянская (с 1897 г.)
Анапа
Новороссийск
Екатеринодар
Армавир
Ставрополь
Майкоп
Лабинская
Баталпашинская
Сочи (посад Даховский)
Гагры
Кущевская
Екатериновская
Калнибалотская
Батуринская
Тихорецкая
Кавказская
Тифлисская
Пластуновская
Ахтырская
Тенгинская
Мартанская
Горячий Ключ
Джубгская
Туапсе
Хамышки
Отважная
Удобная
Преградная
Сторожевая
Михайловская
Спицевская
Бешпагирская
Северная
Круглолесская
Татарская
Барсуковская
Отрадная
Ейский отдел
Уманский отдел
Кавказский отдел
Екатеринодарский отдел
Лабинский отдел
Майкопский отдел
Баталпашинский отдел
Черноморская губерния

рались, а назначались властями округа. Уже в 1870 г. народные суды были упразднены. Вместо них в 1871 г. в обеих областях было создано несколько горских судов[10]. Наряду с отдельными нормами адата и шариата они также использовали нормы российского права и процесса. В частности, при них была введена отсутствующая в адате и шариате должность следователя. Кроме того, с целью проведения судебных расследований по нормам российского законодательства были учреждены участковые судебные отделы. Горские суды являлись переходными от обычноправового и мусульманского судопроизводства к российскому.

Наконец, в 1872 г. Терская и Кубанская области с Черноморским округом были переданы из военно-народного в гражданское управление и подчинены общим законам империи. Главной причиной провала проекта Барятинского на северо-западе и в центре региона оказалось рассмотренное нами выше мухаджирское движение. Уже в первой половине 60-х гг. большая часть коренного населения Кубанской области была выселена из труднодоступных горных районов и предгорий, а затем в несколько потоков эмигрировала в Османскую империю. Их земли были заняты казаками и переселенцами из Южной и Центральной России. К началу XX в. на Северо-Западном Кавказе горцы составляли меньшинство. Они жили в укрупненных селениях бок о бок с переселенцами из России. Здесь удалось провести в жизнь только некоторые элементы военно-народного управления. Отдельные нормы обычного и мусульманского права (прежде всего при медиаторстве) продолжали применяться в созданных реформами сельских обществах горцев.

К 1870 г. в основном было завершено преобразование Кубанского и Терского казачьих войск. В обеих областях сохранялось введенное в 1860—1861 гг. раздельное управление для гражданского, казачьего и горского населения. Казачество было передано в ведение областного военного начальства. Начальники Кубанской и Терской областей автоматически становились наказными атаманами казачьих войск, что придавало областям не только административное, но и военное значение. Как военное, так и гражданское устройство казаков осталось в ведении Военного министерства. После упразднения в 1857 г. ведавшего ими департамента военных поселений было создано управление иррегулярных войск, преобразованное в 1867 г. в Главное управление, а в 1879 г. — в Главное управление казачьих войск. В числе 11 казачьих войск страны ему были подчинены оба северокавказских. Изменение общеимперс-

ких структур было вызвано падением значения казачества как военной силы после окончания Кавказской войны.

Сохраняя специфику казачьих формирований на Северном Кавказе, власти наместничества пытались приблизить их к обычным кавалерийским частям. Постепенно на казаков распространяется обязательный строевой устав казачьей службы. В 1869 г. все казачьи полки в регионе переводятся в подчинение начальникам кавалерийских дивизий. Обязанности начальников дивизий были при этом возложены на начальников областей. При каждом из них был войсковой штаб, а по гражданскому управлению ему принадлежали все права и обязанности губернатора. Подобно горскому и гражданскому населению, казачьи территории обеих областей были поделены на округа. Управление казачьими войсками находилось в областных центрах — Владикавказе и Екатеринодаре.

Как и в отношении горского населения региона, реформы 60—70-х гг. положили конец сословному строительству у казаков. С принятием в 1870 г. «Положения о воинской повинности» срок службы казаков был сокращен до 22 лет (15 лет действительной службы и 7 лет «на льготе»), что вело к постепенному уравнению различных сословий России в этом отношении. Более 2/3 казаков, относившихся к лицам непризывного возраста, было переведено в категорию неслужилых. В то же время казак по-прежнему должен был приобретать за свой счет коня с седлом, обмундирование и оружие. В 1870 г. был признан всесословный характер станичных обществ. Возрождавшееся в них самоуправление по своим формам и функциям было приближено к крестьянскому. Тогда же 12 станиц Кубанского войска были переданы в Ставропольскую губернию, а их жители автоматически перешли на положение государственных крестьян. То же превращение случилось с терскими казаками станицы Саблинской в 1879 г.

5. Контрреформы после упразднения наместничества и Кавказского комитета

Серьезные перемены в организации власти на Северном Кавказе произошли после убийства в марте 1881 г. императора Александра II, с началом так называемых контрреформ Александра III (1881—1894). В правительстве уже давно велись споры о чрезмерной дороговизне для империи кавказской администрации и опасности

концентрации власти в наместничестве. Однако вел. кн. Михаил Николаевич пресекал на корню все попытки урезать его права как наместника. В 1881 г. Михаил Николаевич был назначен председателем Государственного совета (1881—1901). Вместе с тем ему пришлось покинуть Кавказ и сложить с себя звание наместника. В Петербурге побоялись передать кому-либо другому этот пост, облеченный столь широкими полномочиями. По этой причине кавказское наместничество было упразднено. Наместника заменил главноначальствующий гражданской частью на Кавказе. Первым на эту должность был назначен бывший киевский генерал-губернатор кн. А.М. Дондуков-Корсаков (1882—1890).

Одновременно с наместничеством был упразднен Кавказский комитет в Петербурге. Еще в эпоху реформ Александра II он стал утрачивать одну за другой свои основные функции, перешедшие к Комитету министров. В 1862 г. в губерниях Закавказья вводились статистические комитеты, подчинявшиеся комитету Министерства внутренних дел и не имевшие никаких связей с Кавказским комитетом. В 1864 г. строительство и эксплуатация железных дорог передавались из Кавказского в Комитет министров. Глава Комитета министров председательствовал и в Кавказском комитете с 1865 г. С 1867 г. сметы бюджета Закавказского края были переданы в Государственный совет. В 1868 г. Кавказский комитет перестал распоряжаться межеванием в крае. К середине 60-х гг. из комитетов, ведавших окраинами империи, кроме Кавказского остался только Комитет по делам Царства Польского (до 1881 г.). Полемика по поводу упразднения Кавказского комитета не раз возникала в правительстве. Последние три года во главе Кавказского комитета был П.А. Валуев, в прошлом один из противников его существования. С уходом Михаила Николаевича с поста наместника окончил свое существование и Кавказский комитет.

Тогда на Северном Кавказе и в Закавказье началась волна контрреформ, направленных против институтов, оставшихся от наместничества, в частности военно-народного управления. Были сокращены его штаты, канцелярию наместника заменили Советом главноначальствующего (1883). Оставаясь командующим войсками Кавказского военного округа и наказным атаманом казачьих войск, главноначальствующий уже не был напрямую связан с царем. Несколько изменились органы областного управления (в частности, деление Дагестана на военные отделы). Кавказский край, как и другие окраины империи, вошел в ведение Военного мини-

стерства. Ему были переданы выведенные из гражданского управления Кубанская и Терская области. Здесь был установлен военный режим, не имеющий, однако, ничего общего с военно-народным управлением. Военная, исполнительная и судебная власть в областях и округах была передана военным.

Высшая петербургская бюрократия пыталась упразднить и систему военно-народного управления, но не преуспела в этом. Уже в апреле 1883 г. военный министр внес в Государственный совет предложение коренным образом преобразовать этот режим, передав его институты в ведение Министерства внутренних дел. Однако МВД отказалось управлять военно-народным управлением Кавказского края. Министр внутренних дел потребовал сначала выработать новый законопроект, регулирующий деятельность этого запутанного и сложного органа власти вне рамок упраздненного наместничества. Государственный совет поручил Совету при главноначальствующем в Тифлисе выработать такое положение к январю 1885 г. Однако дело это все время откладывалось и не было осуществлено даже при преемниках Дондукова-Корсакова генерале С.А. Шереметеве (1890—1896) и князе Г.С. Голицыне (1896—1905). Начало Первой русской революции навсегда похоронило проект контрреформ.

Несмотря на резкую критику горских судов и военных чиновников со стороны представителей петербургской бюрократии, кончая ревизией 1905 г. Н.М. Рейнке, режим военно-народного управления продолжал действовать до 1917 г. Кавказский край по-прежнему поглощал немалые средства. Только в одном 1885 г. на содержание учреждений военно-народного управления казна выделила 514 114 руб.[11]. Не были отменены даже горские суды со смешанной российско-адатно-шариатной юрисдикцией в Терской и Кубанской областях. После вывода из военно-народного управления этих областей еще в 1872 г. штаты Кавказского горского управления в Тифлисе были сокращены, количество отделений в нем стало на одно меньше. Вместе с тем режим продолжал довольно успешно действовать на территории Дагестанской области, Закатальского округа Северного Азербайджана, Сухумского отдела (современная Абхазия) и Артвинского округа в Западной Грузии. В этих районах военно-народное управление оказалось жизнеспособно. Горцы Дагестана и Закатальского округа сохранили удивительную локальную правовую систему. Между собой они могли судиться только на территории области и округа.

6. Опыт кавказского военно-народного управления в Закавказье и Средней Азии. Международные аналоги на примере арабских бюро французского Алжира

В последние годы существования наместничества территория, подвластная военно-народному управлению, немного расширилась. В 1880 г. в него вошли Карсская и Батумская области, оказавшиеся в составе России в результате русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Здесь эта система получила название *военно-адатного управления*. Этим названием власти хотели подчеркнуть примат обычного права у местного немусульманского населения, в отличие от шариата у горцев-мусульман Дагестана и Абхазии. В обеих областях в состав «туземцев» было включено пришлое христианское население (в основном армяне и грузины), переселившееся сюда из османской Турции. Подчинив эти области Кавказскому главному управлению, власти несколько расширили его, преобразовав в Кавказское военно-народное управление. Это учреждение продолжало существовать и при главноначальствующих. Уже на закате «старого режима», в 1905 г., на Кавказе было восстановлено и наместничество. Это связано с событиями Первой русской революции, к которым мы еще обратимся ниже.

Опыт военно-народного управления, полученный на Северном Кавказе, был использован при покорении отдельных районов не только в Закавказье, но и в Средней Азии. Его идеи оказались вновь востребованы при организации правосудия и власти в Закаспийской области на территории современного Туркменистана. Эти земли были присоединены усилиями Кавказской армии и в 1881—1897 гг. подчинялись Главноначальствующему гражданской частью на Кавказе, а позднее Туркестанскому генерал-губернатору. В завоевании новых территорий и установлении российской власти в Средней Азии участвовали военные, прежде служившие в системе военно-народного управления на Кавказе. Среди них прежде всего следует отметить уже упоминавшегося выше генерала Комарова (некоторое время возглавлявшего Центр кавказского военно-народного управления, а в 1883 г. назначенного начальником Закаспийской области) и сменившего его в 1890 г. генерала А.Н. Куропаткина.

У туркмен Закаспийской области российские власти ввели народные суды, решавшие дела «на основании... обычаев», т.е. по

адату и шариату, поставив их под контроль русских чиновников. Власть *кади*, в которых видели возможных зачинщиков мусульманского повстанчества, ограничили, оставив за ними лишь роль консультантов по шариату при народных судах. Основной податной и судебно-административной единицей здесь было общество (*аксакальство*) из одного или нескольких мелких, ближайших друг к другу селений или выселков, хуторов, имеющих общие хозяйственные выгоды по пользованию землей и оросительными каналами (*арыками*). Как и на Кавказе, это были два важнейших направления российских судебно-административных реформ в регионе, закрепленные в «Положении об управлении Закаспийской областью», которое не раз переиздавалось (порой значительно меняясь) в 1874, 1882, 1884, 1886 и 1890 гг. Чуть позже эти принципы российской политики были сформулированы в «Положении об управлении Туркестанским краем»[12].

Власть над обществом передавалась сельским старшинам (*аксакалам*). На три года их выбирали на сельских сходах местные жители и затем утверждал начальник уезда. Как и на Северном Кавказе, в Средней Азии реформы создали совершенно новую общинную организацию, причем отличия ее от дореформенного мусульманского общества тут оказались еще значительнее. В Закаспийской области была создана своя иерархия народных судов. По § 230 «Положения об управлении Туркестанского края» 1886 г., «народный суд составляют: 1) единоличные судьи, 2) съезды судей и 3) чрезвычайные съезды судей»[13]. Более серьезные уголовные и поземельные дела были подсудны съездам из пяти судей и одного кади. За работой съезда надзирал начальник уезда или пристав. Апелляции на их решения разбирались чрезвычайными съездами, собиравшимися раз в два года. В них входили семь судей из почетных жителей области, кади и русский офицер, следивший за работой съезда.

Системы, подобные военно-народному управлению, не составляют исключительной особенности дореволюционного российского Кавказа и Средней Азии. При внимательном изучении источников их несложно обнаружить и в других колониальных и зависимых странах, в частности в английских и французских колониях на Ближнем Востоке, в Индии, Северной Африке. По своему типу имеют немало общего с кавказским военно-народным управлением получившие широкое распространение «туземные» (англ. *native*) администрации, при которых управление «туземцами» было остав-

лено в руках местных элит, продолжавших с известными ограничениями и модификациями использовать системы обычного (и отчасти мусульманского) права, инкорпорированные в законодательство метрополии[14]. Истоки подобной системы косвенного управления (англ. *indirect rule*), похоже, нужно искать в Османской империи и зависимых от нее мусульманских государствах XVI—XVIII вв. Можно предположить, что и русские военные, применившие военно-народное управление на Кавказе, «учились» у турок, подобно англичанам и французам.

В первой половине XIX в. англичане ввели систему косвенного управления в индийских княжествах под английским протекторатом. После завоевания Магриба французами полицейские и судебные функции по управлению завоеванными землями турки передали части местного населения. В таком случае они не меняли ни системы управления, ни суда, ни обычного права местного берберского и арабского населения. На государственную службу принимались целые племена. Они образовывали освобожденную от податей «туземную» армию и полицию (*махзен*), в обязанности которой входили сбор налогов со всех прочих сельских общин и племен, отправление правосудия и подавление возмущений против османского владычества[15]. По мере завоевания и колонизации мусульманских регионов Востока европейцы все больше реформировали османскую систему косвенного управления. Внешне ее институты как будто оставались прежними. Но постепенно организация суда и власти мусульманской деревни неузнаваемо изменилась под влиянием новой, колониальной идеологии.

Что касается дальнейшего развития подобных систем колониального управления и судопроизводства, то больше всего аналогий с Северным Кавказом представляет французский Алжир 30—50-х гг. XIX в. Система, подобная дагестанскому варианту военно-народного управления, разрабатывалась в Алжире в ходе постепенного завоевания страны[16]. Следует остановиться на тех элементах «арабской политики» французов в Алжире, которые позволяют пролить свет на общеисторическое значение северокавказского эксперимента по колониальной трансформации обычного права и сельской общины. В 1845 г. приморская часть Алжира, как позже Дербент в Дагестане, была объявлена «гражданской территорией», управляющейся по общим законам метрополии. Основной же частью страны, населенной мусульманами, в 30—60-е гг. управляли военные. С 1833 г. во главе колонии был поставлен генерал-губер-

натор, подчинявшийся непосредственно военному министру в Париже.

Алжир был разделен на три провинции — Алжир, Оран и Константина. Каждой управлял французский дивизионный генерал. Провинции состояли из «военных подразделений» (*subdivisions militaires*), а последние — из «кругов [палаток]» (*cercle*, араб. *дуар*). Интересно отметить, что военные подразделения создавались французами в границах *халифатов* — административных районов военно-теократического государства Абд ал-Кадира (Абделькадира), в 30—40-е гг. возглавившего вооруженное сопротивление французскому завоеванию и сыгравшего в истории современного Алжира роль, подобную Шамилю на Северном Кавказе. Управление колонией не раз менялось. Власть и суд в алжирских селениях принадлежали сперва арабскому *аге* (*agha des Arabes*), назначавшемуся из числа алжирской военной знати (*джуад*). Затем его сменил старший жандармский офицер французской армии. Наконец в 1832 г. были созданы так называемые *арабские бюро* (*bureaux arabes*).

Последние сыграли в ранней истории колониального Алжира роль, подобную низовым институтам военно-народного управления. Арабские бюро имели смешанную франко-алжирскую администрацию. Во главе их стоял французский офицер. В них также входили врач, переводчик, кади (*ходжа*), два секретаря, судебный исполнитель (*чауш*) и отряд «туземных» полицейских (*спаги, мохазни*). Арабские бюро совмещали функции сельской администрации, суда, полиции и клиники. Они собирали налоги, оказывали коренному мусульманскому населению деревни юридическую и врачебную помощь[17]. В 1854 г. по инициативе офицеров арабских бюро для мусульман Алжира была проведена судебная реформа. Решено было оставить у них суд, действовавший по обычному и мусульманскому праву. Создавалась иерархия судебных учреждений (диал. араб. мн. ч. *махакем*, ед.ч. *махакма*) для разбора исков среди «туземцев». Ее низшим звеном был сельский *кади*. При решении простых уголовных дел он имел право обращаться к местному адату. Решения его можно было обжаловать в апелляционных судах (*маджалла*), созданных в провинциальных центрах.

Новые бесплатные мусульманские суды, свободные от бюрократии и волокиты, имели большой успех в алжирской деревне. Но гражданские власти и европейские колонисты восприняли их в штыки. Газеты с возмущением писали о «палачах из арабских бюро» (по-французски игра слов: bourreaux d'Arabes звучит почти

так же, как название арабских бюро, — bureaux arabes), «этой антифранцузской клике... занесшей топор над головой французов». Гражданские власти Алжира повели кампанию за отмену режима «военных территорий» и полную *ассимиляцию* колонии метрополией. В дальнейшем история Алжира пошла по другому пути. В последние годы Второй империи и при Третьей республике во Франции возобладали проекты ассимиляции алжирцев французами. Уже в 1863 г. в Алжире был проведен закон (senatus-consulte), по которому племена всего Алжира были разбиты на сельские общины, управлявшиеся сельскими сходами (*джемаа*). Из приморских районов местное население, подобно Северо-Западному Кавказу при Евдокимове, было насильственно вытеснено. Здесь получило развитие европейское товарное фермерство.

Но система алжирского косвенного управления получила известность. Из переписки русских военных властей видно, что опыт французов в значительной мере подвиг их к решению использовать местный адат и сельскую администрацию для управления горцами на Кавказе. Обычно этот важный факт игнорируется при исследовании военно-народного управления на Кавказе. Между тем архивные источники свидетельствуют, что при подготовке судебно-административной реформы 1860-х гг. российские чиновники тщательно изучали опыт Англии и Франции.

В частности, в переписке генерала от инфантерии Е.А. Головина, российского военного министра А.И. Чернышева и императора Николая I настойчиво проводилась мысль о необходимости использовать на Кавказе опыт косвенного управления (руками мусульманской элиты), применявшегося в английской Индии и во французском Алжире. «Не подлежит никакому сомнению, что средства политические [имеется в виду склонение на сторону России местной мусульманской знати и наибов Шамиля. — *В.Б.*], которыми англичане успели распространить владычество свое в Индии, с такою же пользою могут быть употреблены и здесь [на Кавказе. — *В.Б.*]», — писал Головин Чернышеву в 1842 г. В свою очередь, последний, поддерживая это предложение, докладывал царю: «Нельзя... допустить мысли, что мероприятия, которые удаются англичанам в Индии, французам в Алжире, всегда останутся тщетными в поисках наших»[18].

В свете приведенных выше материалов можно развить и уточнить это интересное наблюдение. Военно-народное управление в Российской империи отнюдь не списывалось с английских и фран-

цузских образцов. Как мы видели, первые опыты по его использованию относятся к самому началу XIX в., когда подобные системы еще не были разработаны ни англичанами, ни французами. К тому же в более позднее время англичане и французы порой копировали методы изучения и применения адата из российской кавказской практики. В частности, французские военные, подобно русским офицерам в Нагорном Дагестане, стали собирать и записывать обычное право кабилов в Алжире. Очевидно, правильнее говорить о своего рода обмене опытом колониального управления между великими державами XIX в.

---

[1] АКАК. Т. XII. Тифлис, 1904. С. 1178—1179.

[2] *Воронцов-Дашков И.И.* Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем. СПб., 1907. С. 4.

[3] См.: АКАК. Т. XII. С. 435.

[4] Композиция — замена уголовного наказания штрафами в пользу родственников пострадавшего и сельской общины.

[5] Полного слияния управления Дагестаном с Закавказьем в Кавказском наместничестве не произошло. Гражданская администрация Дербента и Темир-Хан-Шуры относилась к Бакинской губернии, местные институты военно-народного управления управлялись из Тифлиса, однако в фискальном, военном и религиозном отношении Дагестан 1860—1917 гг. не принадлежал ни к Северному Кавказу, ни к Закавказью, образуя как бы отдельную третью составляющую Кавказского края.

[6] На северо-западных границах Северного Дагестана с Грузией первоначально был создан еще один Бежитский округ, но уже в 1865 г. он был разделен между Аварским и Андийским округами.

[7] Проект положения о сельских обществах, их общественном управлении и повинностях государственных и общественных в Дагестанской области / Хазихи кава'ид фи байан джама'ат кура вилайат ад-Дагистан ва фи табдир умури-хим ва-л-хукук ал-ваджиба 'ала ахали ал-кура ли-л-фадишахиййа ва ли-л-джама'а (на рус. и араб. яз.). Темир-Хан-Шура, 1898.

[8] *Воронов Н.И.* Из путешествия по Дагестану // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1868. Вып. I. Отд. VI. С. 20.

[9] Положение о сельских (аульных) обществах, их общественном управлении, о повинностях государственных и общественных в Терской и Кубанской областях. Владикавказ, 1896.

[10] В Кубанской области было создано три суда — Майкопский, Екатеринодарский и Баталпашинский — и один словесный суд в Терской области — Нальчикский. Екатеринодарский горский словесный суд рассматривал дела горцев 33 аулов Кубанской области. Майкопский горский словесный суд об-

служивал 12 аулов Майкопского отдела. К Баталпашинскому горскому словесному суду относились 34 аула Баталпашинского отдела.

[11] Записка о преобразовании военно-народных управлений Кавказского края. Б.м., б.г. С. 51.

[12] ПСЗ РИ. Собр. III. Т. VI. СПб., 1886. № 3814. С. 320–344. Авторы благодарят Д.В. Васильева за уточнение сноски и ценные консультации по истории административного устройства российской Средней Азии.

[13] Там же.

[14] Ср., например: UNESCO General History of Africa. Vol. VII. Africa under Colonial Domination, 1880–1935. Berkeley, 1990. P. 143–152.

[15] См. об этом подробнее: *Иванов Н.И.* Османское завоевание арабских стран. 1516–1574. М., 1984. С. 205; *Ланда Р.Г.* Борьба алжирского народа против европейских колонизаторов (1830–1918). М., 1976. С. 43–44.

[16] Подробнее об арабских бюро см.: *Yacono X.* Les bureaux arabes et l'évolution des genres de vie indigènes dans l'ouest du Tell algérois. P., 1953; *Frémeaux J.* Les bureaux arabes dans l'Algérie de la conquête. Paris, 1993.

[17] *Ageron Ch-R.* Histoire de l'Algérie contemporaine (1830 –1964). Paris, 1964. P. 21, 29.

[18] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6482. Л. 9, 42.

Глава 9

КРЕСТЬЯНСКАЯ И ЗЕМЕЛЬНАЯ РЕФОРМЫ

(1) Освобождение «зависимых сословий» и крестьянский вопрос. (2) Международное значение запрета работорговли. Русский «аболиционизм» на пореформенном Северном Кавказе. Принципы крестьянской реформы: свобода, выкуп и земля. (3) Проект Г.Д. Орбелиани (1861). Кавказский комитет по крестьянским делам. Подготовка реформы в комитетах и комиссиях 60—70-х гг. XIX в. Размежевание земель и разбор сословно-поземельных прав горцев. Налоговая реформа. (4) География и периодизация крестьянской реформы в Терской, Кубанской и Дагестанской областях. Место военной элиты среди крупных землевладельцев. Формы землевладения и землепользования. Развитие аренды и кредита. Крестьянский поземельный банк на Кубани. (5) Особенности крестьянской и земельной реформ в Терском и Кубанском казачьих войсках. Община и частное землевладение по закону «О казачьем населении» (1869). Крестьянская колонизация Предкавказья. (6) Итоги реформ.

1. Освобождение «зависимых сословий» и крестьянский вопрос

Как и во внутренних губерниях России, эпоха Великих реформ на Северном Кавказе отмечена прежде всего освобождением «зависимых сословий» и изменением поземельного устройства на недавно завоеванной окраине. История этих преобразований в регионе изучена еще поверхностно. Лучше нам известен ход административных реформ, в частности история складывания военно-народного управления на Кавказе. В силу укоренившегося с советского времени негативного отношения к реформам Алексан-

дра II значение крестьянской реформы, и особенно освобождения рабов и крепостных, в литературе и преподавании явно недооценивается[1]. Большая часть бесчисленных архивных документов, касающихся проведения реформы, еще не введена в научный оборот. Историки, как правило, ограничиваются описанием проектов реформ. Еще более серьезной проблемой остается отсутствие теоретического осмысления преобразований, соотнесения их с аналогичными реформами в Центральной России, Западной Европе и Северной Америке того времени.

2. Международное значение запрета работорговли. Русский «аболиционизм» на пореформенном Северном Кавказе. Принципы крестьянской реформы: свобода, выкуп и земля

На Северном Кавказе крестьянская реформа началась с освобождения рабов и крепостных. Полностью уничтожить работорговлю на Северном Кавказе мешала Кавказская война. Как уже отмечалось, все стороны в ней прибегали к захвату заложников (*аманатов*). В годы войны по Дагестану, Чечне и Закубанской Черкесии пролегали пути работорговли. Минуя Кавказскую линию, захваченных горцами пленных и заложников нелегально переправляли на побережье Черного моря, а оттуда через Сухум, Поти и другие порты доставляли на невольничьи рынки Османской империи в Средиземноморье. Русское посольство в Стамбуле не раз добивалось освобождения отдельных «черкесских рабов», но не могло существенно изменить положение дел. После окончания Кавказской войны перед русскими властями на Северном Кавказе встала проблема определения правового статуса зависимых сословий. Она обострялась истреблением многих кланов местной мусульманской знати в имамате Шамиля, а также частыми переменами владельцев земель в ходе военных действий.

С установлением российского правления работорговля запрещалась повсеместно. Вслед за тем была решена судьба домашних рабов. В 1866—1868 гг. все они были освобождены. Всего на Северном Кавказе получило свободу более 5 тысяч рабов, в основном горцы Терской и Кубанской областей. Правительство взяло на себя расходы по выкупу детей и стариков. Под давлением военно-народ-

ной администрации более половины рабов (340) Дагестана к началу 1868 г. были освобождены безвозмездно. Другие получили свободу за выкуп в размере 100—180 руб. за взрослого работоспособного мужчину, по 100 руб. за женщину, 50—100 руб. за несовершеннолетних обоего пола. Часть рабов и холопов была освобождена за выкуп с обязательством прослужить у бывших хозяев от 4 до 6 лет. Беднейшим из освобожденных правительство ассигновало на обзаведение хозяйством крупные ссуды, только в Терской области доходившие до 152 тыс. руб.[2]. Бывшие рабы были приравнены в правах к свободным общинникам.

Освобождение рабов и крепостных, и решение земельного вопроса на Северном Кавказе в частности и на Кавказе в целом, имело гораздо большее общеисторическое значение и международный отклик, чем обычно считают. В диссертации Любови Дерлугян про освобождение рабов на Северном Кавказе, защищенной недавно в США (1997)[3], этот вопрос совершенно верно увязывается с аболиционистским движением и международной работорговлей XIX в. Особое внимание следует обратить на параллели в борьбе с работорговлей, существовавшие между крупнейшими колониальными империями, включая Англию, Францию, Голландию и Россию. Российская империя была одной из первых держав, выступивших за освобождение зависимых категорий населения. В России рабство и работорговля были запрещены в 1805 г., в Великобритании и Соединенных Штатах Америки — в 1807 г. и только в Дании и революционной Франции ранее — соответственно в 1792 и 1789 гг. Россия, со своей стороны, немало сделала для прекращения работорговли на восточном побережье Черного моря.

Освобождение всех категорий зависимого населения началось на Северном Кавказе в середине 1860-х гг. Над этим работал Кавказский комитет по освобождению зависимых сословий в горских племенах Кавказа. Принцип крестьянской реформы был здесь тот же, что и в Центральной России. Крепостное право помещиков на крестьян отменялось, и крестьяне были признаны свободными, без выкупа в пользу помещиков. Однако земля, на которой жили и работали бывшие крепостные, оставалась в собственности землевладельцев. Крестьяне освобождались с условием, что им предоставят в пользование дома и полевые наделы, которые они выкупят или отработают помещикам. Пока крестьяне не выкупили наделы, они оставались в поземельной зависимости и назывались временнообязанными. Взрослые освобождались через выкуп или отработ-

ки (один год работ приравнивался к 30 руб.). Условия освобождения крепостных сильно отличались в зависимости от возраста, пола и местных обычаев.

Например, в Осетии дети и подростки до 15 лет, принадлежавшие к низшей зависимой страте *кусагов*, должны были отработать хозяину от года до 15 лет, считая выкуп по 8 руб. в год. Для взрослых (до 50 лет) размер выкупа возрастал до 180 руб. Чтобы возместить его, они обязаны были отработать на бывших хозяев до шести лет. Мужчины старше 50 и женщины с 45 лет освобождались бесплатно, получая к тому же финансовую поддержку от российских властей Терской области на обзаведение хозяйством. Чуть выше считался имущественный статус *кавдасаров* из той же Осетии. Они могли освободиться либо за выкуп в 25 руб., либо прослужить за него три года бывшему владельцу. Дети до 15 лет и люди старше 50 лет из этой страты освобождались бесплатно и получали, как и *кусаги*, средства на обзаведение хозяйством. На 8 лет их освобождали от уплаты государственных податей и повинностей.

18 ноября 1866 г. было провозглашено окончательное освобождение «зависимых сословий» в Терской области. Чуть позже, к 1868 г., аналогичные законы были приняты в Дагестанской и Кубанской областях. В Чечне и Ингушетии крепостного крестьянства почти не было. В Дагестане оно было сосредоточено в приморье. К 1868 г. тут были освобождены крепостные *шамхала* Тарковского и хана Мехтулинского. Согласно указу наместника Кавказского вел. кн. Михаила Николаевича, освобожденные чагары получили в собственность половину земель, которыми пользовались. Вторую половину земель они обязаны были выкупить у семей беков и ханов. Большинство же зависимых категорий населения, как уже отмечалось, находилось на северо-западе региона. В годы Кавказской войны закрепощение горского крестьянства в Кабарде и сопредельных с ней землях продолжалось. Поэтому число их ко времени проведения крестьянской реформы оказалось весьма значительно. Всего в 1860-е гг. на Северном Кавказе было освобождено до 55 тысяч человек.

Постепенное освобождение зависимых категорий горского населения продолжалось в течение всей последней трети XIX в. Еще в 1859 г. наместник Кавказский кн. А.И. Барятинский издал постановление об освобождении крепостных категорий крестьян, чьи владельцы эмигрировали в Османскую империю. К 1890 г. в Кубанской области было освобождено 16,5 тысячи горских крестьян. В

Кабарде и Балкарии к этому времени было освобождено примерно 21 тысяча человек. Около 25 тысяч крепостных получили свободу в Среднем и Северном Дагестане. Период временной зависимости на Северном Кавказе затянулся до начала XX в. Например, в некоторых районах Южного Дагестана она продолжалась до 1913-го и даже до 1917 г. Этому в немалой степени способствовала запутанность и сложность поземельных отношений в Дагестанской и Терской областях.

3. Проект Г.Д. Орбелиани (1861). Кавказский комитет по крестьянским делам. Подготовка реформы в комитетах и комиссиях 60—70-х гг. XIX в. Размежевание земель и разбор сословно-поземельных прав горцев. Налоговая реформа

Хотя аграрные преобразования на Северном Кавказе проводились по образцу крестьянской реформы 1861 г. в центральных российских губерниях, между ними было немало различий. Эти близкие, по сути, реформы имели разные причины и проводились в разных условиях. Если в русском обществе реформа была вызвана серьезным кризисом крепостничества, то на Кавказе необходимость преобразований объяснялась сдвигами в горском и казачьем обществе в период затяжной Кавказской войны и последовавшего за ней *мухаджирства*. Она была осуществлена извне российской администрацией. При этом цель экономического освоения региона не ставилась. Российские военные и ученые, привлеченные к подготовке земельной реформы, считали, что неопределенность поземельных прав пестрого населения региона ставит под угрозу прочность российского владычества над регионом. Существовавшие здесь прежде поземельные отношения представлялись им диким хаосом, который необходимо было упорядочить.

Как Барятинский, так и сменивший его Михаил Николаевич не раз указывали правительству на необходимость скорейшего разбора поземельного вопроса для укрепления власти империи на Кавказе. Эти мысли и опасения неплохо выражены в официальном письме Михаила Николаевича военному министру и члену Кавказского комитета Д.А. Милютину, написанном в июле 1867 г., когда крестьянская реформа уже полным ходом проводилась по Север-

ному Кавказу: «Вашему превосходительству известно, — писал великий князь, — что определение поземельных прав горцев Северного Кавказа всегда составляло предмет особой заботливости Кавказского начальства... Чтобы прочно устроить наше правление в крае, положить залог к вещественному улучшению быта горцев, а следовательно, и к нравственному развитию их, необходимо было уяснить существовавшие в горских обществах поземельные отношения и положительно определить право как целых обществ, так и частных лиц на поземельную собственность»[4].

Разработка планов земельной реформы, как и в Центральной России, началась в николаевское царствование. С учреждением Кавказского наместничества и Кавказского комитета подготовка реформы была ускорена. Появилось несколько проектов переустройства поземельных отношений в регионе, например два проекта, управлявшие Черноморией и Левым крылом Линии генерала Евдокимова (1851, 1862). Однако большинство таких проектов были признаны несвоевременными и отвергнуты. В наиболее четком виде концепция земельной реформы была сформулирована в отношении 6 июля 1861 г. командующего Кавказской армией, председателя Совета наместника кн. Г.Д. Орбелиани к Д.А. Милютину. Именно этот проект был положен в основу преобразований поземельного устройства горцев, когда в 1863 г. администрация Кавказского наместничества приступила к проведению земельной реформы на Северном Кавказе.

Цель реформы Орбелиани видел в «наделении горцев постоянными землями». Среди горских обществ в Кубанской и Терской областях он находил две основные формы традиционной земельной собственности — частную феодальную и общинную. Орбелиани считал необходимым уничтожить в будущем феодальные права знати, видя в них помеху усилению власти России в регионе. Соглашаясь с тем, что только поддержка частной собственности на землю может помочь экономическому освоению Кавказа, он тем не менее предлагал поддержать у горцев общинное начало, находя его более близким народным понятиям о земле и к тому же способным предотвратить пролетаризацию горцев и переход их в стан врагов России. Вместе с тем он предлагал вознаградить горскую знать новыми владениями в компенсацию потерянных ими феодальных привилегий[5]. Иными словами, план Орбелиани сводился к двум основным положениям: развитию общинного землевладения среди низших страт горцев и созданию слоя крупных горских землевладельцев из знати на русской службе.

Подготовка и проведение земельной реформы заняли более десяти лет, с 1863 до середины 1870-х гг. Координацию действий обеспечивал Кавказский комитет, поддерживавший постоянные контакты с Советом наместника. Для конкретных целей реформы в регионе было создано более десятка разных учреждений. Важную роль среди них играл Кавказский комитет по крестьянским делам, учрежденный в 1866 г. в Тифлисе под председательством сначала генерал-адъютанта Карцова, а затем генерал-лейтенанта Святополка-Мирского. В каждой из трех областей работали его подкомитеты. Областным и окружным властям было поручено собрать сведения о традиционных формах землевладения и поземельных правах горцев, определить количество и качество имеющихся в наличии земель. С этой целью начиная с 1862 г. в регионе создаются межевые и сословно-поземельные комиссии с участием представителей горской знати под руководством военных начальников частей Линии, округов и областей.

Одновременно с освобождением зависимых категорий, наделением их землей и определением прав в регионе была проведена единая реформа налогообложения. Вплоть до конца 50-х — начала 60-х гг. XIX в. в регионе не было постоянных и единых форм государственных повинностей. Наряду с налогами общероссийского типа здесь встречались самые разные виды ежегодной подати (*ясак*), уплачивавшейся горцами военным властям Кавказской линии. У некоторых она заменялась различными повинностями. Как отмечалось в записке, представленной 15 сентября 1864 г. в Главный штаб Кавказской армии, «сообразно времени полной подчиненности каждого общества в крае, их развитию и промышленности, одни из них платят подати, другие — земский сбор; иные вносят подати деньгами, а другие произведениями земли; некоторые выставляют подводы натурно, а некоторые содержат военных *нукеров* или выставляют *чагар*...»[6].

Установленные в 60-е гг. единые виды и размеры налогообложения тесно связаны с преобразованием землевладения. Размер подымной подати для каждого округа рассчитывался индивидуально и определялся величиной установленных земельной реформой земельных наделов. Наибольшей подать была в Кабардинском округе Терской области (до 4—5 руб. с домохозяйства-*дыма*), поскольку величина земельного надела здесь была наибольшей (33—34 десятин на двор). В малоземельных горных районах размер налога резко сокращался. Так, жившие в горах осетины-алагирцы плати-

ли по 75 коп. с дыма, а их соплеменники на равнине — по 2 рубля. Годовой сбор подымной подати в Кубанской области составлял 23 тыс. руб., в Дагестанской — 107 тыс. руб., а в Терской — 137 тыс. руб. Все собранные средства в центральный бюджет не поступали. Они уходили на содержание огромного бюрократического аппарата наместничества. На Кавказе оставались и другие сборы с горцев, в частности 528 тыс. руб. ежегодных поступлений от подати, введенной в 1887 г. для мусульман Кавказского края вместо всеобщей воинской повинности[7].

4. География и периодизация крестьянской реформы в Терской, Кубанской и Дагестанской областях. Место военной элиты среди крупных землевладельцев. Формы землевладения и землепользования. Развитие аренды и кредита. Крестьянский поземельный банк на Кубани

География крестьянской и земельной реформ накладывала небольшой отпечаток на их реализацию в разных областях и округах Северного Кавказа. В Кубанской области проведение реформы облегчало наличие здесь большого фонда незаселенных земель, перешедших в казну от покинувших Кавказ горцев-*мухаджиров*. В Терской области реформа сопровождалась еще не окончившимися тут массовыми переселениями, особенно существенными в районе Осетии и равнинной Чечни. Особенностью Осетии было проведение крестьянской реформы до сословной, осуществленной тут только в 1867 г. В Дагестанской области и Закатальском округе Елизаветпольской губернии не было таких значительных переделов земельных угодий, как в Терской и Кубанской областях, что и было отмечено работавшими здесь тремя сословно-поземельными комиссиями (1860—1876). Серьезное значение для развития поземельных отношений здесь имели конфискации в казну более 16 212,21 десятины общинных пастбищ, принадлежавших участникам движения Шамиля и восстания 1877 г.[8]. С этого времени страдавшие от безземелья сельские общины высокогорья вынуждены были арендовать их не у частных владельцев, а у государства.

В Терской и Кубанской областях казенные земли были разделены на три категории. Угодья первой и второй категорий предоставлялись выходцам горской знати, кабардинским князьям и узде-

ням первой степени, русским военным и гражданским чиновникам, а также отличившимся на поле брани горцам, воевавшим в Кавказской войне на российской стороне. Земли третьей категории отходили в общинное пользование. Были определены так называемые запасные земли, которые делились на крупные земельные участки от 100 до 1000 десятин и предоставлялись в частную собственность выходцам из мелкой знати, относившейся, согласно российской градации, к узденям второй степени, на которых в первой половине XIX в. были также распространены права российского дворянства со статусом аульных владельцев. В Кабарде это произошло в 1866 г. Затем в 1871—1879 гг. начался медленный процесс размежевания.

На первом этапе земельной реформы, в 60-е гг., было в целом завершено наделение горских общин землей. Все дела поземельных комиссий велись в тесном контакте с населением. Решения принимались после консультаций с представителями горцев, что позволило избежать сколько-нибудь заметных волнений на почве земельных переделов на Северном Кавказе в 1860—1870-е гг. Российская администрация добилась в ряде случаев добровольной передачи части территорий владельцами под общинное землевладение. При размежевании в Кумыкском округе Терской области местные князья добровольно уступили половину всех угодий округа «низшим сословиям». В 1863 г. выборные от всех слоев горского общества Большой Кабарды постановили считать ее земли собственностью местных общин, на которую князья не имеют никаких прав. В 1862 г. комиссия с участием кланов осетинской знати (*алдаров*) решила безвозмездно передать земли Осетинского округа для наделения горных общин землей. Многие кланы местной элиты выполнили это постановление.

Как и в Осетии, размежевание общинных владений Чечни и Ингушетии сопровождалось массовыми переселениями. В большинстве наибств, за исключением Надтеречного, оно происходило после переселения чеченцев и карабулаков в 1865 г. в Османскую империю. Земли Карабулакского участка Ингушевского округа передали соседним станицам Терского казачьего войска. В случае земельных споров горцев с казаками власти всегда держали сторону последних. Как заметил на этот счет начальник Терской области М.Т. Лорис-Меликов (1865—1875), «отобрание земель от казаков или от казны не соответствует политическим взглядам правительства»[9]. Конфискованные во время войны у чеченских общин округа

50 989 десятин горных пастбищ перешли в казну и передавались в пользование горцам уже на условии несения ими оброка. При размежевании в надел аульным обществам распределялась земля, в среднем по 33 десятины на дым. Каждому аулу также предоставлялись запасные наделы, но не с учетом прироста населения, как это было у казаков, а для новых переселенцев. Аулы Надтеречного наибства должны были принимать на свои запасные земли переселенцев. В 60—70-е гг. XIX века произошло общее укрупнение аулов Чечни.

На втором этапе земельной реформы, в 70-е гг., после окончания определения прежних «сословных прав» горской элиты, согласно плану Орбелиани, началась раздача крупных земельных пожалований выходцам из местной знати, служившим в Кавказской армии. В 1870 г. были приняты «Положение о правах почетных туземцев на пользование землей на общественных началах» и «Положение об обеспечении генералов, штабс- и обер-офицеров и классных чиновников Кубанского и Терского казачьих войск земельными участками в потомственную собственность». Они устанавливали примерно равновеликие квоты для офицерского состава казачьих войск и горцев милиции и действующей армии. Размер земельного надела для генералов был установлен в 1500 десятин, генералов в отставке — 800 десятин, штабс-офицеров — 400 десятин, обер-офицеров — 200 десятин, войсковых старшин — до 300 десятин, хорунжих — 100 десятин.

Всего за горской знатью, получившей статус российского дворянства, было закреплено в частном владении около 70 тыс. десятин земель Кубанской и Терской областей. На северо-западе и в центре региона возникла небольшая прослойка высшей военной мусульманской элиты горского происхождения на русской службе, насчитывавшая, по данным Сословно-поземельной комиссии Кубанской и Терской областей, 199 человек. Из них 143 принадлежали к потомкам князей и первостепенных узденей Большой Кабарды. Земельные пожалования в страдавшей от земельного голода и перенаселения Дагестанской области не были значительны. Как и в Закатальском округе, позиции военной знати тут были слабы. Многие ханские и бекские роды тут были истреблены еще при Шамиле и его предшественниках в годы Кавказской войны.

Офицерский корпус, служивший одним из важнейших каналов рекрутирования новых элит, пополнялся также и за счет христианской знати Западного Закавказья. Такое положение в целом харак-

терно для поздней Российской империи, 38% из 550 генералов которой носили нерусские фамилии, причем чуть ли не половина из них происходила из Прибалтики, Польши и с Кавказа[10]. Среди военных начальников округов и областей Северного Кавказа, как уже говорилось, было очень много представителей знатных грузинских и армянских фамилий, родом из Тифлиса и других районов Закавказья. К их числу принадлежали начальник Терской области генерал-адъютант князь М.Т. Лорис-Меликов (1865—1875), начальник Кубанской области генерал-лейтенант М.А. Цакни (1869—1873), начальники Дагестанской области генерал-лейтенанты кн. Л.И. Меликов (1860—1880) и кн. Н.З. Чавчавадзе (1880—1896). Кроме того, здесь было немало выходцев из обрусевших немецких и польских дворянских родов. Все эти фамилии также получили от правительства крупные земельные пожалования за войну и послевоенные заслуги в управлении регионом. Только Лорис-Меликову на Северном Кавказе принадлежало 8259 десятин.

Средний и низший эшелон землевладельцев в новой военной элите края образовывали горцы-мусульмане, имевшие генеральские и офицерские должности в регулярной армии либо горской милиции, а также сельские старшины. Среди них кроме кабардинцев и кумыков были и чеченцы — В. Цутиев, У. Чуликов, К. Ногаев, П. Курумов, О. Чермоев. Размер крупнейших частных участков в тысячи раз превышал наделы, выделенные их соплеменникам крестьянам-общинникам. Чаще всего они передавались в потомственное владение. Так, в 1866 г. кумыкские князья и уздени получили из казны 13 400 десятин земель, пограничных с Кумыкским округом Терской области, на условии безвозмездной передачи части угодий во временное пользование общинам чеченских горцев. В надтеречной Чечне более 20 тыс. десятин было роздано семьям кумыкских и кабардинских князей. Среди них были известные фамилии Алхасовых, Эльдаровых, Таймазовых, Турловых, Бековичей-Черкасских. Князья Темировы после реформы имели 23 720 десятин земли, князья Казаналиповы — 13 486 десятин, князья Алибековы — 11 378 десятин, князья Каштановы — 19 403 десятин и т.д.[11].

Аульные старшины не имели, конечно, таких огромных владений. Однако по своему состоянию они также выделялись среди горцев-общинников. Служа по военно-народному или военному управлению, они получали взамен существенные налоговые льготы и другие привилегии. Например, в Ингушетии они пользовались

«тройными наделами против прочих». В Чечне старшинам выделялось «по 5 частей покоса и пяти частей пашни». В частной собственности этого слоя сельской элиты в одной Чечне находилось 8674 десятины. Такое развитие частного землевладения не могло не сказаться на сокращении общинных угодий, что и наблюдалось повсеместно, особенно на равнине и в предгорьях. Только в Чеченском округе Терской области резко сократилась площадь общинных пастбищ, многие из которых были захвачены казной или пожалованы местной элите на российской службе. Из числа общинных земель тут были исключены земли Горной зоны, ставшие казенной собственностью Российского государства. Аналогичная ситуация сложилась в Дагестане, Карачае и Кабарде.

Поскольку многие из новых крупных и средних землевладельцев были заняты на службе в армии или администрации, они не могли в полной мере заниматься земледелием и часто сдавали свои земли в аренду как отдельным горцам, так и целым сельским обществам. В пореформенное время в регионе вообще широко распространилась аренда и субаренда, известная горцам и прежде. В конце XIX — начале XX в. до 40% всех земель Кубанской области либо арендовалось, либо сдавалось в субаренду. Кроме частных землевладельцев такие договоры заключало и государство, сдавая казенные угодья страдающим от нехватки земель горским общинам и отдельным хозяевам. Договоры об аренде между горскими общинами и частными землевладельцами продолжали оформляться с использованием элементов обычного права, хотя в Кубанской и Терской областях это и не приветствовалось российским законодательством.

С конца 1880-х гг. земли на равнине и в предгорьях все чаще становились предметом купли-продажи. Чуть ли не большинство выходцев из горской знати, получивших огромные земельные пожалования, распродавали свои участки. Так, 86 670 из 121 000 десятин владений князей и узденей Кабарды и Балкарии были проданы. Лишь отдельные княжеские роды перестроили весь уклад жизни, занявшись развитием на своих владениях товарного земледелия и животноводства, в частности традиционного для кабардинцев коневодства. Среди них можно упомянуть кабардинцев кн. Асланбека Атажукина, Кайсына Анзорова, Камбота Куденетова. Они скупали земли разорившейся горской знати. Для упорядочения предоставления ссуд под земельный залог на Северо-Западном Кавказе в 1882 г. был учрежден Крестьянский поземельный банк.

В развитии кредитных отношений нередко участвовали крестьяне-переселенцы из среднерусских губерний. 70% всех полученных земельными банками земель были куплены крестьянами-переселенцами.

5. Особенности крестьянской и земельной реформ в Терском и Кубанском казачьих войсках. Община и частное землевладение по закону «О казачьем населении» (1869). Крестьянская колонизация Предкавказья

Вместе с преобразованием системы землевладения и освобождением «зависимых сословий» горцев правительство проводило крестьянскую реформу среди казачества и крестьян степного Предкавказья. Здесь аграрные преобразования имели существенные отличия как от Центральной России, так и от горских земель Северного Кавказа. В первую очередь, они были связаны со слабым развитием тут помещичьего землевладения и крепостных отношений. Как уже говорилось, из попыток Екатерины II освоить Северный Кавказ руками крепостных из Центральной России ничего не получилось. Основанные здесь в последней трети XVIII в. крупные имения давно разорились, а большинство переселенцев вернулось на родину. В середине XIX в. в Ставропольской губернии крепостные составляли лишь 2% жителей, а на землях Черноморского казачьего войска — всего 0,5%. На момент начала крестьянской реформы, в 1861 г. в Ставрополье было лишь 49 дворянских имений с восемью тысячами крепостных. Здесь жили в основном государственные крестьяне, посаженные на казенные земли за оброк.

Второй после крестьян силой в степном Предкавказье было казачество. Необъятные территории бывшей Черномории и Кавказской линии, закрепленные в 1860-е гг. за Терским и Кубанским казачьими войсками, имели довольно запутанную систему землевладения и землепользования. В связи с частыми перенесениями станиц с места на место и пополнением казачьих войск за счет переселенцев с Дона и Украины, здесь бок о бок существовали разные, не зависевшие друг от друга виды общинного и частного землевладения. В казачьих станицах до 1861 г. землепользование было общинным. Община оставалась хозяином всего земельного фонда.

Казачьи семьи получали наделы, но не могли пользоваться ими как частной собственностью. Лишь офицеры казачьих войск на Линии получили, по Положению 14 февраля 1845 г., свои наделы в пожизненное, но не потомственное частное владение. Кроме казаков в станицах жило немало крестьян-переселенцев, называвшихся тут «*иногородними*». Они не могли ни владеть казачьими землями, ни участвовать в сельских сходах и арендовали землю у казаков.

Для упорядочения землевладения на казачьих территориях Предкавказья еще в 1820-е гг. были созданы Земельные комиссии. В 1836 г. было проведено размежевание земель между казачьими полками, причем равномерного распределения достичь так и не удалось. Если у Кавказского, Хоперского, Волжского и некоторых других полков имелись излишки земель, то другим остро не хватало угодий. В Предкавказье не требовалось проведения сословно-поземельных преобразований, как это было в случае с горцами. Условия жизни здесь были другими. Поэтому для казаков была разработана специальная программа реформ. Что же касается «иногородних»-переселенцев, то для них, как и в Центральной России, была проведена в 1861 г. крестьянская реформа, подготовленная Ставропольским губернским комитетом. Крепостные получили свободу, обязуясь платить бывшим владельцам оброк и нести ряд повинностей. Помещичье землевладение тут осталось почти нетронутым, а крестьянское не получило особого развития. В 1881 г. в Ставрополье и на Кубани было не более 35% крестьян-собственников.

Большее значение для крестьян и казачества имело принятое в 1868 г. положение, подтвержденное в 1869 г. общероссийским законом «О казачьем населении». Он знаменовал переход государства к поддержке крестьянской колонизации и уничтожению обособленности казачьего статуса в Кубанской и Терской областях. Был разрешен выход из войск и зачисление в них неказаков. Казачьи земли разделялись на три категории: станичные, запасные и частные. Казаки-общинники получали свой надел в частную собственность и могли свободно распоряжаться им, вплоть до сдачи в аренду. Правда, на последнее требовалось согласие войскового правления. Переселенцам было разрешено покупать частные казачьи земли. Войсковые и станичные земли они могли только арендовать. Вместе с тем у казаков сохранялась община и общинное землевладение, дававшее немало преимуществ. Четкое размежевание земель в Ставрополье и на Кубани было проведено лишь в

1870—1880-е гг., а до этого в общинном совладении оставалось намного больше угодий, чем у крестьян-переселенцев.

Составной частью земельной реформы в Кубанской области была крестьянская колонизация. Власти предоставляли переселенцам материальную помощь и налоговые льготы. На 3 года их освобождали от воинской службы. По истечении срока службы переселенцы могли выйти из казачьего сословия. Количество лиц невойскового сословия быстро росло, особенно на плодородных землях Кубанской губернии, куда хлынул поток крестьян-переселенцев из среднерусских губерний. Первая волна переселений пришлась на 60—70-е гг. и была вызвана освобождением крестьян после реформы 1861 г. За 15 лет после принятия закона 1869 г. число переселенцев на Кубани достигло 250 тысяч, а к 1913 г. в Кубанской области было 57,2% невойскового населения. Вторая волна крестьянской колонизации была вызвана голодом начала 90-х гг. Широкое распространение получили купля-продажа и аренда земли. К началу 1890-х гг. на Кубани по разным отделам области было продано от 63 до 77% казачьих частных земель, а остальная часть почти вся сдавалась в аренду.

По своему статусу казачество было максимально приближено к крестьянству. К концу XIX в. стали формироваться новые бессословные формы землевладения и землепользования. За несколько лет почти вдвое, до 35,2%, сократилась площадь помещичьих земель. Сословное землевладение казачьих офицеров и чиновников не смогло укрепиться: их участки были проданы или сдавались в аренду. Покупателями и арендаторами этих участков были главным образом крестьяне, купцы, мещане. Однако полного слияния казачества с крестьянством не произошло. Этим отчасти объясняется провал попыток введения земства у терских и кубанских казаков[12]. Успешнее среди казаков работали введенные по судебной реформе 1868—1871 гг. мировые и волостные суды. В Ставропольской губернии земская реформа вообще не проводилась.

6. Итоги реформ

Историческое значение крестьянской и земельной реформ на Северном Кавказе было огромно. Как и в Центральной России, первым последствием реформ стало стирание сословных перегородок в обществе, его выравнивание. Создававшиеся было в дорефор-

менный период пограничные сословия горского дворянства и казачества, по существу потеряли свой сословный статус после реформ. Основной социальной ячейкой пореформенного общества как у горцев, так и у казаков становится бессословная община, включенная в единую огосударствленную иерархию власти и общества на имперском фронтире. Община превращается в один из важнейших рычагов преобразовательной деятельности государства в регионе.

Другим последствием реформ стало перерождение местных военных элит. После реформ они были окончательно включены в военно-бюрократические институты империи в северокавказском пограничье. Установка программы аграрных преобразований на преимущественное развитие общинного землевладения на деле вошла в противоречие с созданием новых властных иерархий и широкими земельными пожалованиями. Вследствие реформ к началу XX в. территории на равнине приобретают товарное значение. Особенно активно экономическое освоение региона идет силами крестьян-переселенцев в степном Предкавказье и на Северо-Западном Кавказе. Часть модернизированных в ходе реформ элит включается в товарное земледелие и животноводство. Широкая продажа земель способствует развитию рынка земель первоначально на уровне одного субрегиона.

Реформы не вызвали таких серьезных социальных потрясений, как в городах и внутренних губерниях России. На Северном Кавказе они проводились более осторожно. К тому же причины и условия проведения крестьянской реформы в России и на Кавказе были различны. Поэтому в регионе не возникло ни политической, ни национальной оппозиции правительству, сопоставимой с русскими нигилистами или польскими инсургентами пореформенной России. Отдельные волнения на Северо-Восточном Кавказе второй трети XIX в. и восстание 1877 г., рассмотренные нами выше, были мало связаны с проходившими в то время аграрными преобразованиями. В том, что северокавказский фронтир избежал волнений на почве реформ, решающую роль сыграло отсутствие в то время крупных городов, оппозиционной прессы и, главное, революционной городской интеллигенции.

Еще одним важнейшим последствием реформ было упрочение связей Северного Кавказа с Россией. Мусульманская знать, лишенная былой самостоятельности и привилегий, составила основу местной военной и гражданской элиты Российской империи. Полу-

чили развитие отхожие промыслы, особенно в Чечне и Нагорном Дагестане. Налаживались культурно-политические и экономические связи региона с Центральной Россией. Эти изменения будут рассмотрены в следующих главах нашей книги.

---

[1] См., например: История Дагестана. Махачкала, 1997.

[2] Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис. Вып. I. Отд. VIII. С. 41, 52—53.

[3] *Derluguian L.* The Unlikely Abolitionists. The Russian Struggle against the Slave Trade in the Caucasus (1800—1864). Ph.D. Dissertation. State University of New York. N.Y., 1997. Готовится книга по этой работе.

[4] Избранные документы Кавказского комитета. Политика России на Северном Кавказе в 1860—1870-е годы / Публ. Н.Ю. Силаева // Сборник Русского исторического общества. М., 2000. Т. 2. С. 180.

[5] Там же. С. 176—178. Интересно отметить, что ожесточенные споры советского времени о феодализме у горцев Северного Кавказа, несомненно, продолжают полемику о примате общины или феодализма дореволюционных российских чиновников, участвовавших в подготовке земельной реформы. Участники дискуссий советского времени апеллировали к российским запискам, подобным отношению Орбелиани, воспринимая их как объективные свидетельства существования или отсутствия в регионе феодальных отношений. Эти споры не утихали до конца XX в. В частности, среди кавказоведов до сих пор ведутся споры о соотношении феодальной и общинной собственности в Кабарде. На этот счет имеется три точки зрения. Сторонники первой, наиболее взвешенной, к которым относятся известные историки Н.Х. Тхамоков, Е.Н. Кушева, Т.Х. Кумыков, З.В. Анчабадзе, Е.Дж. Налоева, Т.Дж. Боцвадзе, считают, что в Кабарде XVIII — начала XIX в. сосуществовали феодальная и общинная собственность. На отсутствии феодальной собственности на землю у кабардинцев и примате общины настаивали Л.И. Лавров, И.Ф. Мужев, С.И. Месяц. Многие современные историки полагают, что тут имелась только феодальная собственность на землю, а общинники лишь пользовались этими землями в рамках вотчины. К этой группе историков относятся В.Х. Кажаров, Х.М. Думанов, В.К. Гарданов, Г.Х. Мамбетов.

[6] Сведения о податях, натуральных повинностях и других налогах, взимаемых с жителей Дагестанской области // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 60. Л. 1.

[7] Дагестанский сборник. Вып. 1. Темир-Хан-Шура, 1902. С. 325.

[8] Кавказское хозяйство. 1918. № 19. С. 14—15.

[9] *Максимов Е., Вертепов Г.* Туземцы Северного Кавказа. Историко-статистические очерки. Владикавказ, 1894. Вып. 2. С. 45.

[10] *Каменский А.* Элиты Российской империи и механизмы административного управления // Российская империя в сравнительной перспективе. М., 2004. С. 126—127.

[11] *Мансуров М.* Засулакская Кумыкия. Махачкала, 1994. С. 33.

[12] Об аналогичных явлениях у донских казаков: *Волвенко А.А.* Земская реформа в Области войска Донского (1864—1882 гг.) // Государственная власть и местное самоуправление. 1998. № 1.

Глава 10

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНА В XIX — НАЧАЛЕ XX В.

(1) Экономическое значение российского владычества на Северном Кавказе. (2) Торговые связи с Россией. Меновая и ярмарочная торговля. Карантинная линия и борьба с контрабандой. «Положение о меновой торговле с горцами» (1846). Торговые центры. (3) Развитие путей сообщения. Военно-стратегические дороги. Железнодорожное строительство. Водный транспорт. Незавершенность дорожного строительства. (4) Рост торгового капитала. Рыночные отношения в сельском хозяйстве. Торговое земледелие и животноводство. (5) Виды городов в регионе. Нефтяной бум и градостроительство. (6) Добывающая и обрабатывающая промышленность. Заводы. Нефтеразработки. Откупная система. Российский и иностранный капитал в экономическом освоении Северного Кавказа. Горцы, казаки и переселенцы на промыслах и фабриках региона. (7) Итоги экономического развития XIX — начала XX в.

1. Экономическое значение российского владычества на Северном Кавказе

Дореволюционный Северный Кавказ привыкли рассматривать как пассивный объект колониальных преобразований, рынок сбыта для русской промышленности[1]. По укоренившейся в советское время традиции историки сводят экономическое развитие Северного Кавказа XIX в. к росту российского капитализма вширь, колониальному закабалению отсталых национальных окраин. При этом они забывают, что по крайней мере часть коренного населе-

ния региона — казачество и горцы — была вовлечена в единую общероссийскую экономику.

На самом деле присоединение к Российской империи создало условия укрепления не только политических, но и экономических связей Северного Кавказа с Россией. Включение Северного Кавказа в общероссийскую экономику началось с торговой колонизации региона. Прежде всего были завязаны торговые связи между Центральной Россией и Северным Кавказом. Их сеть постепенно покрыла весь регион. Российское правительство рассматривало русскую торговлю как средство распространения своего влияния среди местного населения. По мере завоевания региона империя начала поощрять стремление русского купечества к организации кавказской торговли.

2. Торговые связи с Россией. Меновая и ярмарочная торговля. Карантинная линия и борьба с контрабандой. «Положение о меновой торговле с горцами» (1846). Торговые центры

Российская торговля развивалась в регионе в двух формах: сначала как *меновая*, а затем как *ярмарочная*. В первой половине XIX в. на Северном Кавказе преобладала меновая торговля. Инициатором ее распространения здесь выступала российская военная администрация. В 1810 г. на средства, выделенные из казны, командующим Отдельным кавказским корпусом и главноуправляющим в Грузии генералом А.П. Тормасовым было создано четыре соляных магазина и шесть меновых дворов для купцов (русских, армянских, а позднее также нахичеванских и тифлисских), казаков и горцев — Прохладненский, Наурский, Лащуринский, Прочноокопский, Усть-Лабинский и Константиногорский.

Однако русские купцы не имели ни достаточного опыта, ни знания кавказских условий, ни капиталов для успешной торговли в этом регионе, поэтому к середине XIX в. торговые операции еще не были крупными. Современники не раз отмечали это, в частности побывавший на Кавказе в 1839 г. московский купец А. Тимофеев подчеркивал отсутствие предприимчивых людей в этом регионе.

Чтобы привлечь горцев к торговле с русскими, для них был введен ряд льгот. Так, они освобождались от положенной для ка-

заков и купцов уплаты государственной пошлины. Последствия такой политики не заставили себя ждать. Уже к 1830—1840-м гг. горцы стали активно участвовать в меновой торговле. Они сами обращались к российским властям с просьбой об учреждении торговых дворов вблизи от территорий их проживания. В 1845 г. с такой просьбой к командующему Кавказской линией генерал-лейтенанту В.О. Гурко обратились кабардинские князья Атажукин и Ахундуков и ногайский *мурза* Эдиге Мансуров. Для них был открыт меновой двор в казачьей станице Баталпашинской.

Выгодность меновой торговли привела к появлению своеобразного «черного рынка» в российском пограничье. Контрабандисты, среди которых были как горцы, так и казаки, регулярно нарушали таможенные правила. В регионе появилась разветвленная сеть нелегальных торговых связей. Основным предметом купли-продажи тут служила соль. Для борьбы с контрабандой правительство создавало карантинную линию торговых постов и солевых магазинов. Но уничтожить нелегальную торговлю так и не смогло. По замечанию современников, в Большой Кабарде объем контрабандной торговли почти вдвое превышал размеры официальной торговли с горцами[2].

Вышедшая из-под государственного контроля меновая торговля и случаи явной контрабанды заставили российские военные власти упорядочить правила торговли для казаков и горцев. По поручению военной администрации статский советник Шевцов подготовил «Положение о меновой торговле с горцами», утвержденное Николаем I в 1846 г. Меновая торговля была поставлена под контроль Министерства внутренних дел и Войскового казачьего правления. Главным попечителем при торговле российских купцов, казаков и горцев был назначен автор «Положения...» Шевцов.

Согласно «Положению о меновой торговле», создавались новые меновые дворы — Амир-Аджиюртовский, Червленый, Солдатский, Прочноокопский, Усть-Лабинский, Бургустанский, Махошевский, Темиргоевский. Кроме постоянных меновых дворов российские военные власти разрешили проведение специальных ярмарок, например конной ярмарки в станице Баталпашинской. Станица Баталпашинская превращалась в один из главных центров торговых меновых отношений. Именно здесь впоследствии было образовано Северокавказское торговое общество. Расширялся ассортимент подлежащих обмену товаров. Чуть позднее в связи с усилением контрабандной торговли, особенно в причерноморских регионах,

в «Положение...» был внесен ряд поправок. По всей территории Кавказской линии был введен таможенный надзор. Вводился запрет на торговлю огнестрельным и холодным оружием, военным снаряжением. В целом же это постановление немало способствовало развитию торговых связей между русскими купцами, казаками и горцами Северного Кавказа.

К середине XIX в. меновая торговля уступила ярмарочной. Первые ярмарки появились в степном Предкавказье еще в конце XVIII в. Они проводились в крупных казачьих станицах на Кубани — в Екатеринодаре (1794), Старощербинской (1796), Каниболотском (1798). По данным на 1861 г., только в Кубанской области уже функционировало 53 ярмарки в 25 населенных пунктах. В Терской области в 1880-е гг. было 24 ярмарки. Во Владикавказе — 2, Моздоке — 3, Кизляре — 2, Нальчике — 2, Грозном — 2 и т.д. Наиболее крупными центрами торговли стали Моздок и Кизляр. Во второй половине XIX в. из северокавказского региона в основном вывозили зерно, а ввозили товары русской и иностранной промышленности. В этот период получила развитие также лавочная торговля.

3. Развитие путей сообщения. Военно-стратегические дороги. Железнодорожное строительство. Водный транспорт. Незавершенность дорожного строительства

Большую роль в формировании нового экономического пространства на Северном Кавказе сыграли пути сообщения. XIX век — время появления первых шоссейных, а затем и железных дорог, ведущих из Южной России через Северный Кавказ в Закавказье. Их созданию в какой-то мере способствовала затяжная Кавказская война. Отсутствие путей сообщения, позволявших в сжатые сроки перебросить на Кавказ войска, создавало постоянную угрозу дестабилизации российского владычества в регионе. Закавказские и среднеазиатские владения империи были фактически оторваны от нее. Возможности водного транспорта были ограничены, а сухопутное сообщение с Закавказьем по Военно-грузинской дороге прерывалось зимой и весной в связи со снежными заносами. Инициаторами дорожного строительства в регионе выступили российские военные.

В первой половине XIX в. на Северном Кавказе строились колесные (грунтовые) дороги военно-стратегического значения. Так, в 1850-е гг. кавказское военное командование провело первую колесную дорогу вдоль р. Кубань от станицы Баталпашинской до Карачая (аула Хурам), впоследствии дорогу продлили до центра Большого Карачая, аула Учкулан. В этот период российская военная администрация старалась строить дороги за счет сельских общинных средств горцев. Помимо военных дорог в первой половине XIX в. началось строительство почтового тракта от Дербента и Темир-Хан-Шуры до Терской области и Бакинской губернии.

Мощным рычагом развития экономики Северного Кавказа стало строительство железных дорог. Этот процесс начался одновременно с созданием сети общероссийских дорог. В 1857 г. в России было образовано Главное общество российских железных дорог — частная организация, которая активно поддерживалась российским правительством. Общество начало искать частные средства на строительство российских дорог. Многие иностранные предприниматели стремились участвовать в этом. Так, еще в 1868 г. Гольцбауэр, представитель берлинского банка «Томас Беринг и Компания», пытался получить концессию на железнодорожную ветку Ростов-на-Дону — Краснодар — Анапа, но наместник Кавказский ему отказал. Одним из крупных лиц, поддержавших строительство дорог на Северном Кавказе, стал барон Р.В. Штейнгель, которому и была предоставлена концессия на строительство. Ему принадлежали несколько крупных предприятий в Кубанской области: винокуренный, конный и кирпичный заводы, а также земельные владения. Именно Штейнгель, будучи по профессии инженером путей сообщения, наряду с другими русскими купцами вложил свои капиталы в процесс железнодорожного строительства на Северном Кавказе. Он же стал директором образованного в 1872 г. Акционерного общества Ростово-Владикавказской железной дороги, которое развернуло бурную деятельность по строительству железных дорог в регионе вплоть до 1917 г. Решения о строительстве отдельных веток принимались Обществом совместно с правительственными органами: Комитетом министров и Департаментом государственной экономики Государственного совета.

Правительство придавало огромное значение железнодорожному строительству на Северном Кавказе. С его помощью оно надеялось не только окончательно привязать край к России, но и цивилизовать его «диких жителей». Эти настроения неплохо выразил

Кавказский наместник вел. кн. Михаил Николаевич, выступивший с настоящим панегириком железным дорогам. «Кавказ покорен и спокоен, — писал он в январе 1869 г. — Дабы упрочить это покорение, нужно покорение духовное, которое возможно лишь при условии сокращении расстояний, отделяющих Кавказ от империи... Только железная дорога может прикрепить Кавказский край и Закавказье к России навсегда прочными и неразрывными узами; тогда, быть может не в дальнем будущем, Кавказа не станет, а будет лишь продолжение южной России до азиатской границы ее»[3].

Решение о строительстве железной дороги Ростов — Владикавказ было принято в 1869 г. на совещании с участием императора Александра II, великих князей Константина Николаевича и Михаила Николаевича. Тогда дорогу включили в состав так называемых «неотложных железных дорог» стратегического значения, предназначенных к строительству в первую очередь[4]. Первая часть дороги была построена в 1872—1875 гг. и включала в себя отрезок пути между Ростовом-на-Дону и Владикавказом. В 1875 г. произошло торжественное открытие Ростово-Владикавказской железной дороги (позже, в 1884 г., переименованной во Владикавказскую железную дорогу). В течение последующих десятилетий Общество построило ряд важнейших для развития экономики Северного Кавказа железнодорожных веток: Новороссийскую ветку (Тихорецкая, Новороссийск, 1884—1888 гг.), Минераловодскую ветку (курорты Пятигорск, Кисловодск, Железноводск, 1894), Ставропольскую ветку (1897), Царицынско-Тихорецкую ветку (1899), Екатеринодарскую ветку (1901).

Поворотным моментом в процессе железнодорожного строительства стало решение Акционерного общества Владикавказской железной дороги о продлении дороги в Закавказье. Эту идею еще в начале 1880-х гг. стали очень активно поддерживать бакинские нефтепромышленники, не раз обращавшиеся по этому вопросу к главноуправляющему гражданской частью на Кавказе А.М. Дондукову-Корсакову. Строительство началось в 1880-е гг. и продолжилось до 1899 г.: были пущены ветки до Порт-Петровска (1894), Дербента (Дагестан) и Баку (Азербайджан). После завершения строительства обеих линий закавказские железные дороги были соединены с общероссийской сетью.

В начале XX в. на Северном Кавказе за счет притока иностранного капитала началось развитие городских трамвайных дорог и транспорта. Так, бельгийский предприниматель, инженер Г.И.

Скараманга, в 1902 г. основал во Владикавказе «Общество Владикавказских трамваев и электрического освещения», которое занялось строительством трамвайных дорог во Владикавказе.

Во второй половине XIX — и особенно в начале XX в. — наблюдался рост водного транспорта, что для Северного Кавказа, омываемого Азовским, Черным и Каспийским морями и прорезанного судоходными реками Кубанью, Доном и др., имело важнейшее значение. Основные направления развития водного транспорта выразились в появлении вместо парусных и гребных судов паровых, в строительстве новых портовых городов (Новороссийск, Порт-Петровск), где происходил рост коммерческого флота. В 1850—1870-е гг. на Северном Кавказе были образованы объединения, занимавшиеся развитием пароходства: пароходное общество «Кавказ и Меркурий», «Русское общество пароходства и торговли» и др. («Кавказ и Меркурий», например, приобрел первоначальный капитал на казенных перевозках горцев-*мухаджиров* в османскую Турцию.) В 1890-е гг. на Северном Кавказе возникла целая сеть новых обществ и началась модернизация старых.

Функционирование железной дороги на Северном Кавказе оказало влияние на изменение структуры торговли: благодаря увеличению рынков сбыта наблюдался рост торговли хлебом, что в значительной степени и повлияло на развитие товарного земледелия. Рост хлебной торговли привел к увеличению посевных площадей и арендных цен на землю. Помимо структуры торговли переместились традиционные торговые пути и товарораспределительные центры.

Не стоит преувеличивать значение сети железных дорог, покрывших Северный Кавказ в конце XIX в. Ростово-Владикавказская дорога почти десять лет после своего открытия была убыточной. Акционеры получили первую прибыль только в 1884 г. Отчасти это было связано с рядом неурожайных лет и неблагоприятной экономической конъюнктурой тех лет. Но не меньшее значение имело и игнорирование властями экономических интересов региона при прокладывании первых веток[5]. Дорога Ростов — Владикавказ была проложена по самому короткому пути. Она обходила такие важные центры степного Предкавказья, как Ставрополь и Екатеринодар.

Несмотря на все усилия правительства, строительство как железных дорог, так и шоссе на Северном Кавказе до революции 1917 г. не было завершено. Решению этой проблемы препятствовал острый дефицит в бюджете Кавказского края. Обращения кав-

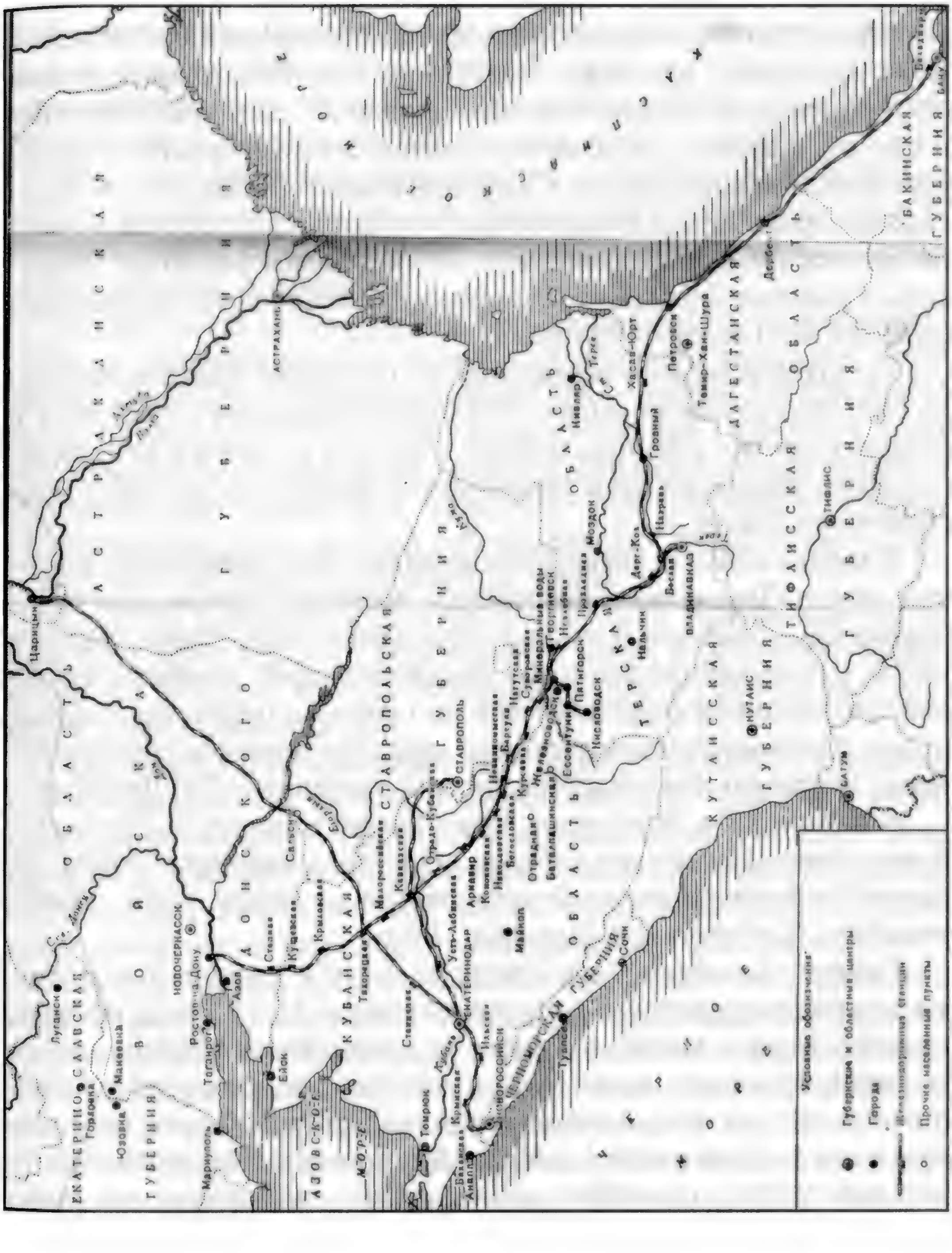
казских властей за финансовой поддержкой в Петербург успеха не имели. Северный Кавказ и Закавказье и так приносили российской казне ежегодно убытка более 28 млн. руб., а для завершения сети дорог через Главный Кавказский хребет наместник вел. кн. - Михаил Николаевич просил у правительства в 1881 г. 7,2 млн. руб.[6]. Завершать сеть дорог в высокогорье пришлось советской власти уже во второй половине XX в.

4. Рост торгового капитала. Рыночные отношения в сельском хозяйстве. Торговое земледелие и животноводство

Во второй половине XIX — начале XX в. наблюдался значительный рост местного и иностранного торгового капитала. В этот период начинается как приток русских купцов и расширение объемов торговли, так и попытки русских купцов вкладывать русский капитал в северокавказскую промышленность.

Основными формами торгового капитала в 1860—1890-е гг. стали: скупка продуктов скупщиками у производителей, для чего были учреждены конторы по приему хлеба; товарный кредит, когда крестьяне брали в кредит товары, а потом возвращали зерном; ростовщичество, когда крестьянам предоставлялись ссуды под проценты или будущий урожай. В конце XIX — начале XX в. на Северном Кавказе стала развиваться банковская система: появились первые кредитно-ссудные и банковские учреждения, например Моздокский общественный банк, отделение «Агентства Русско-Китайского банка» (в станице Прохладная), Крестьянский поземельный банк, который с 1907 г. распространил свою деятельность и на регионы северокавказских горцев. Наиболее крупным был Азово-Донской коммерческий банк, образованный еще в 1871 г. в Таганроге, а также филиал С.-Петербургского международного коммерческого банка, работавший с акционерным обществом Владикавказской железной дороги.

Реформы 1860—1870-х гг. создали условия для развития рынка в сельском хозяйстве. После них на северо-западе региона и в степном Предкавказье начался бурный рост товарного земледелия. По подсчетам советских историков, к началу XX в. на Северном Кавказе производилось до 1/3 всей озимой пшеницы России. По чис-



Владикавказская железная дорога

тому сбору зерна он обгонял такие товарные зерноводческие регионы, как Южная Украина, Дон и Нижнее Поволжье[7].

Проведенные на Северном Кавказе социально-экономические реформы, расширение торговли (что позволило включить товары северокавказских горцев в общероссийский рынок) и, наконец,

строительство Владикавказской железной дороги дали мощный толчок развитию торгового земледелия. С одной стороны, зерно, производимое на Северном Кавказе, стало объектом расширенной торговли, с другой, благодаря усилению экономических связей с российской глубинкой, на Северном Кавказе появились и стали широко применяться новые сельскохозяйственные орудия — плуги, брички, косилки, грабли, молотилки. Раньше всего они появились в районах Терской и Дагестанской областей, находившихся вдоль линии Беслан — Петровск[8].

Развитие торгового земледелия на Северном Кавказе находило свое выражение не только в росте производства зерна, но и в развитии других высокотоварных отраслей сельского хозяйства, например табаководства и производства льняного и особенно подсолнечного масла.

В начале 1890-х гг. на крупных станциях Владикавказской железной дороги (Тихорецкая, Кавказская, Армавир, Прохладная) были построены элеваторы и крытые зернохранилища. Учрежденное в 1889 г. Коммерческое агентство Владикавказской железной дороги развернуло кипучую деятельность по приему и перевозке хлебных грузов. Появились и иностранные предприниматели, скупавшие зерно, например известный парижский миллионер Луи Дрейфус.

В начале XX в. появляется новая форма торговли — биржевая. В ряде северокавказских городов появились биржевые торги, на которых оформлялись наиболее крупные сделки по хлебу (Новороссийск, Екатеринодар, Армавир, Ейск).

Помимо земледелия на Северном Кавказе развивалось и торговое животноводство. Во второй половине XIX в. была широко известна Терская заводская конюшня, разводившая кабардинских лошадей, одних из самых лучших на Кавказе. Для расширения коневодства российская администрация Терской области подготовила новые «Правила пользования Зольскими и Нагорными пастбищами» (1889), которые в значительной степени улучшили условия аренды необходимых для этой отрасли скотоводства пастбищ.

Наибольшую роль в развитии сельского хозяйства во всей России в целом и на Северном Кавказе сыграла аграрная реформа, проводившаяся под руководством П.А. Столыпина, который разработал новое аграрное законодательство, преследовавшее цель разрушения крестьянской общины и создание земельных частных собственников. В основе аграрной реформы Столыпина лежала опора на крестьянское хозяйство как экономическую самостоя-

тельную единицу. Предполагалось при переделах общинных земель использование принципа не душевой нормы, а подворной и формирование хуторов, поощряемое созданием системы экономических льгот (при получении ссуд, помощь при строительстве и т.д.).

Для этого были использованы три основных экономических рычага: новая система землеустройства крестьян, деятельность Крестьянского поземельного банка, переселение землевладельцев на неосвоенные территории.

Несмотря на то что российское правительство чрезвычайно серьезно занималось организацией и управлением земельных отношений казаков и во второй половине XIX — начале XX в. приняло около 60 законов об этом, тем не менее в начале 1910-х гг. в Государственной думе обсуждался проект о переходе казачьих войск от общинного землевладения к подворному или отрубному с предоставлением прав единоличной собственности. Однако Военное министерство отклонило предложение Думы.

С другой стороны, в этих обществах была значительно увеличена роль Крестьянского поземельного банка и проведена переселенческая реформа, которая отчасти затронула и процесс землевладения и землепользования.

Крестьянский поземельный банк начал обслуживать земельные отношения крестьян, казаков и горцев Северного Кавказа. В 1907 г. были сформулированы Правила выдачи банком ссуд жителям этого региона для расширения земельных владений, а также Правила согласования посреднической деятельности банка с общими землеустроительными мероприятиями российского правительства.

Появились на Северном Кавказе кредитные товарищества и ссудные кассы. В Северной Осетии кроме кредитных товариществ по инициативе О.Г. Баева возник Ольгинский сельскохозяйственный банк, помогавший крестьянам в скупке земли. Заработали кооперация и товарищества мелкого кредита.

В 1912 г. российским правительством был принят Указ о расширении ссудной помощи Крестьянского банка, который облегчил крестьянам и горцам процесс получения ссуд, главным образом на покупку или аренду земель для расширения сельского хозяйства. Ссуды в банке давались на льготных условиях, без процентов, с обязательным возвращением денег в течение 10 лет.

В этот период началось проведение подготовительных работ по внедрению новой земельной реформы и у горцев Северного Кавказа, что было связано с отсутствием у некоторых категорий горцев земельных участков.

5. Виды городов в регионе. Нефтяной бум и градостроительство

Градообразующие процессы на Северном Кавказе были двух типов: образование городов как военных крепостей и как экономических единиц, являвшихся результатом экономического развития. Наиболее ранний путь — формирование крепостей военно-стратегического значения вдоль Кавказской линии, по мере упразднения которой крепости были превращены в города: Екатеринодар, Кизляр, Майкоп, Моздок, Владикавказ, Темир-Хан-Шура, Грозный. Многие из перечисленных крепостей были учреждены еще в XVIII в.: в 1735 г. — Кизляр, в 1763 г. — Моздок, в 1771 г. — Георгиевск. Лишь Ставрополь сразу был основан как уездный город (1802). Города-крепости выполняли военно-административные функции, а торговые связи ограничивались местными рынками: меновыми дворами и пришедшими им на смену ярмарками, с преобладанием товарно-денежных отношений.

Так, Майкоп, основанный как крепость в начале XIX в., с 1870-х гг. стал городом, в котором проживало 48 тысяч человек. К началу 1890-х гг. в Майкопе насчитывалось 11 промышленных предприятий, мелких и кустарных: винокуренный завод, два мыловаренных, три кожевенных и один пиво-медоварочный, 13 кирпичных, 8 гончарных, 80 бондарных предприятий, крупная табачная фабрика.

По мере развития внутреннего и внешнего рынка, роста торгового земледелия, промышленности, как результат этого процесса, в конце XIX — начале XX в. наблюдался на Северном Кавказе значительный рост городов и образование новых центров крупной промышленности. В начале XX в. экономика этого региона стала частью хозяйства России. Во второй половине XIX в. рост городов зависел от строительства железной дороги: так, значительно вырос Грозный, поскольку через него проходил путь из Закавказья на юг России.

Другой путь роста городов был связан с имевшим место в конце XIX — начале XX в. нефтяным бумом на Северо-Восточном Кавказе и в Закавказье. Стали строиться портовые города для развития морской торговли: Порт-Петровск, Ейск, Новороссийск. Важно отметить, что новые города, главным образом портовые, возникшие во второй половине XIX в., например Новороссийск, строились на деньги и при поддержке того же Владикавказского

железнодорожного общества. Именно принадлежавшая ему железная дорога обеспечила рост таких быстро урбанизировавшихся промышленных и транспортных центров, как Новороссийск, Екатеринодар, Грозный, Петровск.

Новороссийск стал крупным торговым центром, заняв по торговым оборотам первое место среди городов края: 80% всех заграничных вывозов северокавказских портов осуществлялось из Новороссийска. В городе действовали иностранные и российские фирмы по скупке зерна и организации морской торговли: «Эмес и Компания», «Меллер, Лампе и Компания», «Черутти», «Апалиро», Русское общество вывозной торговли, Новороссийское вывозное товарищество.

К началу XX в. города Северного Кавказа делились на четыре категории: аграрно-торговые (Екатеринодар, Армавир), промышленно-торговые (Владикавказ, Грозный, Новороссийск), портовые (Петровск, Ейск) и курортные. В основе функционирования аграрно-торговых городов наиболее значимое развитие получила промышленность по обработке сельскохозяйственного сырья и торговля продуктами сельского хозяйства, в основе промышленно-торгового — средоточие горнодобывающей промышленности, промышленности по переработке сельскохозяйственной продукции и торговли продуктами этой промышленности и сельского хозяйства.

По данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., на Северном Кавказе было более 30 городов. В Терской области — Владикавказ, Кизляр, Грозный, Нальчик, Пятигорск, Георгиевск, Моздок; в Кубанской — Екатеринодар, Ейск, Майкоп, Темрюк, Анапа; в Ставропольской губернии — Ставрополь, в Новороссийской губернии — Новороссийск, Туапсе, Сочи; в Дагестане — Дербент, Темир-Хан-Шура, Порт-Петровск.

Важно подчеркнуть особенности формирования городского населения большинства городов Северного Кавказа, за исключением Ставрополя. Формирование это шло не за счет миграции в города местного горского или казачьего населения, а за счет миграции населения из Европейской России. К началу XX в. доля городского населения в целом по Северному Кавказу была 9—15%. Наибольший процент был в Черномории — 34%. Дореволюционному Северному Кавказу явно не грозила быстрая урбанизация.

6. Добывающая и обрабатывающая промышленность. Заводы. Нефтеразработки. Откупная система. Российский и иностранный капитал в экономическом освоении Северного Кавказа. Горцы, казаки и переселенцы на промыслах и фабриках региона

Промышленное развитие Северного Кавказа в известной мере определялось его природными богатствами. В основном в пореформенное время здесь возникли самые различные виды промыслов и промышленности, от добычи соли и серы до заводов по переработке ртути. Появилась фабрично-заводская промышленность: Крапповая фабрика в Дербенте (1864), табачная фабрика А.М. Михайлова в Порт-Петровске. На побережье, особенно на Каспийском море, активно развивалась рыбная промышленность. Наиболее успешным проектом этого времени было создание заводов по производству масла — саломаса силами акционерных обществ «Саломас» и «Окахиз».

В Карачае залежи природных ископаемых были обнаружены еще в начале XIX в., когда была проведена научная горная экспедиция Емануеля. Пятигорский купец Крутицкий в 1840—1860-е гг. начал вкладывать свои капиталы в создание Кубанских каменноугольных копей. В 1890-е гг. на средства русских и бельгийских предпринимателей, организовавших акционерное общество «Эльборус», был построен Индышский серебро-свинцовый рудообогатительный завод.

В Чечне было построено несколько крупных частных заводов: кирпичные заводы «Слон» и др., принадлежавшие С.М. Хагнельдиеву, чугунолитейные заводы «Молот» и другие Т.В. Белоозерского, механический и котельный заводы И.Ф. Жедырова и И.Л. Фреу.

В Северной Осетии — Владикавказский завод братьев Израилевых и Мостовенко, винно-водочный завод Сараджева, табачная фабрика Вахтангова. В 1914 г. в Осетии было создано Акционерное фабричное мукомольное, макаронное и хлебомакаронное производство «Гигиена» братьев А.И. и В.С. Прохановых, мебельная фабрика А.Ф. Крейчи.

В первой половине XIX в. в этом направлении делались лишь первые шаги. Так, в Северной Осетии с 1840—1850-х гг. начало работать частное предприятие — Садонский прииск серебро-свинцовых руд, принадлежавший греку Чекалову. Во второй полови-

не XIX в., и особенно в 1870—1890-е гг., на Северном Кавказе начался промышленный бум. Промышленные центры возникали преимущественно там, где были в наличии сырьевые и энергетические ресурсы, а также удобные пути сообщения. Наиболее богатой оказалась Чечня, где были обнаружены месторождения медных руд, серебро-свинцовых руд, угля, горючего сланца, соляных источников.

Еще в 1858 г. в Северной Осетии силами Горного департамента началось строительство государственного Алагирского серебро-свинцового завода. В 1890-е гг. на территории Терской области было уже много рудников и шахт, собственниками большинства их состояли частные лица. Со временем большинство горных месторождений от частных предпринимателей перешло к образованному в 1898 г. Терскому горнопромышленному акционерному обществу Г.И. Кристли. Кроме компании Кристли разработкой рудных месторождений, например в горной Осетии, были заняты международные и российские компании «Вьельмонталь», «Кавказская ртуть». Последняя также разрабатывала месторождения в Кюринском округе на юге Дагестана.

Низкая конкурентоспособность северокавказского производства и высокий уровень затрат на транспортировку сырья не раз ставили местную промышленность на грань краха. В течение долгого времени убыточным был Алагирский завод. Только после появления в Западной Европе спроса на цинк, содержавшийся в руде Садонского месторождения, рудник и завод начали приносить прибыль. В 1895 г. завод был отдан казной в аренду частному акционерному обществу «Алагир», директора которого находились во Франкфурте в Германии. В 1898 г. Алагирский завод был закрыт, и в 1900 г. вместо него открылся Владикавказский цинковый завод. С теми же трудностями сталкивалась горнодобывающая промышленность на Северо-Восточном Кавказе. В 1902 г. в Дагестане была прекращена добыча ртути, а в следующем году ликвидировано товарищество «Кавказская ртуть». Еще раньше, в 1896 г., разорилось общество «Эльборус».

На Северо-Западном Кавказе промышленность развивалась медленнее. В основном здесь была молочнообрабатывающая промышленность. Первые заводы в Кабарде и Балкарии появились в 1870-е гг., когда был открыт сыроваренный завод в Баксанском ущелье. В начале XX в. в Нальчикском округе было 13 кирпично-черепичных заводов, три маслобойни и четыре известковых предприятия.

Много частных и государственных заводов и фабрик появилось в степном Предкавказье: частный салотопенный завод нахичеванского купца Михайлы Портышева (1863), заводы Якова Юрченко и Аввакума Погорелова, частный кирпичный завод в станице Баталпашинской, принадлежавший армяно-греческому священнику Эммануилу Ларотанцу (1869), частные заводы есаула Уклеина, Семена Крикуна. В 1873 г. началось строительство винокуренного завода в Баталпашинском уезде. К 1890 г. в уезде были и мыльный завод, 8 кожевенных предприятий, 2 пиво-медоваренных, 45 маслобойных заводов. В 1902 г. основан Чугуннолитейный механический завод Шмидта, а в 1903 г. в этом регионе появилась первая гидроэлектростанция «Белый уголь».

Значительный толчок для развития экономики Северного Кавказа дало открытие нефти (Грозненская, Мамакаевская, Карабулакская группа колодцев, Брагунский и Беноевский источники). Впервые добыча нефти началась в Кубанской области еще в 1850—1860-х гг., но велась она крайне неравномерно. Тормозом была *откупная* система, согласно которой откупщики основывали промышленность на своем монопольном праве, а не на капитале и конкуренции. В 1872 г. были введены новые «Правила о нефтяном промысле», по которым система откупов была ликвидирована, нефтяные участки стали отдаваться в частные руки с торгов и с освобождением от уплаты налогов. Это привело к подъему добычи нефти и к открытию новых участков, что привлекло капиталы русских и иностранных промышленников. Северокавказская нефтяная промышленность уже в 1860—1870-е гг. становится объектом экспансии в первую очередь иностранного капитала. Иностранцы использовали финансовые затруднения первых русских предпринимателей, среди которых преобладали представители русского купечества, представители военной элиты, происходящие из местной горской знати и российского чиновничества. С 1879 г. американец Г. Тведель, а затем французское акционерное общество «Русский стандарт» (учредители — марсельские и лионские предприниматели О. Шабриер, А. Бо, А. Леенгардт), основанное в 1881 г., проникают в северокавказскую экономику, ведя активную разработку нефтяных месторождений. Впоследствии компания перешла к Ротшильдам. До начала 1890-х гг. в российском законодательстве были ограничения для участия иностранцев в российской промышленности, поэтому «Русский стандарт» вначале осуществлял свою деятельность через подставных лиц.

Во второй половине XIX в. был образован ряд обществ по развитию горнозаводской промышленности Чечни (восточной части Алхан-Юртовской долины) и Дагестана: «Англо-Русское нефтяное общество», «Англо-Петровское общество», «Товарищество братьев Нобель», «Чечено-Дагестанское нефтяное общество», «Ахвердов и Компания», Московское нефтепромышленное общество, Санкт-Петербургское нефтепромышленное общество. Потребителем нефти стал весь северокавказский регион. На Северо-Восточном Кавказе силами акционерных обществ начала развиваться нефтяная промышленность: строились предприятия по добыче и обработке нефти. В конце XIX — начале XX в. было построено четыре нефтеперерабатывающих завода: «Общества Ахвердова», Общества Владикавказской железной дороги, «Успех», принадлежавший Д.И. Исаковичу, «Надежда» предпринимателя И.М. Левита. Наибольшего размаха и успеха нефтяная отрасль достигла после проведения железнодорожной ветки из Владикавказа до Порт-Петровска.

1893—1900 — годы наибольшего промышленного подъема в Грозненском районе, когда вместо рытья колодцев стали закладывать первые скважины с помощью паровых двигателей. Тогда же возникло первое Грозненское нефтепромышленное товарищество, организованное в 1893 г. бывшим полковником А.Р. Русановским и ротмистром А.Н. Загряжским с целью эксплуатации арендованных ими у Терского казачьего войска двух нефтеносных участков. Позже участки попали к ростовскому купцу-миллионеру В.Р. Максимову. Другое общество — «Ахвердов и Компания» было основано в 1896 г. в Антверпене, его акции принадлежали бельгийским предпринимателям. Общество и в середине 1890-х гг. давало половину общей добычи нефти. Позже акции общества перешли к другому бельгийскому обществу — «Петроль де Грозни». В 1890-е гг. на Северо-Восточном Кавказе и в Азербайджане прочно обосновался английский капитал. Остальные крупные нефтепромышленные фирмы — «Шпис» и «Англо-Русское общество». Нефтедобыча на Кубани была скромнее. Она находилась в руках Кубанского казачьего войска и в руках «Русского стандарта», а также французского торгового дома Бадфорда, Русско-Кавказского общества и отдельных иностранных предпринимателей — Баумгартена, Мариолаки, Миллера.

Если в нефтяном промысле наибольшую роль играл английский капитал, то в цементной и горнорудной отрасли — германский и бельгийский. Тем не менее большинство предприятий на Север-

ном Кавказе отличались примитивными формами организации производства и отсталой техникой.

В конце XIX — начале XX в. в значительной степени изменились условия для развития кустарных промыслов Северного Кавказа: вовлечение их во всероссийский рынок привело к росту торговых оборотов, появлению мануфактур, появлению предпринимателей-скупщиков ремесленных изделий и увеличению популярности северокавказских ремесел, особенно дагестанских центров (Кубачи, Кумух).

С начала 1880-х гг. на Северном Кавказе стала формироваться крупная буржуазия, но в большинстве случаев это были приезжие русские и иностранные предприниматели. Мы уже упоминали барона Р.В. Штейнгеля. Укажем и других: братьев Кузнецовых, И.П. Бедросова, Д.М. Дон-Дудина, М.Ф. Ирзу и др.

При рассмотрении экономического развития северокавказского региона одним из главных вопросов встает вопрос о включении в экономические процессы местного населения. Безусловно, в орбиту общероссийского рынка в большей степени оказалось втянуто русское и казачье население степного Предкавказья, тогда как предгорные и горные районы Северного Кавказа, населенные местными горцами, в меньшей степени были охвачены экономическим бумом конца XIX — начала XX в. Поэтому многие историки и публицисты разных времен писали о том, что ни торговый, ни промышленный капитал не проникал в северокавказские горы и что хозяйство местных горцев было очень слабо связано с промышленностью и российским рынком. Но это лишь отчасти правда. Горская экономика постепенно начала включаться в общероссийскую.

В этот период в Кабарде появились крупные коннозаводчики и овцеводы. Балкарская фамилия Урусбиевых еще в 1889 г. построила в Баксанском ущелье молочную ферму и сыроварню для изготовления сыра, который продавался в Нальчик и Владикавказ.

Можно отметить рост участия горцев и казаков в развитии северокавказской промышленности. Так, среди частных собственников шахт и рудников Терской области в 1890-е гг. были и местные осетины — Амурхан Туганов, подполковник Есиев. Многие горцы-осетины наряду с выходцами из русских и украинских селений внутренней России работали на горнопромышленных заводах Северной Осетии в качестве рабочих, но большинство специалистов, даже мастеров, были приезжими из России. Известно, что и про-

цент горского населения среди рабочих нефтеперерабатывающих заводов Чечни был невелик.

В начале XX в. во Владикавказе и Грозном уже большинство новых промышленных и торговых заведений принадлежало представителям горских народов. Особенно, как показывают данные Терского календаря на 1914 г., этот процесс усилился в 1910-х гг. Так, во Владикавказском округе в начале 1910-х гг. из 29 предприятий 20 принадлежали осетинам. Был и другой осетинский предприниматель — А. Гутиев, который в начале 1910-х гг. вложил свои капиталы в строительство механических зерносушилок в селениях Карджин и Тулатово. Осетин Гулиев построил на свои средства крахмало-паточный комбинат. В Нальчикском округе из 36 предприятий двадцатью владели кабардинцы и балкарцы. В Нальчике, центре округа, было 11 предприятий, из них пять были собственностью горцев. В Чечне из 112 предприятий 32 принадлежали чеченцам. В Ингушетии, которая в промышленном отношении была наименее развита во всем регионе, находилось всего 18 предприятий, которые полностью принадлежали ингушам.

Кроме того, росло участие горцев и казаков в формировании купеческого сословия, развивалось купечество среди горцев. Так, по Нальчикскому округу в 1891 г. из 57 зарегистрированных гильдейских купцов 22 были кабардинцами. Местные купцы в основном занимались торговлей зерном.

7. Итоги экономического развития XIX — начала XX в.

Подводя итоги экономического развития дореволюционного Северного Кавказа в составе Российской империи, нужно еще раз отметить сложность и противоречивость этого развития. С одной стороны, отсутствие общественных и природных неурядиц в регионе в течение более полувека после завершения Кавказской войны несомненно принесло ему мир и относительное процветание. Уровень жизни и благосостояние населения региона к концу XIX — началу XX в. значительно выросли. На Кубани и в Ставрополье на северо-западе региона наблюдается несомненный экономический рост. С другой стороны, бюджет региона в империи долго был убыточен. Экономическое состояние дореволюционного Северного Кавказа по крайней мере до конца XIX столетия оставалось крайне нестабильным. Ему не раз грозил экономический кризис.

Материалы, собранные в этой главе, позволяют пересмотреть некоторые клише, укоренившиеся в отечественной историографии с советского времени. Нельзя сводить российское завоевание к колониальному ограблению. Северный Кавказ очень дорого стоил правительству. Не он содержал Россию, а империя содержала Северный Кавказ. Нельзя сводить экономическое развитие региона под российским владычеством к его «вовлечению во всероссийский рынок»[9]. Это старое советское клише не совсем верно отражает действительную ситуацию в регионе и особенно его значение для империи. Вплоть до самого конца XIX в. российское правительство, а за ним и власти Кавказского наместничества придавали Северному Кавказу не столько экономическое, сколько стратегическое значение — как перешейка между Южной Россией и русскими владениями в Закавказье и Средней Азии. Именно этим определялось развитие путей сообщения и железнодорожное строительство, начатое здесь на средства казны. В свою очередь, изменение экономической инфраструктуры привело к изменению хозяйствования. Из результатов экономического развития XIX в. наиболее существенным было вовлечение региона в сеть трансросийских транспортных коммуникаций и экономических связей страны.

---

[1] Например: История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. — 1917) / Ред. Н.Л. Нарочницкий. М., 1988. С. 153. Эта точка зрения восходит к ранней советской исторической школе М.Н. Покровского. См.: *Покровский М.Н.* Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1923. С. 213; *Лихницкий Н.* Колониальное развитие горских народов // Труды Кубанского педагогического института. Краснодар, 1930. Т. 1. С. 69—73, и др.

[2] *Кумыков Т.Х.* Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок. Нальчик, 1962. С. 34—35.

[3] Наша железнодорожная политика по документам Архива Кабинета министров. СПб., 1902. Т. 2. С. 36.

[4] Там же. С. 36.

[5] См. блестящую работу о железнодорожном строительстве на дореволюционном Северном Кавказе: *Силаев Н.Ю.* «Кавказа не станет...» Владикавказская железная дорога: несколько незамеченных сюжетов // Кавказский сборник. М., 2004. Т. 1 (33). С. 110—128.

[6] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. № 802. Л. 10 об.

[7] *Фадеев А.В.* Вовлечение Северного Кавказа в экономическую систему пореформенной России (К проблеме развития капитализма вширь) // История СССР. 1959. № 6. С. 52.

[8] См.: Обзор состояния Дагестанской области за 1897 г. Темир-Хан-Шура, 1898. С. 25.

[9] См. любопытную недавнюю критику этого тезиса в кн.: *Барретт Т.М.* Линии неопределенности: северокавказский «фронтир» России // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Императорский период. Самара, 2000. С. 174.

Глава 11

ИСЛАМ И ПРАВОСЛАВНОЕ МИССИОНЕРСТВО В ЭПОХУ РЕФОРМ И КОНТРРЕФОРМ

(1) Религиозная составляющая реформ на Северном Кавказе. (2) Система контроля над мусульманскими подданными империи в России и на Кавказе. Оренбургский муфтият (ОМДС) и Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД. От изучения к борьбе с исламом. Борьба мусульманских политик в МВД и Военном министерстве. (3) Изобретение мусульманского «духовенства», «приходов» (мечетных общин) и иерархий (муфтиятов). Учреждение Закавказских мусульманских духовных правлений суннитского и шиитского учений (ЗМДП) в Тифлисе (1872). (4) Мусульманское духовенство и институты на Северном Кавказе. Отношения с ОМДС (Уфа) и ЗМДП. Проекты создания регионального муфтията. План А.М. Дондукова-Корсакова и его судьба. (5) Активизация православных миссий на пореформенном Северном Кавказе. Общество восстановления православного христианства на Кавказе и рехристианизация Осетии. Государственная поддержка православных миссий.

1. Религиозная составляющая реформ на Северном Кавказе

Вместе с преобразованием управления и экономики Кавказского края правительство начало в регионе целую серию религиозных реформ, игравших порой не менее важную роль при опреде-

лении отношений подданных северокавказского фронтира с имперскими центрами в Тифлисе и Петербурге. История религиозных преобразований еще крайне слабо изучена и осмыслена. Следует отметить, что эти мероприятия касались прежде всего унификации и централизации организации религиозных общин мусульман и новообращенных христиан. Кроме того, довольно сильно был изменен статус местных неправославных религиозных элит. В целом переустройство мусульманской организации региона и православное миссионерство составляют как бы две оси религиозной политики на пореформенном Северном Кавказе.

Подготовка преобразований началась еще в правление Николая I (1825—1855), а реализация затянулась почти на полвека. Знаменитый «Устав духовных дел иностранных вероисповеданий», определивший правовой статус иноверцев в империи, был разработан при Николае, но издан уже после его смерти, в первые годы царствования Александра II (1857). Власти пытались «дисциплинировать» жизнь мусульман региона, «встроить» мусульманскую духовную элиту в систему официальных институтов империи в центре и на местах. Реформы последней трети XIX в. на Кавказе были в целом направлены на упрочение государственного надзора за деятельностью мусульманских подданных империи, с намерением по возможности избегать конфронтации с ними. При подготовке и осуществлении реформ немалую роль сыграла охранительная русско-православная идеология, влияние которой в правительстве резко усилилось в правление Александра III (1881—1894).

2. Система контроля над мусульманскими подданными империи в России и на Кавказе. Оренбургский муфтият (ОМДС) и Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД. От изучения к борьбе с исламом. Борьба мусульманских политик в МВД и Военном министерстве

К эпохе Великих реформ Россия подошла с довольно стройной и завершенной системой управления неправославными подданными. Правительство курировало мусульманские регионы империи через Оренбургский (ОМДС) и Таврический муфтияты, замыкавшиеся на Министерстве внутренних дел в Петербурге. Мусульма-

не Северного Кавказа считались в юрисдикции ОМДС. В царствование Александра I наряду со Святейшим синодом появилось несколько недолговечных центральных учреждений, созданных для надзора и управления лицами неправославных исповеданий. Они не раз менялись, пока в 1832 г. при МВД не появился Департамент духовных дел иностранных исповеданий (ДДДИИ), остававшийся важнейшей частью министерства вплоть до революции 1917 г., за исключением короткого периода в конце правления Александра II (1880—1881), когда ДДДИИ был временно выведен из состава МВД. При Александре III он вновь вернулся в министерство.

До гибели империи в феврале 1917 г. ДДДИИ оставался центральным правительственным органом, контролировавшим жизнь мусульман, буддистов и лиц прочих неправославных исповеданий. Он состоял из трех небольших отделений, из которых последнее, третье, ведало нехристианскими религиями, в том числе и мусульманами Северного Кавказа. При надзоре за иноверцами ДДДИИ, согласно общим установкам дисциплинарных государственных режимов того времени, обязан был придерживаться «принципа полной терпимости, насколько такая терпимость может согласовываться с интересами государственного порядка»[1]. В огромном аппарате министерства ДДДИИ был одним из самых небольших. В него входило всего 30—40 чиновников. В последней трети XIX в. большинство из них имело высшее образование, полученное в лучших востоковедных центрах страны — в Училище правоведения, Киевской и Казанской духовной академиях.

Кроме постоянных сотрудников в ДДДИИ имелся более обширный штат научных консультантов и экспертов. Правительство пыталось по возможности привлекать к решению проблем практических вопросов, связанных с исламом и мусульманами, компетентных отечественных востоковедов и этнографов. Среди них встречались даже иноверцы, в частности ведущий эксперт ДДДИИ по исламу профессор Казанского и Петербургского университетов А.К. Казембек (1802—1870) — родом перс из Дербента, в юности обращенный в пресвитерианство шотландскими миссионерами в Астрахани. Однако он был исключением из общего правила. В отличие от других правительственных учреждений, ДДДИИ предъявлял исключительно высокие требования к «чистоте» вероисповедания своих консультантов. Обычно они набирались из православных, как, например, этнограф-музыковед и один из крупнейших специалистов по мусульманам России С.Г. Рыбаков[2].

Время Великих реформ было еще и временем «открытия ислама». В российской науке и политике пробуждается довольно заметный интерес к изучению ислама. Быстро складываются школы востоковедения и исламоведения, академическая в Петербурге и миссионерская с центром в Казани. В Тифлисе и, в особенности, на Северном Кавказе самостоятельной школы тогда появиться не могло. Вместе с тем изучение исламских древностей и современных мусульман на Северном Кавказе внесло свою лепту в развитие представлений об исламе в российской науке и политике. При наместниках Кавказских работало в свое время немало известных востоковедов практического направления. Крупнейшими среди них были: востоковед и дипломат Н.В. Ханыков, уже упоминавшийся выше Казембек и Н.Е. Торнау. На материалах Северного Кавказа были созданы известные работы — Казембека о мюридизме, заметки Торнау и генерала А.В. Комарова об адате и шариате[3]. Нужно также упомянуть деятельность безымянных военных переводчиков Кавказской армии, сохранивших дошедшую до нас хронику Хаджи-Али Чохского о Шамиле и многие другие источники.

О влиянии ориентализма XIX в. на изучение и покорение Северного Кавказа речь пойдет позже. Сейчас нам важно подчеркнуть, что изучение ислама, по верному замечанию современного американского историка Пола Верта, привело к переоценке прежде более благожелательного отношения к исламу, к общему ужесточению конфессиональной политики России[4]. Под влиянием востоковедов и миссионеров среди чиновников в Тифлисе и в Петербурге распространяются страхи перед внешней и внутренней исламской угрозой, от которой они пытаются отгородиться при помощи православия, государственных границ и новых форм контроля над мусульманами. Конечно, в этой переоценке немалую роль сыграло рассмотренное нами выше мусульманское повстанчество на Северном Кавказе, в частности движение Шамиля и восстание 1877 г. Но главным источником поворота в конфессиональной политике России в центре и на Кавказе был, на наш взгляд, все же союз ученых, миссионеров и политиков.

К 50—70-м гг. XIX в. под влиянием страхов в правительстве складывается два диаметрально противоположных подхода к исламу. Один из них предполагал полный пересмотр конфессиональной политики Российской империи, начиная с Екатерины II. Императрицу обвиняли в потакании мусульманам[5]. В создании ОМДС они видели не победу, а поражение российской власти в борьбе с ислa-

мом. Сторонники этого направления считали крайне опасной концентрацию власти в руках «мусульманских фанатиков». В будущем они предлагали отказаться от создания новых муфтиятов, в том числе и на Кавказе, полностью игнорируя мусульманскую духовную элиту. В лагере сторонников этой точки зрения были известные миссионеры и востоковеды — профессор Казанской духовной академии Н.И. Ильминский (1822—1891), его ученики и последователи, начальник штаба Барятинского, а затем военный министр Д.А. Милютин (1860—1881). Военное министерство в целом поддерживало план игнорирования ислама.

Противники этого направления настаивали на продолжении централизации управления и надзора за деятельностью ислама и в особенности мусульманской духовной элиты, развивая иерархические структуры, подобные ОМДС. Для противодействия враждебным иностранным исламским влияниям сторонники этой точки зрения предлагали закрыть границы России по Кавказу для мусульманских агитаторов из-за рубежа, прежде всего для суфиев, а также запретить российским мусульманам выезжать за границу для продолжения там исламского образования. Особенную тревогу представителей этой «партии» вызвала отдаленность Северного Кавказа от центров ОМДС в Поволжье. Действительно, все попытки, начиная с Екатерины II, как-то контролировать или хотя бы влиять на мусульман региона через этот муфтият не имели успеха. К этой точке зрения склонялся Николай I. Наиболее сильными сторонниками этого лагеря оказались чиновники МВД.

3. Изобретение мусульманского «духовенства», «приходов» (мечетных общин) и иерархий (муфтиятов). Учреждение Закавказских мусульманских духовных правлений суннитского и шиитского учений (ЗМДП) в Тифлисе (1872)

Еще в царствование Николая I Министерство внутренних дел разработало амбициозную программу строительства мусульманского «духовенства» с созданием общероссийской сети «ортодоксальных мусульманских учреждений». Несмотря на то что в исламе в принципе не может быть духовенства и церкви, ни тем паче государственных религиозных иерархий и ортодоксальности, экспер-

ты МВД решили обойти все это путем легализации в России части мусульманской духовной элиты (*улемов*) и постановки ее на казенное содержание. Улемы должны были дать кадры мусульманского духовенства и помочь с определением «ортодоксального ислама». При разработке иерархий муфтиятов чиновники ДДДИИ широко использовали опыт Синода, имевшего близкую Оренбургскому и Таврическому муфтиятам организацию, правда не столь регионального характера. Отсюда в российское законодательство по отношению к исламу вошли в общем-то мало подходящие к нему понятия мусульманского «духовенства», «приходов», «муфтиятов» и проч. Северный Кавказ и Закавказье стали одним из основных «полигонов» плана дальнейшей централизации управления исламом.

Область действия ОМДС была ограничена Внутренней Россией и Сибирью. В 1831 г. было создано Таврическое магометанское духовное правление, а 29 ноября 1832 г. по именному указу императора Сенату было приказано разработать аналогичное учреждение для Кавказского края. В силу целого ряда причин образование его затянулось до 1872 г., когда были созданы два *муфтията* — Закавказские магометанские духовные правления (ЗМДП) шиитского и суннитского учений. Идею их создания активно поддерживал наместник Кавказский вел. кн. Михаил Николаевич (1862—1881). С одной стороны, он разделял точку зрения чиновников МВД о необходимости государственной централизации управления мусульманами. С другой, создание ЗМДП было ему на руку, потому что было еще одним шагом по укреплению власти наместника и ослаблению его зависимости от Петербурга. Не случайно резиденцией ЗМДП был выбран центр наместничества — Тифлис.

Целью создания нового муфтията, по словам Михаила Николаевича, был, во-первых, контроль над деятельностью «враждебных по религиозным убеждениям» империи лиц; затем противодействие укреплению среди влиятельного духовного «сословия» корпоративного антироссийского духа, препятствование проникновению на Кавказ враждебных России представителей мусульманской духовной элиты из Османской империи и Персии. Для осуществления этих задач власти пытались ограничить «круг действий» мусульманской элиты, не ущемляя при этом свободу совести, декларированную в законодательстве; установить надзор над мусульманскими школами и поставить под контроль государства разные виды имущества, составляющие основу финансовой независимости «мусульманского духовенства», в первую очередь *вакфов* на

Восточном и Центральном Кавказе. В указе об образовании ЗМДП, как и в других законах того времени, власти прямо заявляли о намерении создать сословие «мусульманского духовенства», материально зависевшее от Российского государства[6].

Положение 1872 г. создавало в Закавказье более упорядоченную иерархию подотчетного властям империи «мусульманского духовенства», чем в ОМДС в Поволжье и Таврическом муфтияте у мусульман Крыма и западных окраин империи. Возникла единая властная вертикаль от сельского муллы до муфтия. Часть мусульманской духовной элиты, получившая государственную лицензию, была поставлена под двойной контроль — местного губернского и высшего кавказского начальства империи. Средством интеграции мусульман в правовое пространство империи стал шариат. В ЗМДП на всех уровнях был последовательно проведен принцип коллегиального управления под контролем российских гражданских чиновников.

Только на уровне мечетной общины («мусульманского прихода») судебная (по *шариату*) и духовная власть была сосредоточена в руках имамов. Наряду с управлением общиной и преподаванием в частных мусульманских школах они обязаны были вести метрические книги своей общины и регулярно доставлять местным кади сведения о количестве мечетей и школ, рождений, смертей и заключенных браков. Тем самым они превратились в низовых сотрудников государственной статистической службы. Кади помимо своих прямых функций по разрешению споров по брачно-семейным и наследным делам между мусульманами округа должны были надзирать за сельскими имамами, выступая в роли государственных чиновников среднего звена. Они проводили испытания кандидатам в имамы мечетей и судьи по мусульманскому праву, составляли программы для примечетных школ, ежегодные статистические отчеты по губерниям и консультировали власти в вопросах культа. Духовным правлениям подчинялись губернские *меджлисы* (советы из трех членов), а последним — кади, муллы и муэдзины.

На уровне губернских *меджлисов* разбирались дела по вопросам мусульманской обрядности и богослужения, апелляции и жалобы на решения кади, выносились судебные решения по обвинениям простых мусульман и духовной элиты в проступках религиозного характера. Здесь же рассматривали вопросы, касающиеся работы медресе и мектебов губернии, управления вакфами и другими имуществами мечетных («приходских») общин. По пятницам при

большом стечении народа на меджлисах проводили открытые экзамены кандидатов на должность имама и кади. Кроме того, через меджлисы власти контролировали настроения и положение в мусульманских общинах края. Время от времени губернатор обращался к ним с запросами, которые требовали участия мусульманских судей или знатоков шариата.

Государство привязывало созданную им прослойку «мусульманского духовенства» с помощью как «кнута», так и «пряника». Мусульманское духовенство находилось под пристальным надзором властей. Но его представители вместе с тем получили широкие права и существенные привилегии. По Положению 1872 г. и ряду последующих указов, мусульманские духовные лица и их дети были освобождены от уплаты казенных повинностей. Дети высшего духовенства (*эфенди*), прослужившего на службе империи двадцать лет, автоматически получали права детей личных дворян и личных почетных граждан. В случае командировок духовные лица получали прогонные деньги от казны. Положение закавказского «мусульманского духовенства» было гораздо лучше, чем «указных мулл и муэдзинов» Поволжья и Крыма.

Для поступления в звание мусульманского духовенства был установлен возрастной (22 года) и образовательный (знание основного круга исламских дисциплин, в особенности права, обрядности и догматики) ценз. В состав привилегированного «мусульманского духовенства» Кавказского края не попали только довольно многочисленные суфии и их последователи. Дело здесь было в довольно устойчивых страхах властей перед суфизмом, в котором после Кавказской войны и восстания 1877 г. видели источник антироссийского повстанчества. Определенную роль в появлении этих страхов сыграло и участие суфиев в борьбе с колониальными режимами за рубежом, во французской Северной Африке и в британской Индии. Эта фобия, сложившаяся к последней трети XIX в., определяла правительственную политику по отношению к суфиям и суфийским братствам не только на Кавказе, но и в других регионах империи, в частности в Средней Азии.

4. Мусульманское духовенство и институты на Северном Кавказе. Отношения с ОМДС (Уфа) и ЗМДП. Проекты создания регионального муфтията. План А.М. Дондукова-Корсакова и его судьба

Первоначально иерархическую организацию мусульманского духовенства Закавказских духовных правлений собирались распространить на весь Кавказский край. Однако на Северном Кавказе в последней трети XIX и начале XX в. удалось создать только низовой общинный уровень имперской мусульманской администрации. Михаил Николаевич, не разделявший страхов Барятинского перед мусульманской элитой, легализовал большую часть мусульманской духовной элиты, включая муэдзинов, имамов мечетей, судей-*кади* («младших и старших *эфенди*») и преподавателей школ (*мударрис*). Они получили легальный правовой статус «мусульманского духовенства». За границы этого сословия были выведены только суфии, внушавшие правительству большие опасения после Кавказской войны и восстания 1877 г. Однако некоторые из членов суфийских братств все-таки прошли в мусульманское духовенство благодаря традиции совмещения должностей имама, мударриса, шейха и проч. Прослойка мусульманского духовенства была относительно велика. В Дагестанской области она охватывала до 5% местного мусульманского населения.

Наместники, а затем главноначальствующие и начальники округов старались ограничить довольно значительное в регионе число низовых мусульманских институтов. По Положению 1872 г., для открытия одной пятничной джума-мечети в общине должно было быть не менее 150 «прихожан». При больших мечетных общинах полагалось иметь до пяти младших и одного старшего муллу. Разрешение на возведение новых мечетей и открытие школ *мектебов* и *медресе* выдавал начальник области. Однако на деле существовавшие за счет частных пожертвований (а на Северо-Восточном Кавказе еще и *вакфов*) общин мечети и мусульманские школы, особенно начальные коранические классы, полностью ускользали от контроля начальства. Точной статистики мусульманских институтов в регионе не было. Новые школы возникали и закрывались без ведома властей, в зависимости от числа учеников, учителей и имевшихся средств.

Однако даже несовершенная дореволюционная статистика позволяет предположить, что в пореформенное время на Северном Кавказе наблюдался довольно бурный рост низовых мусульманских институтов. Особенно значителен он был на Северо-Западном Кавказе, где исламизация продолжалась. Согласно архивным данным Центрального государственного архива Кабардино-Балкарской Республики, в 1873 г. в Кабарде и Балкарии было 42 медресе, в 1909 г. — уже 105. Подавляющее большинство мечетей и примечетных школ региона оставалось сосредоточено в Дагестане, сохранившем в пореформенный период роль исламского культурного и религиозного центра Северного Кавказа. По данным областной администрации, в 1915 г. здесь имелось 671 примечетная школа, где учились 6592 человека (6067 мальчиков и юношей, 525 девочек). В Дагестанской области было зарегистрировано 1711 квартальных суннитских мечетей (в том числе 343 пятничных), а также 25 шиитских мечетей и 11 джума в Дербенте и Кизляре[7].

Выборность мусульманской духовной элиты была сохранена. Однако все кандидаты на пост сельских мулл, мударрисов и кади обязательно проходили через контроль окружного начальства. Так, согласно «Правилам по управлению аулами в Терской области» (1862), областные начальники утверждали сельских мулл, избранных на сходе общины, поддерживая при этом «людей, наиболее преданных правительству, известных своим умом, честностью и справедливостью» и обнаруживших «достаточное знание правил шариата». В начале 1890-х гг. это правило было вновь подтверждено. 8 января 1893 г. начальник Терской области издал распоряжение, «чтобы сельские муллы в магометанских селениях на будущее время назначались не иначе как по выбору окружного *кади* и мною утверждались». Сдавшие экзамен получали у начальников округов (Дагестан) и областей (Терская и Кубанская) удостоверение об утверждении в должности.

По образцу российского Закавказья на Северном Кавказе была введена система экзаменов для «мусульманского духовенства» среднего и высшего звена. Комиссии из членов горских словесных судов во главе с кади его шариатского отдела экзаменовали претендентов на духовные должности «старших *эфенди*» (имам, кади). Перед вступлением в должность они должны были продемонстрировать хорошее знание базовых и высших исламских дисциплин (включая право и догматику), утвержденных наместником в 1876 г. В Дагестанской области экзамены проводились при

девяти народных судах в окружных центрах, в Терской и Кубанской — в горских словесных судах. Младшие *эфенди* (*муэдзины*) не держали экзаменов. При назначении на духовные должности учитывалась лояльность претендентов российским властям. Состоявшие под негласным надзором полиции не имели возможности пройти в них.

Обязанности мулл, кади и мударрисов здесь практически не отличались от Закавказья. На основании правил 1908 г. из числа знатоков мусульманского права избирались *кади*, по два на область. Назначение на должность они получали только от начальников областей. Младшие *эфенди* ведали вопросами богослужения и обрядности при соборных и квартальных мечетях. Старшие *эфенди* читали пятничные проповеди, регистрировали браки, разрешали в словесных и горских судах споры по брачным и наследным делам, а также проводили метрикацию мусульманского населения. Кади областей надзирали за «приходским духовенством», мечетями и школами при них, проверяли данные статистики метрических книг, а также разбирали в горских и народных судах апелляции на решения сельских судов по вопросам мусульманского права и принимали экзамены на духовные должности.

Права и привилегии легализованной части мусульманской духовной элиты на Северном Кавказе были меньше, чем в Закавказье. Сельские имамы и кади, за исключением членов окружных народных судов Дагестанской области и областных кади, не имели налоговых льгот. Они не получали прав личного дворянства и почетных граждан, оставаясь в податном крестьянском сословии как члены сельских обществ. Источниками существования мусульманского духовенства на Северо-Западном Кавказе были: отчисления от доходов прихожан мечети (по 1 руб. с каждого двора в год), плата за выполнение свадебных и погребальных обрядов, занятия с учениками начальной примечетной школы. Подчеркнем, что, в отличие от Северо-Восточного Кавказа, на Северо-Западном не было вакфов и соответственно отчислений с вакфной собственности.

По букве закона, во второй половине XIX в. территории Терской и Кубанской областей, Черноморского округа (с 1896 г. — губернии) и Ставропольской губернии продолжали входить в юрисдикцию ОМДС, в то время как мусульмане Дагестанской области и Закатальского округа обязаны были обращаться в Закавказские духовные правления. Однако на деле связи мусульманской элиты региона с муфтиятами в Тифлисе были крайне нерегулярными. Ко

второй половине XIX в. практически полностью прервались связи Северного Кавказа и с ОМДС. В Уфу и Тифлис поступило за это время всего несколько отдельных маловажных дел с Северного Кавказа. По справедливому замечанию С.Г. Рыбакова, регион, по существу, выпадал из сферы притяжения обоих муфтиятов[8].

Такое положение, судя по всему, не очень беспокоило мусульманские общины и местную мусульманскую элиту на Северном Кавказе. По крайней мере, северокавказские архивы не сохранили жалоб и прошений такого рода. Однако эта проблема надолго стала головной болью окружного и кавказского начальства. Еще в правление Михаила Николаевича власти пришли к выводу о необходимости создания для региона отдельного муфтията. Однако эти предложения неизменно разбивались в Петербурге о доводы сторонников игнорирования ислама в империи. Тем более что после упразднения Кавказского наместничества Терская и Кубанская области подчинялись Военному министерству, где в целом преобладала эта линия. В ведении Военного министерства оставались и мусульманские учреждения, входившие в военно-народное управление в Дагестанской области и в Закатальском округе. С 60-х гг. XIX в. по начало XX столетия в Тифлисе и Петербурге долго и нудно обсуждалось создание отдельного Духовного управления для мусульман трех областей Северного Кавказа, Черноморской и Ставропольской губерний.

За эти полвека на Кавказе было выработано несколько проектов реорганизации управления мусульманами региона. Наибольший интерес из них представляет проект главноначальствующего гражданской частью на Кавказе генерал-адъютанта кн. А.М. Дондукова-Корсакова. В 1889 г. он ходатайствовал перед военным министром об учреждении Духовного управления для мусульман-суннитов Северного Кавказа, независимого как от ОМДС, так и от Закавказских духовных правлений. Его проект отчасти копировал устройство Духовных правлений в Закавказье. Однако в нем гораздо большие права отводились начальнику области, который назначал духовенство, определял число мулл и приходов (мечетных общин). Лишь низшее духовенство сохраняло выборность, хотя и подлежало строгому контролю со стороны кади и муфтия. Иерархия мусульманского духовенства — от приходского муллы до областного кади и контролировавшего их военного начальства областей — замыкалась на главноначальствующем гражданской частью на Кавказе.

Фактически в проекте Дондукова-Корсакова власти Тифлиса должны были заменить ДДДИИ МВД в области руководства мусульманами региона. Петербургские власти тем самым теряли всякий контроль над религиозной жизнью мусульманского населения Северного Кавказа. Вероятно, именно по этой причине этот план был совершенно неприемлем для петербургской бюрократии. По этой причине центральные власти отклонили проект Дондукова-Корсакова, отдав его в МВД на доработку. ДДДИИ отказался утвердить его.

Вопрос о создании отдельного муфтията для мусульман Северного Кавказа вновь всплыл в начале 1890-х гг., когда была образована комиссия под председательством военного министра и директора ДДДИИ. Однако она ограничилась введением при главноначальствующем гражданской частью на Кавказе должности чиновника по особым поручениям, который обязан был наблюдать за деятельностью «мусульманского духовенства» в регионе. Новый проект Дондукова-Корсакова по управлению мусульманами Кубанской и Терской областей, поданный в Государственный совет в 1893 г., был также отклонен. Дело по проекту тянулось в канцеляриях Петербурга и Тифлиса до 1903 г., когда вопрос о создании северокавказского муфтията был поднят новым главноначальствующим кн. Г.С. Голицыным. Но из-за противодействия петербургских властей его опять не удалось реализовать.

5. Активизация православных миссий на пореформенном Северном Кавказе. Общество восстановления православного христианства на Кавказе и рехристианизация Осетии. Государственная поддержка православных миссий

Наряду с реорганизацией управления мусульманскими подданными России на Северном Кавказе в пореформенное время здесь активизировалось православное миссионерство. Его центром, как и в предыдущую эпоху, оставалась Осетия. Исторически деятельность миссий была связана в основном с Моздоком, хотя кафедра епископа Кавказского находилась в Ставрополе. В конце же XIX — начале XX в. особой активностью отличались православные иерархи Владикавказской епархии, выделившейся из Кавказской епар-

хии. Они немало сил отдавали организации миссионерского движения, для чего регулярно стали проводиться съезды православного духовенства, на которых обсуждались вопросы расширения миссионерской деятельности среди горцев.

Активизация православного миссионерства в немалой степени объясняется деятельностью в регионе незаурядного общественного и церковного деятеля России XIX в. о. Игнатия Брянчанинова. В 1855—1861 гг. он был назначен по решению Синода на учрежденный здесь новый пост епископа Кавказского и Черноморского. Он немало сил отдал христианизации горцев Северного Кавказа. Будучи противником нередко встречавшихся прежде случаев насильственного обращения горцев в православие, Брянчанинов выступал за развитие христианского просвещения среди населения Осетии, Кубани и Черномории.

О. Игнатий Брянчанинов

Деятельность православных миссий охватывала весь Северный Кавказ. Но в основном их работа шла на Центральном Кавказе. Вывод осетинского духовенства из подчинения Грузинскому экзархату и подчинение его непосредственно Синоду в Петербурге по-

могли ему добиться относительного финансового благосостояния, необходимого для проведения активной миссионерской деятельности. Грузинский экзархат стремился к самоокупаемости осетинского духовенства, поэтому ввел правило об обязательной оплате совершения православных треб, на которые и должны были содержаться православные храмы в Северной Осетии (1863). Это в значительной степени отталкивало новообращенных горцев. Многие осетины, оставаясь православными, предпочитали обходиться вообще без услуг священников. Популярность миссий от этого немало страдала. С тех же пор как православное духовенство Северного Кавказа перешло на казенное обеспечение, дела миссионеров поправились.

Новый этап в истории православного миссионерства в регионе и в целом в Российской империи начинается в последней трети XIX в. В это время усилия были главным образом направлены на развитие православного образования на родных языках народов Северного Кавказа. В этом отношении руководители Кавказской епархии следовали по пути, предложенному деятелями миссионерского востоковедения в Казанской епархии, где в то же самое время было создано знаменитое Противомусульманское отделение Казанской духовной академии, выпускались журналы «Православный собеседник» и «Миссионерский противомусульманский сборник», расширялась сеть русско-татарских школ. Идеологом и организатором этого движения был упоминавшийся выше Н.И. Ильминский. Разделяя его взгляды, многие православные иерархи Центрального и Северо-Западного Кавказа поддерживали связи с Казанью. На Кавказ поступала выпускавшаяся в Поволжье миссионерская литература и учебники для тюркоязычных «инородцев».

«Программа-максимум» православных миссий в регионе заключалась в возвращении Северного Кавказа в лоно православия, откуда он уклонился в ислам. С целью обоснования этой цели проводились исторические работы, посвященные изучению средневековых христианских памятников в Осетии, Чечне, Дагестане[9]. В этой программе, финансировавшейся совместно с Кавказским отделом Императорского Русского географического общества, приняли участие профессиональные ученые и историки-любители из числа кавказских военных, упоминавшиеся на этих страницах барон П.К. Услар и генерал А.В. Комаров. При деятельном участии Услара велись работы по кавказской лингвистике и налаживанию среди горцев обучения на национальных языках в противовес му-

сульманским мектебам и медресе. В какой-то степени его деятельность была близка к идеям Ильминского, только не имела столь значительной православной составляющей. Услар основал ряд горских школ в Тифлисе и мусульманских центрах Дагестана, но в целом это начинание не получило поддержки правительства и уже в начале 1870-х гг. было оставлено.

Для координации деятельности ученых, православной церкви и миссионеров при наместнике в 1860 г. было создано «Общество восстановления православного христианства на Кавказе» с центром в Тифлисе. Одним из его создателей был сам наместник кн. А.И. Барятинский, горячо поддерживавший эту идею. В рехристианизации горцев он видел одно из средств противостояния мусульманскому повстанчеству. Сначала «Общество...» находилось в ведении Грузинского экзархата, а в 1884 г. перешло в ведение Святейшего синода. После отставки Барятинского «Общество...» находилось под патронажем наместника Кавказского вел. кн. Михаила Николаевича и получало значительные правительственные субсидии на пропаганду крещения среди туземцев-мусульман и открытие церковно-приходских школ в Елизаветпольской, Бакинской и Тифлисской губерниях.

«Общество...» располагало развитой сетью отделений, в которых в 1892 г. находилось 1248 членов. Ежегодный бюджет составлял к тому времени 148 984 руб. доходов и 128 тыс. руб. расходов. «Общество...» заведовало 156 приходами с 204 храмами и молитвенными зданиями. На его попечении находилось 48 школ, в которых училось 3112 детей (в том числе 560 девочек)[10]. Вопреки первоначальным надеждам основателей «Общества...», собственно миссионерская деятельность не получила в нем особого развития. Оно приобрело скорее охранительный характер. Основными видами деятельности «Общества...» были восстановление и поддержание монастырей в горах, строительство новых храмов, снабжение их иконами и книгами, улучшение быта православного духовенства, открытие церковно-приходских школ, распространение книг православного содержания в народе. Объектом забот «Общества...» было в основном православное и новообращенное население Кавказского края.

Можно выделить несколько основных направлений миссионерской деятельности на пореформенном Северном Кавказе. Прежде всего оно заключалось в открытии новых православных храмов. Во второй половине XIX в. в Северной Осетии было пост-

роено 38 храмов, в Южной — 45. В 60-е гг. служба в храмах Осетии стала проводиться на осетинском языке. Это позволило увеличить число прихожан и способствовало росту посещаемости храмов. Готовились кадры местного православного духовенства. Грузия, занимавшаяся прежде христианизацией осетин, не стремилась в этому. Однако противодействие грузинского духовенства удалось сломить. В Тифлисской духовной семинарии, где продолжали готовить священников-осетин, при посредничестве Синода им стали выделять места и предоставлять российские государственные стипендии.

Сеть церковно-приходских школ и духовных семинарий разворачивалась и на Северном Кавказе. Осетинские православные учебные заведения находились в ведении «Общества восстановления православного христианства на Кавказе». Школы финансировались как «Обществом...», так и Святейшим синодом. Активное участие в этой деятельности принимало Моздокское духовное православное училище. В селении Ардон была организована Александровская духовная миссионерская семинария под руководством известных осетинских священников о. Алексея Гатуева и Алексея Колиева. Ардон вообще стал одним из центров миссионерского православного движения. В 1905 г. здесь был проведен один из съездов Владикавказской епархии. Интересно, что в деятельности Ардонской семинарии и других миссионерских школ в регионе принимали участие и известные деятели «противомусульманского» направления из Казани. Среди них следует отметить будущего епископа Андрея Ухтомского, который сначала работал на Кавказе инспектором Ардонской семинарии в 1895—1897 гг., а в 1911—1913 гг. занимал Сухумскую викарную кафедру. Надо отметить, что связи между православными епархиями Кавказа и Поволжья в этот период были более тесными, чем это обычно представляется.

В последней трети XIX в. появились новые переводы Библии, молитвенников и иной богослужебной литературы на осетинский язык. С этой целью поддерживалось развитие осетинского языкознания. Была создана осетинская азбука. В 1891 г. в свет вышел «Осетинский букварь», составленный Иналом Кануковым. Было налажено книгопечатание на осетинском языке. Этим занималась типография Грузинского экзархата в Тифлисе. Здесь еще в 1860-е гг. были изданы по-осетински Литургия св. Иоанна Златоуста, Послания апостолов и другая православная литература. В начале XX в. в Осетии появилось самостоятельное Осетинское издательское об-

щество «Ир». Стал издаваться осетинский журнал «Христианская жизнь».

Имперские власти, и в особенности иерархи Русской православной церкви, пытались наладить миссионерскую деятельность не только среди осетин на Центральном Кавказе, но и среди «южных лезгин» (т.е. дагестанских горцев Северного Азербайджана) на востоке региона. Однако успехи православного миссионерства на востоке Кавказского края были более чем скромными. К 1885 г. удалось крестить только 207 мусульман (причем более половины — на Центральном Кавказе, в Осетии), а также обратить в православие 219 армяно-григориан и 288 несториан Восточного Кавказа. В школах «Общества...» училось 1417 человек, из которых было лишь 11 мусульман, в том числе один житель Дагестанской области. Наибольших успехов «Общество восстановления православного христианства на Кавказе» добилось в Закатальском округе, где в 1850—1858 гг. было крещено 5442 грузиноязычных мусульманина-ингилоевца[11]. В Абхазии удалось крестить к концу XIX столетия 241 мусульманина и шесть евреев. Около 30 поляков-католиков перешли в православие. В Дигории крещение приняли 23 язычника.

Православное миссионерство вызывало растущее недовольство мусульман в Южном Дагестане и в Северном Азербайджане. Назревало крупное восстание. Участились случаи отпадения новообращенных из православия в ислам. В 1863 г. 9 из 12 новых приходов ингилоевцев вновь отпали в ислам. По этим причинам власти военно-народного управления решили свернуть программу по христианизации уже в 1858 г. Подытоживая неудачи православных миссионеров в регионе, еще в 1864 г. барон Н.Е. Торнау отмечал, что «ввиду несгибаемых религиозных убеждений... несбыточно обращение мусульман по приказу правительства в христиан»[12]. В конце XIX — начале XX в. стало ясно, что программа рехристианизации горцев Северного Кавказа потерпела полное фиаско.

---

[1] Министерство внутренних дел. Исторический очерк. 1802—1902. СПб., 1901. С. 153.

[2] О нем см.: *Арапов Д.Ю.* Ислам в Российской империи // Ислам в Российской империи. Законодательные акты, описания, статистика / Сост. Д.Ю. Арапов. М., 2001. С. 332—335.

[3] См.: *Комаров А.В.* Адаты и судопроизводство по ним // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1868. Вып. I. Отд. I; *Казембек А.К.* Мюридизм и Шамиль. Махачкала, 1991; Записка «Об устройстве судебного быта мусульман» (1863—1864) / Публ. и коммент. В.О. Бобровникова // Сборник Русского исторического общества. Т. 7. Россия и мусульманский мир. М., 2003.

[4] *Werth P.* At the Margins of Orthodoxy. Mission, Governance and Confessional Politics in Russia's Volga-Kama Region, 1827—1905. Ithaca; London, 2002. P. 199.

[5] См., например: *Малов Е.А.* О татарских мечетях в России // Православный собеседник. 1867. № 3. С. 297.

[6] Отзыв великого князя наместника Кавказского председателя Кавказского комитета на проект об управлении Закавказского мусульманского духовенства Шиитского и Суннитского от 15-го января 1869 г. № 673 // ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 2. Д. 14. Л. 2—2об. См. также: Духовные учреждения иноверческих конфессий // Отчет по Государственному совету за 1872 г. СПб., 1874. С. 149.

[7] Обзор Дагестанской области за 1915 г. Темир-Хан-Шура, 1916. Вед. № 18, 11. См. также: С. 57—59.

[8] *Рыбаков С.Г.* Устройство и нужды управления духовными делами мусульман в России // Ислам в Российской империи. Законодательные акты, описания, статистика. С. 270.

[9] См., например: *Ракинт, п-к.* Краткий исторический очерк христианства кавказских горцев со времен св. апостолов до XIX в. / Публ. В.А. Захарова // Сборник Русского исторического общества. Т. 2. Россия и Северный Кавказ. М., 2000. С. 17—27.

[10] Миссионерские общества в России // Энциклопедический словарь. Изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. Т. XIX. СПб., 1896. С. 448. См. также: Отчеты Общества восстановления православия в горах за 1885 год. Тифлис, 1886. С. 102—108. Деятельность общества еще плохо изучена. См. недавнюю работу о нем: *Мусаев М.А.* К вопросу о попытках христианизации Дагестанцев в 50—70-х гг. XIX в. // Наука и молодежь. Махачкала, 2002. С. 99—103

[11] *Эсадзе С.* Историческая записка об управлении Кавказом. Тифлис, 1907. Т. 1. С. 210.

[12] Цит. по: *Мусаев М.А.* К вопросу о попытках христианизации дагестанцев. С. 103.

Глава 12

КУЛЬТУРА И ПОЛИТИКА В XIX — НАЧАЛЕ XX В.

(1) Культурное развитие Северного Кавказа в Российской империи. (2) Роль образования в интеграции региона в империю. Первые светские школы. Аульные начальные школы. Среднее образование. Горские школы. Церковно-приходские школы и школы для инородцев. (3) Просветительство на Северо-Западном Кавказе. Шора Ногмов, Хан-Гирей, Казы-Гирей, Адыль-Гирей. Культура эмигрантов-мухаджиров. (4) Мечетные начальные и средние школы: мектебы и медресе. (5) Мусульманское реформаторство конца XIX — начала XX в. Распространение джадидизма на Северном Кавказе. Мусульманская пресса. Борьба правительства с джадидизмом и панисламизмом. Указ о веротерпимости (1905). Светская и религиозная культура на дореволюционном Северном Кавказе. Театр и библиотеки.

1. Культурное развитие Северного Кавказа в Российской империи

Общественно-политическое и культурное развитие Северного Кавказа на протяжении XIX и начала XX в. в немалой степени определялось вовлечением северокавказских горцев, в первую очередь местной военной и духовной элиты, в общероссийское культурное пространство. Российское правительство вело целенаправленную политику по формированию среди горцев имперской идентичности и сознания. Власти располагали различными «рычагами» для осуществления этой задачи. Одним из важнейших инструментов цивилизаторской политики России на Кавказе стала светская школа и просветительство.

2. Роль образования в интеграции региона в империю. Первые светские школы. Аульные начальные школы. Среднее образование. Горские школы. Церковно-приходские школы и школы для инородцев

Важным средством формирования пророссийски настроенного слоя общественной и культурной элиты на Северном Кавказе служила школьная политика Российской империи. Российская администрация стремилась привязать к себе горцев Северного Кавказа как путем приглашения их на учебу в столичные российские учебные заведения, например в университеты, в горный, технологический и лесной институты и кадетские корпуса, так и путем формирования на российские казенные деньги системы начального, среднего и высшего образования на Северном Кавказе, при одновременном ограничении мусульманского образования.

Ставропольская гимназия в первой половине XIX в.

Первые светские русские школы возникли на Северном Кавказе еще в конце XVIII в. Так, в 1788 г. в Екатеринодаре (ныне г. Краснодар) было открыто первое светское училище, в 1840-х гг. — первые северокавказские пансионы для горских детей. Появились Ставропольская и Екатеринодарская гимназии, которые довольно скоро стали самыми популярными и престижными учебными заведениями. Их окончили многие известные общественные и культурные деятели: Коста Хетагуров (Осетия), Адиль-Гирей Кешев

(Черкесия), Кази Атажукин (Кабарда), Басият Шаханов (Балкария), Далгат Халилов (Дагестан), Чаха Ахриев, Адиль-Гирей Долгиев, Саадал Ахриев, Асланбек Базоркин (Ингушетия). Наиболее успешные выпускники Ставропольской и Екатеринодарской гимназий продолжали свое обучение в столичных учебных заведениях.

Во второй половине XIX в. начался новый период в образовательном движении на Северном Кавказе: российская администрация приняла решение о повсеместном открытии на Кавказе горских школ «для распространения гражданственности и образования между покорившимися горцами и для доставления служащим на Кавказе семейным офицерам и чиновникам средства к воспитанию и обучению детей» (постановление 1859 г.).

На Северо-Западном Кавказе первые русские школы стали появляться с середины XIX в. В 1850 г. в Нальчике была открыта школа военных воспитанников для детей кабардинских князей и узденей (горское отделение). Курс обучения в школе составляли: Закон Божий, турецкий, арабский и русский языки, арифметика. Первые три предмета вел благонадежный мулла, а остальные — уздень первой степени Куденетов, «человек преданный правительству и благонадежнейшего поведения». В 1861 г. была открыта Нальчикская окружная горская школа (1861—1909).

В Дагестане первые русские школы появились во второй трети XIX в., сначала в Дербенте, а в середине XIX в. — в Порт-Петровске и Темир-Хан-Шуре. Наиболее известной стала Темир-Хан-Шуринская окружная горская школа (1861—1874), где помимо русского было введено изучение иностранных языков. Позже школа была преобразована в гимназию, а затем в реальное училище (1880). В 1868 г. первая русская школа была открыта в Ингушетии (Назрани).

С 1870-х гг. начинается новый этап в развитии светского образования в России в целом и на Северном Кавказе в частности. В 1869 г. Министерство народного просвещения Российской империи подготовило и опубликовало «Сборник документов и статей по вопросу об образовании инородцев», в котором отмечалось, что «конечной целью образования всех инородцев, живущих в пределах нашего отечества, бесспорно, должно быть обрусение их» и слияние с русским народом. Идеологом русификации народов на национальных окраинах России стал русский ученый-тюрколог, профессор Казанского университета и Духовной академии Н.И. Ильминский (1822—1891). Им был предложен следующий метод русификации:

создание на первом этапе начальных школ на местных языках народов империи с параллельным изучением русского языка и с переводом обучения на втором этапе полностью на русский язык. Ряд общественных деятелей Северного Кавказа второй половины XIX в. поддерживали деятельность российских русификаторов (Крым-Гирей, Коста Хетагуров и др.).

В это время министром народного просвещения Российской империи Д.А. Толстым был подготовлен план расширения сети начальных школ среди народов Поволжья, Урала, Сибири, Кавказа и Крыма «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев». Еще в 1830-е гг. Российская империя начала создавать систему учебных округов, на которые были поделены российские регионы, но кавказский регион в то время не вошел в эту систему. Долгое время школьное дело на Кавказе было в ведении главноуправляющего Грузией и Закавказьем. Наконец в 1868 г. был учрежден Кавказский учебный округ (попечитель — Я.М. Неверов). С 1870-х гг. были учреждены должности инспекторов училищ и попечителя Кавказского учебного округа, которые занимались строительством светских учебных заведений, подбором и обучением кадров для них, распределением стипендий среди учеников этих школ.

Первый этап организации школ нового типа на Северном Кавказе был неудачен. В середине 1870-х гг. в Кабарде были открыты три русские школы в селениях Кучмазукино, Куденетово Первое, Шалушка. Однако просуществовали они недолго, горцы отказались их посещать. Второй, более успешный этап создания таких школ относится к концу 1890 х гг., когда на всем Северном Кавказе были организованы аульные начальные школы. Так, по данным на 1914 г., в Кабарде и Балкарии было 50 светских школ. Помимо начальных учебных заведений на Северном Кавказе организовывались средние учебные заведения (Владикавказ, Грозный, Пятигорск).

В начале XX в. появились сторонники разделения церковного и светского образования, которые выступали с идеей развития народного просвещения на базе церковно-приходских школ. Идеологи распространения православного миссионерства на национальных окраинах Российской империи, в том числе и православного образования (Н.И. Ильминский, Р.П. Остроумов), предложили реформировать этот процесс. Методы нового миссионерства, необходимость которых была связана со слабостью и непопулярностью

церковно-приходского образования по всей России, обсуждались на православных и миссионерских съездах, проходивших в России в конце XIX — начале XX в.[1].

В начале XX в. возобладала идея государственной народной школы. Так, в 1910-х гг. система начального образования в Осетии полностью перешла из ведения Святейшего синода к Министерству народного просвещения. Вместо церковно-приходских школ стали появляться министерские. Учителей-священников стали заменять осетины со светской педагогической подготовкой, выпускники Тифлисской Александровской учительской школы (позже была преобразована в Александровский институт). В Осетии возникло и стало популярно «Общество распространения образования и технических знаний среди горцев Терской области» (1883).

3. Просветительство на Северо-Западном Кавказе. Шора Ногмов, Хан-Гирей, Казы-Гирей, Адыль-Гирей. Культура эмигрантов-мухаджиров

Начало горского просветительского движения связывается с развитием письменности на местных языках народов Северного Кавказа. До начала XIX в. горцы пользовались арабским, староосманским и татарским языками. Книги религиозного мусульманского содержания на этих языках в арабской графике, в основном по мусульманскому праву, филологии, литературе и поэзии, оставались основой обучения местной мусульманской элиты. Они же составляли круг чтения образованных мусульман региона[2]. Вместе с тем в этот период среди местной северокавказской интеллигенции началось движение за создание письменности на местных языках (Шора Ногмов, Умар Берсей, Кази Атажукин).

Еще в первой половине XIX в. в Ставропольской гимназии, где обучались горцы Северо-Западного Кавказа, адыгом Умаром Берсеем было введено изучение черкесского языка. Кабардинский князь Кази Атажукин открыл в одном из населенных пунктов Кабарды школу для подготовки учителей кабардинского языка. Шапсуг Натоуко Эфендий (Нотаук Шеретлук) работал над созданием алфавита и грамматики адыгского языка. В этом стремлении общественных лидеров поддерживала и русская интеллигенция, которая также активно работала в этом направлении.

Шора Ногмов

В 1829 г. преподаватель Петербургского университета Грацилевский для обучения грамоте кабардинских князей и дворян, служивших в Кавказско-горском полуэскадроне, создал на русской графической основе алфавит кабардинского языка. Кроме Грацилевского на Кавказе работал член Кавказского отдела Русского географического общества Леонтий Люлье, который составил русско-черкесский словарь, разработал алфавит и его грамматику, опубликовав результаты своего труда в Одессе в середине 1850-х гг.

Огромный вклад в развитие культуры народов Северного Кавказа внес русский военный инженер, а впоследствии член Кавказского отдела Русского географического общества барон Петр Карлович Услар (1816—1875), который с начала 1850-х гг. по распоряжению главнокомандующего Кавказской армией начал изучать историю Кавказа, а позже и местные языки. Результаты его исследований оказались наиболее важными для развития письменности дагестанских языков, о которых Услар подготовил пять монографий.

На Северо-Западном Кавказе в первой половине XIX в. появились горцы, стремящиеся к развитию горской культуры, — Шора Ногмов, Хан-Гирей, Казы-Гирей, Адыль-Гирей. Остановимся на судьбах некоторых из них. Так, западный адыг Казы-Гирей (1808—1863), находясь на российской военной службе (в Кавказско-горском полуэскадроне, в Хоперском полку Кубанского казачьего войска, в канцелярии начальника Главного штаба Кавказской армии), некоторое время жил и работал в Санкт-Петербурге, где ему удалось познакомиться с представителями петербургской интеллигенции и их взглядами. Казы-Гирей, выучив в совершенстве русский язык, увлекся литературным творчеством, начал писать статьи на русском языке, которые публиковал в популярном в то время журнале «Современник». Со временем Казы-Гирей стал одним из проводников русской идеологии на Северном Кавказе, о чем свидетельствует подготовленная им в 1846 г. на имя М.С. Воронцова докладная записка «О мероприятиях, необходимых для привлечения местного населения Кавказа на сторону России мирным путем».

Казы-Гирей

Другой западный адыг — Адыль-Гирей (1819—1876) также служил в русской армии (командир Кубанского казачьего дивизиона) и с начала 1860-х гг. также начал заниматься литературным творчеством и изучением быта и традиций горцев Северного Кавказа, подготовив известный ныне среди историков «Очерк горских народов правого крыла Кавказской линии». Во второй половине XIX в. и особенно в конце XIX — начале XX в. на Северо-Западном Кавказе появилась плеяда крупных общественных деятелей — это адыги: Крым-Гирей, Лукман Кодзоков, Паго Измайлович Тамбиев (1873—1928), Талиб Псабидович Кашежев (1866—1931), Бекмурза Пачев, Кази-Бек Ахметуков, Владимир Кудашев, Батыр-Бек Шарданов, Сефербей Сиюхов, Нури Цагов, Адам Дымов, Махмуд Гугов.

Паго Тамбиев получил образование в Закавказской учительской семинарии, затем в Политехническом институте в г. Рига, работал в канцелярии Кавказского учебного округа (Тифлис), а затем на заводах в г. Баку. Талиб Кашежев, окончив Закавказскую учительскую семинарию, поступил на юридический факультет С.-Петербургского университета. Вернувшись в Кабарду, работал переводчиком в Нальчикском горском словесном суде, одновременно занимаясь развитием культуры и образования в Кабарде. Он организовал первую сельскую светскую школу. Карачаевец Ислам Крымшамхалов (1864—1910), служивший в русской армии, получивший образование в Петербурге, занимался литературным творчеством, подготовил ряд статьей о развитии культуры и образования в Карачае.

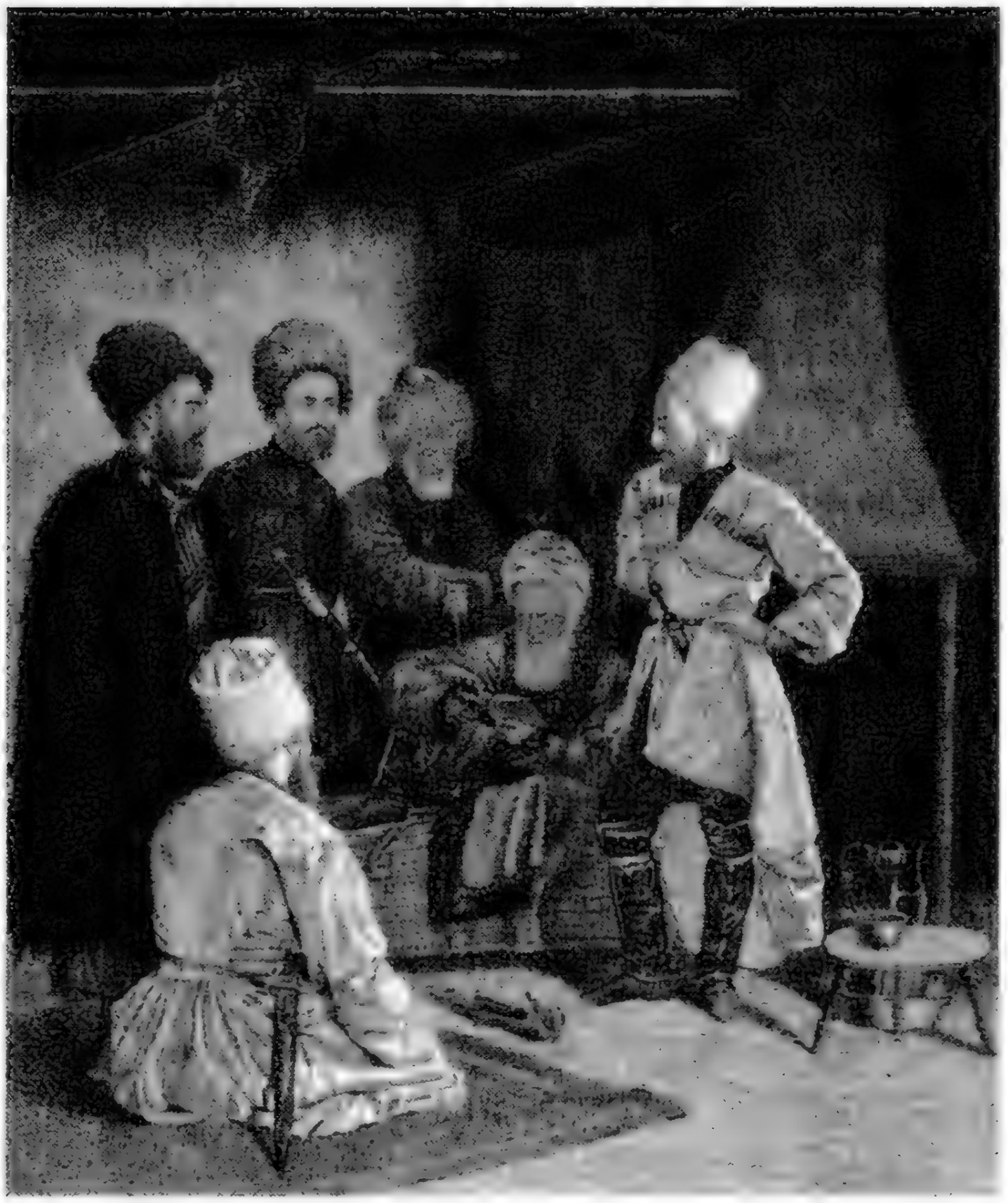
На Северо-Восточном Кавказе это ингуши: Чаха Эльмурзаевич Ахриев (1850—1914), Вассан-Гирей Эльджиевич Джабагиев (1882—1961), это и дагестанцы: Абдулла Омаров, Магомед Хиндиев, Мирза Гасан-Эфенди, Мирза Мухаммед Касим-оглы Казембек (1802—1870). Казембек, получивший глубокое образование по восточным языкам и культурам, стал основоположником развития русского востоковедения в С. -Петербургском университете.

На Центральном Кавказе это осетины: Инал Кануков (1850—1898), братья Джантемыр, Гуцыр и Гацыр Шанаевы, Дрис Сохаев, Ибрагим Шанаев, Алихан Ардасенов (1852—1917), Коста Хетагуров (1859—1906), А.А. Гассиев (1844—1916), Батырбек А. Туганов (1866—1921), Георгий М. Цаголов (1871—1939).

4. Мечетные начальные и средние школы: мектебы и медресе

Мусульманская духовная элита Северного Кавказа с опаской следила за распространением русскоязычного светского образования. Российская администрация не поддерживала попытки мусульманских духовных лидеров на свои средства и по своей инициативе создавать в населенных пунктах мечетские школы. Для учреждения мечетских школ проводили сельские сходы, на которых принимались общественные приговоры о создании. Затем приговоры отсылались для утверждения и финансовой поддержки в Министерство народного просвещения Российской империи. Формально министерство не возражало против создания школ, но денег на их организацию и последующее содержание не выделяло.

Несмотря на противодействие российских властей Кавказского наместничества системе частного исламского образования, примечетные школы в большей или меньшей степени действовали на



Чтение Корана

всем Северном Кавказе в течение XIX в. Сеть их к концу столетия даже расширилась. Во второй половине XIX в. единственной формой образования горцев Северо-Западного Кавказа было обучение в «приходской» примечетной школе (*медресе*). Курс в начальной мечетской школе длился от трех до четырех лет. Преподавание в таких учреждениях строилось на традиционной методике исламского начального образования, в основе которой лежало изучение арабского языка и Корана. Для девочек существовали частные классы для обучения арабскому языку и правилам чтения Корана (*таджвид*).

Мечетские школы делились на *мектебы* (начальные) и *медресе* (школы второй ступени). Первые превалировали на Северо-Западном и Центральном Кавказе, вторые — в Дагестане. В 1855 г. в Темир-Хан-Шуре было открыто первое мусульманское училище, где продолжали обучение горцы со всего Северного Кавказа. Кроме этого дагестанского училища горцы учились в других крупных исламских центрах Российской империи: Бахчисарае, Казани, Бухаре, а также в городах Ближнего Востока: Стамбуле и Каире. Например, выпускник балкарской Кенделенской медресе балкарец Исхак Ахметов продолжил обучение в Каирском университете ал-Азхар, а балкарец Адыхам Гочаев — в Темир-Хан-Шуре. В Каирском университете также учились балкарские *улемы* Сюлемен Чабдаров (1851—1927) и Локман Асанов (1874—1931).

5. Мусульманское реформаторство конца XIX — начала XX в. Распространение джадидизма на Северном Кавказе. Мусульманская пресса. Борьба правительства с джадидизмом и панисламизмом. Указ о веротерпимости (1905). Светская и религиозная культура на дореволюционном Северном Кавказе. Театр и библиотеки

В начале XX в. на мусульманских окраинах Российской империи началось движение за расширение сферы ислама и религиозной свободы и за формирование новой системы мусульманского образования. В Крыму, Поволжье и Туркестане стало развиваться исламское реформаторство. Среди его сторонников выделялся

крымско-татарский общественный деятель Исмаил-бей Гаспринский (1851—1914), выступавший против русификации мусульманских общин России и предлагавший реформировать мусульманскую жизнь. В основу модернизации российского ислама Гаспринским была положена идея реформирования исламского образования путем внедрения нового звукового метода обучения письменности (*усул-и джадид*).

Свою деятельность в этом направлении Гаспринский начал с издания газеты «Тарджуман» («Переводчик»), с помощью которой ему удалось широко распространить свои идеи по всей России, в том числе в Поволжье и на Северном Кавказе. Мусульмане Северного Кавказа имели тесные связи с крымско-татарскими и поволжскими мусульманами. Гаспринский вел активную деятельность по вовлечению мусульман российских окраин и их лидеров из других мусульманских регионов в движение по модернизации ислама. Так, для организации мектебов по новому методу он приезжал в Туркестан. Со временем он вовлек в свое движение и мусульман Северного Кавказа. Многие из них обучались в его школе в Бахчисарае и к началу XX в. находились под влиянием его идей (балкарский эфенди Исмаил Акбаев, карачаевский просветитель Исмаил А. Абаев и др.). Издаваемую Гаспринским в Бахчисарае газету «Тарджуман» выписывали мусульмане всех областей Северного Кавказа (в частности, кабардинский эфенди Исмел Купов).

Исламское реформаторство конца XIX — начала XX в. получило на территории Российской империи (как и на Ближнем и Среднем Востоке) наименование *джадидизма*. Российскими политиками и учеными оно часто связывалось с распространением панисламизма и пантюркизма. Джадидам противостояли *кадимы*, защищавшие старые методы обучения (*усул-и кадим*). Кадимы стремились сохранить за собой руководство мечетями и мусульманскими школами, а также поддержку местных духовных управлений. Наиболее активно джадидизм распространялся в Оренбургском муфтияте. Именно идеологи татарской исламской модернизации стремились провести ряд законов в поддержку этого процесса в Государственной думе (в частности, проект главного редактора исламской газеты Оренбурга «Вакт» («Время»), депутата Думы, татарина Г. Максудова о переустройстве жизни мусульман Оренбурга, в 1911 г.).

На Северном Кавказе движение джадидизма активизировалось в конце 1900-х — начале 1910-х гг. Наиболее активными реформа-

торами ислама на Северном Кавказе стали дагестанские исламские лидеры, в том числе и дагестанские депутаты Государственной думы (И. Гайдаров, М. Далгат). Это во многом было обусловлено тем, что к началу XX в. ряд дагестанских городов, и особенно Темир-Хан-Шура, стали крупными исламскими центрами на всем Северном Кавказе, в том числе и по широте организации исламского образования и издательской деятельности. Первое просветительское общество, тесно связанное с идеями джадидизма, было создано в Дагестане в начале XX в. Дагестанские просветители Али Каяев и Бадави Саидов стали издавать на арабском языке газету «Джаридат Дагистан» (1913—1919), в которой публиковались статьи с критикой старых методов исламского начального и среднего образования. Али Каяев организовал новометодную школу в сел. Кумух.

По данным Департамента полиции МВД России, идеи *джадидизма* и отчасти *панисламизма* имели успех только в Дагестане и Азербайджане, в остальных регионах Кавказа — Кабарде, Осетии и Чечне — широкого распространения не получили. Тем не менее отголоски джадидского движения наблюдались и в этих северокавказских регионах. Идеологами модернизации ислама на Северо-Западном Кавказе стали адыги Сефербей Сиюхов и Нурби Цагов. Родившийся в 1883 г. в Сирии в семье адыгов-репатриантов, переселившихся на Ближний Восток в 1860-е гг., Цагов получил высшее исламское образование в Стамбуле и работал в Черкесском благотворительном обществе.

В Кабарде появилось так называемое баксанское культурное движение, тесно связанное с идеями джадидизма, лидерами которого стали Н. Цагов, А. Дымов, М. Гугов. Были и балкарские исламские улемы, поддерживающие джадидизм: И. Эфендиев, С. Чабдаров, А. Энеев, Ю. Ахметов, Д. Шаваев. Дымов организовал Баксанское медресе, в котором преподавали по методике Гаспринского, а также обучали кабардинскому языку, истории мусульманских стран и истории адыгов. Новометодные медресе были созданы и в Балкарии (медресе сел. Кенделен). Кабардинские и балкарские ученые (*улемы*) и преподаватели (*мударрисы*) подготовили ряд учебников для новометодных учебных заведений Северо-Западного Кавказа.

Несмотря на то что в 1905 г. вышел «Указ об укреплении начал веротерпимости», который предоставлял всем народам свободу вероисповедания, российское правительство учредило Особое со-

вещание по делам веры (под председательством А.П. Игнатьева). Российская администрация рассматривала идеи модернизации ислама, все более распространявшиеся на мусульманских окраинах империи, как попытку государственного переворота. Подъем мусульманского движения начала XX в. был воспринят главой российского правительства и министром внутренних дел П.А. Столыпиным как серьезная угроза «историческим задачам русской государственности». Столыпин активизировал деятельность всех структур центрального и местного аппарата МВД, других министерств и учреждений империи для ограничения деятельности исламских реформаторов. В 1910 г. было образовано Особое совещание с участием представителей МВД, Святейшего синода и Министерства народного просвещения. Совещание подготовило документ «Журнал по выработке мер для противодействия татарско-мусульманскому влиянию в Приволжском крае».

В этот период появились новые мусульманские общественные организации. Члены мусульманской фракции Государственной думы придавали большое значение просвещению мусульман. В 1905 г. депутат М.М. Далгат предлагал на средства российской казны открыть во Владикавказе первую мусульманскую духовную семинарию для подготовки мулл и кадиев для работы в мечетях и шариатских судах Северного Кавказа.

В противовес мусульманскому реформаторству и деятельности мусульманской фракции Думы правительство пыталось создать мусульманскую прессу пророссийского направления. МВД сделало ставку на публициста и политического деятеля родом из черкесских мухаджиров — Кази-бека Ахметукова, более известного под псевдонимом Магомед-бек Хажетлаше[3]. На деньги русского правительства Хажетлаше и Давлет-Гирей Хетогор в 1900-е гг. стали издавать в Париже журнал «Мусульманин» («Мир Мусульманина») на французском и русском языках. В нем печатались статьи об актуальных проблемах развития светского и исламского образования на Северном Кавказе (среди авторов были Магомед Котиев и Ахмет-бек Аллаев). Главным редактором журнала «Мусульманин» был Хажетлаше. Он не раз приезжал в Оренбург для переговоров с местными мусульманами и сотрудниками мусульманской газеты «Вакт», в том числе и с татарским депутатом Государственной думы, членом мусульманской фракции Максудовым.

Результаты процесса формирования российского сознания и идентичности среди северокавказских горцев проявились в начале XX в., когда на Северном Кавказе значительно выросло количе-

ство лиц, которые либо поддерживали Россию, либо относились к российской власти лояльно. В основном российскую власть на Северном Кавказе поддерживали старшины, представители высших сословий, состоявшие на военной службе в русской армии, а также некоторые мусульманские служители. В этот период в горской среде появились люди, ориентированные на русскую культуру.

В XIX в. Россия также всячески поддерживала формирование нового культурного пространства на Северном Кавказе (открытие театров, создание библиотек и т.д.). Это совпало с ростом и значительным расширением во второй половине XIX в. горского просветительского движения, в основе которого было стремление северокавказской интеллигенции, сформировавшейся в стенах столичных российских учебных заведений и под влиянием столичной культурной жизни, к национальному просвещению, к созданию письменности на местных языках, к открытию школ с обучением на местных языках, к развитию научных исследований по Кавказу, к созданию национальной художественной литературы.

Во второй половине XIX в. на Северном Кавказе при поддержке российской администрации стали появляться библиотеки, театры и другие культурно-просветительские учреждения. Первая библиотека в этом регионе была организована в Ставропольской гимназии в 1866 г. Позже появились крупные библиотеки в Дагестане, например при реальном училище в Темир-Хан-Шуре. В 1860—1870-е гг. в Осетии были укомплектованы библиотеки во Владикавказском клубе, в Ольгинском училище и в Терском областном правлении. Там же появился и первый театр — Владикавказский русский театр (1871), а также музыкальное училище, руководителем которого стал выпускник Московской консерватории Л.Ф. Кетхудов (1890). Театры стали появляться и в других регионах Северного Кавказа, например театр Парумбекова в Дагестане (1889).

---

[1] См. следующие опубликованные материалы: Третий Всероссийский миссионерский съезд. Казань, 1897; Миссионерский съезд. Нижний Новгород, 1907; Четвертый Всероссийский миссионерский съезд. Киев, 1908; Миссионерский епархиальный съезд. Казань, 1910.

[2] См. подробнее: *Бабич И.Л.* Этапы распространения ислама в Кабарде и Балкарии // Бабич И., Ярлыкапов А. Исламское возрождение в современной Кабардино-Балкарии: перспективы и последствия. М., 2003. С. 50—51.

[3] См. о нем: *Хашхожева Р.Х.* О Кази-беке Ахметукове (Магомед-беке Хаджетлаше) и его потомках // Генеалогия Северного Кавказа. 2000. № 4.

Глава 13

РЕВОЛЮЦИЯ 1905—1907 ГГ. И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

(1) Особенности Первой русской революции на Северном Кавказе. Отношение горцев и казаков к революционному движению. (2) Слабость и сила революции на Северном Кавказе. Причины революции. Влияние Русско-японской войны. Участие горцев и казачества в волнениях 1905—1907 гг. (3) Периодизация революции: начало (май — сентябрь 1905 г.), пик (октябрь 1905 — январь 1906 г.), спад революционного движения (февраль 1906 — лето 1907 г.). Революционные волнения на железной дороге, в городах и деревне. Советы. (4) Армянские и еврейские погромы в городах. Абреки, революционеры и правительство. Зелимхан Гушмазукаев, Буба Икринский и Дели-Али. (5) Участие горцев в подавлении революции в Закавказье и Южной России. Алиханов-Аварский в Грузии. Отряды горской стражи в Поволжье. (6) Итоги революции на Северном Кавказе. Столыпинская реформа и отмена выкупных платежей. Восстановление Кавказского наместничества. (7) Горцы и казаки в Думе. Мусульманская фракция и политические партии на Кавказе. Мусульманская пресса. Социал-демократы. Формирование местной политической элиты.

1. Особенности Первой русской революции на Северном Кавказе. Отношение горцев и казаков к революционному движению

Первая русская революция (1905—1907) серьезно подорвала власть Российской империи не только в центре, но и на восточных

окраинах. Она продемонстрировала непрочность «старого режима», близость его скорого и кровавого конца. Вместе с тем революция вскрыла неравномерность политического и социального развития страны, серьезные противоречия, а порой отсутствие понимания между имперской элитой и политической оппозицией режиму. В Кавказском крае главные очаги революционного движения оказались сосредоточены в крупных промышленных центрах Закавказья — Тифлисе, Кутаисе, Батуме, Поти, Баку. Большие города Закавказья испытали в 1905—1907 гг. ужасы безвластия и политического террора. С осени 1905 г. крестьянские волнения охватили почти всю Грузию и Северо-Западный Азербайджан. На Северном Кавказе годы Первой русской революции оказались гораздо спокойнее.

Общую ситуацию в регионе ярко обрисовал ее очевидец, жандармский офицер генерал-майор Б.Н. Полозов, принимавший активное участие в подавлении революции на Восточном Кавказе:

«Революция 1905—1907 годов на Кавказе протекала не повсюду одинаково. Здесь она имела иной характер, нежели в других частях империи... Чечня, Ингушетия, Кабарда, Дагестан и остальные мусульманские области оказались чужды политическим требованиям русских революционных партий. Они на деле доказали свою преданность Белому Царю и верность России, охотно вступая в ряды формировавшейся тогда в центральных губерниях конной стражи из добровольцев. Правда, в Терской области, где оперировал неуловимый Зелимхан, число абреков несколько увеличилось. Политика не политика, а отчего же не поразбойничать и не свести счеты с кровниками, благо полиция и войска заняты, одни — рабочими беспорядками на нефтяных полях, а другие ослаблены выделением частей в Маньчжурию, на войну с Японией.

В общем же на Северном Кавказе было сравнительно тихо, зато на юге, в Закавказье, т.е. в Грузии и Азербайджане, картина была совсем другая. Экспроприации, похищения с выдачей пленников за выкуп и террористические акты продолжались и тогда, когда повсюду жизнь уже вошла в обычную колею... Так было в Грузии, включая и Черноморское побережье. В Азербайджане обстановка сложилась совершенно иначе. Баку, его район и рыбные промыслы на Каспийском море, шли общим революционным путем рабочих беспорядков, но внутренние пределы Азербайджана испытали еще и все ужасы армяно-татарской резни»[1].

Сходные оценки событиям 1905—1907 гг., только не в столь оптимистических, а скорее в пессимистических тонах, давали представители противоположного, революционного лагеря[2].

2. Слабость и сила революции на Северном Кавказе. Причины революции. Влияние Русско-японской войны. Участие горцев и казачества в волнениях 1905—1907 гг.

Меньший размах революционного движения на Северном Кавказе объясняется целым рядом причин. Главной из них было отсутствие в регионе крупных городов, охваченных политическим революционным брожением. Хотя при российском управлении с 1863 по 1897 г. численность горожан на Кавказе и возросла более чем в 2,5 раза, но произошло это в основном за счет Закавказья, Грузии и Азербайджана, где революция проходила более бурно. В конце XIX в. в Дагестанской области городское население составляло всего 7,8% (44,6 тыс. чел.). В Кубанской области горожан было 11,5%, в Терской — 12,8%. Только на северо-западе региона доля городского населения была существенно выше: 34,2% в Черноморской губернии[3]. Как уже отмечалось, в начале XX в. население региона продолжало жить за счет сельского хозяйства. Кроме того, росту революционного движения в регионе мешали этноконфессиональные барьеры. Горцы-мусульмане и казачество почти не были представлены в быстро революционизировавшихся городах. Большинство городского населения здесь составляли переселенцы из внутренней России. Так, в 1897 г. во Владикавказском округе Терской губернии русские составляли более 70% горожан. В Кабарде и Карачае вообще не было городов.

В большей части Дагестанской области действовало военно-народное управление, по которому местное мусульманское население исключалось из общей судебно-административной системы империи. Дагестанцы не были полностью интегрированы в российское правовое и политическое пространство. На территории области действовали не общероссийские, а местные правовые нормы, основанные на адате и шариате. Даже официальным языком власти и права здесь был не русский, а арабский язык (и отчасти тюркский). Горцы-мусульмане Терской и Кубанской областей, а также будущей Черноморской губернии, как уже говорилось, были выведены в 1872 г. из ведения гражданских властей и переданы под управление военной администрации с подчинением Военному министерству. Все это создавало барьер непонимания между горцами-мусульманами Северного Кавказа и остальными россий-

скими подданными, мешало распространению в регионе революционных настроений и надежд.

Углублению революции в регионе сильно мешало также существование трех казачьих войск — Кубанского, Терского и Астраханского. За ними были закреплены большие массивы земель, включая некоторые города, например Грозный. Казачество оставалось относительно замкнутым самоуправляющимся привилегированным военным сословием и одной из главных опор российского владычества на Кавказе. Немалый доход войско получало от находившихся в его совладении соляных промыслов, каменоломен и нефтяных участков. Они были в «вечном пользовании» казачества и не облагались государственными налогами и повинностями. Ежегодно аренда этих земель давала войсковой казне около 2 млн. руб. Несмотря на целый ряд реформ последней трети XIX в., казачество не удалось полностью интегрировать в общеимперские политические и экономические структуры. Недаром на Дону провалилась в других регионах успешная земская реформа конца XIX в. К Первой русской революции казаки Северного Кавказа отнеслись так же холодно, как и горцы-мусульмане.

Вместе с тем не следует преуменьшать значение Первой русской революции на Северном Кавказе[4]. Действительно, в отличие от Центральной России, основная масса населения региона приняла революцию холодно. Революционная анархия парализовала нормальную жизнь лишь в городах на юге Кавказского края. На Северном Кавказе перестала работать система путей сообщения, в первую очередь сеть железных дорог. Власть в областных центрах и на местах существенно ослабла. Большая часть русских войск, расквартированных в регионе, была отправлена в 1903 г. на фронт в Маньчжурию, на войну с Японией. Из горцев-мусульман, на которых всеобщая воинская повинность не была распространена, на войну было отправлено в мае 1904 г. 1200 добровольцев. Они образовали два конных полка — Дагестанский под командованием полковника Хан-Нахичеванского и Терско-Кубанский под командованием полковника Плужина. В январе 1906 г. оба полка были возвращены с Дальнего Востока на Кавказ и в августе того же года расформированы. В результате революционной анархии и военных поражений уважение горцев-мусульман и казачества к империи было сильно подорвано.

Как и во внутренних регионах России, толчком к революции на Кавказе послужило поражение России в Русско-японской войне

(1903—1905), известия о котором распространялись как центральной прессой, так и через возвращавшихся на родину участников войны. Революционное движение здесь началось намного позднее, чем в Петербурге, Москве и Центральной России. Ни Всеобщая петербургская стачка, ни Кровавое воскресенье 9 января не вызвали сильного отклика на Северном Кавказе. Только к лету 1905 г. революционное брожение началось среди рабочих и служащих в небольших, но важных промышленных городах и транспортных центрах Терской и Кубанской областей, Ставропольской и Черноморской губерний — Владикавказе, Грозном, Минеральных Водах, Армавире, Ставрополе, Новороссийске. В мае—августе 1905 г. здесь начались первые стачки и забастовки на железной дороге и нефтяных промыслах.

3. Периодизация революции: начало (май — сентябрь 1905 г.), пик (октябрь 1905 — январь 1906 г.), спад революционного движения (февраль 1906 — лето 1907 г.). Революционные волнения на железной дороге, в городах и деревне. Советы

Периодизация Первой русской революции на Северном Кавказе в целом не сильно отличается от общероссийской. Тут она также прошла три этапа развития[5]. Первый этап (май—сентябрь 1905 г.) был временем революционного подъема и политического оживления в городах региона. На этом бескровном этапе революция распространялась вширь с северо-запада на юго-восток. Во Владикавказе, Грозном, Минеральных Водах, Ставрополе начались политические митинги и демонстрации городских служащих, учащихся и местной интеллигенции под лозунгом «Долой самодержавие!». Отдельные митинги и стачки проходили летом и в сентябре 1905 г. среди рабочих на Владикавказской железной дороге. Линия этой железной дороги, пересекавшая весь Кавказский край с северо-запада на юго-восток, от Ростова-на-Дону и Новороссийска через Владикавказ, Грозный вплоть до Баку, послужила основным путем распространения революции в регионе.

Этап наивысшего подъема революции пришелся на октябрь 1905 — январь 1906 г. В это время революция перешла в фазу вооруженного сопротивления правительству. Начавшаяся в октябре

Всероссийская политическая стачка охватила Владикавказскую железную дорогу. В эти месяцы во всех городах и транспортных центрах Северного Кавказа проходили бесконечные стачки, политические митинги и демонстрации, многие из которых оканчивались кровопролитными столкновениями с войсками. В Терской и Кубанской областях волнения охватили Пятигорск, Эльхотово, Нальчик, Георгиевск, Ардон, Алагир, Садон, Мизур. В Дагестане неспокойно было в Порт-Петровске и Темир-Хан-Шуре. В Новороссийске, Сочи, станице Тихорецкой на Кубани и в Минеральных Водах произошли вооруженные восстания, которые были жестоко подавлены силами полиции и жандармерии. В Новороссийске в ноябре—декабре 1905 г. все действия восставших направлялись Советом рабочих депутатов.

На этом этапе революционное брожение перекинулось на деревню, в равнинные и предгорные районы Адыгеи, Кабарды, Северной Осетии, Чечни и Дагестана. Пользуясь ослаблением государства, крестьяне повсеместно отказывались платить налоги и выполнять повинности в пользу казны, захватывали казенные и частные угодья, производили вырубки казенных лесов, поджигали хутора-*кутаны* на отгонных пастбищах. Волнения охватили в основном Кубанскую область, Темир-Хан-Шуринский и Кайтаго-Табасаранский округа Дагестана. В Дагестане восставшие образовали свое правительство — «Крестьянский центр», руководивший действиями сельских общин Темир-Хан-Шуринского округа[6]. Между восставшими и высланными на подавление бунтов войсками происходили вооруженные стычки. В целом же революционное движение в городах и на железной дороге не нашло широкого отклика среди мусульманского крестьянства и казачества. Гораздо более опасным для властей оказалось разложение армии. Воинские части, расквартированные возле революционных центров на равнине, пришли в волнение. 12 декабря 1905 г. взбунтовался Осетинский конный дивизион во Владикавказе. 16 декабря восстал 2-й Урюпинский казачий полк на Кубани.

С февраля 1906 г. революционное движение на Северном Кавказе пошло на убыль. Окончательно революция здесь была подавлена к лету 1907 г. Это время составляет третий, завершающий этап революции. Он ознаменовался отдельными крупными, но разрозненными бунтами в городах и селениях, на промыслах и железной дороге. Летом 1906 г. была проведена всеобщая забастовка на Грозненских нефтяных промыслах. Крестьянские бунты продолжались

в Осетинском округе и Нагорном Дагестане. Они охватили чеченские селения и казачьи станицы Веденского и Грозненского округов Терской области. В июле 1906 г. взбунтовался расквартированный в Южном Дагестане 83-й Самурский пехотный полк. С весны—лета 1906 г. инициативу перехватило правительство. Начались массовые расправы с восставшими. В городах проходили массовые аресты рабочих и служащих, в сельской местности действовали карательные отряды. Многие мятежные селения в Осетии подверглись артиллерийскому обстрелу. С замиренных горцев взимали огромную контрибуцию.

4. Армянские и еврейские погромы в городах. Абреки, революционеры и правительство. Зелимхан Гушмазукаев, Буба Икринский и Дели-Али. 5. Участие горцев в подавлении революции в Закавказье и Южной России. Алиханов-Аварский в Грузии. Отряды горской стражи в Поволжье

В 1906—1907 гг. столкновения между сторонниками правительства и революционного лагеря приняли в отдельных местах национальную и конфессиональную окраску. На юге Дагестана произошли столкновения между шиитами и суннитами, были отдельные случаи армянских погромов. В этом нельзя не видеть влияния кровавых погромов и резни армян, начавшихся еще на втором этапе революции в Восточном Закавказье — городах Баку, Шуше, Нахичеване, Ереване, Елизаветполе и других местах со смешанным христианско-мусульманским населением. В ответ на насилия мусульман горцы-армяне Карабаха поголовно вырезали азербайджанские селения. Межэтнические столкновения на Восточном Кавказе продолжались до 1906 г. С другой стороны, в городах с еврейским меньшинством на Северо-Западном Кавказе произошли отдельные еврейские погромы. Они отмечены в Армавире, Майкопе, станице Тихорецкой. Только к концу лета 1907 г. обстановка в регионе нормализовалась.

Своеобразной формой сопротивления властям в годы революции на Северном Кавказе стало абречество, подъем которого пришелся как раз на 1905—1907 гг. В связи с общим ослаблением власти в горных и предгорных районах Терской, Кубанской и Даге-

станской областей, а также в Северном Азербайджане появились банды разбойников-*абреков*. Абреческое движение продолжалось и после подавления революции в городах региона. На 1910-е гг. падает деятельность самых прославленных кавказских абреков. В Терской области оперировали Зелимхан Гушмазукаев из чеченского селения Харачой и Саламбек Гараводжев из ингушского села Сагопш. В Южном Дагестане в 1905—1913 гг. абрек Буба из лезгинского селения Икра с шайкой из 20 человек терроризировал все побережье Каспия от Баку до Петровска (совр. Махачкала). Благодаря поддержке местных жителей он мог за считанные дни довести свой отряд до 200 человек. В Северном Азербайджане прославились абреки Ших-заде Кубинский и Дели-Али.

Действия банд локализовались в районе городов и крупных селений на равнине и в предгорьях. Например, упомянутый выше Буба взимал дань в Дербенте: «На всем протяжении берега Каспийского моря от Баку до Петровска каждый рыбный промысел, крупных садовладельцев и богатых купцов г. Дербента он обложил взносом соразмерно своих операций»[7]. Из городов он получал оружие и амуницию. Укрывались абреки в труднодоступных горных районах. Например, когда Зелимхан Гушмазукаев (1872—1913) похитил 27 марта 1910 г. 18 тыс. руб. из Кизлярского казначейства, то укрылся с деньгами в горной Чечне. Это была месть бывшему атаману Кизлярского отдела Вербицкому за выступления против Зелимхана в газетах[8].

Абреки еще не поддерживали городских революционеров. В то же время в годы Первой русской революции постепенно происходила определенная политизация абречества. Вожаки сельских банд начали вмешиваться в экономические и религиозные дела горского общества. Сельским и окружным властям приходилось выполнять их требования об уменьшении налогового обложения горцев. Упомянутый нами Буба как-то запретил горянкам-суннитам идти осенью на сезонные промыслы к шиитам Дербента. В Терской и Кубанской областях абреки нередко вставали на сторону восставших. На карательные меры властей они отвечали террором. В отместку за расстрел солдатами Ширванского полка 17 чеченцев на базаре в Грозном 17 октября 1905 г. Зелимхан Гушмазукаев остановил возле станции Кади-юрт пассажирский поезд, ограбил его и расстрелял 17 русских пассажиров.

Основным методом борьбы правительства с абречеством были военные рейды и карательные экспедиции. Причем средство это

всегда было весьма дорогостоящим, но не всегда эффективным. В 1908—1913 гг. власти Дагестанской и Терской областей вынуждены были держать в районах действия абреков (в частности, в Кайтаго-Табасаранском и Темир-Хан-Шуринском округах) значительные отряды регулярных войск, конной стражи и горской милиции (иррегулярной жандармерии из горцев-добровольцев). К 1913 г. наиболее видные абреки были истреблены: Зелимхан Гушмазукаев погиб в бою с конной стражей, Буба Икринский и Саламбек Гараводжев из Сагопша сдались властям и по приговору военно-полевого суда были повешены[9]. К началу Первой мировой войны Северный Кавказ был вновь замирен.

Абрек Буба с товарищами, погибшие в бою с жандармерией.1913 г.

В последние годы революции некоторые абреки перешли на сторону властей и борьбой с революционным повстанчеством постарались заслужить себе прощение. Характерный случай такого рода произошел на границе Южного Дагестана, Грузии и Северного Азербайджана. Абрек по прозвищу Дели-Али (азерб. «Храбрец Али»), шайка которого много лет действовала в этих местах,

достигнув 60-летнего возраста, решил бросить набеги и «уйти на покой». Случай совершить задуманное произошел летом 1906 г. Когда на виноградники кн. Голицына напал отряд восставших рабочих, входивших в большевистскую Армию революции, Дели-Али с 16 абреками наголову разбил восставших и спас жизнь управляющему имением. При поддержке последнего ему удалось добиться у императора Николая II помилования для себя и своей шайки[10].

Во время революции кавказцы вообще нередко поддерживали правительство. О роли казачества в подавлении волнений рабочих в Центральной России неоднократно и много писалось. Несколько хуже известно про участие горцев-мусульман в усмирении крестьянских бунтов. Показательна в этом отношении судьба генерал-лейтенанта Максуда Алиханова-Аварского[11]. Выходец из мусульманской знати Аварии, отличившийся в русско-турецкой войне 1877—1878 гг., при покорении Хивинского ханства (1873) и в туркменских походах русских войск в Средней Азии, он дважды посылался в Гурию и Эриванскую губернию во главе 2-й Кавказской казачьей дивизии для подавления беспорядков в 1905 г. Когда отряд грузинских революционеров, захватив железную дорогу на Тифлис, чуть не низложил наместника, Алиханов-Аварский был назначен временным генерал-губернатором Тифлиса. Порядок был восстановлен. В три месяца 1906 г. им была усмирена Кутаисская губерния. На него было устроено два покушения. Погиб он 3 июля 1907 г. от бомбы, брошенной революционерами-террористами в г. Александрополе.

В подавлении революционных выступлений на Кавказе и в России участвовали не только мусульмане офицеры, но и простые горцы. В 1906—1907 гг. в Дагестанской, Кубанской и Терской областях формировались отряды конной стражи, которые наряду с полицией и казаками использовались для разгона демонстраций на Кавказе и за его пределами. Добровольцы из Нагорного Дагестана помогали властям в осуществлении карательных экспедиций в селах Ставрополья и Поволжья. Сохранились свидетельства о деятельности этих отрядов в Саратовской области и других районах центрального и южного Поволжья вплоть до начала 1910-х гг. Отряды конной стражи из горцев охраняли помещичьи усадьбы, помогали губернским властям собирать налоги и подати в деревне, а при необходимости жестоко усмиряли бунтующих крестьян, подвергая их массовым поркам и избиениям[12].

Из числа мусульман-добровольцев формировались не только карательные отряды иррегулярной жандармерии, но и отдельные воинские части. С началом Первой мировой войны из горцев-добровольцев на Северном Кавказе вновь были набраны Дагестанский, а также Чеченский и Ингушский конные полки и Осетинская пешая бригада. Чеченский полк был сформирован на деньги крупного чеченского предпринимателя, главы фирмы «Алданская нефть» Абдул-Меджида Чермоева из г. Грозный. Все эти воинские формирования вместе с казачьими частями образовывали Кавказскую туземную конную дивизию, более известную под своим неофициальным названием «Дикая дивизия» (1914—1917). Она действовала на Юго-Западном и Кавказском фронтах, сначала под командованием вел. кн. Михаила Александровича (до 1916 г.), а затем — кн. Д.П. Багратиона.

6. Итоги революции на Северном Кавказе. Столыпинская реформа и отмена выкупных платежей. Восстановление Кавказского наместничества

Первая русская революция принесла народам Северного Кавказа не только кровь, слезы и разрушения. Революция ускорила осуществление целого ряда назревших преобразований в общественном устройстве региона. В первую очередь это касалось изменений в системе землевладения и управления. Крестьянские волнения, не прекращавшиеся еще несколько лет после окончания революции, вынудили власти пересмотреть аграрное законодательство. В 1913 г. в Южном Дагестане и Кабарде были отменены выкупные платежи, которые временнообязанные крестьяне (бывшие чагары и раяты) выплачивали местной мусульманской знати с эпохи Великих реформ 1860-х гг. По закону от 7 июля 1906 г. все без исключения слои временнообязанных освобождались от повинностей на условии выплаты десятикратной суммы ежегодных платежей владельцам земель.

Создавался фонд из части казенных земель. Для покупки этих и частновладельческих земель было образовано «Дагестанское областное по поселянским делам присутствие». В его состав вошли двадцать мировых посредников, управляющий Бакинской казенной палатой, начальники управлений земледелия и казенных иму-

ществ по Бакинской губернии и Дагестанской области во главе с генерал-губернатором области. Мировые посредники устанавливали выкупную сумму и распределяли ее между дворами бывших раятов. Жалобы на их действия рассматривались в Дагестанском областном присутствии. Аналогичные органы для осуществления аграрной реформы были созданы в Терской и Кубанской областях[13]. Они начали работать в 1914—1915 гг.

Как и в Центральной России, где в это время проходила Столыпинская реформа, в 1913 г. правительство решило сделать ставку на развитие в мусульманской деревне частного начала вместо общинного, которое до тех пор поддерживалось. Власти пытались опереться на разбогатевшую в пореформенное время верхушку деревни. Крестьянам Северного Кавказа разрешался выход из общины. Крестьянин получал право требовать отделения надельных участков в отруб и даже выселиться на отдельный хутор. Осуществление реформы началось в регионе позже, чем в Центральной России, в 1913 г. Проведению ее в жизнь тут помешала начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война. Кроме того, в деревне начались волнения, вызванные разделом общинных земель на частные участки. Так, в 1913 г. в Кабарде, в ответ на передачу общинных пастбищ по р. Залке в исключительное пользование местных коннозаводчиков, началось массовое восстание. Волнения охватили часть равнинной Чечни и Южного Дагестана.

Перед началом Столыпинской реформы был издан ряд нормативных актов, которые должны были подготовить основу для ее проведения. К числу важнейших относились: Указ об отмене круговой поруки, позволивший ограничить власть сельской общины над хозяевами, желавшими отделиться от нее (1903), Законодательный акт о предоставлении крестьянам права свободного выхода из общины с закреплением в собственность отдельных хозяев участков из общинной земли в размере паевого надела (1906), Указ об уравнении крестьян в гражданских правах (1906). Сначала на казачьих и крестьянских землях в степном Предкавказье, а затем и на отдельных горских территориях начали работать землеустроительные комиссии, занимавшиеся подготовкой размежевания земель по реформе.

В 1907 г. такая комиссия под председательством Янушевича была образована в Ставропольской губернии. Был учрежден Ставропольский комитет о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Обсуждались проблемы изменения статуса иногородних

переселенцев в случае проведения Столыпинской реформы. В 1906—1908 гг. в Кубанской и Терской областях работала комиссия по исследованию земель нагорной полосы рек Терек и Кубань (под председательством юрисконсульта Штаба Кавказского военного округа Абрамова). Подготовленный ею проект земельного реформирования был предоставлен в канцелярию Генерального штаба Военного министерства. Заключение комиссии Абрамова во многом совпало с главным принципом реформы Столыпина: комиссия предлагала, сохранив основы общинного землепользования и землевладения, предоставить горцам, крупным землевладельцам, право выхода из общины.

В Осетии был подготовлен проект о земельных правах сельских обществ горцев. Здесь была образована землеустроительная комиссия под председательством советника областного правления Г.А. Вертепова. В результате работы комиссии был подготовлен законопроект о статусе временнопроживающих, к которым в Осетии причисляли тех, кто покинул свою общину и самовольно переселился в другое селение на равнину, где им отказывались предоставлять общинные наделы (1907). В 1909—1913 гг. тут работала комиссия под председательством старшего помощника начальника Владикавказского округа кн. Макаева.

В начале 1910-х гг. в целом по России и на Северном Кавказе был подготовлен ряд документов, менявших основы крестьянского землевладения: Закон «Об изменениях и дополнениях некоторых постановлений о крестьянском землевладении» (1910), Положение о землеустройстве (1911), согласно которому, во-первых, распределение общинных земель и дележ их на паи могли производиться принудительно, без согласия всех членов общины, и, во-вторых, был облегчен выход хозяйственника из общины для создания частных хозяйств двух видов: хуторов и отрубов, путем голосования простым большинством.

Тяга к выходу из общины на Ставрополье была большей, чем в целом по стране. Заявления об укреплении земли в единоличное владение подала почти половина крестьянских дворов. Однако для выхода из общины требовалось согласие остающихся членов, поэтому только одна седьмая часть крестьян, решивших выделиться, получила на это право. Напрямую столыпинское аграрное законодательство не распространялось на казачье и горское население Северного Кавказа, тем не менее оно затронуло и здесь основы сельского хозяйства. С одной стороны, были сохранены основы

общинного землевладения в казачьих и горских общинах, которые, в сущности, с экономической точки зрения сохранять было невыгодно, однако сохранение общинной структуры у казаков и горцев отвечало геополитическим целям Российской империи на Северном Кавказе.

Кроме землеустройства существенные перемены произошли в области центрального управления Кавказским краем. Если в центре империя приобретала черты конституционной монархии, то на Кавказе и других восточных окраинах после революции происходило укрепление авторитарных элементов имперского строя. Демократизации институтов власти тут не произошло. Вместе с тем еще в начальный период революции правительство взяло курс на усиление судебно-административной автономии Кавказского края при известной децентрализации его управления. Зависимость Кавказа от центральных министерств и ведомств Петербурга была ослаблена. В чем-то положение региона в империи напоминало статус автономных Царства Польского и Великого княжества Финляндского.

Еще в 1905 г. указом Николая II было восстановлено Кавказское наместничество с центром в Тифлисе (упраздненное в 1881 г., после отзыва последнего наместника вел. кн. Михаила Николаевича в Петербург). Наместником назначили бывшего министра императорского двора и уделов графа И.И. Воронцова-Дашкова (1905—1915). Ему поручили подготовить новое Положение об управлении Кавказским краем. В руках наместника была сосредоточена высшая военная, исполнительная и судебная власть на Кавказе. Он входил в состав Совета министров. При наместнике был создан Консультативный совет. На местах в целом сохранялась прежняя система управления[14]. В Дагестанской области по-прежнему действовал режим военно-народного управления, при котором коренное мусульманское население управлялось в основном по местному обычному и мусульманскому праву под контролем российского военного начальства. Элементы этого режима сохранялись также среди горцев-мусульман Терской и Кубанской областей. Определенную автономию в организации власти и общества сохранили Терское и Кубанское казачьи войска.

7. Горцы и казаки в Думе. Мусульманская фракция и политические партии на Кавказе. Мусульманская пресса. Социал-демократы. Формирование местной политической элиты

Коренное население Северного Кавказа, как и остальные подданные империи, получило доступ к созданным в ходе революции конституционным представительным учреждениям империи. На основании принятого 11 декабря 1905 г. избирательного закона кавказцы получили доступ к выборам в Государственную думу, центральное учреждение с правами законодательной инициативы и утверждения государственного бюджета страны. Выборы были не прямыми и не всеобщими. Права голоса были лишены женщины, солдаты, матросы, учащиеся, батраки и рабочие, занятые на мелких предприятиях, которых на Северном Кавказе было множество. Нормы представительства сословий были неравны: 1 голос дворянина приравнивался к 3 голосам предпринимателей, 15 голосам крестьян и 25 голосам рабочих. Исход выборов определялся соотношением числа выборщиков. Выборы были не прямые: для крестьян — четырехстепенные, для рабочих — трехстепенные, для дворянства и буржуазии — двухстепенные. Был введен возрастной ценз (25 лет), а для горожан также высокий имущественный ценз.

Образование Государственной думы открыло для верхушки казачества и мусульман Северного Кавказа путь в высшие эшелоны власти империи. К 1905—1907 гг. в самом регионе еще не сложилось сколь-нибудь значительной местной политической элиты, вставшей в оппозицию к правительству. После появления в империи сословно-представительных учреждений началось формирование общероссийской оппозиционной политической элиты, в состав которой влились и депутаты с Кавказа. В центре империи стала образовываться обособленная от Кавказа политическая кавказская диаспора. В Государственной думе I созыва (27 апреля — 9 июля 1906 г.) было еще очень мало депутатов с Кавказа. Выборы здесь намного запоздали. Активность в них кроме русских и грузин проявила в основном мусульманская военная и духовная элита Закавказья. Поэтому мусульмане и казачество Северного Кавказа практически не были представлены в Думе. В ней было 25 мусульманских депутатов (в том числе девять из Закавказья и чеченец Таштимер Эль-

дарханов из Терской области)[15]. Депутаты с Северного Кавказа подъехали к Петербургу уже накануне разгона Думы.

Манифестом от 9 июля 1906 г. Дума была распущена. Ей было инкриминировано то, что «выборные от народа вместо работы строительства законодательного уклонились в не принадлежащую им область»[16]. Несогласные с этим решением, 180 депутатов собрались 9—10 июля в Выборге в Финляндии и приняли обращение к своим избирателям — «Народу от народных представителей», больше известное как «Выборгское воззвание». В нем они призывали всех граждан страны не платить налогов и не давать в царскую армию солдат, пока Дума не будет созвана. В выработке воззвания приняли участие и мусульманские депутаты, в том числе выборные от Кавказа. Против подписавших было возбуждено уголовное дело. Они были лишены избирательных прав при выборах в новую Думу и на другие общественные должности. Руководители оппозиции были присуждены к 3-месячному тюремному заключению. Особого успеха эта акция протеста депутатов не имела, хотя общественный резонанс ее оказался широк, о ней стало известно и на Северном Кавказе.

Более широкое представительство мусульмане Северного Кавказа получили в Государственных думах II—IV созывов. Наиболее благоприятные условия для деятельности казачьи и мусульманские депутаты получили во II Думе (20 февраля — 2 июня 1907 г.). От Терской области в нее был избран примыкавший к прогрессистам казачий офицер М.А. Караулов, в последующем сыгравший немалую роль в регионе после Февральской революции 1917 г. Из 518 избранных во II Думу было 37 мусульман. От Дагестанской области в ней появились депутаты Арсланбек Кардашов и Бей Балабек Султанов. Первый из них, правда, был азербайджанцем, а второй — выходцем из Закатальского округа Елизаветпольской губернии в Северном Азербайджане, где существовала общая с Дагестаном система военно-народного управления. Терскую область в Думе по-прежнему представлял Таштемир Эльдарханов. Среди мусульманских депутатов с Кавказа все еще преобладали выходцы из Восточного Закавказья. Особенно активную роль среди них играл член I Думы юрист из Баку Али-Мардан Топчибашев, редактор газет «Каспий» и «Хаят», формально не являвшийся депутатом, но проживавший в то время в Петербурге и пользовавшийся влиянием среди депутатов-мусульман. Он стал председателем мусульманской думской фракции, образованной в апреле 1907 г.

Разгоном II Думы обычно определяют конец революции. По новому избирательному закону от 3 июня 1907 г. избирательные права коренных жителей восточных окраин империи были существенно ограничены. Северный Кавказ был отнесен к числу «окраин, где население не достигло достаточного развития гражданственности»[17]. По этой причине число мусульманских депутатов резко сократилось. В Государственной думе III созыва (1 ноября 1907 — 9 июня 1912 г.) их было десять, а в IV Думе (15 ноября 1912 — 25 февраля 1917 г.) — только шестеро. Они продолжали объединяться в мусульманскую фракцию. Среди членов III Думы выделялись кавказские депутаты Халил-бек Хас-Мамедов из Азербайджана и Ибрагим-бек Гайдаров из Дагестана. Последний первоначально входил в думскую фракцию социал-демократов. В IV Думе работал принадлежавший к партии прогрессистов юрист Магомед Далгат из Даргинского округа в Дагестане, редактор владикавказских газет «Голос Кавказа» и «Весь Кавказ». От предпринимателей Терской области в Думу попал «нефтяной король Чечни» Абдул-Меджид Чермоев, сыгравший немалую роль в создании северокавказской федерации Горская Республика после Второй русской революции. Все эти факты говорят о постепенном складывании за пределами Северного Кавказа оппозиционной режиму северокавказской политической диаспоры.

Северокавказские депутаты участвовали в обсуждении насущнейших для региона аграрного и мусульманского вопросов. В пользу преобразования земельных отношений у горцев высказались депутаты от Терской области А.П. Маслов и Т. Эльдарханов. Среди депутатов с Кавказа не было единства по вопросу о будущем поземельном устройстве горцев. Некоторые предлагали увеличить крестьянские наделы за счет отчуждения частновладельческих земель с вознаграждением их владельцев за счет государства (Бардиж, Щербина, Кудрявцев, Николаев), другие депутаты вступали за ликвидацию помещичьего землевладения и уравнительное распределение земель (Эльдарханов, Покровский, Рожков, Далгат). Однако все создаваемые землеустроительные комиссии, связанные с этим вопросом проекты и предложения депутатов Думы не были поддержаны ни местной, ни центральной администрацией, и земельный вопрос в горских общинах, связанный с малоземельем, имущественным расслоением, уплатой больших налогов в пользу российской казны, оказался в значительной степени нерешенным к началу революции 1917 г.

Вопрос от реорганизации управления духовными делами мусульман Кавказа был поставлен на проходившем в августе 1906 г. в Нижнем Новгороде Третьем Всероссийском съезде мусульман России, где было предложено создать на Кавказе два муфтията и расширить компетенцию духовных управлений. После этого председатель Особого совещания А.П. Игнатьев провел встречу с представителями мусульман Терской и Кубанской областей. На встрече было выработано положение о создании самостоятельного управления для мусульман Северного Кавказа с выборным муфтием (место расположения — г. Владикавказ). Однако в конце 1906 г. Особое совещание было ликвидировано и вопрос о северокавказских мусульманах перешел в Государственную думу. В 1913 г. члены мусульманской фракции IV Думы в количестве 39 человек внесли предложение об учреждении духовного управления для мусульман Северного Кавказа. Однако законопроект не был поддержан Думой. В этот период появляется новый проект тайного советника В.П. Череванского (1836—1914) об учреждении духовного управления Северного Кавказа для «ослабления противодействия стремления магометан к объединению на почве религиозных интересов», с подчинением Закавказскому окружному управлению.

Вопросом реорганизации управления мусульманами региона активно занималось и правительство, прежде всего ДДДИИ МВД. В Петербурге было учреждено Особое совещание по делам веры (под председательством А.П. Игнатьева). Касавшийся всех конфессий указ 17 апреля 1905 г. признал необходимость «пересмотра законоположения, касающегося важнейших сторон религиозного быта лиц магометанского исповедания». В этом указе, подтвержденном знаменитым манифестом 17 октября 1905 г., впервые в Российской империи были отменены репрессивные меры при переходе из православия в другую веру. В Российской империи провозглашалась свобода совести. В результате при «старом режиме» централизованного органа управления мусульманами Северного Кавказа так и не было создано. Создание регионального муфтията здесь затянулось до советского времени, когда в 1944 г. было создано просуществовавшее до конца советского режима (1992) Духовное управление мусульман Северного Кавказа (ДУМСК) с центром сначала в Буйнакске, а затем в Махачкале (Дагестан).

Пестрый политический состав представителей от Кавказа в Государственной думе, а также восточная экзотика облика кавказских депутатов производили сильное впечатление на современни-

ков. Депутат двух первых дум кадет А. Шингарев вспоминал в 1908 г. о той «странной смеси одежд и лиц, племен и наречий», которая была свойственна первому российскому парламенту и отражала всю сложность состава империи: «...пестрой, разноязычной толпой выделялись представители иных народностей и племен. И кого только не было среди них. ...мелькали татарские черные или узорчатые шапочки-ермолки, чалмы мусульманских мулл, полосатые халаты далекого Туркестана; останавливали на себе внимание стройные и легкие фигуры кавказцев, типично монгольские добродушные лица киргизов, калмыков, сарт...»[18]

Впечатление, сложившееся у Шингарева и других российских политиков того времени, было обманчиво. Несмотря на восточную внешность, мусульманская элита, вошедшая в состав Государственной думы и других государственных и негосударственных структур Петербурга, все больше отрывалась от родины. В революционные и особенно послереволюционные годы в политическом развитии Кавказа произошел перелом. Тесные связи региона с мусульманским Востоком, характерные для него начиная со Средневековья, были нарушены. Время от времени закрывались границы России с Османской империей и Ираном. С другой стороны, укреплялись связи с Россией. Вместо Ирана и Турции нарождавшаяся северокавказская политическая элита все более стала ориентироваться на Россию и Западную Европу. Прежде всего это новое культурное движение охватило христианские народы Закавказья. Мусульмане Закавказья и Северного Кавказа также стали получать современное европейское образование в России и за рубежом.

Молодежь с Северного Кавказа все чаще отправлялась завершать свое образование в университеты России и даже Западной Европы. Ее притягивали также города Закавказья — Тифлис, Баку, Елизаветполь. Не без влияния Первой русской революции к 1910-м гг. здесь складывается светская интеллигенция, объединявшая представителей как христианских, так и мусульманских народов региона. Укреплялись сложившиеся в годы революции политические контакты между интеллигенцией Северного Кавказа, Закавказья и Центральной России. Кавказская молодежь, учившаяся и работавшая в Петербурге, Москве, больших городах Закавказья, увлекалась идеями западников, модными в образованном российском обществе второй трети XIX столетия. Особенные симпатии вызывала публицистика Чернышевского, Герцена, Бакунина, призывавшая к революционному свержению самодержавия и социальному

освобождению народных масс. С другой стороны, среди кавказской молодежи были популярны идеи национального освобождения и самоопределения. Их любимыми героями были Джузеппе Гарибальди и польские инсургенты, боровшиеся против порабощения своих народов иноземными завоевателями.

Кроме мусульманской фракции Государственной думы представители послереволюционной политической элиты Северного Кавказа вошли в состав националистических организаций Закавказья. Выходцы из Южного Дагестана влились в ряды азербайджанского движения «Мусават», боровшегося за национальное освобождение и объединение тюркских народов Кавказа. В формировании движения немаловажную роль сыграли идеи пантюркизма, распространявшегося тогда в Османской империи и соседних с ней тюркоязычных регионах. В «Исламской типографии» М. М. Мавраева в Темир-Хан-Шуре с 1908 г. выходила тюркоязычная газета в арабской графике «Аваристан» (аналог бакинской «Мусават»). После 1906 г. в Османской империи и Западной Европе стала складываться кавказская революционная эмиграция. В ее состав кроме армянской и грузинской революционной интеллигенции вошли некоторые представители северокавказской диаспоры, выходец из Дагестана Джалалутдин Коркмасов, эмигрировавший в 1907 г. в Париж и вступивший в1910 г. в Османскую социалистическую партию в Стамбуле. В дальнейшем он сыграл видную роль в революции 1917 г. на Северном Кавказе.

Под влиянием российского и немецкого социализма на Северном Кавказе и в Закавказье появились партии не только национального, но и социального направления. Наряду с армянской диаспорой Тифлиса и Баку в их создании активно участвовала грузинская и северокавказская интеллигенция. Еще до начала Первой русской революции, в начале 90-х гг. в Закавказье проник марксизм, появились первые группы социал-демократов. В 1892—1893 гг. журналист Ноэ Жордания (1869—1953) создал в Тифлисе социал-демократическую «Третью группу» (Месаме даси). В программе организации Жордания попытался соединить взгляды умеренного крыла немецких социал-демократов (Э. Бернштейна и К. Каутского) с идеями сторонников национального возрождения Грузии. Его идеалом была европеизация Грузии с сохранением национальной самобытности народа. Жордания выступал против революции в Закавказье.

Еще в 1901 г. часть грузинских социал-демократов, включая будущего руководителя советской России И.В. Сталина, образовала

«Группу революционеров социал-демократов», издававшую газету «Брдзола» («Борьба»). В следующем году в том же Тифлисе по инициативе С.Г. Шаумяна, Б.М. Кнунянца и А. Зурабяна был образован «Союз армянских социал-демократов», подпольно выпускавший газету «Пролетариат» на армянском языке. Наряду с возникновением местной социал-демократии следует отметить проникновение в города Закавказья партий социал-демократов Центральной России. В 1901 г. были образованы Тифлисский, Бакинский и Батумский комитеты РСДРП, имевшие свои подпольные типографии, на Кавказе начала распространяться выпускавшаяся РСДРП газета «Искра». В марте 1903 г. в Тифлисе состоялся Первый съезд кавказских социал-демократических организаций. На нем был создан Кавказский союз РСДРП, ознаменовавший подчинение армянской и грузинской социал-демократии Закавказья российскому «большевистскому» центру этой антиправительственной организации. Однако вплоть до 1910-х гг. ни социал-демократы, ни националистические партии не оказывали особого влияния на политическое развитие даже Закавказья, не говоря уже о Северном Кавказе. Они не определяли общественного мнения городов, а в деревне их и подавно не знали.

И все же нельзя скидывать со счетов влияние Первой русской революции на политическое развитие и социальное устройство Северного Кавказа в первое десятилетие XX в. Суммируя вышеизложенное, можно сказать, что главным результатом революции в регионе было изменение экономического и социально-политического положения северокавказских подданных империи. Представители северокавказской политической диаспоры в Центральной России получили доступ к сословно-представительным учреждениям империи. Начала складываться общероссийская политическая оппозиция режиму, в состав которой влились и выходцы с Северного Кавказа. Городские предприниматели, адвокаты, журналисты получили возможность участвовать в политической жизни страны, правда, как правило, за пределами Кавказского края, в Петербурге и Москве. На самом Северном Кавказе складывались новые государственные институты управления. Не добившись существенной демократизации общественного устройства, Северный Кавказ получил некоторую автономию от имперского центра.

Революция ускорила складывание новой политической элиты региона. Оппозиционные режиму силы группировались либо в центре империи, в Петербурге и Москве, либо за границей. Северокав-

казская революционная эмиграция вливалась в ряды оппозиционных партий религиозного (мусульманского) и социал-демократического направлений. Именно в 1905—1907 гг. начала складываться революционная политическая элита региона, которая полностью проявила себя уже в период революции 1917 г. и Гражданской войны. После поражения Первой русской революции революционная интеллигенция Северного Кавказа оказалась не у дел. Ее представители вынуждены были искать работу за пределами региона. В то же время «старый режим» постепенно терял влияние в регионе. Образовавшийся вместе с тем вакуум власти предоставлял оппозиционерам возможность упрочить свое положение, участвовать в подпольной работе с целью захвата власти в регионе.

Кроме того, немного улучшилось материальное положение средних и высших слоев мусульманского и казачьего общества. Крестьяне добились отмены выкупных платежей бывшим феодальным собственникам угодий. Они также получили доступ к выборам в Государственную думу — высший представительный и законодательный орган страны. В ряде отраслей промышленности, в том числе на нефтяных промыслах и в горнодобывающей промышленности, уменьшилась продолжительность рабочего дня и увеличилась зарплата. В ходе революции были заложены основы для проведения новой, более последовательной аграрной реформы в мусульманской и казачьей деревне. Получили развитие капиталистические отношения на селе. Земля постепенно становилась предметом купли-продажи не только внутри, но и вне сельских общин.

В послереволюционное десятилетие социально-политическое положение на Северном Кавказе временно стабилизировалось.

---

[1] *Полозов Б.Н.* 1905 и 1906 годы в Закавказье // BAR. Л. 1, 3.

[2] См., например: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. I. М., 1954. С. 84.

[3] Подсчитано по материалам: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. LXII. Дагестанская область; Т. LXV. Кубанская область; Т. LXVIII. Терская область; Т. LXX. Черноморская губерния. Тетрадь I. СПб., 1900—1905. Таблица I.

[4] Это характерная ошибка большинства обзорных исторических работ и учебных пособий по дореволюционному Северному Кавказу. Первая русская революция в них дается крайне бегло или вообще опускается, как, например, в недавно выпущенной «Истории Дагестана от древнейших времен до наших дней» (Махачкала, 1997).

[5] Ср.: *Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А.* История России. М., 1997. С. 321—323.

[6] История Дагестана от древнейших времен до наших дней. Махачкала, 1997. С. 262.

[7] Там же. С. 79. См. также: ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 4. Д. 5. Л. 2—4, 5.

[8] *Гатуев К.* Зелимхан. Ростов-на-Дону; Краснодар, 1926. С. 99—105.

[9] *Бердяев С.К.* Разбои на Северном Кавказе. Париж, 1936. С. 5—16.

[10] *Полозов Б.Н.* Высочайшее помилование // BAR. Л. 1—9.

[11] *Доного Х.-М.* Генерал Максуд Алиханов-Аварский. Махачкала, 2002. С. 10—13, 23—39.

[12] *Коновалов И.* Очерки современной деревни. СПб., 1913.

[13] История народов Северного Кавказа. Конец XVIII — 1917 г. М., 1988. С. 478. См. также: *Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А.* История России. С. 328.

[14] *Воронцов-Дашков И.И.* Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем. СПб., 1907.

[15] *Усманова Д.* Мусульманская фракция и проблемы «свободы совести» в Государственной думе России (1906—1917). Казань, 1999. Таблица № 2.

[16] Там же. С. 32.

[17] Там же. С. 37.

[18] *Шингарев А.* Новая Дума и старые думы (впечатления и размышления депутата) // Русская мысль. СПб., 1908. № 2. С. 137.

Глава 14

ОРИЕНТАЛИЗМ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

(1) Восприятие Северного Кавказа в России и Европе. (2) Покорение Кавказа в беллетристике и этнографии XIX в. Пушкин и Лермонтов. Бестужев-Марлинский и Дюма-отец. Данилевский и Шамиль. Романтики и критики «горского хищничества». Ученые и чиновники на Кавказе. (3) Кавказ в имперской политике России. Программа Николая I по «умиротворению» горцев. Кавказский отдел Географического общества в системе военно-народного управления. Критика кавказской экзотики. (4) Концепция ориентализма у Э. Саида и возможности применения ее к Российской империи. Знание и власть в борьбе за колониальное господство на Востоке. Российские особенности ориентализма. (5) Влияние ориенталистских клише на постколониальное кавказоведение. Ориенталистский дискурс в отечественной историографии. Споры о Кавказской войне и концепция М. Блиева.

1. Восприятие Северного Кавказа в России и Европе

В завершение нашей книги мы решили посвятить отдельную главу представлениям о дореволюционном Северном Кавказе в российском и зарубежном обществе того времени. Сделано это не случайно. Тема эта достаточно серьезна и злободневна, но еще очень плохо представлена в современных учебниках. Это случилось не без влияния марксистской научной традиции в ее советском варианте, основанной на преимущественном изучении «объективных» социально-экономических сюжетов. Большинство историков-кавказоведов все еще недооценивают роль субъективного фактора, конкретных людей и идей, в колониальной трансформации

региона. Сосредотачиваясь на том, как все происходило «на самом деле», они забывают, как готовились и воспринимались колониальные преобразования. Это общая беда чуть ли не всех отечественных работ о Северном Кавказе в составе Российской империи, и особенно учебников для высшей школы.

2. Покорение Кавказа в беллетристике и этнографии XIX в. Пушкин и Лермонтов. Бестужев-Марлинский и Дюма-отец. Данилевский и Шамиль. Романтики и критики «горского хищничества». Ученые и чиновники на Кавказе

В первой половине XIX в. взоры российского общества были прикованы к Северному Кавказу не менее, чем сегодня, в период двух кровавых российско-чеченских войн и вызванной ими волны терроризма, отозвавшейся по всей России и далеко за ее пределами. Тогда причина внимания заключалась в затяжной Кавказской войне, которую Россия почти полвека вела за обладание этим регионом. Как военные, так и гражданские чиновники, служившие на российском Кавказе, были к тому же сильно увлечены этим горным краем, окутанным дымкой романтики в глазах образованной русской публики первой половины XIX в. В правление Николая I (1825—1855) и Александра II (1855—1881), когда военное покорение края завершалось, романтическое направление, господствовавшее тогда в европейской и русской литературе и науке, немало повлияло на восприятие Кавказа в России. Кавказские горы восхищали русское общество своей кажущейся первобытностью и свободой, а вместе с тем и ужасали дикостью и коварством горцев, населявших неприступные горные ущелья.

Эти чувства прекрасно выразил еще совсем юный Лермонтов (Измаил-бей):

И дики тех ущелий племена,
Им Бог — свобода, их закон — война,
Они растут среди разбоев тайных,
Жестоких дел и дел необычайных;
Там в колыбели песни матерей
Пугают русским именем детей;
Там поразить врага не преступленье;

Верна там дружба, но вернее мщенье;
Там за добро — добро, и кровь — за кровь,
И ненависть безмерна, как любовь.

Такие представления распространялись в русском обществе прежде всего через художественную литературу. Северному Кавказу вообще повезло в русской классике, как это заметила современная исследовательница русской литературы XIX в. Сьюзен Лейтон[1]. Кто только не писал о нем! И прежде всего Пушкин и Лермонтов. Юношеская поездка Пушкина на юг России подарила читающей России романтическую поэму «Кавказский пленник», очаровавшую публику описанием дикой горной природы, воинственных черкесов и любви прекрасной черкешенки к русскому пленнику. Так и не добравшись собственно до Кавказа, молодой Пушкин развил на воображаемых кавказских материалах байроновский сюжет про край дикой свободы, «где рыскает в горах воинственный разбой». В горах Кавказа ему удалось побывать, и то проездом, только через много лет, во время путешествия в Арзрум в 1829 г. После этого он задумал (оставшуюся незавершенной) поэму про черкеса-христианина (в сохранившемся наброске превращенного в «немирного чеченца»), изгнанного отцом за отказ от предписанных горским обычаем кровной мести и грабежа (Тазит). Еще значительнее было влияние романтических стихов и прозы Лермонтова, чьи хрестоматийные образы «злого чечена» из «Казачьей колыбельной» или необузданного абрека Казбича из «Героя нашего времени» во многом определили восприятие Северного Кавказа в России.

Свой вклад в создание романтического образа Кавказа внес плодовитый писатель А. Бестужев-Марлинский, в одной из повестей которого был выведен вошедший в поговорку дикий, но благородный разбойник Аммалат-бек. Переведенный в действующую армию на Северный Кавказ из сибирской ссылки, в которую он попал за участие в восстании декабристов, писатель не скрывал своего восхищения и своих опасений перед горцами. «Там над головой путника вьется разбойник воздуха орел, — писал он, — там рыщет разбойник лесов — волк и разбойник гор — черкес; припав за камнем, готовит им и себе добычу». Склонность горцев к грабительским набегам на соседей Бестужев-Марлинский объяснял отсутствием самых необходимых средств к жизни. По его мнению, в бесплодных теснинах кавказских гор «хищничество есть... единственное средство одеться и вооружиться... Как вы хотите, чтобы

человек, храбрый от привычки, потому что осужден от колыбели выбивать свое существование у грозной природы, чтобы человек сильный, и к этому всему нищий, не хотел присвоить себе все, что ему по силам? На грабеж идет он как на охоту, и добыча, взятая из зубов опасности, для него и плата за труд, и слава за подвиг, и приманка на будущие набеги»[2].

Кавказские сцены. Молитва. *Автолитография М.А.Зичи. 1853 г.*

Романтическое увлечение Северным Кавказом было не чуждо и наблюдавшим за ходом русского завоевания Кавказа писателям и публицистам из Западной Европы. Шамиль, в течение более четверти столетия сопротивлявшийся российскому продвижению на мусульманский Восток, превратился во французской и английской публицистике в образ «благородного дикаря», не пожелавшего променять свободу родных гор на золотые оковы самодержавной России. В этом стиле написаны корреспонденции Маркса и Энгельса о Кавказе и восточном вопросе, публиковавшиеся во время Крымской войны (1856—1857) в американской газете «New York Herald Tribune». Подобные оценки и воззрения не сложно найти и у за-

падноевропейских историков, например в знаменитой «Истории XIX в.» под редакцией Лависса и Рамбо. В ней авторы, перевирая кавказские реалии, писали про соединение под знаменами национально-освободительной черкесско-лезгинской армии *мюридов* Шамиля суннитов и шиитов на Кавказе[3].

Знаменитый романист Александр Дюма-отец, отправляясь в 1858 г. на Кавказ, обещал читателям своего журнала «Монте-Кристо» «подвести их к скале, где был прикован Прометей... посетить стан Шамиля, этого другого Титана, который в своих горах борется против русских царей». Чтобы не обмануть ожиданий знаменитого литератора, принимавшим его русским военным даже пришлось инсценировать набег горцев, принятый Дюма «за чистую монету» и описанный им впоследствии в одном из восьми томов его пространных и довольно фантастических воспоминаний о России и Кавказе.

Настроения, господствовавшие в обществе времен Кавказской войны, ярко охарактеризовал крупнейший дореволюционный кавказовед-лингвист барон П.К. Услар. «В эпоху романтизма, — писал он, — и природа, и люди на Кавказе были непонятны... Горцев не могли мы себе представить иначе как в виде людей, одержимых каким-то беснованием, чем-то вроде воспаления в мозгу, — людей, режущих налево и направо, пока самих их не перережет новое поколение беснующихся. И было время, когда эти неистовые чада нашей поэтической фантазии приводили в восторг часть русской читающей публики!.. Горцы, которые в те блаженные времена учились чему-нибудь и как-нибудь в Петербурге, сами всячески подделывались под Аммалат-беков, Казбичей и т.п...»[4]

От обожания Кавказа путешественники и военные, побывавшие в регионе, нередко переходили к не менее неумеренному порицанию жителей края. Именно в эпоху присоединения Северного Кавказа к Российской империи сложился крайне негативный образ горца, который продолжает определять общественное мнение России, а отчасти и Запада, до настоящего времени. За всем регионом тогда утвердилась дурная слава разбойничьего гнезда. Путешественники, купцы, миссионеры, проезжавшие через Кавказ, удивительно единодушно отзывались о горцах как о «природных разбойниках и ворах». Характерно в этом смысле высказывание известного русского публициста и теоретика славянофильства Н.Я. Данилевского (1871): «Кавказские горцы — и по своей фанатической религии, и по образу жизни и привычкам, и по самому

свойству обитаемой ими страны — природные хищники и грабители, никогда не оставлявшие и не могущие оставлять своих соседей в покое»[5]. Сравнивая жителей горных ущелий Кавказа с шотландскими горцами, прославленными в романах Вальтер Скотта, Данилевский, не разделяя романтического обожания гайлендеров, надеялся, что на Северном Кавказе Россия пойдет по пути Англии и уничтожит этот не менее экзотический, но и не менее разбойный вертеп.

Похожих взглядов придерживались многие дореволюционные историки и этнографы. Даже такой объективный автор, как создатель знаменитой двухтомной исторической географии Кавказа С.М. Броневский, писал, что горцы «приобретение корысти силой оружия вменяют себе за честь... яко драгоценный дар почитают вольность, которую употребляют часто во зло, делая набеги и грабежи против друг друга и в окружных странах»[6]. По словам русских авторов эпохи Кавказской войны, характерная черта кавказских

В. Козачковский. Разбои на Кавказе. Владикавказ. 1913 г.

горцев — страсть к набегам, грабежу и убийствам, то, что в XIX в. стали называть особым термином *хищничество*. Такими представлениями руководствовались российские военные, руками которых было произведено присоединение Северного Кавказа к Российской империи, в частности знаменитый генерал А.П. Ермолов, с именем которого связано начало затяжной Кавказской войны. Представления эти разделяли многие военные и гражданские чиновники, проводившие российские реформы уже на покоренном Северном Кавказе.

Интересно, что к взгляду на горца-мусульманина как на извечного хищника склонялась и местная мусульманская элита, перешедшая на службу в российскую военную и гражданскую администрацию края. Показательно высказывание Хаджи-Али из дагестанского селения Чох (Гаджи-Али Чохского, 1819—1895), секретаря имама Шамиля, позднее перешедшего на сторону русских. В своей хронике о войнах Шамиля на Северном Кавказе он писал: «Горцы дики, как сама природа, окружающая их, и хищны, как звери»[7]. Зять Шамиля Абдуррахман Казикумухский в своих воспоминаниях пишет о жителях Аварии в Нагорном Дагестане как о «народе высокомерном, преступном, никому другому не подчиняющемся... Это причина убийств и набегов, всяческого кровопролития, особенно до появления в Дагестане трех имамов». Похожие мысли высказывал приставу Руновскому после своего пленения и сам Шамиль. «Я употреблял против горцев жестокие меры. Много людей было убито по моему приказанию... — признавался бывший имам. — Бил я и шатоевцев, и андийцев, и тадбуртинцев [названия сельских союзов горцев Южной Чечни и Северного Дагестана, присоединившихся к *имамату*. — *В.Б.*]; но бил я их не за преданность русским. Вы знаете, что тогда они ее еще не высказывали, а за их скверную натуру, склонную к грабительству и разбоям... И вы [русские. — *В.Ю.*] будете бить их за ту же склонность, которую им очень трудно оставить»[8].

Жалобы на кавказское «хищничество» продолжались вплоть до первой трети XX в. Северный Кавказ ассоциировался прежде всего с горским разбоем даже у крупнейших дореволюционных ученых. Знаменитый этнограф Лев Штернберг в обзорной статье о чеченцах, опубликованной в Энциклопедии Брокгауза и Ефрона (1903), среди характерных черт этого народа выделял «подозрительность, склонность к коварству и суровости». По его словам, «неукротимость, храбрость, ловкость, выносливость, спокойствие в

борьбе — черты чеченцев, давно признанные всеми, даже их врагами. В обыкновенное время идеал чеченцев — грабеж. Угнать скот, увести женщин и детей, хотя бы для этого пришлось ползти по земле десятки верст и при этом рисковать своей жизнью, — любимое дело чеченцев»[9].

3. Кавказ в имперской политике России. Программа Николая I по «умиротворению» горцев. Кавказский отдел Географического общества в системе военно-народного управления. Критика кавказской экзотики

Негативные клише о «разбойном» Северном Кавказе помогали оправдывать жестокости и насилие, которыми полна история присоединения региона к Российской империи, особенно в эпоху кровавой Кавказской войны. Печальную известность получили слова императора Николая I, обращенные к генерал-фельдмаршалу И.Ф. Паскевичу, новому командующему Отдельным Кавказским корпусом, заменившему Ермолова: «Предстоит Вам... усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных»[10]. Массовые репрессии, применявшиеся русской армией к «немирным горцам», захват заложников-*аманатов* от «замиренных» объясняются не только неизбежными жестокостями военного времени, но и общим отношением к Кавказу.

Генерал Ермолов и его преемники были просто уверены, что говорить с горцами можно только на языке силы. Гуманные методы, по их мнению, годились только для Европы, а не на «диком» Востоке, к которому они относили и Северный Кавказ. Заслуживает внимания отмеченная современным американским историком Томасом Барреттом «агрессивная надменность» названий ермоловских крепостей на Кавказской линии — Грозная, Преградная, Злобный окоп, Бурная, Внезапная. Самим именем своим они должны были напоминать горцам о ждущем их за ослушание неминуемом суровом наказании.

Искусственный образ горцев Северного Кавказа, сложившийся в сознании российского общества колониальной эпохи, в немалой степени определил не только методы покорения региона, но и

способы управления им. Представление о благородных кавказских разбойниках и первобытной дикости региона разделяли многие российские военные и гражданские чиновники, вовлеченные в систему военно-народного управления на Кавказе в середине XIX — начале XX в. К ним принадлежали и такие заметные фигуры, как военный министр Д.А. Милютин (1861—1881) и наместник Кавказский вел. кн. Михаил Николаевич (1862—1881), уверенный, что «большинство кавказских мусульман находится в самом детском состоянии цивилизации» и их просвещение «не обещает... никакой пользы»[11].

Как уже отмечалось, покорение Северного Кавказа в период Кавказской войны XIX в. Россией шло одновременно с его научным изучением. К мысли о временном сохранении для кавказских горцев «первобытного» права и «родовой общины» власти Кавказского наместничества пришли не без подсказки российских востоковедов и этнографов. После учреждения в середине XIX в. военно-народного управления, его чиновники продолжали поддерживать тесные контакты с учеными. Не случайно и кавказское начальство, и ведущие научные учреждения разместились в Тифлисе. Еще в 1851 г. А.В. Головин учредил здесь Кавказский отдел Императорского Русского географического общества (КОИРГО), первое из его региональных отделений. Во второй трети столетия правительство ежегодно выделяло на содержание КОИРГО 2 тыс. руб. Наиболее плодотворным периодом его существования оказались 50—70-е гг. XIX в. Именно тогда была составлена 10-верстовая карта Кавказского края, проведены первые исследования по статистике, языкознанию, этнографии региона. Усилиями КОИРГО в Тифлисе издавались многотомные краеведческие альманахи: «Сборник сведений о кавказских горцах» (1868—1881), «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» (1881—1915), «Известия КОИРГО» (1872—1917).

Находившееся в первые годы своего существования в ведении Министерства внутренних дел Географическое общество неизменно сотрудничало с Кавказским наместничеством при разработке тех или иных законопроектов. Корреспондентами КОИРГО были некоторые местные мусульманские ученые и преподаватели, в том числе упоминавшиеся выше Абдулла Омаров и Абдуррахман Казикумухский из Нагорного Дагестана. Пользуясь специально разработанным в Обществе вопросником, последний составил в 1868 г. по заказу начальника Горского управления Д.С. Старосельского

первое этнографическое описание северо-запада Нагорного Дагестана с краткой характеристикой материальной культуры края, местных обычаев и нравов. В этом сочинении нередки выпады против невежества и разбойных наклонностей горцев.

Среди российских военных, в чьих руках оказалось управление Северным Кавказом, было немало членов КОИРГО, для которых изучение кавказских древностей и нравов было своеобразным хобби. Еще Лермонтов отмечал увлечение русских офицеров, служивших на Кавказской линии, историей и этнографией горцев. В области археологии, краеведения и особенно этнографии обычного права (адата) немалый вклад в кавказоведение внес начальник Южного Дагестана и военно-народного управления (1865—1883) генерал от инфантерии А.В. Комаров. За время своей многолетней службы на Восточном Кавказе он собрал обширные материалы по этнографии региона. Наиболее известные из его научных публикаций — брошюры «Адаты и судопроизводство по ним» (1868), «Народонаселение Дагестанской области» (1876). Комаров и большинство других российских военных этнографов-любителей, занимавшихся этнографией кавказских горцев, испытали немалое влияние романтической школы русской истории конца XVIII — начала XIX в. Ключевыми понятиями этой школы были «поземельная (или родовая) община», «вольные общества» и «народное право»[12].

Хаджи-Мурат. *Работа Е. Лансере*

Со временем изучение действительной жизни горцев Северного Кавказа показало всю несостоятельность распространенных в России и Европе представлений о «дикости» кавказских горцев. Остроумная критика кавказской экзотики принадлежит Льву Толстому, который сам служил в молодости на Северном Кавказе. Она вложена в уста героя его повести «Казаки» Оленина: «Совсем иначе, чем он воображал, представился ему Кавказ. Он не нашел здесь ничего похожего на все свои мечты и на все слышанные и читанные им описания Кавказа. Никаких здесь нет бурок, стремнин, Аммалат-беков, героев и злодеев... люди живут, как живет природа: умирают, родятся, совокупляются, опять родятся, дерутся, пьют, едят, радуются и опять умирают...»[13]

К этому мнению присоединились некоторые этнографы, отметившие, что «хищнические набеги» отнюдь не являлись основным источником существования местных жителей. Так, И. Пантюхов писал о Нагорном Дагестане: «Не будучи знакомы с внутренней жизнью лезгин, но, зная их только как смелых грабителей, летописцы и историки... считали лезгин дикарями и разбойниками. Правильная внутренняя организация лезгинских общин, честность взаимных отношений и оседлая земледельческая культура не дают, однако, основания считать лезгин дикарями. Главные средства к существованию лезгинам всегда давали не разбои, а земледелие и скотоводство»[14]. Однако описанные выше представления продолжали определять российскую науку и политику на дореволюционном Северном Кавказе. Толстой, Пантюхов и упоминавшийся выше Услар в этом отношении шли «против течения», составляя исключение из общего правила.

4. Концепция ориентализма у Э. Саида и возможности применения ее к Российской империи. Знание и власть в борьбе за колониальное господство на Востоке. Российские особенности ориентализма

Чем можно объяснить такую устойчивость и влиятельность стереотипов о Кавказе в российской дореволюционной науке, политике и общественном сознании? Здесь на помощь нам может прийти хорошо известная концепция ориентализма, созданная американским ученым палестинского происхождения Эдвардом

Саидом (1935—2003) на примере Ближнего Востока. В 1978 г. Саид опубликовал книгу под этим названием, которая оказала революционное влияние на методологию и направление исследований зарубежного Востока. В 1995 г. вышло переработанное второе издание этой монографии[15].

Саид обратил внимание на устойчивость стереотипов о мусульманском «Востоке», созданных академической европейской наукой колониального времени, а затем воплощенных в жизнь европейскими и североамериканскими колонизаторами на землях покоренных ими неевропейских народов. Европейцы, а вслед за ними американцы и даже выходцы с мусульманского Ближнего Востока, получившие образование на Западе, настолько привыкли к такому образу, что считают его вечным. На самом же деле единый Восток — это творение востоковедов, своего рода фикция, смысл которой состоял не только в познании, но и в подчинении реальных «Востоков» колонизаторам. Саид справедливо замечает, что в истории знание и власть вообще часто бывают взаимосвязаны. В колониальную же эпоху востоковеды образовали своего рода замкнутую «гильдию», изучавшую колонизуемые неевропейские регионы и вместе с тем помогавшую имперской власти покорять их и управлять ими. Образ Востока стал как бы зеркалом, через которое Европа определяла, оправдывала и возвеличивала себя, одновременно утверждая свое господство над «другими».

Согласно Саиду, ориентализм представляет собой своего рода язык или *дискурс*, который основан на системе властных институтов колониального характера. Его основы были заложены в западноевропейских научных теориях эпохи Просвещения и развиты позитивистской наукой XIX в. Опираясь на идеи известного французского философа Мишеля Фуко о единстве знания и власти, а также на концепцию *гегемонии* или воспроизводства власти Антонио Грамши, Саид пришел к выводу, что идеи Просвещения помимо прочего предусматривали господство Европы над всеми другими культурами и обществами мира, которое должно было быть достигнуто при помощи колониальной экспансии. Имперская власть Запада была подкреплена эпистемологическим порядком, который налагался на подчиненные народы. Этот эпистемологический порядок базировался на сконструированных Западом представлениях о неевропейских частях света, подчеркивавших культурную дистанцию, инаковость «Другого» в отличие от Европы.

Черты изобретенного, как писал Саид, ориенталистами Востока (Oriens) чем-то напоминают образ Кавказа, предстающий из собранных нами в этой главе цитат. Во-первых, он представляет собой антипод Запада. Развитому, гуманному, демократичному и человечному Западу противостоит дикий, жестокий, деспотический и антигуманный Восток. Другая его определяющая черта состоит в пассивности. Восток и его жители выступают в кривом зеркале ориентализма как материал для изучения востоковедов-ориенталистов и преобразований колониальных политиков. Люди Востока — существа без своей воли и истории. «Они не могут представить себя, они могут лишь быть представлены», — писал о них Карл Маркс. Здесь можно вспомнить и хрестоматийно известные строки Лермонтова про мертвый сон Востока, написанные в эпоху покорения Россией Кавказского края:

...Не боюся я Востока! —
Отвечал Казбек, —
Род людской там спит глубоко
Уж девятый век...
Все, что здесь доступно оку,
Спит, покой ценя...
.....
Нет! Не дряхлому Востоку
Покорить меня!

В-третьих, образ Востока, как правило, негативен. Он не только противостоит, но и угрожает Западу. Отсюда рождаются многочисленные фобии колониального времени, от панисламизма до панмонголизма. Восток просто должен быть покорен и поставлен под власть Запада, иначе восточное варварство поглотит западную культуру и цивилизацию. Еще одна важнейшая черта ориентализма — убежденность в объективности созданного ориенталистами знания о Востоке. В его основу в XIX в. предпочитали класть тексты, пусть даже художественные, но не живых людей, знакомство с которыми лишь искажает общую картину Востока.

Время показало, что модель Саида продуктивна и провокативна. Она вызвала до сих пор не прекращающийся поток научных публикаций, посвященных критике колониальной науки и политики в Западной Европе. Сложилась целая литература о дискурсе ориентализма. Но в Россию эта концепция только начинает проникать[16]. Большинство российских ученых ее до сих пор не используют (порой и не знают), а некоторые принимают в штыки. Книга

Саида, одна из самых цитируемых, прославляемых и критикуемых работ в мировой научной литературе, оставалась до недавнего времени мало известной отечественным гуманитариям и переведена на русский язык совсем недавно. Следует при этом добавить, что попытки соотнести ориентализм в науке и политике колониальных держав Западной Европы с аналогичным феноменом на восточных окраинах Российской империи предпринимались на российских материалах и раньше, по крайней мере с начала 2000-х гг. В качестве примера можно привести работы канадского историка Остина Джерсилда, который связывает ориентализм в регионе с идентификацией новых российских подданных на грузинской границе Российской империи[17]. Отмечу в скобках, что в современной русистике изучение регионов и окраин нередко обгоняет исследования по Центральной России.

Через дискурс ориентализма мы выходим на тему общего восприятия Северного Кавказа в окружающем мире времен колониальной и постколониальной глобализации. Можно обнаружить, как параллели в восприятии колониальных окраин в метрополиях того времени, так и своеобразие отношения к Северному Кавказу в дореволюционной России. Ориентализм, оказавший немалое влияние на российскую политику и реформы на дореволюционном Северном Кавказе, в свою очередь, эволюционировал. В России, как и в Западной Европе, он зародился в эпоху Просвещения, во время екатерининского царствования, когда в состав России вошла значительная часть Северо-Западного и Центрального Кавказа. Свои характерные формы он обрел в эпоху колониальных завоеваний первой половины XIX в., в ходе которых в сосав Российской империи вошел и Северный Кавказ.

5. Влияние ориенталистских клише на постколониальное кавказоведение. Ориенталистский дискурс в отечественной историографии. Споры о Кавказской войне и концепция М. Блиева

Колониальный ориенталистский дискурс пережил создавшую его эпоху. Хотя в 1917 г. Российская империя прекратила свое существование, но в общественном сознании России надолго сохранился миф о Северном Кавказе как царстве благородных разбой-

ников, живущих по неизменным дедовским обычаям. Миф этот основывается на двух весьма распространенных тезисах. Согласно первому, любой горец по природе своей существо дикое и кровожадное. Это природный разбойник. Он действует, руководствуясь необузданными страстями и дикими порывами. Этим объясняют кавказское абречество, а все преступления, совершаемые в регионе, списывают на обычай или адат. Другое стереотипное представление заключается в убеждении, что на Кавказе все исконно живут по традициям; всякий человек обязан руководствоваться обычаем, а ученый должен записывать древние обычаи и помогать властям использовать адат для цивилизации «диких» горцев. Между тем сами «кавказские горцы» на пороге третьего тысячелетия в большинстве своем давно уже не горцы, а далекие потомки людей, которые когда-то жили в горах. Сменилось несколько поколений. Другими стали традиции, формы и социальная роль насилия.

Ориенталистские клише колониальной эпохи оказали влияние на целый ряд российских и зарубежных научных концепций XX столетия. Наиболее устойчивым оказалось чисто ориенталистское представление о неспособности мусульманских стран к развитию, их извечной антизападной ориентации. Этот стереотип поразному преломился в научных школах кавказоведения. Ранняя советская историография 20-х — первой половины 30-х гг. XX в. рассматривала включение Северного Кавказа в состав Российской империи как типичное колониальное порабощение, при котором классовые интересы царизма и его генералов сомкнулись с устремлениями местных «феодалов». На российские преобразования XIX в. привыкли смотреть как на орудие империалистического порабощения и классовой эксплуатации горцев. Шамиль и другие руководители горского сопротивления были представлены в этом дискурсе как лидеры национально-освободительного движения и выразители интересов широких трудящихся и эксплуатируемых масс. Такие взгляды определяли подход ученых из школы советского историка и политического деятеля М.Н. Покровского[18].

Не подвергая сомнению основные ориенталистские клише дореволюционной литературы, советские ученые и политики пытались переосмыслить их в рамках марксистской концепции. Одной из тем ранней советской историографии стала апология набегов и абречества. Набеги горцев на соседей стали оправдывать географическим фактором, а именно нехваткой ресурсов в условиях чуть ли не нищего горского быта, а действия абреков XIX—XX вв. — борь-

бой за освобождение от колониального гнета царизма. Подобное марксистско-мальтузианское толкование характерного ориенталистского понятия о «хищничестве» горцев присутствует, в частности, в известной книге о Дагестане краеведа Анатолия Скачко, в 20-е гг. представлявшего Дагестанскую АССР в Президиуме ЦИК СССР. Он писал:

> На суровых бесплодных скалах, где для безопасности строили селения, каждая горсть зерна добывалась тяжелым, упорным трудом. Каждый кувшин воды и тот стоил большого труда, потому что его приходилось приносить из речки, протекающей в ущелье, на глубине в несколько сот метров... Природные условия были таковы, что даже самым упорным трудом нельзя было вполне обеспечить всех потребностей, и приходилось изыскивать какие-либо источники их удовлетворения, лежащие вне горных ущелий... Оставался только один выход: пополнять недостатки скудного хозяйства в горах набегами на плодородные равнины. Налетать с гор неожиданным ударом, захватывать жизненные припасы и разное добро, угонять скот и жителей, чтобы обратить последних в рабов. Неизбежно это обратилось в систему, набеги сделались более или менее постоянным «отхожим промыслом», подсобным занятием, естественным приспособлением к обстановке народов, загнанных в бесплодные горы, не представлявшие достаточных ресурсов к жизни[19].

Усиление влияния ориенталистского дискурса на советское кавказоведение произошло в конце 30-х — 40-е гг. В это время в советской политике и науке произошел резкий поворот. Официальный курс поздней сталинской эпохи заключался в признании объективной ценности государственных традиций царской России. Широкие завоевания XIX в. получили положительную оценку. Присоединение Северного Кавказа к Российской империи стало рассматриваться как «меньшее зло», открывшее путь к ускорению общественного развития региона, отмиранию в нем «феодально-патриархальных пережитков» Средневековья. Имам Шамиль и другие руководители горского сопротивления российскому завоеванию XIX в. были объявлены ставленниками эксплуататоров и агентами зарубежных разведок — в духе характерной для эпохи шпиономании. Длительное сопротивление Шамиля объяснялось внешней причиной — помощью Турции и Англии.

В конце 50-х — первой половине 80-х гг. наиболее одиозные положения сталинской историографии были забыты. Историки отказались от чрезмерной архаизации дореформенного северокавказского общества. В рамках советской марксистской парадигмы кавказоведы послевоенных десятилетий выдвинули тезис о том, что накануне российского завоевания северокавказские народы стояли на стадии не первобытности, а относительно развитого феодализма. Вместе с тем существовала официальная установка о добровольном вхождении всех без исключения народов и окраин в Российское государство, дружбе народов и солидарности трудящихся на территории Советского Союза во все исторические эпохи. От историков ждали обоснования этих официозных положений. Целый ряд тем, таких как колониальный характер российского продвижения на Северном Кавказе, оставались закрытыми для исследования. В поздней советской науке явно назрел историографический кризис.

В 1983 г. историк из Северной Осетии М.М. Блиев предложил свой выход из этого кризиса. Оставаясь в границах марксистской схемы, он выдвинул гипотезу о том, что в период включения Северного Кавказа в состав Российской империи произошло столкновение двух разных формационных систем, одна из которых (Россия) находилась на стадии капитализма, имела развитую общественную структуру, государственность и экономику, а другая (горские кланы и сельские общины Северного Кавказа) представляла собой разновидность патриархальной раннефеодальной системы. Народы Северного Кавказа стояли на стадии «военной демократии» и добывали себе средства к существованию при помощи грабительских набегов на соседей: сначала на Закавказье, а затем на русские поселения на Северном Кавказе. Подобная «набеговая система» неизбежно вызвала состояние перманентной войны с Российским государством, в XIX в. принявшей форму «мюридизма»[20].

При всей оригинальности этой модели, в ней несложно заметить ориенталистские влияния колониальной эпохи. Недаром ее автор опирается исключительно на вторичные (порой сомнительные) материалы из лагеря русских завоевателей, полностью игнорируя к тому времени переведенные и изданные местные горские первоисточники. У Блиева нашлись единомышленники. Но подавляющее большинство северокавказских и российских историков и этнографов восприняло теорию «набеговой системы» негативно.

В постсоветской историографии в целом продолжают господствовать подходы поздней советской школы: Кавказская война предстает как разновидность национально-освободительного движения, дореволюционное общество изображается переходным от феодализма к капитализму, а российское завоевание и реформы — как мощный толчок к такому переходу. Не утихающая полемика вокруг работ М.М. Блиева показывает, что современное кавказоведение пока не может выйти из историографического кризиса. Это позволяет сделать еще один важный вывод: источником кризиса в немалой степени остается наследие ориентализма.

Нельзя, конечно, и преувеличивать влияние отживших ориенталистских клише, и особенно кавказской экзотики, на российское кавказоведение. Сегодня миф о дикости и тотальном разбое на Северном Кавказе популярен в основном в российских и зарубежных средствах массовой информации, а также у далеких от Кавказа обывателей. Из ученых, занимающихся этим регионом, мало кто разделяет эти дикие представления. Даже подход Блиева и его сторонников определяется не одним только ориенталистским видением дореволюционной истории региона. В современной отечественной исторической науке в целом преобладают далекие от ориенталистских положений работы. В деле переосмысления ориенталистского наследия колониальной эпохи немалую роль играет расширение источниковой базы исследований, введение в научный оборот все новых категорий источников, что делает картину прошлого более полной и адекватной действительности.

---

[1] См.: *Layton S.* Russian Literature and Empire: Conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoy. Cambridge, 1994.

[2] *Марлинский А.* Русские повести и рассказы. СПб., 1837. Ч. 8. С. 203—204.

[3] История XIX века / Под ред. проф. Лависса и Рамбо. Пер. с фр. под ред. Е.В. Тарле. М., 1938. Т. 4. С. 371—372.

[4] [*Услар*] *П.К.* Кое-что о словесных произведениях горцев // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1868. Вып. I. С. 4—5.

[5] *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. СПб., 1995. С. 31.

[6] [*Броневский С.М.*] Исторические выписки о сношениях России с Персиею, Грузиею и вообще с горскими народами, на Кавказе обитающими, со времен Ивана Васильевича доныне. СПб., 1996. С. 28.

[7] *Гаджи-Али.* Сказание очевидца о Шамиле. Махачкала, 1995. С. 24.

[8] *Абдурахман из Газикумуха.* Книга воспоминаний. Махачкала, 1997. Л. 38а—38б; Дневник полковника Руновского, состоящего приставом при Шамиле во время его пребывания в гор[оде] Калуге с 1859 по 1862 год // АКАК. Тифлис, 1904. Т. XII. С. 1422. Особенности дискурса горского «хищничества» и его влияния на мусульманскую духовную элиту времен российского завоевания Северного Кавказа разобраны в моей книге. См.: *Бобровников В.О.* Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие. Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. М., 2002. С. 16—40.

[9] [*Штернберг Л.*] Чеченцы // Энциклопедический словарь под ред. Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1903. Т. XXXVIII. С. 786.

[10] Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20—50-е гг. XIX в. Сборник документов. Махачкала, 1959. С. 58.

[11] Отзыв Кавказского наместника Вел. кн. Михаила Николаевича управляющему делами Кавказского комитета В.П. Буткову от 12 августа 1864 г. по поводу проекта издания газеты для мусульман Северного Кавказа // Сборник Русского исторического общества. М., 2000. Т. 2. С. 211.

[12] Подробнее о взаимоотношениях науки и политики на дореволюционном и советском Северном Кавказе см. в моей книге: *Бобровников В.О.* Мусульмане Северного Кавказа... С. 147—156. Применительно к Русскому географическому обществу эта проблематика блестяще разработана в статье Натаниэля Найта. См.: *Knight N.* Russian Orientalism in the Service of Empire? // Slavic Review. 2000. Vol. 59. № 1.

[13] *Толстой Л.Н.* Казаки // Он же. Собр. соч.: В 22 т. М., 1979. Т. 3. С. 251—252.

[14] *Пантюхов И.* Современные лезгины // Кавказ. Тифлис, 1901. № 228.

[15] *Said E.* Orientalism. New York, 1978; 2nd ed. — London, 1995. Книга Саида была быстро переведена на несколько языков. Недавно в Петербурге появился и ее первый полный русский перевод, весьма убогий по стилю и с мало уместным националистическим введением, где концепция Саида используется как аргумент в пользу русского антиглобализма, направленного против колониальных поползновений Запада. Однако этот перевод вполне пригоден для чисто учебных целей преподавания (см.: *Саид Э.* Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский мир, 2006). На русском языке имеется также перевод послесловия ко второму изданию «Ориентализма» и выдержек из отдельных глав книги (см.: Социологическое обозрение. 2000. Т. 2. № 4; Отечественные записки. 2003. № 5).

[16] Толчок к продвижению концепции Саида на российский Восток был сделан публикацией в американском журнале «Критика» дискуссии между ведущими западными русистами об ориентализме в Российской империи (Kritika. 2000. Vol. 1. № 4). Русский перевод дискуссии см.: Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. М., 2005. С. 311—359. См. также замечания Н. Найта о концепции ориентализма в связи со статьей А. Эткинда в журнале «Ab Imperio» (2002. № 1). В 2006 г. расширенный вариант дискуссии о российских корнях и образцах ориентализма с участием зарубежных и российских специалистов по истории Российской империи переиздан в США: Orientalism and Empire in Russia / Ed. by M. David-Fox, P. Holquist, A. Martin. Bloomington, 2006.

[17] См.: *Jersild A.L.* Orientalism and Empire: North Caucasus Muslim Peoples and the Georgian Frontier, 1845—1917. Montreal, 2002. Автор этих строк также по-

святил несколько недавних работ разбору ориенталистских клише на Северо-Восточном Кавказе. См.: *Бобровников В.О.* Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие. С. 5, 16—26, 41—54; *Он же.* Ориентализм в литературе и политике на Северном Кавказе // Азиатская Россия. Люди и структуры империи. Омск, 2005. С. 23—42; *Он же.* «Горское хищничество» в теории и практике российского ориентализма на Северном Кавказе XIX в. // Меняющаяся Европа: проблемы этнокультурного взаимодействия. М., 2006. С. 367—383; *Bobrovnikov V.* Islam in the Russian Empire // The Cambridge History of Russia. Cambridge, 2006. Vol. III. P. 211—213.

[18] См., например: *Покровский М.Н.* Завоевание Кавказа // Он же. Дипломатия и войны царской России в XIX в. М., 1926.

[19] *Скачко Ан.* Дагестан. М., 1931. С. 31.

[20] *Блиев М.М.* Кавказская война, социальные истоки, сущность // История СССР. 1983. № 2; *Блиев М.М., Дегоев В.В.* Кавказская война. М., 1994.

Приложение 1

А.Е. Криштопа

ГОРНЫЙ ДАГЕСТАН НАКАНУНЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РОССИИ: СОЦИОЕСТЕСТВЕННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Сама формулировка темы влечет вопрос: сколь продолжителен этот «канун», предшествовавший началу активных действий Российской империи по включению в свои пределы Северного Кавказа?

В 1556 г., овладев всем Волжским бассейном от истока до устья, выйдя к берегу Каспия и закрепив за собой Астрахань, Московская Русь оказалась на пороге иного культурно-исторического мира — Кавказского региона. Исторический момент был достаточно сложен: еще с 1512 г. две столь же крупные державы — Иранская и Османская — уже вели ожесточенную военную борьбу за Закавказье, не оставляя без внимания и Северный Кавказ. России предстояло так или иначе стать третьим участником этой борьбы: ведь закрепление в Предкавказье было необходимо для победы над Крымом и разрешения, таким образом, одной из трех главных задач внешней политики России, вставших перед ней после 1480 г. А выход к порогам Дарьяла и Дербентского дефиле — этих двух основных проходов сквозь Кавказскую преграду — сулил большие

перспективы, и торговые, и политические... Итак, необходимо ознакомиться с этим «прологом» к событиям XVIII века — он продолжался полтораста лет. Начать же целесообразно с минимально необходимого представления об особенностях субрегиона — природных и историко-культурных.

1

Кавказ — широкий горный перешеек между двумя морями — Каспийским и Черным, перегороженный (от Апшерона до Тамани) двухтысячекилометровой горной преградой Большого Кавказского хребта, делящего это пространство на два малых региона: Северный Кавказ и Закавказье. Более того: Большой Кавказ разделяет здесь два огромных исторических мира — Переднюю Азию с ее древними очагами цивилизаций и Великую Степь с ее кочевыми культурами. Связь этих миров осуществлялась здесь в основном через два упоминавшихся уже древних транзитных прохода — Дарьяльский и Дербентский (роль десятков перевалов не следует преувеличивать — все они сезонные, функционирующие лишь по нескольку месяцев в году). С другой стороны, в горной (южной и средней) части большого Кавказского региона нетрудно выявить меридиональную водораздельную линию — границу между Западным и Восточным Кавказом. Хотя и не жестко, но она также разделяет «сферы преобладания» влияний Средиземноморского культурного мира (с запада) и Евразийского (с северо-востока).

В интересующем нас малом северокавказском регионе ощутимо «облучение» (по выражению А. Тойнби[1]), исходящее от всех этих четырех цивилизационных типов, но в разной мере — сказываются и внутренние субрегиональные различия, и геополитические особенности. Бесспорно преобладание степного и евразийского культурных влияний в Предкавказье и на Прикаспийской равнине, переднеазиатского влияния на Северо-Восточном Кавказе; менее выражены факторы «облучений» на Северо-Западном и Центральном Кавказе. Отметим попутно, что в нынешней научной полемике о Кавказе как «цивилизации» либо как «межцивилизационном пространстве» между сопредельными hartland'ами оформившихся цивилизаций — пока что сильнее аргументы второй точки зрения.

Рассмотрим локальные особенности субрегионов Северного Кавказа.

Северо-Восточный Кавказ обычно понимается как пространство между Тереком, берегом Каспия и водоразделом Главного хребта от Казбека до юго-восточной его оконечности. Однако это пространство с очевидностью распадается на три локальные области: одна из них (к западу от Аргуна) весьма близка к Центральному Кавказу, другая (Терско-Сулакская равнина) — к Предкавказью. Третья же — Нагорье и предгорья Дагестана — наименее сходна с сопредельными землями и потому в наибольшей степени определяет локальное своеобразие северо-восточного субрегиона.

Первое из отличий Горного Дагестана — сухость его климата. Обычно подчеркивается сходство Внутреннего Дагестана с нагорьями Передней Азии — притом несравненно большее, чем с остальными субрегионами Кавказа. Это приводит к своего рода «сдвигу вверх» всех природных зон в Дагестане: альпийские луга начинаются здесь на тех высотах, где там еще лед и снег и проч. Из-за этого вся среднегорная часть здесь оказывается открытой для постоянного заселения — ее земледельческое освоение падает еще на эпоху ранней бронзы. Издревле в среднегорье (1700—2500 м и выше) сосредоточивалась преобладающая часть населения Дагестана (положение стало меняться лишь полвека назад) — между тем в других субрегионах большая часть среднегорья относилась к землям сезонного пользования, а население в массе своей проживало в низкогорьях и предгорьях.

Второе отличие Горного Дагестана от остальных северокавказских земель — его особая геоморфология. Достаточно хотя бы глянуть на карту Дагестана: сердцевину его Нагорья занимает громадная суперкотловина, образуемая бассейнами четырех Койсу (около 9000 км^2). Вся их вода изливается через единственный сток — Сулакский каньон. Ни Эльхотовская, ни Карачайская котловины не равняются с нею по своей замкнутости и изолированности. Еще важнее то, что здесь почти каждая речка средней величины (а в Дагестане более 50 рек длиною не менее 25 км) вырабатывает аналогичный, но небольшой бассейн — котловину, границы которой включают 2—3 природные зоны. А поскольку зональные различия всегда суть основа для первичного разделения труда, то в итоге почти каждая такая котловина с прилегающими к ней небольшими плато и горными долинами (три наиболее важных геоморфологических элемента) образуют самодостаточную экологическую нишу, в пределах которой сосуществуют, дополняя друг друга: земледелие — скотоводство — садоводство.

Итак, мы видим, как природные особенности страны определяют особенности жизни здесь человека. К чему приводит эта самодостаточность чередующихся экологических ниш и «зональная чересполосица», отличающие Горный Дагестан от протяженных «зональных массивов» обоих соседних субрегионов? Особенности его орографии обусловили специализацию хозяйственного развития не по вертикальным зонам, как в других областях Кавказа, а по естественно-историческим округам, соответствующим конкретным геоморфологическим областям и районам[2].

Эта географическая особенность привела к сугубо историческим (историко-культурным) последствиям. С одной стороны, это делало возможным самодостаточное существование в пределах каждой такой экологической ниши на основе ее внутреннего межзонального обмена — мера их изолированности при этом ощутимо выше, чем в обоих соседних субрегионах, где межзональный обмен охватывал протяженные зональные массивы.

Но с другой стороны, те же четко очерченные пределы каждой такой ниши в Горном Дагестане закрывали ее обитателям все возможности для экстенсивного хозяйственного роста, в то время как на Северо-Западном Кавказе вплоть до XVIII в. еще бытуют подсечно-огневое земледелие и перелог. Между тем к XVI в. в горах Северо-Восточного Кавказа налицо признаки «демографического перенаселения». Во-первых, с XV в. нарастает миграционная лавина из Внутреннего Дагестана — процесс этот охватил и весь XVI век. Во-вторых, в «Завещании Андуник-*нуцала*» (правителя Хунзахского ханства) 1485 г. приведено любопытное исчисление мобилизационного ресурса основной части Горного Дагестана (до Кокмадагского хребта и реки Гюльгерычай): 210 тысяч воинов! Даже при тотальной мобилизации (40% от населения) это означало бы полумиллионное население Нагорья к концу XVI в.[3] (для сравнения: Неверовский для времен Кавказской войны дает вдвое меньшую цифру)[4].

Как же эта масса людей могла поддерживать свое существование? Ведь Дагестан беден ресурсами: здесь нет ничего, подобного обширным черноземам Прикубанья, или Малой Кабарды, или богатым рудным выходам Центрального Кавказа и т.п. В здешних скудных котловинах аридного среднегорья оставалась единственная хозяйственная перспектива — предельная интенсификация.

Сильно ошибется тот, кто попытается механически распространить на Горный Дагестан схему А.А. Миллера об исконном меж-

зональном разделении труда между скотоводческим нагорьем, с одной стороны, и земледельческими предгорьем и равниной — с другой, взаимосвязанными через обмен излишками и отгонное скотоводство[5]. Видимо, на Центральном и Северо-Западном Кавказе это так. Но на Северо-Восточном Кавказе эта схема приложима лишь к западной его части, а в Дагестане, может быть, к части Высокогорья (Цунтинский район и часть Цумадинского) с его давними связями с Алазанской долиной. В остальных его горных землях основой любого крестьянского хозяйства был именно пахотный надел — продуктивный же скот считался лишь весьма желательным дополнением. Фольклор — отражение народного сознания — также считает надел залогом выживания и основой жизни, а стадо — знаком зажиточности, богатства[6].

В условиях нехватки удобных земель и перенаселенности горное земледелие с самого начала складывалось как интенсивное. Главным проявлением этого было террасирование. В Дагестане склоны множества горных долин и котловин покрыты ступенями террас от вершины до подошвы. Этот полностью рукотворный антропогенный ландшафт тянется на десятки километров. Нигде более на Кавказе нет подобного. Лишь более 10—15% террас имеют каменные подпорные стенки, почва их наносная и целиком антропогенная; часто они так узки, что годятся лишь для ручной обработки, по огородной технологии. Преобладающий же тип террас создается особыми приемами вспахивания за многие годы. Те и другие — результат индивидуального труда: в течение своей жизни один человек может создать лишь 3—4 террасных поля. Но за многие поколения в террасированных ландшафтах аккумулируются громадные объемы овеществленного труда — недаром аридные горы Дагестана называют «областью напряженного земледелия», которому Н.И. Вавилов дал такую оценку: «У нас в Дагестане можно видеть интенсивную террасную культуру, идеальное использование для культуры рельефа гор, максимальное использование каждой пяди для земледелия. Можно учиться умению рационально использовать каждый клочок ценной земли... Вряд ли можно лучше использовать землю, чем это делают в Дагестане»[7].

Скотоводство точно так же приобрело здесь интенсивно-рациональные формы. Отгон был лишь одной из них, притом далеко не ведущей в XVI—XVII вв. Письменные источники указывают и на стационарную, и на сезонно-хуторскую альпийскую формы скотоводства, и, что еще примечательнее, на весьма де-

тальное, продуманное использование всех пастбищных ресурсов каждой общины[8].

Скудость ресурсов и интенсивно-рациональный характер хозяйствования считают предпосылками необычайно высокого развития ремесел в Дагестане в XVI—XVII вв. Особенно в конце этого периода они по своему уровню, специализации и продуктивности не имели себе равных в регионе. Мы не видим здесь привычных форм так называемого «второго общественного разделения труда» — города в горах так и не возникли; однако к XVI—XVII вв. успели сформироваться многие специализированные и торгово-ремесленные центры, в особенности к концу периода.

Еще одной, **третьей** локальной особенностью Дагестана был, конечно, великий транзитный путь, проходящий по восточному его пределу — Приморской равнине вдоль западного берега Каспия. Изо всех проходов через Кавказскую преграду этот путь был наиболее удобен и надежен.

По этой же причине ни одно крупное иноземное нашествие, коснувшееся большого Кавказского региона, не миновало Восточного Закавказья. В Дагестане завоевателей манила не столько сама эта бедная ресурсами страна, сколько проходящий по приморской ее равнине трансконтинентальный стратегический путь и возможность овладеть здесь самым контролируемым его участком.

К счастью, уже первая горная складка, тянувшаяся по восточному «обводу» Нагорья, давала опору для первой линии обороны основного, горного ядра Дагестана — военное проникновение в глубь его, как правило, быстро слабело и выдыхалось. То же самое можно сказать и о политическом контроле и влиянии доминирующих в регионе держав — в Дагестане и то и другое проявлялось гораздо слабее, нежели в сопредельной южной части Восточного Кавказа. По той же причине Дагестан так и не стал, подобно Восточному Закавказью, интегрированной частью переднеазиатской экономической сферы и «иранского культурного мира».

Но с другой стороны, «облучение» переднеазиатской цивилизации проявилось в Дагестане гораздо сильнее, чем в остальных субрегионах Северного Кавказа; степное и евразийское влияние улавливается на Терско-Сулакской равнине и в северных предгорьях, но зато средиземноморское в период XVI—XVII вв. не прослеживается здесь вовсе.

Дербентский путь всегда, во все эпохи истории Северо-Восточного Кавказа, был важным фактором переднеазиатского циви-

лизационного влияния. Наиболее очевидные проявления его в Дагестане — сфера ремесленного производства и духовная книжная культура. Продукция дагестанских ремесел, особенно связанных с заказом и сбытом, в той или иной мере отмечена переднеазиатскими чертами — от технологии до декора — при столь же явной дагестанской основе. Это дало основание Е.М. Шиллингу выделять два «слоя» в дагестанском традиционном искусстве: автохтонный и переднеазиатский. Добавим к этому, что малоземелье наряду с рационализацией хозяйства из-за скудости ресурсов не способны сами по себе породить мощное ремесленное производство, первенствующее в регионе и по своему объему, и по техническому и художественному уровню, и по удельному весу в хозяйстве, — постоянное влияние великого торгового пути из Передней Азии должно тут быть очень значительно.

Что же касается духовной культуры Дагестана, то здесь концепция Шиллинга еще более основательна: в известном смысле весь книжный (то есть верхний и поздний) слой здешней культуры есть следствие воздействия исламской переднеазиатской цивилизации, в чем немалую роль сыграл транзитный путь приморской равнины. В XVI—XVII вв. арабоязычная письменная культура Дагестана переживает так называемый «мусульманский Ренессанс» — быстрый и мощный духовный подъем, совершающийся на основе классического арабского языка и классических книжных форм времен Халифата, вышедших к тому времени из употребления в самих арабских странах. Конечно, это «вторичная», отраженная культура — Дагестан выступает как одна из периферийных провинций переднеазиатского исламского «культурного мира». Но все же об уровне этой культуры здесь можно судить хотя бы по тому, что один из *алимов* XVII в. Мухаммад ибн Муса из с. Кудутль, многосторонний ученый, оставивший след и в физике, и в прикладной астрономии, на склоне лет преподавал арабский язык в Алеппо в Сирии, где и умер, то есть преподавал арабам их же язык на их же родине. Следовательно, ученые дагестанцы по крайней мере не уступали по своему уровню ученым «культурной метрополии» — арабам. Но для суждения о влиянии исламской культуры более показательна степень ее проникновения в народ. Если взять всю учтенную на Северном Кавказе мусульманскую эпиграфику XVI—XVII вв.[9], то окажется, что лишь 8% ее относится к пространству от Андийского хребта до Черного моря. Итак, 96% введенной в научный оборот эпиграфики Северного Кавказа XVI—XVII вв. относятся к Горному Дагестану.

Конечно, из сравнительно большей исламизации Дагестана — в сравнении с остальными субрегионами — еще не следует, что он уравнялся в культурно-религиозном отношении со странами коренного ислама — османский путешественник Э. Челеби, побывавший в Дагестане в XVII в., считает религиозность горцев поверхностной. Они, конечно же, считались мусульманами, но до настоящей веры (*имана*) было еще далеко[10].

Подводя итог всему вышесказанному, отметим, что эти глубоко своеобразные черты исторического развития Дагестана сформированы факторами географическими (сухость климата, особенности геоморфологии, великий транзитный путь). Следовательно, действие их было долговременно и постоянно, проявляясь и в XVI—XVII вв. Все эти особенности отразились и в московско-северокавказских взаимоотношениях.

2

Выйдя в середине XVI в. к пределам Кавказского региона, московские государевы люди обнаружили здесь общество со своеобразным социально-политическим устройством. Как они восприняли его? Они сообщают об обширной горной стране, состоящей из отдельных «горских землиц», населенных «горскими людьми», которые явственно отличимы от татар, ногайцев, а затем и калмыков. Наряду с их «деревнями», иногда и отдельно стоящими дворами и даже «крепями» (укреплениями) названы «*кабаки*» (возможно, от перс. *кабок* — «гнездо», это какой-то тип подвижных поселений). Исчисление местных «ратных людей» дается обычно по «землицам».

Это общество делится на иерархические группы. Возглавляют его «владельцы» — они «сидят на княженье» в своих «землицах». Обычно это «больший князь» и его «меньшая братия» — к ней по рангу близки *мурзы*. Большие князья самостоятельны, нередко «промеж собой бранятца», но и в ходе этих «междоусобных ратей» создают коалиции — выступают «в одиначестве». Они независимы друг от друга, хотя нередко по собственному выбору «голдуют» (принимают вассалитет) «кызылбашскому царю» (*шаху*) или крымскому хану, либо «*шертуют*» (приносят личную присягу) московскому царю.

За этой группой следуют *уздени*. Все они «несут службы» владельцам своих «землиц», иногда это «службы дальние, отъезжие». При этом сами уздени делятся на «дворовых» и «задворных» — к

этим последним относятся «лучшие», иногда и «средние»; дворовых же иногда именуют «простыми». «Лучшие» наряду с мурзами и княжеской «меньшей братьей» участвуют в совещаниях «владельцев», могут владеть «кабаками» и «людьми», «дворовые» же приравниваются к «служилым» невысоких рангов.

За ними следует «подвластный подлый народ» — он, впрочем, тоже неоднороден. Прежде всего это «люди рядовые, неименитые», они же, видимо, «черные люди» — подчинены «владельцам», платят им «дань» либо «оброки». К ним близки «ясачные люди» или «ясашные мужики», платящие натуральный *ясак*. Все они составляют основное население кабаков и деревень. У них есть свои старшины, участвующие даже в княжеских съездах, где они составляют свои «круги» и как-то влияют на решения. Зависимость «рядовых и неименитых» от владельцев отнюдь не личная — так, *шамхал* говорит о своих «черных людях»: «У нас люди вольные — сегодня меня слушают, а завтра к другому пойдут». Скорее всего, их зависимость ближе к поземельной.

По-видимому, еще ниже стоят «пашенные (пахотные) люди» и «деловые люди» (делающие «изделье»). Это, видимо, барщинные крестьяне. К ним близки «дворовые люди».

Ниже всех, вне общества, стоят *ясыри* (рабы-пленные) и «холопы»[11].

Итак, писавшие это московские служилые люди сумели подметить какие-то существенные черты горского общества — но прежде всего те, которые сколько-нибудь соотносятся с привычной для писавших действительностью Московского государства и сопредельных «татарских» (послеордынских) обществ. Само преобладание «московской» терминологии указывает на это — в крайних случаях ее дополняют тюркские термины. Сложнее обстоит дело, если описывается что-то, не имеющее соответствий в социальном опыте пишущего. Тогда в тексте появляются местные термины «козлары и дужнюки» (т.е. *дыжиниго* кабардинцев) — ступени в иерархии «луччих узденей»; *шевкал*, *усмей*, *масум* (даже *максут*) — титулы владетельных домов Дагестана. И совсем уже расплывчаты и скудны описания, когда дело доходит до местных общественных отношений и норм: «горские люди» живут «как у них ведется», «по черкасскому обычаю», «кровь за кровь мстят» или: «того в обычаях не ведется, чтоб узденям мурз побивать» и т.п.[12].

Понятийно-терминологическая система, сформированная иной социальной средой, неизбежно отражает реальность горско-

го общества неточно и неполно. Важно другое: русские источники показывают прежде всего, как видели и понимали горское общество московские государевы люди XVI—XVII вв. и в каких моментах оно было соотносимо с русским обществом тех времен.

Для того чтобы получить более адекватное представление о тогдашнем горском обществе, надо обратиться к местным источникам. Самые ценные и достоверные сведения о нем дают актовые письменные источники, особенно памятники местного адатного законодательства. К сожалению, однако, письменное освещение общественной жизни горцев XVI—XVII вв. далеко не равномерно в разных субрегионах Северного Кавказа, поэтому исследователи привлекают самые разнообразные источники, но чаще всего ретроспективно используются этнографические и фольклорные материалы.

Наиболее изучены дагестанские адатные сборники XVII в. Четыре из них относятся к землям южнее Аварского Койсу (Андалал, Рис-Ор, Гидатль, Келеб), один — к бассейну р. Уллучай (Кайтаг-Дарго)[13].

Но для лучшего понимания их смысла необходимо принять во внимание историческую обстановку на Северо-Восточном Кавказе накануне интересующего нас периода (XVI—XVII вв.). С его началом совпало завершение в Дагестане двух продолжительных, глубоких исторических процессов:

— **смена прежнего типа расселения**. Начиная с XI—XII вв. тысячи мелких аграрных поселков, густо усеивавших Нагорье, постепенно сселялись в более крупные (но не столь многочисленные) селения. К концу XV в. этот процесс завершился (типологически он подобен синойкизму в архаической Греции);

— **исламизация**. Процесс распространения ислама на Северо-Восточном Кавказе начался с Восточного Дагестана не позднее VIII в. и завершился здесь лишь к рубежу XV—XVI вв. (в северо-западной части субрегиона процесс этот местами затянулся до начала XIX в.).

Совпадение обоих этих значительных явлений, случившееся в одну и ту же историческую эпоху накануне присоединения к Российской империи, приводит к тому, что в XVI—XVII вв. Дагестан и в целом Северо-Восточный Кавказ резко меняют свое «историческое лицо»[14]. Единая религия (наряду с исчезновением прежнего разноверия) завершила интеграцию субрегиона в его исторических границах, стала мощным фактором единства его столь разнообраз-

ных этносов; одновременный повсеместный переход к новому типу расселения (крупные села) привел к однородности политической структуры по всей территории Дагестана.

Обновленное горское общество вступило в период XVI—XVII вв., где мы наблюдаем другие два глубоких процесса: мощную миграцию из Нагорного Дагестана в предгорья и так называемую дефеодализацию.

3

Села, сложившиеся в итоге четырехвекового процесса укрупнения, были не чем иным, как соседскими сельскими общинами. Вокруг почти любого горного села попадаются остатки прежних мелких древних поселений (от 3 до 12 примерно). Местные предания утверждают, что их-то жители в давние времена и объединились в нынешнее село, соединив при этом и свои земли. Массовый подъемный материал с этих развалин обычно доходит до XI—XV вв.[15].

Так складывалось довольно крупное поселение, жители которого были не обязательно родственниками, но в большинстве случаев соседями и совладельцами объединенных земель (как в любой соседской общине). Здесь, однако, следует отметить особенности такой общины в Дагестане.

Любая соседская община отличается от прежней кровнородственной общины тем, что теперь часть земель переходит в индивидуальную или групповую собственность общинников — остальная же земля остается, конечно, в их совместном пользовании и владении. По соотношению частной и коллективной форм собственности внутри соседских общин принято (в отечественной историографии) делить их на три категории: восточную (или древнеземледельческую), античную и германскую (или *марку*) — названия эти условны и не связаны жестко с их локализацией. Если для восточной присуще преобладание коллективного принципа собственности и явное подчинение ему частного землепользования, а для марки, напротив, преобладание частной формы собственности и «дополняющая» роль коллективных угодий общины, то для античной общины характерно своего рода равновесие между частными и общинными правами и интересами, а заодно и противоборство между ними. Ведь любой клочок индивидуальной или групповой земли когда-то до его отчуждения — давно или недавно — был полной собственностью общины: таким образом, увели-

чение достояния одной формы неизбежно связано с равным уменьшением другой. Но это не ведет ни к расхищениям, ни к конфискациям. Не столь уж редки факты «вторичных» владений общины, то есть возврата частных земель в общинный фонд (наиболее ранняя письменная фиксация такого акта — 1401 г.). Установилось состояние своеобразной амбивалентной взаимообусловленности — взаимозависимости этих двух противоположных принципов, подвижное динамическое равновесие, столь характерное для любых жизненных процессов.

Название такой общины в дагестанских языках совпадает со словом «селение» и потому звучит по-разному. Однако, в общепринятом письменном языке, каковым стал в Дагестане арабский, она именуется либо *карйа*, либо (если подчеркивает ее общественно-правовую сторону) — *джамаат*. Это слово стало общепринятым в нашей науке термином для обозначения дагестанской соседской общины.

В джамаате можно выделить три исконных формы землепользования: во-первых, **индивидуальную подворную** (семейную) — к ней всегда относятся пахотные участки и сады; нередко сенокосы, редко — лесные участки и лишь в единичных случаях — небольшие пастбища (зимние пригревы); во-вторых, **общинные земли надельно-сезонного пользования** — это в основном общинные сенокосы, ежесезонно разделяемые по числу хозяйств, в следующем году обычно происходил передел (в иных общинах, впрочем, практиковалось постоянное разделение сенокосов между патронимиями общины — *тухумами* — с последующим временно-надельным пользованием уже внутри каждого из них); по этому же принципу, но реже использовались иногда лесные делянки и лишь в особых случаях — пашни (если пашенный массив только что освоен джамаатом, либо только что захвачен им, либо арендуется у соседней общины); в-третьих, **общинные земли совместного пользования** — это в основном пастбища, иногда леса.

Поскольку любая собственность есть прежде всего форма присвоения, то можно, конечно, говорить о соответствующих формах собственности. Однако здесь не следует впадать в распространенную ошибку, понимая эти формы в предельно развитом виде, которых они достигают лишь в буржуазном западном обществе: там если объект отнесен к индивидуальной частной собственности, то тем самым он не является ни корпоративной, ни государственной, ни иной. То же самое можно сказать и о любой другой ее форме.

Иначе дело обстоит в иных, незападных цивилизациях (да и в самой западной в более ранние ее эпохи): тут собственность часто иерархична — на один и тот же объект могут распространяться одновременно права собственности нескольких различных субъектов, но в разных объемах и на разных уровнях.

Индивидуальная собственность общинника-домохозяина в джамаате обладает всем набором признаков полной частной собственности: налицо его правомочия пользования, владения, распоряжения, его право на отчуждение (продажу, дарение, завещание) объекта собственности. Но вместе с тем все эти права сопрягаются или ограничиваются правами субъектов более высоких уровней. Так, прежде чем продать участок своей земли, хозяин обязан был (в большинстве горских джамаатов) прежде предложить каждому из домохозяев своего тухума купить этот участок и, лишь получив отказ ото всех, мог продавать его чужеродцу — но обязательно односельчанину. Обычное право (*адат*), как правило, не содержит прямого запрета на продажу земли (и недвижимости) чужеземцам — это выглядело бы как ограничение воли и прав собственника. Но зато оно устанавливает за это такой штраф, который многократно превышает стоимость объекта, лишая такую продажу всякого смысла.

Итак, акт отчуждения частной земли тут же «выявляет» поземельные права субъектов более высокого уровня — *тухума*, а далее *джамаата*. Более того: джамаат, устанавливая обязательные для всех собственников сроки начала и окончания полевых работ, сурово наказывает любого нарушителя за самовольные действия на его же собственной земле. А по окончании полевого сезона и до начала следующего (то есть с октября по март включительно — по 6 месяцев ежегодно) все частные пашни обращались в джамаатское пастбище — и ни одному хозяину и в голову не приходило воспрепятствовать доступу на них скота общины, основываясь на своем праве собственника. И, наконец, в обычном праве многих (но не всех) джамаатов предусмотрен за некоторые серьезные деликты «штраф землей»[16] — то есть отчуждение в общинный фонд участка определенной величины из пахотной собственности виновного. С другой стороны, в полевой сезон джамаат организует охрану посевов общинников.

Итак, ограничены ли этими правами тухума, а особенно джамаата, права индивидуального собственника? Безусловно да. Но теряет ли его собственность от этого свой частный характер? Безус-

ловно нет: ведь при этом сохранены все правомочия, присущие полной частной собственности. Уместно привести такую параллель: в большинстве стран современного мира сфера частной недвижимости изобилует разнообразными ограничениями со стороны государства, вплоть до ограничений в ее приобретении иностранцами, — однако никто не сомневается при этом в ее частном характере, не считает ее огосударствленной и т.п. Одним словом, ограничение правомочий — это не отмена их, оно не меняет характера собственности; и, ограниченная верховными правилами тухума и джамаата, она остается частной. Поэтому с полным правом эта индивидуальная частная собственность горца-общинника подходит под понятие *мульк* (отметим попутно, что этот шариатский термин имеет в виду полноту правомочий, а вовсе не субъекта-индивидуала с неограниченными правами: в источниках сколько угодно указаний на «мульк джамаата», «мульк мечети» и т.д.). Кстати, наиболее ранняя купчая на землю общинника, известная ныне, относится к 1347—1348 гг. (Табасаран)[17].

Такая же «иерархия прав» просматривается и на джамаатских землях надельно-сезонного пользования. В пределах определенного джамаатом срока каждый полноправный домохозяин получал исключительное право пользования выделенным сенокосным участком. Если даже он вообще не имел скота — за ним оставалось право предоставить этот сенокос за плату любому жителю села либо продать сено — одним словом, реализовать свое неотъемлемое право. Но и при этом все правомочия владения и распоряжения оставались за джамаатом. Еще одна категория землепользования — пастбища. Само их назначение исключает какие-либо формы, кроме совместного коллективного пользования. Доля любого общинника выражалась здесь в простом праве допуска его скота на ту часть общинной территории, которую на данный срок определил под выпас джамаат (существовал детально продуманный, эмпирически проверенный «график» наиболее рационального, поочередного использования всех пастбищных ресурсов общинной территории).

Итак, строго говоря, джамаат был верховным собственником всей земли в своих границах. Но объем его прав на разные категории угодий был различным. Пашни, а нередко и сенокосы, находившиеся в подворном землепользовании, были в частной собственности домохозяев (с вышеотмеченными ограничениями владения и распоряжения), но при этом почти полгода, за преде-

лами сельхозсезона, они были в безраздельном пользовании джамаата, который обязан был не нарушать прав собственности никого из общинников; она относилась к категории мульков. На угодья в надельно-сезонном пользовании, и в особенности на пастбища, джамаат имеет гораздо больший объем прав, поэтому они относятся к категории *харимов*.

Легко заметить, что харимы по своей площади многократно превосходят мульки. Зато мульки (пашни, сады, лучшие сенокосы) гораздо продуктивнее харимов, хотя и требуют больших затрат интенсивного индивидуального труда.

В ходе исламизации появилась еще одна форма собственности — *вакф*, то есть имущество мечетей и других религиозных учреждений. Исторически это бывшая частная собственность, пожертвованная ее владельцами и представленная, таким образом, теми же видами угодий.

В Дагестане существовало два вида *вакфа*:

1) собственник участка земли определял урожай с него (или часть его) в ежегодный бессрочный взнос мечети. При этом сам вакфный участок вместе с остающимся доходом с него был во владении жертвователя, он переходил к его наследникам с условием принятия ими вакфного обязательства; на этом же условии он мог быть и продан: как видим, при таком варианте мечеть не становится оперативным владельцем и распорядителем объекта, она приобретает бессрочное право на долю дохода с него, а жертвователь — владелец, сохраняя правомочия собственника или передавая их при отчуждении, вместе с ними передает и обязательства обеспечивать мечети эту долю. В некотором смысле это можно рассматривать как добровольный бессрочный *оброк*. Кроме благочестия, причиной его могло быть стремление гарантировать сохранение за жертвователем его земельной собственности (хотя бы и с неполным доходом) от угрозы насильственного изъятия;

2) в собственность мечети передается сама земля — дальнейшее уже не касается жертвователя, способы ее использования становятся заботой настоятеля мечети, будуна, кади и т.п. Этот вакф не подлежит продаже. Следовательно, способом извлечения дохода может быть аренда на условиях владельцев. Однако письменные источники свидетельствуют, что горные джамааты, как верховные распорядители всех земель в своих границах, брали такие вакфы под контроль. В условиях горного малоземелья приработок был желанным для многих: джамаат брал на себя отбор арендаторов, их

очередь, контроль за ее соблюдением и обоюдным выполнением обязательств. Это была своего рода опека джамаата над вакфом — мечети гарантировался твердый и постоянный доход, но от оперативного руководства этой собственностью она фактически отстранялась, верх брали общинные традиции.

Еще об одном виде собственности — тухумной — у исследователей единого мнения нет. Источники XVI—XVII вв. прямых свидетельств о ней не дают, однако она вполне может входить в общую категорию *мульк* (тем более что о солидарной имущественной ответственности тухума адаты XVII в. упоминают). Обычному в подобных случаях ретроспективному использованию этнографических материалов мешает их неоднозначность. С одной стороны, есть достаточно фактов компактного расположения тухумных участков в пахотных и сенокосных массивах, тухумных сезонных хуторов, тухумных участков на кладбищах; есть явные следы былых тухумных кварталов. Несомненны поземельные и имущественные права тухумов; до XX в. прослежены неразделенная тухумная собственность (мельницы, сады и т.п.), завещания выморочных земель тухумам, реже — тухумная собственность на участки земли. Допустимо предполагать, что все это следы более выраженной в прошлом собственности тухумов; параллельно этому может быть и корпоративная собственность феодальных домов, нормируемая особыми «бекскими адатами» (до рубежа XIX—XX вв.)[18]. Однако противники такого допущения указывают на редкость и вторичность этих явлений, видят в них «долевую собственность», «имущество неразделенных семей», либо признают с оговорками[19].

4

Тухум занимал важное место в структуре дагестанского общества. Это патронимическое объединение, имеющее здесь, однако, существенные отличия от патронимий Северного Кавказа (включая Чечню и Ингушетию). Во-первых, в отличие от патронимических объединений остального Северного Кавказа, выходящих далеко за пределы сельских общин и существующих самостоятельно от них, дагестанский тухум существует только как органическая часть — слагаемое джамаата. Во-вторых, в отличие от этих патронимий, строго экзогамных, дагестанскому тухуму присуща предпочтительная (хотя и не строгая) эндогамия. Все это заставляет

отказаться от известных положений М.М. Ковалевского о тождестве дагестанского тухума с родом и о типологическом единстве джамаата с тухумом[20]. Как раз напротив, они построены на противоположных принципах: в основе джамаата лежит соседство равных и совладение территорий, перспектива его развития — гражданское общество и государство, в то время как в основе тухума — противоположная схема кровного родства. В структуру джамаата тухумы входят как своего рода «коллективные субъекты», которые вне джамаата существовать не могут. Тем не менее дагестанские тухумы, восходящие к группам родственных семей, населявших прежде те мелкие поселки, из которых складывались джамааты, сами стали основными частицами их структуры, готовым «механизмом передачи» верховной воли джамаата каждому из его членов, механизмом реализации адатов, защиты своих членов, но одновременно — и правового принуждения их, и контроля над ними. Без образуемой тухумами структуры община была бы более аморфной. Обратим внимание на то, что жители села, не входившие в тухумы, всегда оказывались социально слабее, чем организованные в тухумы общинники.

К этому следует добавить, что название *тухум* (перс.) закрепилось в науке за этим патронимическим объединением. В живой речи ему соответствует масса синонимов и на местных языках (со значениями «дом», «потомство», «корень»), и заимствованных из восточных языков.

Уже в ходе укрупнения поселений и создания более крупных соседских сел — джамаатов начался параллельный процесс объединения их в союзы сельских общин. Наиболее старое письменное свидетельство о таком объединении — Курахская стела 1356 г. с подробным и последовательным перечислением его пограничных объектов[21].

Определенно просматриваются две причины объединения групп соседних джамаатов — военная и территориально-хозяйственная. С одной стороны, подобные объединения часто носят на местных языках название «войско» (аварск. *бо*, даргинск. *хуреба* и т.д.) — точно так же именуются они и в местных арабоязычных текстах (араб. *джайш*, *'аскар*). С другой, обычно каждое такое объединение, кроме земель каждого из сел-членов, имеет в своих пределах и неразделенные территории в совместном использовании (наподобие римского *ager publicus*). Управление ими складывается по-разному: либо создается коллегия равных, учитывающая инте-

ресы всех; либо джамаат-гегемон захватывает контроль над этим общим фондом, а допуск к нему остальных союзных сел соотносит с их лояльностью; либо то же самое делает группа ведущих сел союза, допуская остальных на условии лояльности селам-лидерам.

Оборона, соседство, совместно используемый массив — все это близко связано с географическим фактором, который действительно играет немаловажную роль в группировании и объединении в такие союзы. Ядром такого объединения чаще всего, но не всегда становится котловина или долина с примыкающими ущельями, водоразделами и плато, образующими самодостаточную экологическую нишу с четкими границами в виде водоразделов, русел крупных рек и т.п. Недаром такие союзы джамаатов сопоставляют с так называемыми «номовыми государствами» Древнего Египта[22].

В своем общественно-политическом устройстве такой союз джамаатов обычно копирует организацию и основные черты и нормы своих членов — сельских джамаатов. По сути, это тот же джамаат, но на более высоком уровне, с сельскими общинами в качестве структурных элементов (условно можно считать входившие в союз села «малыми джамаатами», а сам союз — «большим джамаатом»). Таких «больших джамаатов», сохранявших традиционную общинную структуру, к рубежу XVII—XVIII вв. в пределах исторической территории Дагестана — вместе с засулакскими, джарскими и «шахдагскими» землями — насчитывалось 106. Если же добавить к ним и те территории, которые не имели этой структуры либо утратили ее, то число их возрастет до 111; но сегодня территории девяти из них лежат за пределами Республики Дагестан. Следует учесть, что в начале периода эта цифра была меньше.

В отечественной литературе и историографии за этими союзами горских джамаатов с дореволюционного времени утвердилось условное название «вольные общества». В ходе своего формирования (XI—XV вв.) джамааты и их союзы становились основной структурной единицей дагестанского общества. По словам Р.М. Магомедова, «дагестанский горский джамаат — это главный ключ к истории Дагестана»[23].

Действительно, с начала XVI в. можно совершенно определенно сказать, что эти единообразно устроенные территориально-общественные единицы стали основным «модулем» исторического процесса в Дагестане. Проявлениями структурных свойств этого «модуля» обусловлено и объясняется многое в истории Дагестана XV—XIX вв., в ее своеобразии.

В ходе истории из этих устойчивых «модулей» складывались в ответ на внешние и внутридагестанские «исторические вызовы»[24] более сложные и подчас не столь устойчивые структуры — это политические образования, сводимые к двум типам. Либо это присоединение самоуправляемых вольных обществ (на разных условиях) к какому-либо феодальному владению, либо это объединение подобных вольных обществ в устойчивый союз — при этом весьма часто просматриваются уже знакомые нам факторы подобных джамаатских объединений: военный и территориально-хозяйственный. В итоге складывались два столь характерных для Дагестана традиционных типа государственности: княжество монархического типа или федерация вольных обществ республиканского типа.

---

[1] *Тойнби А.Дж.* Постижение истории. М., 1991. С. 353—354.

[2] *Котович В.Г.* Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития древнего Дагестана. М., 1982. С. 147.

[3] См. публикацию текста памятника с оригинальным историко-политическим комментарием А.Р. Шихсаидова в кн.: *Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р.* История Дагестана с древнейших времен до конца XV в. Махачкала, 1996. С. 322—325.

[4] *Неверовский А.* Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан в статистическом и топографическом отношении // Военный журнал. 1847. № 5.

[5] Модель Миллера совершенно «не работает» и в еще одном важнейшем субрегионе Северного Кавказа — Степном Предкавказье.

[6] *Миллер А.А.* Работы Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК 1932 года // Проблемы истории материальной культуры. 1933. № 1—2.

[7] *Вавилов Н.И.* Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий // Природа. 1936. № 2. С. 80.

[8] См. детальное исследование скотоводства в системе традиционного горского хозяйства: *Османов М.-З.О.* Формы традиционного скотоводства народов Дагестана в XIX — начале XX в. М., 1990.

[9] Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, турецком и персидском языках / Публ., пер., коммент. Л.И. Лаврова. Ч. 2: Памятники XVIII—XIX вв. М., 1968. Ч. 3: Памятники X—XX вв. М., 1980.

[10] «Люди тут как будто сторонники суннитов. Однако [на самом деле] они суннитами не являются. Все они мусульмане-единобожцы, исповедующие учение своих духовных наставников» (*Челеби, Эвлия.* Книга путешествий. М., 1979. Вып. 2. С. 111).

[11] Подробнее об этом см.: *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (XVI—XVII вв.). М., 1963. С. 17—43, 110—127.

[12] Там же.

[13] Факсимиле текстов и русские переводы правовых памятников дагестанского адата см. в кн.: Гидатлинские адаты / Пер. с араб. М.-С. Саидова. Под ред. Х.-М. Хашаева. Махачкала, 1957; Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв. Архивные материалы / Сост. Х.-М. Хашаев. М., 1965. С. 62--70 (адаты Андалала); 261—276 (адаты Рис-Ор); 71—92 (адаты Келеба); Постановления Кайтагского уцмия Рустем-хана // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1868. Вып. I. Отд. I. С. 80—88. Общую характеристику этих памятников и их места в общественном устройстве Дагестана см.: *Хашаев Х.-М.О.* Общественный строй Дагестана XIX в. М., 1961. С. 152.

[14] Об исторической роли ислама в интеграции Северного Кавказа в российское общество XVIII—XIX вв. см. выше, в главах 4 и 9 настоящей книги.

[15] См.: *Абакаров А.И., Давудов О.М.* Археологическая карта Дагестана. М., 1993. С. 108.

[16] Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв. С. 71 (Келеб).

[17] Акт о разделе имущества между наследниками Шакрака сына Ахмада (748 г. хиджры/1347/48 г. н.э.) // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху Средневековья. Махачкала, 1986. С. 112—117.

[18] Такие адаты могли регулировать самые разные стороны поземельного и общественного устройства джамаата. Например, у карачи-беев в равнинном Дагестане существовал обычай совладения хуторами-*кутанами*. См.: Из истории права народов Дагестана. Материалы и документы / Сост. А.С. Омаров. Махачкала, 1968. С. 200 и след.

[19] *Агларов М.А.* Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII — начале XIX в. М., 1988. На странице 125 автор отказывает всем видам тухумной недвижимости в статусе «тухумной собственности», но на страницах 76 и 113 вынужден согласиться с фактом существования тухумных земель.

[20] *Ковалевский М.М.* Родовое устройство Дагестана // Юридический вестник. М., 1888. Т. 29. Ч. 3. С. 541.

[21] Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, турецком и персидском языках. М., 1966. Ч. 1. С. 118, 196—199.

[22] Термин принадлежит дагестанскому историку Т.М. Айтберову.

[23] *Магомедов Р.М.* Единство народов — великое благо Дагестана. Махачкала, 2001. С. 24.

[24] *Тойнби А.Дж.* Постижение истории. С. 106.

Приложение 2

В.Х. Кажаров

КАБАРДИНСКАЯ ОБЩИНА-ВОТЧИНА ВРЕМЕН РУССКОГО ЗАВОЕВАНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА

В интерпретации социальной природы адыгского феодального села сложились два подхода: оно рассматривалось как вотчина (или поместье) того или иного представителя класса *пши-уорков* и в то же самое время считалось общиной. В этом не было бы никакого противоречия, если бы выявлялась специфика их взаимосвязи, ибо одновременное существование и взаимодействие вотчины и сельской общины является закономерностью для обществ европейского типа феодализма. Но все дело в том, что в исследованиях эти два подхода механически сосуществуют, функционируя как бы параллельно, не соприкасаясь друг с другом. Однако если изменить угол зрения, то окажется, что отражающиеся в этих подходах два компонента традиционной социальной структуры «аристократической» группы адыгов пересекаются в одной и той же точке социального пространства, образуя в рамках *къуажэ* организацию, в корне отличавшуюся от сельской общины.

Подходя впервые к изучению этой проблемы в 1980 г., мы были убеждены, что трудности выявления и описания сельской общины у адыгов в первой половине XIX в. связаны только с несовершенством методов ее изучения и отсутствием достаточного количества репрезентативных данных. Но суть проблемы оказалась глубже и

одновременно проще: сельская община не могла быть описана и изучена в силу того, что ее не существовало в адыгских «аристократических» обществах рассматриваемого периода. Это как раз тот случай, когда невыраженность социального института в соответствующих источниках свидетельствует об отсутствии его в реальной исторической действительности. Ниже нам предстоит обосновать, что по своей социальной природе адыгская къуажэ представляла собой вотчину, которая и являлась основной единицей адыгского общества в XVIII — первой половине XIX в. Причем по всем признакам ее следует отнести к одной из разновидностей частной феодальной вотчины.

Прежде чем говорить о терминах, относящихся к вотчине, необходимо выяснить, какие особенности къуажэ дали основание исследователям определять ее как сельскую общину. Нисколько не упрощая проблему, мы полагаем, что в адыгской историографии определение социальной организации, территориально совпадающей с селом, как общины основывалось главным образом на двух обстоятельствах: на самом факте этого совпадения и наличии общинного землепользования. Как это ни парадоксально, основой определения социальной сущности организации, совпадавшей с къуажэ, служил не факт господства в ее рамках феодальной собственности, а наличие подчиненного последней общинного землепользования. Такой подход, конечно, в корне методологически неверен, поскольку ведет к смешению различных уровней ее структуры и подмене одних явлений и понятий другими.

Термин «вотчина-деревня» указывает на принадлежность данного села вотчиннику (*къуажэпщ'у*), подчеркивает такую важную особенность наиболее распространенного типа адыгской вотчины, как ее территориальное совпадение с селом, и вместе с тем отличает от других типов вотчины в Кабарде, ибо вотчина-деревня — основная единица феодального владения, но далеко не единственная: здесь существовали фамильные княжеские вотчины-уделы, частные княжеские вотчины-уделы, фамильные и частные вотчины знатных дворян (*тлекотлешей* и *дыженуго*), включавшие несколько деревень, а также вотчины-поместья внутри села. Целесообразность употребления этого термина очевидна при рассмотрении внешних связей къуажэ, выяснении ее места в системе иерархически соподчиненных вотчин и т.д.

В тех случаях, когда мы рассматриваем эту социальную организацию как совокупность мелких вотчинников и дворохозяйств,

обращая внимание главным образом на внутренние связи, общность территории, наличие в ней таких общинных элементов, как земельные переделы, различные формы кооперации и т.д., то правомерно употребление термина «вотчина-община». Другими словами, он адекватен в той мере, в какой мы, абстрагируясь от вертикальных связей, делаем акцент на интегративные связи горизонтального плана. Этот термин конструктивен также и при сравнительно-исторических исследованиях, в том числе при типологических сопоставлениях с подобными же структурами у других феодальных народностей Северного Кавказа.

Таким образом, использование этих терминов, обозначающих разные аспекты вотчины, будет зависеть от контекста и предмета рассуждений. Но это создает дополнительные трудности в изложении материала, требуя каждый раз соответствующих пояснений и оговорок. Поэтому следует ограничиться одним из них. Мы отдаем предпочтение термину «вотчина-община», поскольку он более точно выражает типологическое своеобразие данной социальной организации. И последнее замечание. Ниже рассматриваются материалы о вотчине-общине у кабардинцев, общественный строй которых был типичен для всей группы «аристократических» адыгов.

1

При рассмотрении этого вопроса мы основываемся на том факте, что в XVIII— первой половине XIX в. у кабардинцев господствовала феодальная земельная собственность. Однако все рассуждения о ее специфике будут носить отвлеченный характер без выяснения ее реализации в рамках общины. В адыговедении принято разделять (по аналогии со средневековой Россией) феодальные владения на два типа — вотчины и поместья[1].

Мысль о сходстве знатных дворян в Черкесии с боярами-вотчинниками в Древней Руси (а незнатных — с дружинниками) высказывалась еще Ф.И. Леонтовичем[2]. Противопоставление вотчины и поместья по формально-юридическим признакам также является данью традиционной схеме. Что же касается утверждения, что владельцами аулов были только первостепенные уорки, то самого поверхностного взгляда на «Списки узденей» 1825 г. достаточно для того, чтобы убедиться в обратном. Согласно этим «Спискам» уздени и 2-й, и 3-й, и 4-й степеней выступали аульными владель-

цами[3]. Кроме того, сопоставление этих материалов и архивных источников XVIII— первой половины XIX в. с данными ландкарты 1744 г. (и пояснений к ней, сделанных в 1753 г.) убеждает в том, что они владели аулами на наследственном праве. Следовательно, отпадает и второй критерий их отличия от землевладельческих прав первостепенных уорков. Поэтому аулы и земельные участки, находившиеся в наследственном владении *беслан-уорков*, *уорк-шаотлугусов* и *пшикеу*, следует рассматривать не как бенефиции, а как типичные феоды.

«*Тляко-тляж* [первостепенный дворянин. — *В.К.*] такой же хозяин в своем собственном ауле, как князь в своем», — писал К.Ф. Сталь[4]. Перефразируя его слова, можно сказать, что беслануорки и уорк-шаотлугусы были такими же хозяевами в своих аулах, как князья, тлекотлеши и дыженуго в своих. Далеко не случайно, что у адыгов все владельцы аулов, независимо от места в феодальной иерархии, обозначались одним термином *къуажэпщ* (букв.: «князь села»), эквивалентном понятию «вотчинник», «владелец аула». К.Ф. Сталь невольно сужал его значение, когда отмечал, что «название куодже-пши дается безразлично и князю и тлякотляжу, когда говорится о них, как о владельце деревни». Это звание давалось и незнатным владельцам деревень.

Ландкарта 1744 г. и «Списки» 1825 г. свидетельствуют о том, что в Кабарде не было села, которое не являлось бы вотчиной того или иного *къуажэпщ*'а. Это, в частности, нашло отражение в том, что села назывались по родовому имени (или «фамилии») их владельцев (т.е. их названия имеют патронимическое происхождение). Наиболее распространенным способом обозначения принадлежности вотчины-деревни являлось прибавление к родовому имени владельца суффикса принадлежности — *ей*[5]. В других случаях фамилия владельца аула ставилась перед словом «хьэблэ».

Укажем на некоторые названия селений в Большой Кабарде: Ислэмей, Къэсейхьэблэ, Бабыгуей, Ашабей, Къундетей, Къунащей, Думэней. На ландкарте 1744 г. они отмечены как «двор князя Али Исламова», «двор князя Касая», «деревня Бабукова», «деревня Ачабова», «деревня Кундетеева», «деревня Куначева», «деревня Дюменева»[6]. В «Списках» 1825 г., в отличие от ландкарты 1744 г., к родовому имени дворянина, владеющего аулом, добавляется его личное имя: например, «аул первостепенного узденя Эльмурзы Бабукова», «аул первостепенного узденя Темркжо Ашабова», «аул 3-й степени узденя Хажи-Атажуки Думанова», «аул 3-й степени узденя Тлоха

Кунашева». В данном случае это указывает на единственность обозначаемого объекта — владельца деревни — и тем самым подчеркивает, что им был один представитель «рода» или «фамилии».

О том, что в Кабарде не было къуажэ, которая не принадлежала бы князю или дворянину как вотчина, говорит также и разделение самим народом всех населенных пунктов на две категории: *пщы къуажэ* (букв.: «княжеское село») и *уэркъ къуажэ* («дворянское село»). Здесь различаются два типа вотчин-деревень по социальному статусу их владельцев, но нет их противопоставления деревням, которые, не являясь вотчинами, представляли бы собой сельские общины, что лишний раз доказывает отсутствие последних в Кабарде рассматриваемого периода.

В грамоте Екатерины II от 9 августа 1771 г. указывалось, без различий между знатными и незнатными узденями, что они, «находясь в *услугах* у владельцев [т.е. князей. — *В.К.*], но *собственные* однако же деревни имеют»[7]. 6 июля 1847 г. кабардинские дворяне, отвечая на вопрос, «между какими фамилиями княжескими и узденскими разделены были все земли в Кабарде», объяснили, что «уздени, владеющие в Кабарде аулами и подвластными, суть сами владельцы оных и *независимы* от князей»[8] (курсив наш. — *В.К.)*. В 66-й статье адатов, собранных капитаном М.Я. Ольшевским, отмечалось: «Узденья имеют право владеть землею, крестьянами, доставшимися им по наследству и приобретаемыми покупкою; и в обоих случаях они суть *полные и независимые* владельцы» (курсив наш. — *В.К.*)[9].

В приведенных высказываниях «независимость» следует понимать не в буквальном смысле, а как самостоятельность в реализации вотчинных прав. Иными словами, к этому вопросу надо подходить диалектически: вотчинная земельная собственность дворян условна и ограничена в рамках иерархической структуры землевладения, но внутри вотчины-деревни, и прежде всего по отношению к непосредственным производителям, она наиболее полным образом проявляет свою частнособственническую сущность. Точно так же обстоит дело с военно-административной властью вотчинников, которая ограничена вышестоящим сюзереном, но является верховной в пределах села.

Другая важнейшая особенность феодальной земельной собственности в адыгском обществе XVIII — первой половины XIX в. (наряду с ее иерархичностью и условностью) состояла в том, что она носила фамильный характер. Выделяя в Кабарде этого перио-

да пять форм землевладения по соотношению коллективных и частных начал, В.К. Гарданов сводит их развитие к образованию индивидуальной собственности, не учитывая, что ее широкое распространение в условиях деформации традиционной общественной структуры было не развитием, а разрушением традиционной феодальной земельной собственности. Отождествление же «частной» собственности с «индивидуальной» вполне закономерно приводит его к выводу, что фамильный принцип землевладения являлся пережитком, «патриархальной оболочкой», маскировавшей наличие феодальной земельной собственности[10].

С этой точки зрения правомерно говорить о *фамильной частной* земельной собственности. Рассматривая ее в единстве с иерархической структурой землевладения, можно утверждать, что в Кабарде была «верховная фамильная частная феодальная земельная собственность князей», «верховная фамильная частная феодальная земельная собственность второго порядка» (тлекотлешей и дыженуго) и т.д. Причем комбинация, точнее, соотношение элементов «верховной», «фамильной» и «частной» собственности менялось в зависимости от субъекта и объекта присвоения и власти. Например, в земельной собственности князей по отношению ко всему подвластному населению удела преобладал элемент «верховности», по отношению к другим уделам в большой степени проявлялся элемент «фамильности», между членами одной фамилии и непосредственно в вотчине-деревне — элемент частной собственности. У незнатных вотчинников названные элементы были слиты воедино в пределах къуажэ, но и здесь можно выявить различные формы их взаимосвязи в зависимости от указанных факторов и той плоскости, в которой они рассматриваются.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что иерархическая структура землевладения и его коллективно-родственные принципы характеризуют преимущественно отношения между собственниками, тогда как внутри вотчины феодальная земельная собственность реализуется прежде всего через отношение к несобственникам, т.е. через их эксплуатацию. В этом смысле она функционирует на трех уровнях: 1) в рамках вассалитета; 2) в составе «фамилий» или «родов»; 3) внутри вотчины-общины. Для первого и второго уровней характерны главным образом отношения перераспределения ренты, для третьего — само присвоение ренты, или отношения эксплуатации. Едва ли нужно доказывать первостепенное значение форм и процессов непосредственной реализации феодальной зе-

мельной собственности в къуажэ и подчиненность им других аспектов ее функционирования. Именно в социально-экономическом плане аулы князей (*пши*), тлекотлешей, дыженуго и незнатных уорков были однотипны, являясь феодальными вотчинами. Различия между последними, обусловленные местом их владельцев в феодальной иерархии, второстепенны по сравнению с общим для них социально-экономическим содержанием.

О феодальной эксплуатации в адыгском обществе XVIII — первой половины XIX в. писалось очень много со ссылками на регламентирующие ее обычноправовые нормы. Сейчас главная задача состоит в выяснении того, каким образом она осуществлялась в организации, которая в наибольшей степени соответствовала этой цели и, следовательно, сущности феодального способа производства.

2

В записях обычного права нашли отражение разнообразные и многочисленные повинности крестьян, являвшиеся в той или иной степени реализацией монополии класса феодалов на основное условие и средство производства. Подробное их рассмотрение потребовало бы целой книги. Поэтому мы ограничиваемся указаниями на те формы ренты, которые наиболее непосредственным образом были связаны с особенностями землепользования в къуажэ.

До начала пахоты распределение земли осуществлялось по количеству имеющихся в селе плугов. После ее окончания плужные паи, в свою очередь, делились между участниками супряги (*дзей*) «пропорционально количеству работавших быков: хозяева шести быков получали шесть частей, хозяева двух быков — две части вспаханного поля»[11]. Аналогичные порядки существовали в сельской вотчине у западных «аристократических» адыгов. Таким образом, периодическое распределение пахотной земли в адыгской вотчине-общине осуществлялось по производственному принципу. Как правило, опосредующим звеном в таких распределениях выступала супряга. В силу этого разверстка вотчинной пахотной земли фактически происходила в два этапа: сначала по плугам, затем по числу быков, находившихся в супряге. Причем минимально необходимым для вхождения в нее считалось наличие у хозяина двух быков[12].

В условиях экстенсивного земледелия выбор рабочего скота в качестве счетной единицы надела вполне закономерен. Однако

отмеченная форма разверстки земли во многом поддерживалась системой податного земельного обложения. Наличие пары быков, будучи необходимым для участия в супряге, в то же время служило исходной основой при определении размеров податей. В 26-й статье «Постановлений о сословиях в Кабарде» (1807) содержится следующая норма: «Когда *чагар* [*ог*, оброчный крестьянин. — *В.К.*] будет иметь в пашне две пары волов, тогда обязан в год своему господину отдать три арбы обмолоченного проса... а кто будет пахать одной парой, то на том же основании дать господину одну арбу тоже при урожае и достатке, а когда три пары будет в пашне, — дать четыре арбы проса»[13].

Строгая зависимость данной формы ренты от количества использованной земли не подлежит сомнению. То же самое можно наблюдать и у западных предгорных адыгов. В записке «О зависимых сословиях в горском населении Кубанской области» указывается, что «владелец получает от каждой пары быков, бывших в плугу ога, одну арбу вымолоченного проса». В ней также говорится, что крепостной должен вспахать на каждую пару волов по 4 загона [около 4 десятин][14]. Заблуждение К.Ф. Сталя, утверждавшего, что «о подати черкесы понятия не имеют»[15], очевидно.

Приведенные материалы ясно показывают взаимосвязь определенных видов ренты с формами землепользования, а также особенностями земледельческого хозяйства и трудовой кооперации в къуажэ. Кроме того, они свидетельствуют о том, что наделы оброчных крестьян стали тягловыми наделами. Органически вписывалась в эту систему и отработочная рента лагунапытов, которые обрабатывали надел своего хозяина (ога, азата, уорка или даже самого владельца села).

Соответствие структуры земельных наделов основной цели вотчинной организации — изъятию прибавочного продукта у крестьян — говорит о хорошо налаженной системе эксплуатации в адыгской вотчине-общине. В свою очередь, то обстоятельство, что нормы эксплуатации имеют твердо фиксированный характер и обнаруживают единообразие (доходящее до совпадения в мельчайших деталях) у всей группы «аристократических» субэтносов, свидетельствует не только о стабильности вотчинной эксплуатации, но и о давности ее происхождения.

Однако как бы прямо и однозначно формы ренты ни были связаны с особенностями надельного землепользования в къуажэ, сама их связь с вотчинной земельной собственностью была опосредова-

на. Во-первых, если взять объект присвоения, то нетрудно заметить, что продуктовая рента не была жестко привязана к определенному земельному участку. Это закономерно в условиях ежегодных переделов, переложно-залежного земледелия, изменчивости экономических возможностей дворохозяйств. Но эти же обстоятельства обусловили некоторое сходство продуктовой ренты, размеры которой зависели от количества обработанной земли и в конечном счете от урожая, с подоходной податью (или подоходной рентой-налогом). Во-вторых (и это касается субъекта присвоения), къуажэпщ получал не всю массу производимого в рамках села прибавочного продукта, а лишь ее часть, причем от непосредственно принадлежащих ему крестьян. Другая часть поступала его подвластным: мелким уоркам, азатам и огам. (Более подробно на этом вопросе мы остановимся при рассмотрении проблемы мелкой вотчины.) Но это положение владелец частично компенсировал тем, что он, в свою очередь, брал ренту с таких лиц за поселение на его земле. В кабардинских адатах отмечается, что «владелец земли получает с каждого дома по барану в год за сенокос; за водворение на его земле он также берет по барану с дома. Это, впрочем, не относится до князей, а только до их узденей, вольных и чагар»[16]. Данная форма ренты являлась прямой реализацией вотчинной земельной собственности, хотя ее вряд ли можно считать главной статьей доходов *къуажэпщ*'а.

Рассматривая взаимосвязь форм ренты и особенностей землепользования в вотчине-общине, нельзя не коснуться некоторых дискуссионных вопросов.

Наличие земельных переделов у кабардинцев в пореформенный период не подвергалось сомнению как в дореволюционной, так и в современной историко-этнографической литературе. Но этого нельзя сказать о переделах в дореформенной вотчине-деревне. В данной связи следует заметить, что земельные отношения нового типа в пореформенный период не создавались, как иногда считают, только искусственным путем, т.е. в результате внедрения их административным порядком, без учета тех реальных предпосылок, которые сложились в предшествующее время. Царская администрация на Северном Кавказе, прежде чем проводить свои земельные реформы, довольно тщательно изучала соответствующую область общественного быта горцев, стараясь приспособить свои мероприятия к существовавшим уже у них поземельным отношениям. Причем к середине XIX в. русские чиновники уже хорошо

были осведомлены о земельных порядках в Кабарде. Можно полагать, что именно существование здесь общинно-передельного землепользования облегчило царской администрации задачу преобразования поземельной организации къуажэ по центральнорусскому образцу. «Причина, по которой нам удалось решить несравненно удачнее англичан в Бенгале трудный вопрос земельного устройства чуждых нам по крови народностей, — писал М.М. Ковалевский, — лежит несомненно не в чем ином, как в близости их земельного строя к тому, которым доселе живет великорусское крестьянство»[17].

Однако эта плодотворная линия в историко-сравнительном исследовании аграрных отношений на Северном Кавказе, к сожалению, не была продолжена Ковалевским. Более того, в противоречии со сказанным он утверждал: «Мы встречаем у черкесов и кабардинцев существование племенной, братской и родовой собственности на землю и рядом с этим господство переложной системы хозяйства — этой первобытной формы земледелия; в то же время переделы, возобновляемые в раз и навсегда определенные сроки, совершенно неизвестны этим народностям»[18]. Не приходится доказывать ошибочность мнения о существовании у кабардинцев племенной, братской и родовой собственности на землю в XIX в. Неверным является и утверждение Ковалевского об отсутствии у них земельных переделов. Необходимо учитывать, что взгляды Ковалевского не представляли собой целостной, логически стройной системы. В его трудах, наряду с глубокими разработками по истории и этнографии Кавказа, содержится немало ошибочных положений, которые, по словам А.А. Кауфмана, зачастую «опровергаются приводимыми в дальнейшем данными»[19]. Это обстоятельство требует от современного исследователя критического отношения к отдельным высказываниям Ковалевского.

Е.Н. Данилова в работе о земельных отношениях в абазинской сельской общине, пользуясь методом аналогии, привлекает сравнительный материал и по адыгам. Отмечая, что «относительно переделов в сельской общине адыгских народов существует двоякое представление»[20], она склоняется в конечном свете к вышеприведенному ошибочному мнению Ковалевского.

Во-первых, сравнивая земельные отношения в абазинской общине с земельными отношениями в адыгской, следует учитывать, что аграрная структура двух групп адыгов, проживавших в разных природно-географических условиях, не была однотипной; и в данном случае суждения по аналогии правомерны только при учете

этого обстоятельства. Во-вторых, то, что подвергает сомнению Данилова, было вполне ясным для устроителей реформ 60-х гг. XIX в., которые называли разверстание земельных паев в кабардинских аулах не иначе как «периодическим распределением».

«Сущность передела, — писал А. Егиазаров, — заключается в том именно, что перед каждой новой развёрсткой все пахотные надельные участки соединяются в одну общую массу, которая путем жеребья заново развёрстывается между общинниками, так что отдельные надельные участки могут перейти от прежних владельцев к другим общинникам». Кауфман (на теорию которого, кстати, опирается Данилова), не считая в целом формулировку А. Егиазарова ошибочной, оговаривает ее замечанием, что «Егиазаров слишком отождествляет общину и передел со среднерусскими формами общины и передела». По его словам, «сибирская община принципиально отвергает жеребьевку, и передел в ней происходит путем "отрезок", "прирезок" с сохранением первоначального ядра участков за прежними владельцами»[21]. Но эта оговорка, утверждающая, по существу, многотипность передельных порядков и расширяющая в этом отношении само понятие «передела», только свидетельствует в пользу признания периодических переделов и в кабардинской къуажэ.

Как уже отмечалось, к числу главных особенностей системы земельного регулирования в кабардинской вотчине-общине относится то обстоятельство, что распределение земли в ней производилось не подушно (как в центральной русской общине), а в соответствии с количеством плугов и рабочего скота. Супряга, выступавшая опосредующим звеном в процессах периодического перераспределения земли, как бы заслоняла сам факт земельных переделов. Поэтому необходимость ее детального исследования не вызывает сомнений. Однако от степени ее изученности зависит понимание не только специфики передельного землепользования в къуажэ и характера производственной деятельности крестьян, но и обычноправовых норм, которые регламентировали их повинности.

При ограниченном количестве источников по этим вопросам взаимодополняемость косвенных данных приобретает особое значение. Е.Н. Кушева, исследуя социально-экономические отношения у кабардинцев в XVII в., часто обращается к правовым нормам, бытовавшим и зафиксированным в первой половине XIX в. Тем самым предполагается относительная неизменность их в течение довольно значительного отрезка времени. Такой подход оправдан

в силу консерватизма материальной культуры и обычно-правовых норм в период феодализма. Однако первым и основным условием успешности ретроспективного рассмотрения исторических фактов является конкретно-исторический анализ функциональной роли каждой из привлекаемых норм в системе социально-экономических отношений того периода, в котором их системность представляется бесспорной.

Не располагая точными данными по их агротехнике при характеристике хозяйства кабардинцев в XVII в. Кушева вынуждена была привлекать более поздние материалы. Считая соху с железным сошником основным видом пахотного орудия кабардинцев в XVII в., она полагает, что тяжелые плуги, описанные П.-С. Палласом в 90-х гг. XVIII в., «в это время уже могли быть позаимствованы». Для подтверждения своей мысли она ссылается на постановление, содержащееся в кабардинских адатах. «Так как обычное право кабардинцев, — пишет Кушева, — сохранило в XIX в. постановление о том, сколько проса должен давать господину крестьянин, если он "будет пахать одной парой волов", можно думать, что еще и в это время, а тем более в предшествующие века, в Кабарде употреблялись подобные орудия более легкого типа, типа сохи с железным сошником»[22].

Приведенная норма взята из 26-й статьи «Постановлений о сословиях в Кабарде», о которой мы уже говорили. Идентичные положения содержатся и в более поздних сводах норм обычного права, а также в документальных материалах различных комитетов и комиссий, созданных царским правительством «для разбора личных и поземельных прав горцев»[23]. Анализ их показывает, что норма, содержащаяся в 26-й статье, отражает реальный правовой институт, который, в свою очередь, был связан с определенными формами хозяйственной деятельности адыгских крестьян. Однако текст статьи нельзя считать ясным во всех отношениях. В противном случае не было бы разночтений. На наш взгляд, предусматриваемая в статье градация натурального оброка учитывает наличие именно тяжелого плуга (но никак не сохи) и супряги в качестве составных элементов земледельческого производства кабардинцев. Исходя из того, что минимально необходимым для вхождения в дзей считалось наличие у крестьянина одной пары волов, а максимально допустимым — три пары, данная статья и определяет указанные нормы натурального оброка. Таким образом, от количества рабочего скота, включенного в супрягу, зависел не только размер

пахотного участка, но и объем выполняемых крестьянином норм феодальных повинностей.

Следует заметить, что в тексте адатной нормы, определяющей крестьянский натуральный оброк, конкретно указывается и вид той полеводческой культуры, которой он должен быть уплачен. Обычно это — просо, основная полеводческая культура адыгов. Посев проса всегда производился в определенные сроки. «Осенью довольно поздно, — пишет Хан-Гирей, — сеют озимые, а весной рано — яровые. Весной же сеют и просо, но довольно поздно и не иначе, когда выбежит трава, т.е. тогда, когда волы, которыми пашут, станут тучнеть и поправляться, и это время называется у них время большого паханья. Тогда хлебопашцы, говоря вообще, проводят время в поле и шалашах»[24]. Это согласуется также со сведениями П.-С. Палласа и С. Броневского. Уплотнившаяся почва и отдаленность пространств, занимаемых пашенными угодьями, вызывали необходимость не только значительной тягловой силы, но и соответствующих форм организации труда пахарей. Основная нагрузка в период «большого паханья» падала на временные трудовые объединения (супряги), координация деятельности которых в рамках вотчины-общины и составляла суть «большого паханья».

Все вышесказанное свидетельствует о том, что правильное понимание обычноправовых норм (в том числе и рассмотренной 26-й статьи «Постановлений о сословиях в Кабарде»), регламентировавших формы и размер феодальной эксплуатации, может быть достигнуто лишь на основе учета всех особенностей земледельческого хозяйства и общинного землепользования кабардинцев в дореформенный период.

Рента являлась экономической формой реализации феодальной земельной собственности, однако ее присвоение невозможно без внеэкономического принуждения.

3

Нет более бесспорного свидетельства существования крепостного права в Кабарде, чем факт его отмены в 1867 г.

Сошлемся, однако, на некоторые примеры. В 70-х гг. XVIII в. царское правительство, убедившись, что для успешного проведения колониальной политики в Кабарде необходимо хорошо знать права высших и низших сословий, обстоятельно изучило этот вопрос и

пришло к выводу о существовании здесь крепостнических отношений и об однотипности их с аналогичными порядками в России и других государствах. В ответе президента Коллегии иностранных дел графа Н.И. Панина на письмо генерал-аншефа Г.А. Потемкина от 4 апреля 1777 г. указывалось следующее: «Принадлежащие кабардинским владельцам люди достаются им по *праву наследственному*, почему они в разсуждении их в таком же положении находятся, в каком и *во всяком другом месте господа и рабы*, то есть беспрекословно владеют своими подвластными по обыкновению и власти, полученной от своих предков... Сие одно обстоятельство, что владельцам кабардинским их люди *попросту говоря крепки*, кажется достаточно было бы приводить их в безопасность от всяких со здешней стороны [т.е. России. — *В.К.*] покушений на то, что им толь с твердым основанием принадлежит...» (курсив наш. — *В.К.*)[25].

«Крестьяне, — писал Броневский, — суть хлебопашцы, *привязанные к земле* и посредством многих способов угнетения доведенные почти до рабского состояния»[26].

Крепостное право приняло в Кабарде настолько гипертрофированные формы, что фактически в крепостной зависимости оставались даже вольноотпущенники, которые не имели права уходить из аулов своих господ.

Одной из форм проявления общественного разделения труда в вотчине-общине являлось своеобразное разделение в ней производственных функций, выполнявшихся крестьянами, и военно-управленческих функций, составлявших привилегию вотчинника и его вассалов. Действие этих функций особенно зримо актуализировалось в производственные циклы. В «Описании кабардинского народа 1748 г.» отмечалось, что «владельцы их весною и в осень во время сева и собирания хлеба выезжают в поле и *прикрывают* работу своих подданных» (курсив наш. — *В.К.*). Косвенно об этом же свидетельствует письмо кабардинских владельцев, направленное в конце августа 1787 г. П.С. Потемкину и которое содержало просьбу об отсрочке сбора земского войска в связи с тем, что «ныне узденья... каждой находятся у своих хлебов и стараются оные поскорее собрать»[27]. Слово «собрать» следует, конечно, понимать не в буквальном смысле. Дворяне находились «у своих хлебов» для охраны крестьян и надзора за ними.

Данные архивных документов подтверждаются и литературными источниками, относящимися к началу XIX в. «Во время жатвы и сенокоса, — писал Броневский, — князья и дворяне разъезжали

по полям конновооруженные, как для *надзирания* за сельскими работами, так и для *прикрытия* работников, и живут месяца по два в лагерях (кошах) со всею воинскою предосторожностью»[28] (курсив наш. — *В.К.*). На это же самое указывал и И.Ф. Бларамберг в середине 30-х гг. XIX в.

Таким образом, охрана и надзор входили в компетенцию *къуажэщ*'а и дворян, проживающих в его селе, тогда как права и обязанности крестьян ограничивались сферой материального производства. Крестьяне не только не отвечали за охрану села, но и, согласно заслуживающим доверия сведениям, были лишены права носить оружие[29]. Эти запреты, по всей вероятности, действовали до 60-х гг. XVIII в., т.е. до того времени, когда кабардинский феодализм еще не подвергся деформирующему воздействию колониальной политики царизма. Во всяком случае, самое мощное в истории Кабарды антифеодальное выступление крестьян в 1767 г. не имело вооруженного характера.

Следует заметить, что военно-управленческие функции были не просто отделены от производственных функций, но и поставлены над ними и полностью отчуждены от крестьян. Отчуждение функций управления, суда и военной защиты ведет к сосредоточению их в вотчине, которая в одних случаях вырастает на обломках общины, а в других — накладывается на нее «сверху». В Кабарде XVIII — первой половине XIX в. мы находим не элементы феодальной эксплуатации, а ее тотальное, всеохватывающее господство. В этом отношении организация *къуажэ* состояла из следующих субсистем: 1) вотчины (структурообразующего компонента), 2) многосословности и 3) элементов общины. Если брать критерием для их разграничения характер разделения труда, то, как уже отмечалось, одна из главных особенностей организации, совпадавшей с *къуажэ*, заключалась в том, что военно-управленческие функции, составляя ее неотъемлемую принадлежность, в то же время были полностью отчуждены от крестьян и сосредоточены в руках вотчинника и его вассалов. Эти же черты делали ее антиподом крестьянской общины.

4

Вотчинный структурный принцип господствовал на всех уровнях общественной жизни адыгов. Наиболее ярко и наглядно это проявлялось в феодальной раздробленности, существовавшей,

например, в Кабарде в течение многих столетий, но так и не завершившейся образованием централизованного государства. Любая объединительная тенденция, восстанавливая *status quo*, т. е. нарушенное равновесие между княжескими вотчинами-уделами, укрепляла те отношения, которые затем снова порождали междоусобицы. В этом есть своя закономерность: процессы централизации, пройдя определенный порог, снова приводили к децентрализации и тем самым способствовали сохранению феодальной раздробленности. Объединительные и разъединительные силы пребывали в неустойчивом равновесии, периодически сменяя друг друга, но никогда не заканчиваясь окончательной победой одной из них.

Крайнее развитие вотчинного принципа, создавая благоприятную среду для княжеских междоусобиц, часто ставило Кабарду на грань полного развала, чем спешили воспользоваться ее противники. Внешняя опасность, как это ни парадоксально, не только не стимулировала объединительные тенденции в Кабарде, но, наоборот, служила мощным катализатором внутренних распрей, вела к расколу на враждующие партии, придерживавшиеся различных внешнеполитических ориентаций. Единственное исключение связано с 1707 г., когда объединенные силы кабардинцев разгромили войска крымского хана Каплан-Гирея. Вотчина и вассалитет, будучи основными формами организационного сплочения господствующего класса в Кабарде, до определенной поры способствовали мобилизации сил в войнах с соседними государствами и народами, но при столкновении с Российской империей эти особенности феодальной системы лишь ускорили ликвидацию ее политической самостоятельности.

Говоря о господстве вотчинного принципа в общественной жизни кабардинцев как об одной из главных причин отсутствия у них централизованного государства, следует отметить, что в самой вотчине наряду с частноправовыми функциями содержатся публично-правовые функции суда, администрации и военного управления. Княжеские фамильные и частные вотчины-уделы, фамильные и частные вотчины первостепенных *уорков*, вотчины-деревни незнатных дворян и феодальные дворы — все они по-своему являлись самодовлеющими политическими образованиями с элементами публичной власти, хотя и в разной степени, учитывая место вотчинников в феодальной иерархии. Сочетание этих элементов с частной властью оказывалось настолько самодостаточным, что

даже в периоды наибольшего усиления объединительных процессов не наблюдалось отчуждения от вотчины хотя бы незначительной части публично-правовых функций. Это обстоятельство препятствовало развитию противоположных форм централизованной политической власти[29].

Вотчинный структурный принцип, не ограничиваясь социально-экономической и политической системами, пронизывал все стороны общественного сознания адыгов и создавал соответствующие предпосылки для расцвета у них «духа личной независимости и свободы»[30], о котором так много писали авторы рассматриваемого времени.

Что же касается конкретно вотчины-общины, то ее роль в закреплении этой идеологии весьма значительна уже в силу того, что она не была «локализованным микрокосмом, воздвигавшим над собой деспотические режимы» (т.е. сельской общиной). Входя в вотчины более высокого порядка, она сама состояла из мелких вотчин, целостность которых гарантировалась всей феодальной иерархией. В Черкесии, разбитой на десятки тысяч таких мельчайших вотчин, человек любого социального ранга свою свободу и неприкосновенность (при всей их относительности в условиях феодализма) прежде всего связывал с положением вотчинника. Дюбуа де Монпере отмечал, что «каждый князь, каждый дворянин, даже каждый отпущенник — сам себе хозяин и подчиняется только самому себе. Тысячи интересов раскололи этот народ на множество независимых племен и родов, ревниво относящихся друг к другу, ревниво оберегающих свою свободу»[31]. Отсюда берет начало ярко выраженный «индивидуализм» как одна из важнейших особенностей этнопсихологии адыгов.

Оценивая же общественную роль вотчины в самый ответственный период истории Кабарды, когда решался вопрос о ее независимости, нужно сказать, что она не обеспечила в должной мере интеграцию кабардинского общества, перестав соответствовать этой основной функции любой социальной системы. Естественно, не могла она отвечать и потребностям дальнейшего общественного развития кабардинцев, во многом определив его стагнацию и тупиковый характер. Сказанное относится ко всем «аристократическим» адыгам.

Совершенно другая картина вырисовывается при рассмотрении вотчинной организации у шапсугов, натухайцев и абадзехов в первой половине XIX в.

Н. Карлгоф приблизился к пониманию микроструктуры адыгского феодального общества, когда он отмечал, что «первый элемент общества составляет свободное семейство с его подвластными и рабами»[32]. С другой точки зрения рассматривал этот вопрос Т. Лапинский, описавший пространственную организацию и численный состав двора. Несмотря на различные подходы, указанная Карлгофом организация совпадает по всем характерным признакам с описанным Лапинским двором, представляя собой, по сути дела, мелкую тфокотльскую вотчину. Но между ней и мелкой крестьянской вотчиной у «аристократических» субэтносов существовали глубокие различия.

То, что было отмечено Карлгофом как «первый элемент общества» у «племен», населяющих северо-восточный берег Черного моря, не только имело место у «аристократических» адыгов, но и получило у них, особенно у кабардинцев, наибольшую кристаллизацию. Однако особенности мелкой вотчины у двух групп адыгов не сводятся к степени ее развития или распространенности. Различия здесь качественного порядка.

Определенную и внешне наиболее заметную роль в этих различиях сыграли экологические факторы, обусловившие особенности локализации этих мелких вотчин, расположение их сплошной цепью по ущельям и речным долинам, сравнительно небольшие размеры селений (в среднем 5—10 дворов, что примерно в 10 раз меньше, чем количество дворов в *къуажэ* на предгорных равнинах), размытость границ между ними и т.д. В горных селениях отсутствовали земельные переделы, обрабатываемые участки передавались по наследству и примыкали к усадьбам мелких вотчинников. Но в первой половине XIX в. трансформация феодальной системы у шапсугов, натухайцев и абадзехов сопровождалась упадком традиционной вотчинной организации (в том числе и вотчины-общины) и широким распространением мелких тфокотльских вотчин нового типа.

В XVIII в. представитель старой феодальной аристократии, кроме чисто помещичьей власти над непосредственно принадлежащими ему крестьянами, располагал политической властью над свободными земледельцами (*тфокотлями*) села и округа. Традиционная вотчина выступала в двух качествах: как вотчина-сеньория (в широком смысле слова) и как феодальный двор. Упадок старой вотчины-сеньории в первой половине XIX в. выразился прежде всего в том, что она ограничила сферу своего господства рамками

феодального двора. Все дворяне превратились в мелких вотчинников, политическая власть которых не простиралась дальше их усадеб, населенных их домочадцами и крепостными. Если они и принимали участие в политических делах страны, то как выборные лица, а не как привилегированные особы, имевшие наследственное право управлять обществом. Свое высокое звание уорк должен был оправдывать поступками, направленными на удовлетворение не личных, а общественных нужд. Таким образом, для дворян «старого покроя» не были закрыты возможности для участия в управлении страной, но произошла такая переориентация ценностей, что достижение традиционных рыцарских идеалов оказалось подчиненным новым общественным интересам, требовавшим объединения всех сил народа в борьбе против колониальной политики царизма.

Тфокотли из объектов управления стали его субъектами. Их старшинская верхушка, которую В.К. Гарданов назвал «новым дворянством», стремилась сравняться с прежней знатью в вотчинных правах. Но воспроизводство вотчинных отношений проходило на новой основе, исключавшей реставрацию старых порядков.

В первой половине XIX в. у «аристократических» субэтносов объединение мелких вотчин в рамках села (*къуажэ*), как и прежде, обеспечивалось главным образом властью аульного владельца. То же самое наблюдалось у шапсугов, натухайцев и абадзехов до конца XVIII в. Но в результате общественно-политического переворота мелкие вотчины прежней знати, старшинской верхушки *тфокотлей*, зажиточных и рядовых вольных земледельцев, оброчных крестьян стали объединяться в форме соседских общин и их союзов. Последние можно рассматривать как сложные составные соседские общины, которые обозначались термином «*псухо*». На их основе образуются «демократические республики» (в противоположность «аристократическим республикам» XVIII в.). Возрастание внешней опасности, усиливая интеграционные процессы, приводит к образованию конфедерации этих республик. Адагумское собрание 1848—1849 гг. провозгласило издание новой единой административно-политической системы.

Для вотчинной организации горных адыгов суть перемен, связанных с демократизацией их общественно-политического строя, состояла прежде всего в уничтожении старовотчинного элемента, широком распространении мелких дворянских и тфокотльских вотчин; объединении их на демократической основе, что привело

к заметному усилению общинного начала в их общественной жизни и существенной трансформации феодальных отношений. На смену «аристократической» вотчине-общине пришла соседская община «демократического» типа, которая, став основной единицей новой административно-политической системы, открыла невиданные до этого возможности для политического объединения Западной Черкесии в освободительной войне против царизма.

Вотчина-община в Кабарде не только не могла стать основой для ее объединения, но, напротив, способствовала феодальным усобицам. Но если феодализм у «аристократических» адыгов обнаружил свои пределы, разрушив соседскую общину и доведя вотчинный принцип до крайних пределов, то общественно-политический переворот у шапсугов, натухайцев и абадзехов выявил новые возможности социального развития, чему в немалой степени способствовала регенерация у них общинных отношений на новой основе.

У адыгов трансформация сельской общины зашла столь далеко, что этот процесс, не ограничиваясь ее превращением в крепостную общину, привел к тому, что она перестала существовать как социальная организация, будучи полностью поглощенной вотчиной. Общинное начало продолжало свою жизнь в совершенно другом качестве, в виде преобразованных элементов вотчинной системы. Установление безраздельного господства вотчины не приводит к уничтожению общинных элементов. Многие из них она приспосабливает к своим потребностям, существенно видоизменяя в соответствии со своей социальной природой. Сейчас трудно представить, в каком состоянии находилось общинное землепользование до включения в вотчинную систему, было ли оно создано как недостающий орган или просто приспособлено к ней. В любом случае в рамках вотчины оно приобретает новое качество, которое нельзя считать естественным наследием архаической соседской общины.

5

Вассалитет в Черкесии, особенно в Кабарде, обнаруживает близкое сходство с вассально-иерархической структурой в странах средневековой Европы. Но основная социальная единица адыгского общества, при всей ее типологической близости с западноевро-

пейской вотчиной, отличалась рядом важных особенностей, обусловленных прежде всего спецификой взаимосвязи вотчинного компонента с общинным началом. В Западной Европе существовала самоуправляющаяся организация непосредственных производителей, отдельная от вотчины и противопоставленная ей. В Кабарде и других «княжеских владениях» Черкесии наблюдается другая картина: крайняя подавленность непосредственных производителей и отсутствие у них собственной организации. Крестьяне оказались не способными объединиться в самоуправляющиеся общины. Объединялись, в сущности, крепостники, а не крепостные.

Развитие внутренних социальных противоречий в кабардинском обществе приводило только к укреплению вассалитета и вотчинного режима в ущерб организованности и самостоятельности крестьян. Анализ источников XVIII — первой половины XIX в. убеждает в том, что в самой вотчине-общине отсутствовали какие-либо основы для ее саморазложения. Общинные же элементы в крестьянской среде не обнаруживают даже малейших признаков к обособлению и самостоятельному развитию в ущерб вотчинному началу. Внешнеполитические условия и хронические феодальные междоусобицы в XVI—XVIII вв. лишь закрепляли такой порядок вещей, требуя постоянного пребывания в населенных пунктах непрерывно увеличивавшегося контингента профессиональных воинов-дворян и тем самым исключая возможность отдельного существования самоуправляющихся крестьянских общин.

Суммируя вышесказанное, нельзя не заметить, что мы коснулись лишь некоторых аспектов поставленной проблемы. Но и то, что удалось рассмотреть, позволяет прийти к выводу, что выявление основной единицы адыгских «аристократических» обществ в XVIII — первой половине XIX в. дает возможность по-новому взглянуть на ряд актуальных проблем социальной истории адыгов в средневековый период, в частности открывает новые перспективы в исследовании специфики развития адыгского феодализма. По всей видимости, модель вотчины-общины может быть использована также и при изучении особенностей феодальных отношений у других народов Северного Кавказа.

[1] *Гарданов В.К.* Общественный строй адыгских народов (XVIII — первая половина XIX в.). М., 1967. С. 146.

[2] *Леонтович Ф.И.* Адаты кавказских горцев. Одесса, 1882. Вып. 1. С. 427—429.

[3] Материалы Я.М. Шарданова по обычному праву кабардинцев первой половины XIX в. Нальчик, 1987. С. 8—264.

[4] *Сталь К.Ф.* Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. Тифлис, 1900. Т. 21. С. 131, 144.

[5] На эту особенность применительно к целым обществам обращал внимание тот же К.Ф. Сталь: «Названия черкесских обществ все происходят от имени владельцев с прибавлением на конце частички *ай* или *ой*, обозначающей владение, напр.: Капартай — кабардинцы, Бесланай — бесланеевцы, Темиргой — темиргоевцы, Гатюкой, Егорукай и проч.» (*Сталь К.Ф.* Этнографический очерк черкесского народа. С. 65).

[6] Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв. Документы и материалы. М., 1957. Т. 2. С. 114.

[7] Там же. С. 301.

[8] ЦГА РД. Ф. 16. Оп. 1. Д. 562. Л. 57.

[9] *Леонтович Ф.И.* Адаты кавказских горцев. Одесса, 1883. Вып. 2. С. 241.

[10] *Гарданов В.К.* Общественный строй адыгских народов. С. 146, 147. См. также: С. 137—139.

[11] ЦГА КБР. Ф. 40. Оп. 1. Д. 4. Л. 166 об.

[12] Существовала даже специальная земельная мера, называвшаяся *витI лъэужь* (букв.: «след двух быков»), которой определялось количество земли, приходившееся на двух быков восьмиволовой плужной упряжки. В древности до появления у адыгов тяжелого передкового плуга и соответственно дзей этой мерой, вероятно, определялось количество земли, которое вспахивалось плужной упряжкой из двух быков.

[13] *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа. Нальчик, 1947. С. 113.

[14] О зависимых сословиях в горском населении Кубанской области // Кавказ. 1867. № 44, 37.

[15] *Сталь К.Ф.* Этнографический очерк черкесского народа. С. 131.

[16] *Леонтович Ф.И.* Адаты кавказских горцев. Вып. 2. С. 240.

[17] *Ковалевский М.М.* Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. 1. С. 268.

[18] Там же. С. 64.

[19] *Кауфман А.А.* Русская община в процессе ее зарождения и роста. М., 1908. С. 182.

[20] *Данилова Е.Н.* Земельные отношения в абазинской сельской общине в пореформенный период // Вестник МГУ: (История). 1973. № 3. С. 64.

[21] *Кауфман А.А.* Русская община. С. 206. Ср.: *Егиазаров А.* Исследования по истории учреждений в Закавказье. Сельская община. Казань, 1889. Ч. 1. С. 174.

[22] *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI — 30-е годы XVII в.). М., 1963. С. 100.

[23] Полное собрание кабардинских древних обрядов // Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Вып. 2. С. 232; О зависимых сословиях в горском населении Кубанской области // Кавказ. 1867. № 45, 51; Крестьянская реформа в Кабарде. Нальчик, 1947. С. 26, 28, 57, 85; О крепостном сословии кабардинцев // Архив КБГИГИ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 12. С. 134—135.

[24] *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. Нальчик, 1976. С. 257. См. также: *Паллас П.-С.* Заметки о путешествиях в южные наместничества Российского государства в 1793 и 1794 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов / Сост. В.К. Гарданов. Нальчик, 1974. С. 220; *Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. 2. С. 133—134.

[25] Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв. С. 320—321.

[26] *Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия. С. 136. См. также: *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа. С. 119.

[27] Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв. С. 160, 366.

[28] *Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия. С. 134. Ср.: *Бларамберг И.Ф.* Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов. С. 368.

[29] Аналогии с государствами Нового времени или просто с общими чертами государства для доказательства существования государственности в Кабарде не лишены интереса, но бесплодны без учета вотчинной организации власти.

[30] *Кешев А.-Г.* Характер адыгских песен // Избранные произведения адыгских просветителей. Нальчик, 1980. С. 126.

[31] *Дюбуа де Монпере Ф.* Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазцам, в Колхиду, Грузию, Армению и Крым // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов. С. 438.

[32] *Карлгоф Н.* О политическом устройстве черкесских племен, населяющих Северо-Восточный берег Черного моря // Русский вестник. Т. 28. 1860. № 8. С. 526.

Приложение 3

Д.Ю. Арапов

ЕРМОЛОВСКАЯ МОЛИТВА ЗА ЦАРЯ 1820 Г.

Важнейшим источником, характеризующим мусульманскую политику Российской империи на Северном Кавказе первой половины XIX в., является «молитва за царя» для мусульман Кавказа. Молитва датируется 1820 г. Она была составлена лично знаменитым генералом А.П. Ермоловым[1] — командующим Отдельным Грузинским (Кавказским) корпусом, главноуправляющим в Грузии, военным губернатором Кавказа (1816—1827). По распоряжению генерала все начальники областей края должны были с октября 1820 г. обеспечить чтение данной молитвы во всех кавказских мечетях «в молитвенные и торжественные дни». К сожалению, этот весьма любопытный документ ранее специально не исследовался.

В Российской империи «молитва за царя» рассматривалась как «первая, главная и самая общая обязанность для всех сынов... Отечества»; все русские подданные обязаны были ежедневно «молиться за Царя, Царствующий дом и Отечество»[2].

По нашему мнению, в поисках источника для реализации своего замысла Ермолов, хорошо знавший обряды церковного богослужения, обратился к «праздничным» молитвам, звучавшим во всех православных храмах империи в «царские дни». Представляется, что основой текста ермоловской молитвы стала «оригинальная православно-русская... молитва, благодарственная за дарование Царя по сердцу и просительная за Царя», которая впервые прозвучала в «чине коронования» императрицы Анны Иоанновны в 1730 г. Ее составителем был выдающийся идеолог российского самодержавия архиепископ Феофан Прокопович. Молитва с этого времени произносилась каждый раз при обряде коронации «от имени всего народа при общем коленопреклонении» всех, кроме

нового самодержца, и затем ежегодно дважды читалась во всех церквях при коленопреклонении и паствы, и пастырей в «высокоторжественные дни» — день восшествия на престол и день венчания на царство данного монарха[3].

Сравнительный анализ двух этих документов позволяет констатировать, что текст молитвы Ермолова практически полностью или повторяет (более 60% общих слов), или является парафразом текста молитвы Феофана Прокоповича. Оригинальная вставка Ермолова — место о «добром согласии» с «соседственными народами», под которыми, видимо, имелись в виду мусульманские народы соседних с Кавказом Ирана и Турции.

Можно предположить, что слова ермоловской молитвы об «исповедующих единого Творца» должны были напомнить ее слушателям мусульманам текст 112 суры Корана: «Скажи: Он — Бог — един, крепкий Бог, Он не рождал и не рожден, равного Ему кого-либо не бывало»[4]. Зная особенности вероучения последователей «магометанского закона», Ермолов распорядился читать составленную им молитву именно в «молитвенные» и «торжественные дни», т.е. во время главного, общего для всех мусульман «богослужения» по пятницам, в дни важнейших праздников, а также в «царские дни» Российской империи. В подобные дни в мусульманских мечетях произносится особая проповедь «хутба», в которой воздается хвала Аллаху, испрашивается благословение пророку Мухаммеду и звучит моление за верующих. В молении за верующих полагается упоминать и имя здравствующего правителя[5]. По мысли Ермолова, его «молитва за царя» должна была стать неотъемлемой составной частью важнейшего исламского ритуала и тем самым обосновывать незыблемость авторитета русской имперской власти среди мусульман Кавказа[6].

Молитвы, составленные Феофаном Прокоповичем и Ермоловым, можно расценивать как своего рода «развитие поучения», они должны были способствовать утверждению в народе идеи божественного происхождения государственной власти. Обращение Ермолова к духовному наследию Феофана Прокоповича, конечно, не случайно — они были идейно близки друг другу.

В целом можно согласиться с мнением Е.А. Вишленковой о том, что в первой четверти XIX в. самодержавие сравнительно мало занималось делом организации жизни «мусульманского мира» в России[7]. Говорить здесь о какой-то целенаправленной имперской «исламской политике», пожалуй, не приходится. Законодательные

решения по «магометанству» носили в основном местный, локальный характер. Ряд проектов организации духовной жизни мусульман (например, материалы Лопухина и Мертваго) остались практически незамеченными. Главным событием в организации системы государственного регулирования ислама в этот период следует считать начало формирования, с 1810 г., центрального правительственного органа контроля над «иноверцами» — Главного управления духовных дел иностранных исповеданий.

Ниже нами воспроизводится текст молитвы Ермолова. Слова и фразеологизмы, совпадающие в ней с молитвой Феофана Прокоповича, выделены курсивом.

* * *

Боже всесильный премилосердный, Боже щедрот и всякие утехи молим Тебя, да волею Твоею поставленного *над нами царствовати Тобою возлюбленного Самодержавнейшего Великого Государя* Александра Павловича *всея Руси* сохраниши в величии и славе. *Умножи дни живота его в здравии ненарушимом и непременяемом благополучии, даруй ему премудрость, да судит в правду людям Твоим. Покажи его врагам победительна, злодеям страшна, добрым милостива.* Да в нем обрящет бедствующий *призрение*, утесненный *заступление. Даруй* обширным царствам, власти его покорствующим, *мир, тишину, благорастворение воздуха и земли плодородие.* Утверди доброе согласие и взаимную доверенность с соседственными нам народами, да *Тебе единого Творца* исповедующие, поживем мы в тишине и спокойствии. *Тебе слава и держава во веки веков. Аминь*!

---

[1] *Берже А.П.* Молитва для мусульман на Кавказе, составленная в 1820 г. А.П. Ермоловым // Русская старина. 1881. № 10. С. 454.

[2] *Булгаков С.В.* Настольная книга для священно-церковно-служителей. М., 1913. Ч. 1. С. 834.

[3] Текст молитвы Феофана Прокоповича см.: В ожидании коронации. Венчание русских самодержцев. СПб., 1883. С. XVIII—XIX.

[4] Коран / Пер. с араб. Г.С. Саблукова. Изд. 3-е. Казань, 1907. С. 1169.

[5] *Бартольд В.В.* Халиф и султан // Он же. Сочинения. М., 1966. Т. VI. С. 26—28.

[6] *Арапов Д.Ю.* А.П. Ермолов и мусульманский мир Кавказа // Вестник Московского государственного университета. Сер. 8. История. 2001. № 6. С. 61.

[7] *Вишленкова Е.А.* Заботясь о душах подданных: Религиозная политика в России первой четверти XIX в. Саратов, 2002.

Приложение 4

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ В ЗЕРКАЛЕ ИМПЕРСКОЙ СТАТИСТИКИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX В.

Таблица 1

Территория и население северных областей Кавказского края. 1867 г.

Статистический временник Российской империи. Сер. II. Вып. II. Отд. VIII. СПб., 1871. С. 88—93; Сер. III. Вып. 8. СПб., 1886. С. 22—23; Статистические сведения о кавказских горцах, состоящих в военно-народном управлении // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. I. Отд. VIII. Тифлис, 1868 (репринт: Нальчик, 1992). С. 5—14.

области и губернии: округа, наибства, уезды	территория (без значительн. вод, кв. верст*)	население	городского населения	плотность населения (на кв.версту)
1. Закавказье:				
1.1. Дагестанская область	27689,2	501311	20883	18,1
Северный Дагестан:				
Темир-Хан-Шуринский округ	4974,4	66816	5094	13,4
Даргинский округ	1535,6	63951	—	41,7
Южный Дагестан:				
Кайтаго-Табасаранский округ	2756,4	42080	—	15,3

Продолжение табл. 1

области и губернии: округа, наибства, уезды	территория (без значительн. вод, кв. верст*)	население	городского населения	плотность населения (на кв.версту)
Кюринский округ	2056,4	58958	—	28,7
Самурский округ	3062,5	51178	—	16,7
Средний Дагестан:				
Гунибский округ	3643,7	46578	—	12,8
Казикумухский округ	1811,2	34664	—	19,1
Западный Дагестан:				
Андийский округ	2118,3	35781	—	16,9
Аварский округ	1549,1	30545	—	19,7
Дербентское градоначальничество	216,0	18545	15739	73,5
1.2. Закатальский округ	3965,2	52215	—	13,2
1.3. Черноморский округ	6139,5	**	**	**
2. Северный Кавказ:				
2.1. Кубанская область	82562,8	599969	43818	7,2
Земли Кубанского казач. войска				
Ейский округ	10774,1	87966	28070	8,2
Екатеринодарский округ	8797,1	68691	8753	7,8
Таманский округ	7817,1	63742	6995	8,2
земли 1—4 бригад Куб. каз. войска	14931,8	133921	—	9,0
земли 5, 6 бригад Кубанского казач. войска, Адатумского, Абинского, Псекупского полков и Шепсугского берегового батальона	29681,9	158276	—	5,3
Территории горских племен				
Псекупский округ	774,0	16155	—	21,8
Лабинский округ	1914,0	20088	—	12,1
Урупский округ	3004,0	12040	—	4,6
Зеленчукский округ	1896,0	15361	—	9,2
Эльбрусский округ	3002,0	15816	—	5,5
2.2. Ставропольская губерния	65599,0	371422	41619	5,7
Ставропольский уезд	18192,1	160223	20927	**
Кизлярский уезд	17622,0	12024	7748	**
Пятигорский уезд	29785,4	115243	129444	**
Участков г. Моздока	**	3270	—	**

Продолжение табл. 1

области и губернии: округа, наибства, уезды	территория (без значительн. вод, кв. верст*)	население	городского населения	плотность населения (на кв.версту)
Территории кочующих ногайцев, туркменов, киргизов	**	79962	—	**
2.3. Терская область	44011,3	447307	34664	10,2
Осетинский округ	4881,6	56637	8964	11,6
Кабардинский округ	10446,2	60239	3024	5,8
Ингушевский округ	2109,2	31380	—	14,9
Чеченский округ	3679,2	72385	3006	19,7
Аргунский округ	2167,2	22015	—	10,2
Ичкеринский округ	877,7	12222	—	13,9
Нагорный округ	1188,0	36346	18291	30,6
Кумыкский округ	4608,6	35836	1379	7,8
Земли Терского казачьего войска	14053,6	120247	—	8,6
Всего в Кавказском наместничестве	382082,0	4583640	424925	11,9

* 1 кв. верста = 1,067 км^2

** нет данных.

Таблица 2
Площадь лесов в Пред- и Закавказье в конце XIX в.

Кавказский край // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. Т. XIIIa. СПб., 1894. С. 835.

область / губерния	площадь лесов (га)	гектар леса на 100 гектар
Кубанская область (с Черноморским округом)	1856136,0	19,8
Ставропольская губерния	21840,0	0,3
Тверская область	419546,4	7,1
Всего по Предкавказью	2306522,4	10,4
Дагестанская область	303576,0	10,6
Бакинская губерния	467376,0	12,0
Елизаветпольская губерния	934752,0	21,4
Всего по Закавказью	5242692,0	21,1
Всего в Кавказском крае	7549214,4	16,2

Таблица 3
Промышленность и рабочий класс в Пред— и Закавказье. 1887—1891 гг.

Кавказский край // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. Т. XIIIа. СПб., 1894. С. 845.

область / губерния	число фабрик и заводов	число рабочих	продукции за год (руб.)
Кубанская область (с Черноморским округом)	5604	13737	7152186
Ставропольская губерния	2589	4057	3929166
Тверская область	1840	4023	1275032
Всего в Предкавказье	10033	21817	12356384
Дагестанская область	74	2478	339660
Бакинская губерния	1071	7675	23199597
Елизаветпольская губерния	1517	7795	2973967
Тифлисская губерния	2170	12579	4710960
Всего в Закавказье	9333	40284	40013870
Всего в Кавказском крае	19366	62101	52370254

Таблица 4
Российское торговое судоходство на Черном море и Каспие в XIX в.

Россия. Статистика населения // Энциклопедический словарь/ Изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. Т. XXVIIа. СПб., 1899. С. 334.

годы	Черное и Азовское моря			Каспийское море			по России	
	число судов	вмести-мость (тыс. т)	средняя вмести-мость (т)	число судов	вмести-мость (тыс. т)	средняя вмести-мость (т)	число судов	вмести-мость (тыс. т)
1844	2098	512	254	103	8	77	5946	1116
1854	1183	302	255	362	14	78	2884	468
1864	4607	1018	211	625	64	102	11374	2228
1874	4926	1778	364	735	96	131	14317	4576
1884	4624	2730	490	1431	376	263	14656	6382
1894	5771	6234	1080	799	212	258	12831	10055
1898	4426	4871	1100	*	*	*	10947	8774

* нет данных.

Таблица 5
Эксплуатация российских железных дорог в Кавказском крае. 1896 г.

Россия. Статистика населения // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. Т. XXVIIa. СПб., 1899. Таблица-вкладка: Главные результаты эксплуатации в 1896 г. по казенным и частным железным дорогам. К С. 360—361.

Железные дороги	перевезено		пробег (тыс. поездо-км)	доход (валов. руб.)	расход (экспл-я руб.)	чистый доход (руб.)
	пассажиров (тыс.)	грузов (тыс. т.)				
казенные: Закавказская	2345	2515,7	7183	19031756	9090040	404854
Всего по казенным ж.д.	44577	62723,4	137154,3	279904910	161855669	15395990
частные: Владикавказская	1854	3362	8872,1	18754131	10478031	24598
Всего по част. ж.д.	23770	37933,2	65746,4	140968267	82284427	5304883
Всего по казенным и частным ж.д. России	68347	100656,7	202900,7	420873177	244140096	20700873

Таблица 6
Распределение населения по вероисповеданиям. 1867 г.

Статистический временник Российской империи. Сер. II. Вып. II. Отд. IX. Население Азиатской России по вероисповеданиям. СПб., 1871. С. 102—105.

область/губерния	православных	раскольников	армяно-григориан	католиков	протестантов	иудеев	магометан	идолопоклонн.
Дагестанская обл.	8228	—	1263	211	34	3215*	488360	—
Кубанская область	509999	5204	4244	239	1706	505	78072	—
Ставропольская губ.	266213	1599	10994	4473	2489	01	78895	6558**
Терская область	158265	19370	9864	1081	176	3040	255511***	—
Черноморский окр.	****	****	****	****	****	****	****	****
Во всем Кавказском наместничестве	1929925	58876	50675	28863	10575	23247	1960584	10915

* зд. горских евреев.
** зд. калмыков-буддистов.
*** в том числе 1013 отпавших в ислам ренегатов.
**** нет данных.

Таблица 7
Распределение населения по вероисповеданиям. 1897 г.

Подсчитано по: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Ред. Н.А. Тройницкий. Т. LXII. Дагестанская область; Т. LXV. Кубанская область; Т. LXVII. Ставропольская губерния; Т. LXVIII. Терская область; Т. LXX. Черноморская губерния. Тетрадь III. СПб., 1900—1905. Таблица XII.

область/губерния: округ/отдел/уезд	право-славных	старообрядцев	армяно-григориан	армяно-католиков	католиков	лютеран	реформатов	баптистов	меннонитов	англиканн	иудеев*	караимов	мусульман	буддистов
Дагестанская обл.	16337	298	1623	29	2216	285	3	2	—	3	10056	—	540290	3
в т.ч. в городах	11381	52	1535	29	1415	246	2	1	—	—	4507	—	25448	3
Темир-Хан-Шурин-ский округ	11554	269	919	19	1321	205	2	1	—	—	2795	—	80257	3
Аварский округ	492	7	6	—	28	8	—	—	—	—	23	—	37035	—
Андийский округ	160	—	13	—	8	—	—	—	—	—	3	—	49444	—
Гунибский округ	543	2	10	—	103	8	—	—	—	—	36	—	55197	—
Даргинский округ	84	—	1	—	30	1	—	—	—	2	23	—	80802	—
Казикумухский округ	33	—	8	—	1	1	—	—	—	—	11	—	45309	—
Кайтаго-Табасаранский округ	3128	17	647	10	661	59	1	1	—	1	4487	—	82004	—
Кюринский округ	190	1	16	—	7	1	—	—	—	—	2672	—	74792	—
Самурский округ	113	2	3	—	57	2	—	—	—	—	6	—	35450	—
Кубанская обл.	1747319	24943	14650	143	7534	16741	834	76	1147	—	2105	91	102920	355
в т.ч. в городах	205022	1981	7696	94	1910	1950	42	—	21	—	1320	57	1099	7
Екатеринодар. отдел	216986	996	3109	42	1223	1285	181	1	6	—	540	37	20753	5

Продолжение табл. 7

область/губерния: округ/отдел/уезд	право-славных	старо-обрядцев	армяно-григориан	армяно-католиков	католиков	лютеран	реформатов	баптистов	меннонитов	англиканан	иудеев*	караимов	мусульман	буддистов
Баталпашинский отдел	151454	639	405	6	1477	2863	24	39	1087	—	537	—	56866	—
Ейский отдел	270913	1994	916	7	384	2220	1	—	21	—	79	12	538	215
Кавказский отдел	239584	3845	769	1	11	19	2228	138 1	6	—	25	6	405	54
Лабинский отдел	281246	11761	5457	13	671	5215	456	31	22	—	157	—	671	24
Майкопский отдел	251366	5271	1964	26	627	686	12	—	4	—	531	4	22617	6
Темрюкский отдел	335770	437	2030	48	1033	2244	22	4	1	—	233	32	1070	51
Ставропольская губ.	795890	10420	5355	9	2031	7843	513	496	311	1	1425	—	38573	10398
в т.ч. в городах	74417	756	4362	5	1078	493	4	—	27	1	1240	—	547	74
Ставропольский уезд	156981	1481	775	5	1171	2018	206	384	58	1	1236	—	706	398
Александровский уезд	171074	2734	185	—	117	1514	85	—	251	—	25	—	4469	51
Медвежинский уезд	226828	3434	287	—	106	1975	14	104	—	—	58	—	107	16
Новогригорьевский уезд	236164	1859	3998	3	90	2134	48	—	2	—	92	—	1617	626
Территория кочующих народов	4843	912	110	1	547	202	160	8	—	—	14	—	31675	9307
Терская область	368711	34754	14472	72	5645	9357	231	32	198	6	6576	6	489674	4129
в т.ч. в городах	87117	5082	5061	19	4120	1741	48	4	21	6	5202	3	7187	—
Владикавказский округ	101752	4093	2336	12	2057	1641	19	2	2	1	1242	2	21780	—
Грозненский округ	14295	504	394	5	1093	252	15	—	—	2	1860	—	207607	3
Кизлярский округ	40123	18890	4683	10	200	117	1	—	—	—	108	4	36053	2254
Нальчикский округ	12102	339	82	—	70	971	12	—	—	—	1102	—	88226	2
Пятигорский округ	149391	9854	6822	36	1709	5520	181	25	196	3	480	—	5350	1859

область/губерния: округ/отдел/уезд	право-славных	старо-обрядцев	армяно-григориан	армяно-католиков	католиков	лютеран	реформатов	баптистов	меннонитов	англиканн	иудеев*	караимов	мусульман	буддистов
Сунженский округ	46519	10	17	87	3	180	726	1	6	—	—	37	—	667931
Хасавюртовский округ	4579	57	68	6	336	130	2	—	—	—	1747	—	63865	10
Черноморская губ.	43065	89	6141	82	2429	1415	71	1	2	6	1028	24	3103	—
в т.ч. в городах	16452	42	437	54	794	359	69	—	—	—	983	23	428	—
Новороссийский округ	29749	64	644	68	1961	649	69	1	2	6	1001	24	650	—
Сочинский округ	7731	7	3821	4	104	697	2	—	—	—	14	—	1139	—
Туапсинский округ	5585	18	1676	10	364	69	—	—	—	—	13	1314		—

* Включая главным образом горских евреев, большинство из которых было сосредоточено в Кайтагском, Табасаранском, Темир-Хан-Шуринском и Самурском округах Дагестанской области, Хасавюртовском, Грозненском и Владикавказском и Пятигорском округах Терской области.

Таблица 8
Распределение населения по сословиям. 1897 г.

Подсчитано по: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. LXII. Дагестанская область; Т. LXV. Кубанская область; Т. LXVII. Ставропольская губерния; Т. LXVIII. Терская область; Т. LXX. Черноморская губерния. Тетрадь III. СПб., 1900—1905. Таблица VIII.

область/губерния: округ/отдел/уезд	дворян		духовенства христианских исповеданий	потомств. и личн. почетн. граждан	купцов	мещан	крестьян	войсковых казаков	инородцев	иностранных подданных
	потомственных	личных								
Дагестанская область	4981	2228	140	521	602	18540	540595	1327	16	1958
в т.ч. в городах	1761	1156	92	283	572	17305	20949	696	3	1625
Темир-Хан-Шуринский округ	1936	933	66	241	429	6427	84618	718	4	1516
Аварский округ	742	114	3	2	1	48	36344	369	12	3
Андийский округ	169	102	1	46	—	31	49166	113	—	—
Гунибский округ	629	260	1	11	1	83	54789	111	—	—
Даргинский округ	12	161	1	3	—	10	80754	—	—	—
Казикумухский округ	73	67	—	117	2	15	45081	3	—	—
Кайтаго-Табасаранский округ	824	396	39	55	168	11525	77668	6	—	284
Кюринский округ	255	137	28	16	1	54	77027	1	—	152
Самурский округ	341	58	1	30	—	50	35148	—	—	3
Кубанская область	8185	6340	4628	2581	2865	230292	858791	767197	1498	25015
в т.ч. в городах	2809	3743	909	965	1936	96806	79665	28403	50	2897
Екатеринодарский отдел	1863	2519	868	588	784	46297	120870	28403	54	5473

область/губерния: округ/отдел/уезд	дворян		духовенства христианских исповеданий	потомств. и личн. почетн. граждан	купцов	мещан	крестьян	войсковых казаков	инородцев	иностранных подданных
	потомственных	личных								
Баталпашинский отдел	1222	441	371	134	55	7104	131254	72612	789	506
Ейский отдел	959	653	715	428	821	7104	83220	142648	199	388
Кавказский отдел	1129	409	589	379	137	20673	109001	115473	84	434
Лабинский отдел	810	760	698	341	186	14258	154024	131599	130	590
Майкопский отдел	930	671	563	276	339	30170	160758	83582	199	2492
Темрюкский отдел	1272	887	824	435	543	65425	99664	157346	43	15132
Ставропольская губерния	2605	3134	3465	1171	1073	43834	771311	1501	41568	968
в т.ч. в городах	1952	2465	1503	604	743	27675	45549	578	102	274
Ставропольский уезд	1876	2401	1658	600	689	25582	129232	667	502	531
Александровский уезд	293	288	457	171	221	4444	173783	291	101	201
Медвежинский уезд	219	245	645	158	25	4392	226386	322	19	126
Новогригорьевский уезд	199	180	699	235	136	8977	234913	179	724	103
Территория кочующих народов	18	20	6	7	2	439	6997	42	40222	7
Терская область	6171	5181	1897	1604	2066	77846	569175	167301	96010	3786
в т.ч. в городах	4489	3789	760	1113	1898	53216	41835	7029	1350	2867
Владикавказский округ	2913	2275	657	640	970	18892	103772	2276	248	1606
Грозненский округ	824	582	92	145	200	8806	212023	739	1956	442
Кизлярский округ	401	410	304	138	184	8785	17868	38923	34970	308

Продолжение табл. 8

область/губерния: округ/отдел/уезд	дворян		духовенства христианских исповеданий	потомств. и личн. почетн. граждан	купцов	мещан	крестьян	войсковых казаков	инородцев	иностранных подданных
	потомственных	личных								
Нальчикский округ	107	216	26	5	2	948	77964	355	23155	78
Пятигорский округ	1283	1364	633	520	655	36450	49152	85789	3369	815
Сунженский округ	269	199	178	101	30	2219	70462	39098	2468	244
Хасавюртовский округ	374	135	7	55	25	1746	37934	121	29844	293
Черноморская губерния	962	374	162	374	231	9999	34307	529	86	9736
в т.ч. в городах	593	301	55	227	189	7077	8653	316	58	1867
Новороссийский округ	746	300	79	322	219	8985	19969	451	73	3440
Сочинский округ	143	23	47	35	7	463	7510	19	—	5117
Туапсинский округ	73	51	36	17	5	551	6828	59	13	1192

Таблица 9

Распределение населения по родному языку. 1897 г.

Подсчитано по: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. LXII. Дагестанская область; Т. LXV. Кубанская область; Т. LXVII. Ставропольская губерния; Т. LXVIII. Терская область; Т. LXX. Черноморская губерния. Тетрадь III. СПб., 1900—1905. Таблица XIII.

обл./губерния: окр./отдел/уезд	славянские языки:					балтийские языки:		прочие индо-европейцы			романские языки:		
	русских*	поляков	чехов	словаков	болгар	литовцев	латышей	греков	армян	цыган	молдован	французов	итальянцев
Дагестанская область	16044	1630	19	—	4	523**	14	38	1636	2	66	12	—
в т.ч. в городах	11004	1032	18	—	—	331	12	20	1549	1	43	11	—
Темир-Хан-Шу-ринский окр.	11392	1024	18	—	—	234	13	31	916	1	51	10	—
Аварский окр.	511	26	—	—	—	—	—	1	6	—	1	—	—
Андийский окр.	148	5	—	—	—	5	—	—	12	—	—	1	—
Гунибский окр.	536	84	—	—	—	16	—	—	10	—	5	—	—
Даргинск. окр.	72	29	—	—	—	2	—	—	1	—	—	—	—
Казикумух. окр.	28	1	—	—	—	—	—	—	7	—	1	—	—
Кайт.-Таб. окр.	363	415	1	—	—	249	—	6	665	1	6	1	—
Кюринск. окр.	191	2	—	—	—	4	—	—	16	—	—	—	—
Самурский окр.	103	44	—	—	4	13	1	—	3	—	2	—	—
Кубанская область	1737908	2719	1213	—	322	238	848	20137	13926	1753	5370	54	20
в т.ч. в городах	203726	1300	182	—	10	163	47	1905	7578	153	59	47	17
Екатеринод. отд	212020	809	177	—	22	126	28	3476	2807	248	1056	27	10
Баталпаш. отд.	149477	192	13	—	3	5	3	419	380	135	32	—	1
Ейский отд.	271815	295	30	—	11	23	702	198	936	285	14	4	3
Кавказск. отд.	242179	378	117	—	96	15	101	182	728	279	307	1	2
Лабинск. отд.	291685	380	97	—	86	39	12	453	5162	243	375	8	—
Майкоп. отд.	253391	356	201	—	41	25	—	1597	1835	268	193	3	—
Темрюк. отд.л	317341	309	578	—	63	5	2	13812	2078	295	3393	11	4

Продолжение табл. 9

обл./губерния: окр./отдел/уезд	славянские языки:					балтийские языки:		прочие индо-европейцы			романские языки:		
	русских*	поляков	чехов	словаков	болгар	литовцев	латышей	греков	армян	цыган	молдован	французов	итальянцев
Ставропольская губерния	803192	961	75	—	10	150	49	1715	5385***	535	92	16	2
в т.ч. в городах	74873	741	44	—	1	137	28	47	4395	52	17	13	2
Ставроп. уезд	158036	743	43	—	1	136	2	116	779	75	12	11	2
Александр. уезд	171940	78	4	—	—	10	2	1505	190	120	49	1	—
Медвеж. уезд	229909	77	28	—	9	2	1	66	192	137	2	1	—
Новогриг. уезд	237705	54	—	—	—	2	17	27	4013	202	9	2	—
Территория ко-чующ. нар.	5602	9	—	—	—	—	—	1	111	1	20	1	—
Терская область	314644	4173	87	43	29	789	52	958	11803	493	156	30	35
в т.ч. в городах	84195	3031	74	3	22	565	39	797	9208	96	121	23	34
Владикав. окр.	32685	1511	37	37	4	213	20	502	2093	3	55	19	32
Грознен. окр.	14485	849	12	—	14	208	2	96	399	31	30	5	—
Кизлярск. окр.	57932	177	1	—	—	7	1	13	4681	107	8	1	—
Нальчик. окр.	9572	61	—	—	—	6	1	—	87	16	1	—	—
Пятигор. окр.	149296	1198	29	6	10	264	23	338	4370	276	53	5	3
Сунжен. окр.	46137	146	5	—	—	—	2	3	97	60	7	—	—
Хасавюрт. окр.	4537	231	3	—	1	91	3	6	76	—	2	—	—
Черноморская губерния	34546	731	1290	—	—	47	41	5969	6285	46	923	103	65
в т.ч. в городах	14880	384	188	—	—	28	18	1146	530	27	32	16	50
Новоросс. окр.	25718	599	1009	—	—	40	27	3502	739	36	166	102	64
Сочинский окр.	3854	49	12	—	—	3	12	2092	3857	1	613	—	1
Туапсин. округ	4974	83	269	—	—	4	2	375	1689	9	144	1	—

* Перепись понимала «русских» как совокупность собственно русских («великороссов»), украинцев («малороссов») и белорусов.

** В Дагестанской области включая жмудь.

*** Ошибка в расчетах или опечатка издателей переписи 1897 г. Должно быть 5285.

Продолжение (1) Таблицы 9

обл./губерния: окр./отдел/уезд	германские языки				иранские языки					семиты:	абхазо-адыгские языки:		
	немцев	шведов	датчан	англичан	персов	курдов	осетин	талышей	татов	евреев	абхазов	кабардинцев	черкесов
Дагестанская область	261	7	—	1	1720	22	113	9	2998	7361*	28**	31	37
в т.ч. в городах	211	7	—	1	1522	3	90	2	533	3984	1	1	6
Темир-Хан-Шурин. окр.	189	7	—	1	1631	13	107	9	4	2787	1	1	2
Аварский окр.	7	—	—	—	1	—	3	—	—	12	3	8	4
Андийский окр.	1	—	—	—	—	—	—	—	8	—	3	2	1
Гунибский окр.	8	—	—	—	—	—	—	—	—	33	5	1	—
Даргинск. окр.	1	—	—	—	—	—	2	—	—	19	—	2	—
Казикумух. окр.	1	—	—	—	—	—	—	—	—	12	—	5	24
Кайт.-Таб. окр.	52	—	—	—	86	—	1	—	520	3965	1	1	6
Кюринск. окр.	1	—	—	—	2	2	—	—	2466	530	—	10	—
Самурский окр.	1	—	—	—	—	7	—	—	—	3	—	1	—
Кубанская область	20778	6	6	10	252	—	1973	—	—	1942	12481	14310	38488
в т.ч. в городах	1984	2	1	6	120	—	44	—	—	1260	66	17	246
Екатерин. отд.	1481	3	1	5	94	—	41	—	—	524	—	3	19851
Баталпаш. отд.	4392	—	4	1	22	—	1829	—	—	530	10370	8452	3962
Ейский отд.	1952	—	—	—	9	—	2	—	—	76	—	6	1
Кавказск. отд.	3972	—	—	1	6	—	63	—	—	30	—	12	17
Лабинск. отд.	5870	1	—	1	40	—	25	—	—	85	8	14	302
Майкоп. отд.	776	—	—	—	39	—	9	—	—	486	2101	5851	13892
Темрюк. отд.	2335	2	1	2	42	—	4	—	—	211	2	2	463
Ставропольская губерния	8601	—	—	—	191	4	59	—	—	1338	9	11	38
в т.ч. в городах	545	—	—	—	96	3	40	—	—	1224	9	7	33
Ставроп. уезд	2792	—	—	—	50	4	32	—	—	1220	9	7	31
Александр. уезд	1107	—	—	—	130	—	3	—	—	26	—	4	—

Продолжение (1) Таблицы 9

обл./губерния: окр./отдел/уезд	германские языки				иранские языки					семиты:	абхазо-адыгские языки:		
	немцев	шведов	датчан	англи-чан	персов	курдов	осетин	талы-шей	татов	евреев	абха-зов	кабар-динцев	черке-сов
Медвеж. уезд	1706	—	—	—	3	—	—	—	—	53	—	—	—
Новогриг. уезд	2090	—	—	—	1	—	20	—	—	24	—	—	2
Территория ко-чующ. нар.	906	—	—	—	7	—	4	—	—	15	—	—	5
Терская область	9672	4	—	16	4245	19	96621	—	19	6328	59	84093	2565
в т.ч. в городах	1698	4	—	14	1540	2	4042	—	1	4989	2	456	234
Владикав. окр.	1673	2	—	2	822	5	88265	—	6	1059	2	109	46
Грознен. окр.	164	2	—	11	301	—	15	—	3	1825	—	4	1037
Кизляр. окр.	113	—	—	1	233	11	105	—	—	104	—	7	13
Нальчик. окр.	973	—	—	1	40	1	2728	—	9	1108	8	64746	2
Пятигор. окр.	5872	—	—	1	2580	—	4620	—	—	476	44	3122	1429
Сунжен. окр.	732	—	—	—	11	—	871	—	1	18	—	16088	25
Хасавюрт. окр.	145	—	—	—	258	2	17	—	—	1738	5	17	13
Черноморская губерния	748	—	—	91	210	22	12	71	2	990	2	—	1939
в т.ч. в городах	290	—	—	76	105	—	4	6	1	954	—	—	11
Новоросс. окр.	500	—	—	90	99	21	10	12	2	966	2	—	14
Сочинский окр	166	—	—	—	59	—	2	55	—	13	—	—	746
Туапсин. окр.	82	—	—	1	52	1	—	4	—	11	—	—	1179

* Перепись не разделяет горских евреев и евреев-переселенцев Дагестанской области

** Перепись не дает сведений о распределении женщин-абхазок по округам Дагестанской области, располагая данными лишь о 13 мужчинах.

обл./губерния: окр./отдел/уезд	картвельские языки							нахско-дагестанские языки					
	грузин	аджарцев	ингилоевцев	имеретинцев	мегрелов	сванов	хевсуров	аварцев*	даргинцев**	лакцев***	лезгин****	удин	кистинцев
Дагестанская область	375	—	—	20	10	—	—	158550	121375	76381	94596	1	8
в т.ч. в городах	246	—	—	16	1	—	—	3597	1557	812	4222	1	6
Темир-Хан-Шурин. окр.	241	—	—	17	3	—	—	15194	9724	588	15	1	1
Аварский окр.	11	—	—	—	—	—	—	36063	18	13	4	—	2
Андийский окр.	12	—	—	—	—	—	—	48637	9	27	1	—	—
Гунибский окр.	7	—	—	—	—	—	—	52227	774	2113	—	—	—
Даргинск. окр.	20	—	—	2	—	—	—	3131	73899	3739	9	—	—
Казикумух. окр.	24	—	—	—	—	—	—	2446	3657	38014	943	—	—
Кайт.-Таб. окр.	41	—	—	1	—	—	—	628	33186	17678	350	—	5
Кюринск. окр.	12	—	—	—	7	—	—	50	45	13694	59309	—	—
Самурский окр.	7	—	—	—	—	—	—	174	63	515	33965	—	—
Кубанская область	917	—	—	17	27	—	—	127	49	175	615	18	—
в т.ч. в городах	351	—	—	2	10	—	—	42	21	70	20	—	—
Екатерин. отдел	179	—	—	1	16	—	—	30	8	24	158	1	—
Баталпаш. отдел	99	—	—	8	1	—	—	29	18	47	—	—	—
Ейский отдел	84	—	—	—	—	—	—	14	13	—	8	1	—
Кавказск. отдел	85	—	—	—	1	—	—	2	2	23	23	—	—
Лабинск. отдел	132	—	—	1	1	—	—	13	—	16	7	—	—
Майкоп. отдел	146	—	—	2	—	—	—	9	2	48	16	2	—
Темрюк. отдел	192	—	—	5	8	—	—	30	6	17	403	14	—
Ставропольская губерния	154	—	—	16	4	—	—	101	16	185	14	14	—
в т.ч. в городах	55	—	—	—	2	—	—	76	13	13	9	—	—
Ставроп. уезд	61	—	—	11	3	—	—	75	16	12	7	—	—
Александ. уезд	10	—	—	—	—	—	—	7	—	—	—	—	—

Продолжение (2) Таблицы 9

обл./губерния: окр./отдел/уезд	картвельские языки							нахско-дагестанские языки					
	грузин	аджарцев	ингилоевцев	имеретинцев	мегрелов	сванов	хевсуров	аварцев*	даргинцев**	лакцев***	лезгин****	удин	кистинцев
Медвежин. уезд	9	—	—	1	—	—	—	17	—	—	4	—	—
Новогриг. уезд	56	—	—	—	—	—	—	—	—	20	3	—	—
Территория коч. народов	18	—	—	4	1	—	—	2	—	153	—	14	—
Терская область	5756	11	40	756	18	36	86	15721	1067	1416	19	—	2
в т.ч. в городах	3404	7	3	47	1	1	—	129	16	270	3	—	—
Владикавк. окр.	3285	2	1	643	1	12	10	50	57	121	1	—	—
Грознен. округ	239	3	1	6	1	8	5	460	210	786	—	—	1
Кизляр. округ	960	—	—	2	3	—	70	101	571	195	4	—	—
Нальчик. округ	88	—	16	—	2	13	1	6	—	30	7	—	—
Пятигор. округ	768	4	3	40	7	—	—	1374	11	96	2	—	—
Сунжен. округ	385	1	17	61	4	1	—	47	9	41	—	—	1
Хасавюрт. окр.	31	1	2	4	—	2	—	13683	209	147	5	—	—
Черноморская губерния	904	22	2	158	304	—	2	43	—	—	18	1	12
в т.ч. в городах	162	14	1	89	182	—	—	40	—	—	4	1	7
Новоросс. окр.	215	21	2	71	20	—	—	43	—	—	8	—	9
Сочинский окр.	672	—	—	52	269	—	2	—	—	—	9	—	3
Туапсин. округ	17	1	—	35	15	—	—	—	—	—	1	1	—

* Перепись использует понятие «аваро-андийцы», объединяя под этой категорией населения аварцев и родственные горские андо-цезские народы.

** Вместе с кайтагами и кубачинцами.

*** Лакский язык в дореволюционной российской этнографической классификации именовался казикумухским.

**** Лезгинский язык в дореволюционной российской этнографической классификации носил название кюринского.

обл./губерния: окр./отдел/уезд	вайнахи		тюркские языки							монг. яз.	финно-угорские языки		
	чечен-цев	ингу-шей	турок	башкир	караче-евцев	кумы-ков	ногай-цев	татар	турк-мен	калмы-ков	морд-вы	черемисов	эстон-цев
Дагестанская область	757	12	18	44	4	51209	1909	32143*	9	10	26	13	2
в т.ч. в городах	9	5	6	42	—	1951	—	11663	5	3	26	7	2
Темир-Хан-Шуринск. окр.	44	5	5	43	—	49730	1908	1261	4	4	26	—	1
Аварский окр.	1	6	—	—	—	5	—	4	4	—	—	—	—
Андийск. окр	711	—	—	—	—	24	—	15	—	—	—	—	—
Гунибский окр.	—	—	—	1	—	17	—	35	—	2	—	—	—
Даргинский окр	—	—	—	—	—	—	—	8	—	—	—	—	—
Казикумух. окр.	—	—	2	—	—	47	—	145	—	3	—	—	—
Кайт.-Таб. окр	—	1	9	—	3	1035	1	28975	1	1	—	13	1
Кюринский окр	1	—	—	—	1	5	—	1321	—	—	—	—	—
Самурский окр.	—	—	2	—	—	346	—	379	—	—	—	—	—
Кубанская область	35	5	2187	—	26877	205	5880	—	19	378	1494	—	—
в т.ч. в городах	9	—	116	—	6	34	10	—	3	16	897	—	—
Екатерин. отд.	9	—	935	—	3	42	3	—	1	5	356	—	—
Баталпаш. отд.	2	3	20	—	26867	100	5746	—	—	—	161	—	—
Ейский отд.	—	—	78	—	—	2	—	—	—	208	11	—	—
Кавказ. отд.	—	2	36	—	1	10	5	—	5	66	89	—	—
Лабин. отд.	—	—	93	—	3	8	58	—	8	59	85	—	—
Майкоп. отд.	21	—	258	—	2	39	67	—	—	8	754	—	—
Темрюк. отд.	3	—	767	—	1	4	1	—	5	32	38	—	—
Ставропольская губерния	10	4	115	—	—	43	19651	3245**	14896	10814	253	—	1279
в т.ч. в городах	4	4	32	—	—	17	10	243	11	82	73	—	37
Ставроп. уезд	7	4	30	—	—	12	7	409	14	539	33	—	35

Продолжение (3) Таблицы 9

обл./губерния:	вайнахи		тюркские языки							монг. яз.	финно-угорские языки		
окр./отдел/уезд	чечен-цев	ингу-шей	турок	башкир	карача-евцев	кумы-ков	ногай-цев	татар	турк-мен	калмы-ков	морд-вы	черемисов	эстон-цев
Александр.уезд	1	—	57	—	—	12	3722	534	50	75	32	—	830
Медвеж. уезд	—	—	9	—	—	3	—	90	—	21	78	—	410
Новогриг. уезд	1	—	4	—	—	16	12	1534	27	688	108	—	2
Территория ко-чующ. нар.	1	—	15	—	—	—	15910	678	14805	9491	2	—	2
Терская область	223347	47184	106	398	216	31826	36577	27370**	1057	3595	66	31	88
в т.ч. в городах	726	419	65	308	14	1470	247	1332	21	3	38	28	38
Владикавк. окр.	93	733	42	32	2	160	6	366	3	1	6	4	11
Грознен. окр.	202273	136	14	66	6	1930	13	354	7	—	5	2	2
Кизляр. окр.	864	41	9	—	2	988	31650	955	1029	1417	—	—	5
Нальчик. окр.	4	36	7	3	6	116	3	23184	—	—	19	—	—
Пятигор. окр.	80	23	28	271	197	175	900	1120	17	2174	28	25	70
Сунжен. окр.	1906	46214	5	22	—	2349	5	85	—	—	—	—	—
Хасавюрт. окр.	18127	1	1	4	3	26108	4000	1306	1	3	8	—	—
Черноморская губерния	5	10	650***	—	—	3	—	291**	—	—	28	—	791
в т.ч. в городах	3	2	161	—	—	3	—	131	—	—	—	—	71
Новоросс. окр.	4	10	238	—	—	1	—	260	—	—	21	—	190
Сочинск. окр.	—	—	332	—	—	—	—	28	—	—	7	—	599
Туапсин. окр.	1	—	100	—	—	2	—	3	—	—	—	—	2

* В Дагестанской области под именем (азербайджанских) татар перепись 1897 г. учитывала азербайджанцев.

** Зд. поволжские татары.

*** Ошибка в расчетах или опечатка издателей переписи 1897 г. Должно быть 670.

Таблица 10
Динамика роста населения российского Северного Кавказа в составе Кавказского наместничества. 1867—1915 гг.

Статистический временник Российской империи. Сер. II. Вып. II. Отд. VIII. СПб., 1871. С. 88—93; Сер. III. Вып. 8. СПб., 1886. С. 22—23; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. LXII. Дагестанская область; Т. LXV. Кубанская область; Т. LXVII. Ставропольская губерния; LXVIII. Терская область; Т. LXX. Черноморская губерния. Тетрадь I. СПб., 1900—1905. Таблица I; Обзор Черноморской губернии за 1913 год. [Новороссийск], 1914. С. 3—4; Обзор Ставропольской губернии за 1914 год. Ставрополь, 1915. С. 12; Отчет начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска за 1914 год. Екатеринодар, 1915. С. 4—5; Обзор Дагестанской области за 1915 год. Темир-Хан-Шура, 1916. С. 4; Служебно-статистический отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска за 1915 год. Владикавказ, 1916. С. 3—4, 8—9.

область/губерния: округ/отдел/уезд*	1867 г. в наличии		1897 г. в наличии		1914—1915 гг. в наличии	
	жителей	в гор-дах	жителей	в горо-дах	жителей	в горо-дах
Дагестанская область	501311	20883	-571154**	+44607	712654***	72271
Темир-Хан-Шурин. округ	66816	5094	+97348	+18967	94144	38931
Аварский округ	63951	—	-37639	—	35739	—
Андийский округ	42080	—	-49628	—	57875	—
Гунибский округ	58958	—	-55899	—	76281	—
Даргинский округ	51178	—	-80943	—	85131	—
Казикумухский округ	46578	—	-45363	—	51250	—
Кайтаго-Табасаран. округ	34664	—	-91021	—	82154	—
Кюринский округ	35781	—	-77680	—	86053	—
Самурский округ	30545	—	+35633	—	71556	—
Дербентское градонач-во	15739	15739	-14649	-14649	33540	33540
Кубанская область	599969	43818	-1918881	-221208	2881485***	244827
Екатеринодарский отдел	63742	8753	-245173	+65606	345427	104809
Баталпашинский отдел	31177	—	-215400	—	291610	—
Ейский отдел	68691	28070	-277300	-35414	402334	47672
Кавказский отдел (с 1876)	*****	—	-249182	—	451776	—

Продолжение табл. 10

область/губерния: округ/отдел/уезд*	1867 г. в наличии		1897 г. в наличии		1914—1915 гг. в наличии	
	жителей	в гор-дах	жителей	в горо-дах	жителей	в горо-дах
Лабинский отдел	32128	—	-305733	—	515857	—
Майкопский отдел	*****	—	-283117	-34327	404666	54339
Таманский отдел	6374	6995	-342976	-21678	469815	38007
Ставропол. губ.******	371422	41619	-873301	-83025	1293652***	62810
Ставропольский уезд	160223	20927	-165442	+41590	180917	50515
Александровский уезд	*****	—	-180506	—	173799	—
Медвежинский уезд	*****	—	-232949	—	324347	—
Святокрестовский уезд	*****	—	-246644	-6583	212618	12335
Благодаринский уезд. (с 1903)	*****	—	*****	—	294931	—
Территория кочующих народов*******	79962	—	+47780	—	44190	—
Терская область	447307	34664	-933936	+120048	1360284***	235476
Владикавказский округ	56637	8964	-134947	+43740	134499	73243
Веденский округ (с 1871)	36346	—	*****	—	127718	—
Грозненский округ	94400	3006	-226035	+15564	148272	47585
Нальчикский округ	60239	3024	-102908	—	160354	—
Назрановский округ (с 1905)	*****	—	*****	—	58842	—
Хасавюртовский округ	35836	1379	-70800	—	87344	—
Кизлярский отдел	12024	7748	+102908	+7282	120610	16151
Моздокский отдел	3270	—	*****	—	93913	16510
Пятигорский отдел	115243	12944	-181481	-39885	118751	81987
Сунженский отдел	31380	—	-115370	—	74505	—
Черноморская губ. (с 1896)	*****	—	-57478	+19641	+194470****	+99899
Новороссийский округ	*****	—	-34908	+16897	+92406	+66130
Сочинский округ	*****	—	+13519	+1352	+63568	+17611
Туапсинский округ	*****	—	+9051	+1392	+38496	+16158

При оценке сведений таблицы необходимо делать скидку на частые изменения в административном делении и границах областей и губерний Северного Кавказа в 1860—1917 гг. Как уже говорилось, регион входил в Кавказское наместничество, созданное в

1844 г., упраздненное в 1881-м и восстановленное в 1905—1917 гг. Относительно стабильной была лишь география Дагестанской области, границы и окружное деление которой не менялись с передачи ей из Терской области в 1861 г. горских обществ по южному склону Андийского хребта до создания в 1920—1921 гг. Дагестанской АССР. Административное устройство Кубанской и Терской областей сложилось в основном после 1871 г. Из Ставропольской губернии в Терскую область в 1866—1871 гг. были переданы города Пятигорск, Моздок и Кизляр, Хасавюртовский округ, а в 1888 г. — Караногайские степи.

* Административное деление и названия отделов, округов и уездов на 1914—1915 гг.

** Знаки «+» и «—» показывают соответственно, превышало ли наличное население постоянно зарегистрированное в северных областях и губерниях Кавказского края или уступало ему. Данные имеются по 1897 г.

*** Данные на 1915 г.

**** Данные на 1914 г.

***** Нет данных.

****** Ставропольская губерния выведена из состава Кавказского края в 1899 г.

******* Включая два приставства и один улус.

Таблица 11
Народное образование в отдельных областях и губерниях* Северного Кавказа. 1913—1915 гг.

Подсчитано по: Обзор Черноморской губернии за 1913 год. [Новороссийск,] 1914. Ведомость 8; Обзор Дагестанской области за 1915 год. Темир-Хан-Шура, 1916. Ведомость 18; С. 57—59, 61.

административная единица	школ при мечетях**			школ при синагогах			церковно-приходских школ			начальных училищ		
	число	учащихся		число	учащихся		число	учащихся		число	учащихся	
		муж. пола	жен. пола		муж.а пола	жен. пола		муж. пола	жен. пола		муж. пола	жен. пола
г. Темир-Хан-Шура	1	26	8	—	—	—	2	27	16	4	238	179
г. Дербент	10	253	31	11	286	—	2	78	69	5	448	348
г. Петровск	—	—	—	—	—	—	3	145	89	6	463	353
Темир-Хан-Шурин. округ	55	947	315	3	49	—	—	—	—	15	341	156
Аварский округ	63	392	18	—	—	—	—	—	—	3	42	4
Андийский округ	84	405	31	—	—	—	—	—	—	2	51	—
Гунибский округ	143	734	—	—	—	—	—	—	—	7	99	22
Даргинский округ	49	277	—	—	—	—	—	—	—	4	122	2
Казикумух. округ	44	238	—	—	—	—	—	—	—	8	348	52
Кайтаго-Табасаран. округ	120	1521	—	—	—	—	—	—	—	10	329	81
Кюринский округ	61	723	114	—	—	—	—	—	—	6	179	—
Самурский округ	42	551	8	8	204	2	—	—	—	5	394	—
итого в городах	11	279	39	11	286	—	7	250	174	15	1149	880
итого в Дагестанской обл.	671	6067	525	22	539	7	7	250	174	75	3054***	1197

административная единица	школ при мечетях**			школ при синагогах			церковно-приходских школ			начальных училищ		
	число	учащихся		число	учащихся		число	учащихся		число	учащихся	
		муж. пола	жен. пола		муж.а пола	жен. пола		муж. пола	жен. пола		муж. пола	жен. пола
г. Новороссийск	—	—	—	—	—	—	6	153	138	24	1471	1256
пос. Сочи	—	—	—	—	—	—	1	17	15	—	—	—
пос. Туапсе	—	—	—	—	—	—	1	20	15	—	—	—
итого в городах	—	—	—	—	—	—	8	190	168	24	1471	1256
в округах	—	—	—	—	—	—	25	570	460	75	1768	1235
итого в Черноморской губ.	—	—	—	—	—	—	3	760	628	99	3239	2491

* Учет институтов народного образования на предреволюционном Северном Кавказе велся плохо. Статистические данные по разным административным единицам региона почти невозможно сопоставить. Сколько-нибудь полные параллельные сведения на 1913—1915 гг. имеются только по Дагестанской области и Черноморской губернии.

** Статистика мусульманских и иных иноверческих учебных заведений в Кавказском крае, как и по всей империи, была весьма приблизительна и неточна. Частный характер финансирования школ при мечетях и синагогах мешал их учету государством. Власти не выработали действенных критериев различения начальных *мектебов* при мечетях от средних школ и университетов (*медресе*), что видно из приводимой выше статистики.

*** Исправлена ошибка в подсчетах издателей Отчета. В нем значилось 3044.

Продолжение 1 табл. 11

административная единица	высших начальных училищ			реальных училищ			гимназий			ремесленных школ			школ садоводства	
	число	учащихся		число	учащихся		число	учащихся		число	учащихся		число	учащихся
		муж. пола	жен. пола		муж. пола	жен. пола		муж. пола	жен. пола		муж пола	жен. пола		муж. пола
г. Темир-Хан-Шура	1	117	48	1	292	—	1	—	207	1	27	—	—	—
г. Дербент	1	106	—	1	484	—	1	—	291	—	—	—	1	58
г. Петровск	1	160	—	—	—	—	2	29	343	—	—	—	—	—
в городах	3	383	48	2	776	—	4	294	841	1	27	—	1	58
в округах	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
в Дагестанской обл.	3	383	48	2	776	—	4	294	841	1	27	—	1	58
г. Новороссийск	1	55	—	2	348	93	3	425	670	3	171	175	—	—
пос. Сочи	—	—	—	1	83	74	3	425	670	3	171	175	—	—
пос. Туапсе	—	—	—	1	55	44	1	83	39	—	—	—	—	—
итого в городах	1	55	—	4	486	211	4	508	709	3	171	175	—	—
в округах	—	—	—	—	99	—	—	—	—	4*	131	—	1	73
итого в Черномор-ской губернии	1	55	—	4	585	211	4	508	709	7	302	175	1	73

* В том числе 3 ремесленных отделения при начальных училищах с 99 учениками (подростки мужского пола).

Таблица 12
Религиозная мозаика территорий под военно-народным управлением: молитвенные здания и храмы Дагестанской области. 1915 г.

Обзор Дагестанской области 1915 год. Темир-Хан-Шура, 1916. Ведомость 11.

административная единица	христианских церквей			мусульманских мечетей				иудейских	
				суннитских		шиитских		синагог	молитв.
	право-славн.	арм.-григ.	като-лич.	мечетей	джума*	мече-тей	джума		школ**
Темир-Хан-Шура	2	1	1	1	—	2	—	2	—
Дербент	3	1	—	2	—	17	1	8	6
Петровск	3	1	1	2	—	2	—	2	1
Темир-Хан-Шуринский округ	5	—	—	222	34	—	—	1	2
Аварский округ	1	—	—	78	19	—	—	—	—
Андийский окр.	1	—	—	225	—****	—	—	—	—
Гунибский округ	1	—	—	305	—	—	—	—	—
Даргинский окр.	—	—	—	208	75	—	—	—	—
Казикумух. окр.	—	—	—	106	31	—	—	—	—
Кайтаго.-Табасаранский округ	1	—	1	243	—	—	—	5	—
Кюринский окр.	—	1	—	205	112	—	9	8	—
Самурский окр.	1	—	—	114	72	4	1	—	—
итого в городах	8	3	2	5	—	21	1	12	7
итого в Дагестанской области	18	4	3	1711***	343	25	11	26	9

* То есть пятничных, соборных мечетей мусульманских общин.

** Здесь религиозные школы, *хедеры*.

*** Исправлена ошибка в подсчетах издателей Отчета. В нем значилось 1702.

**** Не следует думать, будто в наиболее труднодоступных горных округах не было ни одной пятничной мечети. Конечно, они были, о чем свидетельствуют и документальные материалы, например списки вакфов мечетей отдельных участков Андийского округа за 1913 г., уцелевшие в частных собраниях. В действительности количество джума-мечетей было намного больше, они были почти в каждом крупном селении. Просто некоторые реально действовавшие религиозные институты не вписывались в учетные принципы имперской статистики.

Приложение 5

НАМЕСТНИКИ, ГЛАВНОУПРАВЛЯЮЩИЕ, ГЛАВНОНАЧАЛЬСТВУЮЩИЕ И ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА[1]

ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРЫ И ПРАВИТЕЛИ КАВКАЗСКОГО НАМЕСТНИЧЕСТВА И КАВКАЗСКОЙ ГУБЕРНИИ / ОБЛАСТИ (1785—1796, 1802—1846)

1785—1792	Потемкин Павел Сергеевич, генерал-поручик. Наместник Кавказский, действительный камергер, генерал-губернатор Кавказский и Саратовский
1792—1796	Гудович Иван Васильевич (1741—1820), граф, генерал-аншеф. Наместник Кавказский, генерал-губернатор Кавказский, Рязанский и Тамбовский[2]
1786—1790	Алексеев Илларион Спиридонович, статский советник. Правитель наместничества

---

[1] Приложение составлено на основе сопоставления материалов РГИА. Ф. 1284, РГАДА. Ф. 286, РГВИА. Ф. 36, ЦГА РД. Ф. 1, ЦГА КБР, Полного собрания законов Российской империи (ПСЗ. 3-е изд. СПб., 1885—1917), а также известных справочников: *Лысенко Л.М.* Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи. М.: 2-е изд., 2001; Губернии Российской империи. История и руководители. 1708—1917 / Под ред. Ю.Н. Морукова и Н.Ф. Самохвалова. М., 2003.

[2] Исполнял обязанности наместника до 31 декабря 1796 г., когда Кавказское наместничество было преобразовано в Астраханскую губернию.

1790—1792 Брянчанинов Сергей Афанасьевич, генерал-майор. Правитель наместничества

1792—1796 Скаржинский Петр Михайлович, генерал-майор. Правитель наместничества

1796 Алябьев Александр Васильевич, тайный советник. Правитель наместничества (до 19 декабря)

1802—1804 Каспаров Иван Петрович, тайный советник. Губернатор Кавказской губернии[3]

1804—1805 Гильденшольд Христиан Петрович, действительный статский советник. Губернатор Кавказской губернии

1805—1809 Картвелин Николай Михайлович, действительный статский советник. Губернатор Кавказской губернии

1809—1811 Малинский Марк Леонтьевич, действительный статский советник. Губернатор Кавказской губернии

1811—1813 Фон Брискорн Яков Максимович, действительный статский советник. Губернатор Кавказской губернии

1813—1820 Малинский Марк Леонтьевич, действительный статский советник. Губернатор Кавказской губернии[4]

1823—1826 Сталь Карл Федорович, генерал-майор. Начальник Кавказской области[5]

1826—1828 Эмманюэль Григорий Арсентьевич, генерал-лейтенант. Начальник Кавказской области

1828—1832 Стрекалов Степан Степанович, генерал-майор. Начальник Кавказской области

1832—1836 Вельяминов Алексей Александрович, генерал-лейтенант. Начальник Кавказской области

1832—1836 Таубе Максим Максимович, генерал-майор. Губернатор Кавказской области

1836—1838 Таубе Максим Максимович, генерал-лейтенант. Начальник Кавказской области

1836—1838 Семенов Алексей Васильевич, действительный статский советник. Губернатор Кавказской области

---

[3] В 1802 г. из Астраханской губернии была выделена Кавказская губерния с центром в г. Георгиевске.

[4] В 1820—1822 гг. должность губернатора Кавказской губернии оставалась вакантной.

[5] 24 июля 1822 г. Кавказская губерния преобразована в область с центром в г. Ставрополе. Во главе ее стоял начальник, а его помощником был губернатор области.

1838—1844 Граббе Павел Христофорович (1787—1875), генерал-адъютант, генерал-лейтенант. Начальник Кавказской области

1838—1841 Хомутов Иван Петрович, действительный статский советник. Губернатор Кавказской области

1841—1843 Ситников Василий Семенович, действительный статский советник. Губернатор Кавказской области

1843—1846 Ольшевский Марцеллин Матвеевич, генерал-майор. Губернатор Кавказской области[6]

ГЛАВНОУПРАВЛЯЮЩИЕ В ГРУЗИИ И КОМАНДУЮЩИЕ ОТДЕЛЬНЫМ КАВКАЗСКИМ КОРПУСОМ (1802—1844)

1802—1806 Цицианов Павел Дмитриевич (1754—1806), князь, генерал от инфантерии. Военный губернатор Астраханский и Кавказский

1806—1809 Гудович Иван Васильевич (1741—1820), граф, генерал-фельдмаршал. Военный губернатор Астраханский и Кавказский

1809—1811 Тормасов Александр Петрович (1752—1819), граф, генерал от кавалерии. Военный губернатор Астраханский и Кавказский

1811—1812 Паулуччи Филипп Осипович (1779 — после 1829?), маркиз, генерал-лейтенант. Военный губернатор Астраханский и Кавказский

1812—1816 Ртищев Николай Федорович (ум. 1835), генерал от инфантерии. Военный губернатор Астраханский и Кавказский

1816—1827 Ермолов Алексей Петрович (1772—1861), генерал от инфантерии. Военный губернатор Астраханский и Кавказский

1827—1831 Паскевич-Эриванский Иван Федорович (1782—1856), граф, светлейший князь, генерал-фельдмаршал. Военный губернатор Астраханский и Кавказский

---

[6] 2 мая 1847 г. Кавказская область преобразована в Ставропольскую губернию.

28.04.1831—08.1831	Панкратьев Никита Петрович, генерал от инфантерии, генерал-адъютант
1831—1837	Розен Григорий Владимирович (1781—1841), барон, генерал от инфантерии, генерал-адъютант
1837—1842	Головин Евгений Александрович (1782—1858), генерал от инфантерии, генерал-адъютант
1842—1844	Нейгардт Александр Иванович (1784—1845), генерал от инфантерии, генерал-адъютант

НАМЕСТНИКИ КАВКАЗСКИЕ (1844—1881, 1905—1917)

1844—1853	Воронцов Михаил Семенович (1782—1856), светлейший князь (1845), генерал-фельдмаршал. Наместник Кавказский и командующий Отдельным Кавказским корпусом[7]
1854—1856	Муравьев Николай Николаевич (1794—1866), генерал от инфантерии (1853), генерал-адъютант
1856—1862	Барятинский Александр Иванович (1815—1879), князь, генерал-фельдмаршал, генерал-адъютант
1862—1881	Михаил Николаевич (1832—1909), великий князь, генерал-фельдмаршал, генерал-адъютант (1856), генерал-фельдцейхмейстер
1905—1915	Воронцов-Дашков Илларион Иванович (1837—1916), граф, генерал от инфантерии, генерал-адъютант
1915—1917	Николай Николаевич (Младший) (1856—1929), великий князь, генерал-адъютант, генерал от кавалерии (1901)

ГЛАВНОНАЧАЛЬСТВУЮЩИЕ НА КАВКАЗЕ (1882—1905)

1882—1890	Дондуков-Корсаков Александр Михайлович (1820—1893), князь, генерал-адъютант, генерал от кавалерии.

---

[7] В 1853—1854 гг. обязанности наместника Кавказского и командующего Отдельным Кавказским корпусом временно исполнял генерал от кавалерии Николай Андреевич Реад (1792—1855).

	Главноначальствующий гражданской частью на Кавказе, командующий войсками Кавказского военного округа и наказной атаман кавказских казачьих войск
1890—1896	Шереметев Сергей Алексеевич (1836—1896), генерал от кавалерии, генерал-адъютант
1896 — 26.02.1905	Голицын Григорий Сергеевич (1838—1907), князь, генерал-адъютант, генерал от инфантерии

НАЧАЛЬНИКИ И ВОЕННЫЕ ГУБЕРНАТОРЫ ДАГЕСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ (1860—1917)

1860—1880	Меликов Леван Иванович (1817—1892), князь, генерал-лейтенант. Начальник области
1880—1896	Чавчавадзе Николай Зурабович, князь, генерал-лейтенант. Начальник области [8]
1896—1901	Барятинский Александр Анатольевич, князь, генерал-лейтенант. Военный губернатор
1901—1907	Тиханов Евграф Филиппович, генерал-лейтенант. Военный губернатор
1907—1908	Альфтан Владимир Алексеевич, генерал-майор. Военный губернатор
1908—1916	Вольский Сигизмунд Викторович, генерал-майор, генерал-лейтенант. Военный губернатор
1916—1917	Ермолов Владимир Викторович, генерал-майор. Военный губернатор

ВОЕНЫЕ ГУБЕРНАТОРЫ И НАКАЗНЫЕ АТАМАНЫ КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ (1860—1917)

1860—1862	Иванов Николай Агапович, генерал-майор. Начальник области
1862—1863	Евдокимов Николай Иванович (1804—1873), граф, генерал-лейтенант, генерал-адъютант. Начальник области

[8] До 27 июня 1890 г. После этого занимал пост военного губернатора Дагестанской области.

1863—1869 Сумароков-Эльстон Феликс Николаевич (1820—1877), граф, генерал-лейтенант. Начальник области

1869—1873 Цакни Михаил Аргирович, генерал-лейтенант. Начальник области

1873—1882 Кармалин Николай Николаевич, генерал-лейтенант. Начальник области

1882—1884 Шереметев Сергей Алексеевич (1836—1896), генерал-лейтенант. Начальник области

1884—1892 Леонов Георгий Алексеевич, генерал-лейтенант. Начальник области

1892—1904 Малама Яков Дмитриевич, генерал-лейтенант. Начальник области, губернатор

1904—1906 Одинцов Дмитрий Александрович, генерал-лейтенант. Начальник области, губернатор

1906—1908 Михайлов Николай Иванович, генерал-лейтенант. Начальник области, губернатор

1908—1917 Бабыч Михаил Павлович, генерал-лейтенант, генерал от инфантерии. Начальник области, губернатор

ВОЕНЫЕ ГУБЕРНАТОРЫ И НАКАЗНЫЕ АТАМАНЫ КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ (1860—1917)

1860—1865 Святополк-Мирский Дмитрий Иванович (1825—1899), князь, генерал-лейтенант. Начальник области

1865—1875 Лорис-Меликов Михаил Тариелович (1825—1888), граф, генерал-лейтенант, генерал-адъютант. Начальник области

1875—1883 Свистунов Александр Павлович, генерал-лейтенант, генерал-адъютант. Начальник области

1883—1887 Юрковский Евгений Корнилович, генерал-майор. Начальник области

1887—1890 Смекалов Алексей Михайлович, генерал-лейтенант. Начальник области

1890—1899 Каханов Семен Васильевич, генерал-лейтенант. Начальник области

1899—1905 Толстов Сергей Евлампиевич, генерал-лейтенант, генерал-майор. Начальник области, губернатор

1905—1908 Колюбакин Алексей Михайлович, генерал-майор. Начальник области, губернатор

1908—1912	Михеев Александр Степанович, генерал-лейтенант. Начальник области, губернатор
1912—1917	Флейшер Сергей Николаевич, генерал-лейтенант. Начальник области, губернатор

НАЧАЛЬНИКИ ЗАКАСПИЙСКОЙ ОБЛАСТИ (1881—1898)[9]

1881—1883	Рерберг Петр Федорович, генерал-лейтенант
1883—1890	Комаров Александр Виссарионович (1830—1904), генерал-лейтенант
1890—1898	Куропаткин Алексей Николаевич (1848—1925), генерал-лейтенант

ГУБЕРНАТОРЫ СТАВРОПОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ (1847–1899)[10]

1847–1859	Волоцкой Александр Алексеевич, генерал-майор
1859–1862	Брянчанинов Петр Александрович, действительный статский советник
1862–1868	Пащенко Константин Львович, действительный статский советник
1868–1872	Властов Георгий Константинович, действительный статский советник
1872–1877	Фон дер Остен-Саксен Максимилиан Андреевич, действительный статский советник
1877–1883	Фон Ден Владимир Александрович, генерал-майор
1883–1887	Зиссерман Карл Львович, действительный статский советник
1887–1904	Никифораки Николай Егорович, генерал-лейтенант

---

[9] Область, охватывавшая территорию современной Туркмении, просуществовала до 1917 г. Она подчинялась сначала наместникам Кавказским, а затем главноначальствующим гражданской частью на Кавказе. 26 декабря 1897 г. Закаспийская область была передана в ведение Туркестанского генерал-губернатора.

[10] В 1899 г. Ставропольская область выведена из состава Кавказского края и подчинения главноначальствующему гражданской частью в Тифлисе.

ГУБЕРНАТОРЫ ЧЕРНОМОРСКОЙ ГУБЕРНИИ (1896—1917)[11]

1896—1901 Тиханов Евграф Филиппович, генерал-майор
1901—1905 Волков Евгений Николаевич, полковник
1905—1906 Трофимов Владимир Онуфриевич, генерал-майор[11]
1911—1916 Барановский Владимир Николаевич, действительный статский советник[12]
1916—1917 Борзенко Виктор Михайлович, тайный советник, гофмейстер

[11] Губерния образована 23 мая 1893 г. на территории бывшего Черноморского округа Кубанской области (1866—1893).

[12] С 16 декабря 1906-го по 10 мая 1911 г. обязанности Черноморского губернатора временно исполнял статский советник камер-юнкер Алексей Александрович Березников.

[13] После ухода Барановского в отставку в 1916 г. обязанности Черноморского губернатора временно исполнял полковник Петр Иванович Мартынов.

Глоссарий

абрек (от иран. через кавк.) — 1. кровник, изгнанный из общества; 2. бандит; 3. благородный разбойник

аврида (осет.) — см.: *тайп*

ага (тюрк.) — см.: *бегавул*

адат (араб.) — обычное право, обычай

азат (тюрк.) — вольноотпущенник

аксакал (тюрк.) — сельский старшина

алдар (осет.) — титул горской знати у осетин

алим (араб.) — мусульманский ученый, знаток *шариата* (см.)

алым (тюрк.) — см.: *дият*

аманат (от араб.) — заложник

апараг (из иран.) — беженец, переселенец, отсюда *абрек* (см.)

аталычество (от тюрк. *аталык*, «воспитатель») — обычай искусственного родства путем передачи ребенка на воспитание в чужую семью

баранта (тюрк.) — согласно *адату* (см.), захват имущества односельчан должника или обидчика с целью принудить его удовлетворить истца

бегавул (тюрк.) — пореформенный сельский старшина

беслан-уорк (кабард.) — дружинник князя или узденя в Кабарде

бида (араб.) — по *шариату* (см.), недозволенное новшество

билет — временный паспорт для «мирных горцев» на Кавказской линии

бо (авар.) — военно-политический союз сельских общин

благочинный — в православной церковной иерархии должность между священником и епископом, сменившая институт *закащиков* (см.)

бынышхуэ (кабард.) — большая семья

вакф (араб.) — частное имущество, переданное на религиозные и благотворительные нужды мусульманской общины, согласно мусульманскому праву

вали (араб.) — титул дагестанских шамхалов

вирд (араб.) — отделение суфийского братства

вольное общество — военно-политический союз горских общин на Северо-Восточном Кавказе

газават (араб.) — война за веру в исламе, частный вид джихада

гази (араб.) — воитель за веру, участник *газавата* (см.)

дар ал-ислам (араб.) — территории, находящиеся под властью мусульманских законов и правителей

дар ал-харб (араб.) — «область войны», объект *газавата* (см.) для мусульман

дзей (кабард.) — временные трудовые объединения землепашцев, супряга

джадид (араб.) — сторонник движения *усул-и джадид* (см.)

джамаат (от араб.) — 1. сельская или мечетная община; 2. сельский сход, народное собрание

джихад (араб.) — борьба за веру в защиту или за распространение ислама

джума (от араб.) — пятничная мечеть
дыженуго (кабард.) — страта высшей военной знати в Кабарде
дибир (перс.) — мулла или *кади* (см.) в Северном Дагестане
дият (араб.) — возмещение за пролитие крови по *шариату* и *адату* (см.)
дым — домохозяйство
есаул — один из чинов казацких старшин, впоследствии превратившийся в унтер-офицерское звание в казачьих войсках
закащик (от старорус. *заказ*, «благочиние, надзор») — чин в православной иерархии, обязанный надзирать за причтом и храмами духовного округа епархии
закят (араб.) — обязательная для мусульманина милостыня на благотворительные и религиозные нужды мусульманской общины
зикр (араб.) — ритмичное повторение имени Аллаха, практикуемое суфиями
зиярат (араб.) — святое место, объект паломничества мусульман
имамат (от араб.) — военно-теократическое государство в Нагорном Дагестане и Чечне второй трети XIX в.
иногородний (рус. диал.) — крестьянин-поселенец на казачьих землях
ишкиль (нах.-даг.) — см.: *баранта*
кабак (из перс.) — селение, административный центр
кавдасар (осет.) — лично несвободный крестьянин в Осетии
кади (араб.) — 1. судья по мусульманскому праву; 2. титул правителей Южного Табасарана
кадим (араб.) — сторонник мусульманского традиционализма, противостоявшего движению *джадидов* (см.)
канлы (тюрк.) — кровник
карт (нах.-даг.) — см.: *аксакал*
качак (тюрк.) — см.: *абрек*
кебин (тюрк.) — брачный дар мужа жене за вступление в брак по шариату
куаже (кабард. *къуажэ*) — селение-вотчина в Кабарде
къуажэпщ (кабард.) — аульный владелец
кунак (тюрк.) — гость, гостеприимец
кусаг (осет.) — лично несвободный крестьянин в Осетии
кхел (вайнах.) — см.: *джамаат*
лаг (нах.-даг.) — см.: *лай*
лай (чечен.) — домашний раб
мазхаб (араб.) — религиозно-правовая школа, толк в исламе
майсум (табасар., вар. *максут*) — титул правителей Северного Табасарана
мамлюк (от араб. «раб») — военная элита османской Турции, происходившая из принявших ислам военнопленных
мангуш — глашатай и церемониймейстер в мужских союзах и общинах горцев
махзен (от араб. диал.) — племена на государственной службе в османском Магрибе
махр (араб.) — см.: *кебин*
меджлис (араб.) — суд по шариату в пореформенном Закавказье

медресе (араб.) — мусульманская школа типа колледжа или университета, обычно при мечети

мектеб (араб.) — начальная школа при мечети

мехкеме (от араб.) — суд по *шариату* (см.)

милиция горская — иррегулярная конная жандармерия XIX в.

мирлива (тюрк.) — генеральское звание в османской армии

мударрис (араб.) — преподаватель *медресе* (см.)

мудир (араб.) — должность выше *наиба* (см.) в имамате Нагорного Дагестана и Чечни

мульк (араб.) — частно-семейная собственность по мусульманскому праву

мурза (тюрк.) — титул владетельной мусульманской военной знати

муртазик (араб.) — воины регулярной армии в имамате Шамиля

муфтий (араб.) — 1. знаток шариата, дающий разъяснения его основных положений и выступающий по спорным религиозным правовым вопросам; 2. титул главы мусульманских правлений (муфтиятов) Российской империи

мухаджир (араб.) — переселенец, эмигрант

мухаджирство (от араб. *мухаджир*, см.) — массовое переселение кавказских горцев в Османскую империю в XIX в.

мухтасиб (араб.) — почетная должность знатока шариата, надзиравшего за нравственностью в имамате Нагорного Дагестана и Чечни

мюрид (от араб.) — 1. ученик шейха, член суфийского братства («тарикатский мюрид»); 2. сторонник шариатского движения и имамата Дагестана и Чечни времен Кавказской войны XIX в. («шариатский» или «наибский» мюрид)

мюридизм — обозначение мусульманского повстанчества, связанного с антироссийски настроенными суфиями времен Кавказской войны XIX в., в русской дореволюционной и советской литературе

наиб (от араб. «заместитель») — начальник области: 1. в ханствах Восточного Кавказа; 2. имамате Дагестана и Чечни; 3. военно-народном управлении в Дагестанской и Терской областях

низам (араб.) — правовая реформа и законодательство Шамиля

нукер (тюрк.) — дружинник, ополченец

нуцал (авар.) — титул ханов Аварии в Нагорном Дагестане

ныхас (адыг.) — сельский сход, народное собрание на Центральном и Северо-Западном Кавказе

ог (адыг.) — зависимый оброчный крестьянин

олий (из араб.) — верховный правитель Карачая

пахта (нах.-даг., возм. от перс. *бахт*, «доля») — обязанность зависимых селений кормить военные отряды молодежи главного селения конфедерации или ханства в Дагестане

пир (перс.) — см.: *зиярат*

псухо (адыг.) — соседская община

пши (кабард. «князь») — высшая военная знать Кабарды, приравненная в России к князьям

пшикеу (кабард.) — дружинник князя-*пши* или узденя
сейид (араб.) — потомок пророка Мухаммеда
стыр мыггаг (осет.) — горская знать в Осетии
тайп (чеч.) — клан
таубий (осет.) — горская элита в Балкарии
тёре (тюрк.) — 1. народное собрание; 2. третейский суд в Карачае
тлекотлеш (кабард.) — высшая страта военной знати в Кабарде
тлепк (кабард.) — см.: *тайп*
тума (кабард.) — потомок от брака князя-*пши* с женщиной низшего социального статуса
тухум (от перс.) — клан, род
тфокотль (кабард.) — зависимый горский крестьянин
тыхджын мыггаг (осет.) — горская знать в Осетии
уздень (тюрк.) — 1. в Кабарде военная знать, приравненная к российскому дворянству; 2. общинник-воин на Северо-Восточном Кавказе
улем — см.: *алим*
уорк (кабард.) — средняя страта горской знати в Кабарде
уорктын (кабард. «дворянские подарки») — система вассально-ленных отношений в Кабарде
уорк-шаотлугус (кабард.) — средняя страта военной знати в Кабарде
усул-и джадид (тюрк.) — обновленческое движение в исламе конца XIX — начала XX в., выступавшее за модернизацию мусульманской школы и использование последних достижений европейской цивилизации
уцмий (дарг., вар. *усмей*) — титул правителей Кайтага в Дагестане
халиф (араб. *амир ал-муаминин*) — титул религиозного и светского главы мусульманского сообщества в Арабском халифате, Османской империи и имамате Нагорного Дагестана и Чечни
халифа (араб.) — суфий, преемник суфийского шейха
харим (от араб. «запретный») — неделимая общинная собственность по *адату* и *шариату* (см.)
хаса (адыг.) — 1. народное собрание; 2. княжеский совет в Кабарде и Черкесии
хахлавчи (лак.) — титул правителей Казикумухского ханства в Дагестане
хорунжий — один из чинов казацких старшин, впоследствии превратившийся в унтер-офицерское звание в казачьих войсках
хуреба (дарг.) — см.: *бо*
чагар (нах.-даг.) — крепостной в приморском Дагестане
чанка (нах.-даг.) — потомок от брака бека с женщиной низшего социального статуса (из *узденей*, см.)
чухби (авар.) — см.: *аксакал*
шамхал (лак., вар. *шевкал*) — титул правителей сначала Казикумухского ханства, а затем Тарковского шамхальства в Дагестане
шариат (от араб.) — комплекс закрепленных в Коране и мусульманском предании (сунне пророка Мухаммеда) обязательных для мусульман религиозно-правовых, бытовых и этических предписаний, на котором строится мусульманское право

шахид (араб.) — в исламе мученик, погибший за веру
шертовать (от тюрк. *шерть*, «личная присяга») — присягать
эфенди (староосм., от греч. «учитель») — титул шариатского судьи или преподавателя медресе на Северо-Западном Кавказе
ясак (тюрк.) — подать, дань
ясырь (тюрк.) — раб, предназначенный для продажи, военнопленный

Рекомендуемые источники и литература

К главе 1. Северный Кавказ и кавказоведение

Источники

100 писем Шамиля / Введ., пер. с араб. и коммент. Х.А. Омарова. Махачкала, 1997.

Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний / Пер. с араб. М.-С.Дж. Саидова. Махачкала, 1997.

Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. / Сост. В.К. Гарданов. Нальчик, 1974.

Акты, собранные Кавказской археографической Комиссией. Тифлис, 1866. Т. I.

Бларамберг Иоганн. Кавказские рукописи. Историческое и этнографическое описание народов Северного Кавказа. Ставрополь, 1992.

Бобровников В.О. «С того, кто взял ишкиль...» Документы Рукописного фонда Института истории, археологии и этнографии Дагестанского НЦ РАН о кавказском адате: ишкиль в Дагестане XVII—XIX вв. // Отечественные архивы. 2006. № 5.

Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. 1—2.

Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. / Ред. Л. Броссе. СПб., 1869. Ч. 1—2.

Дагестанские исторические сочинения / Сост., пер., коммент. А.Р. Шихсаидова, Т.М. Айтберова, Г.-М.Р. Оразаева. М., 1993.

Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20—50-е годы XIX в. / Сост. В.Г. Гаджиев и Х.Х. Рамазанов. Махачкала, 1959.

Избранные произведения адыгских просветителей / Сост. Р.Х. Хашхожева. Нальчик, 1980.

Кабардинский фольклор. М.; Л., 1936.

Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX — начала XX в. / Сост. Т.И. Биттирова. Нальчик, 1996. Т. 1—2.

Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. 1—2.

Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Одесса, 1882. Вып. 1.

Материалы по истории Дагестана и Чечни (первая половина XIX в.) / Ред. С. Бушуев и Р. Магомедов. Махачкала, 1940. Т. 3.

Материалы по обычному праву кабардинцев / Сост. Б.А. Гарданов. Нальчик, 1956.

Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII—XIX вв.) / Сост. Б.А. Калоев. Орджоникидзе, 1967.

Памятники тюркоязычной деловой переписки в Дагестане XVIII в. / Сост., пер. и коммент. Г.-М.Р. Оразаева. Махачкала, 2002.

Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах / Сост. Л.А. Чибиров. Цхинвали, 1981—1991. Т. 1—5.

Правовые нормы адыгов и балкаро-карачаевцев / Сост. Х.М. Думанов, Ф.Х. Думанова. Майкоп, 1997.

Российско-чеченские отношения в XVI—XIX вв. Архивные материалы. М., 1991.
Русско-дагестанские отношения в XVIII — начале XIX в. Сборник документов / Отв. ред. В.Г. Гаджиев. М., 1988.
Фольклор адыгов в записях и публикациях XIX — начала XX в. / Сост. А.И. Алиева. Нальчик, 1979.
Хрестоматия по истории права и государства Дагестана в XVIII—XIX вв. / Сост., пер. и коммент. Т.М. Айтберова. Махачкала, 1999. Ч. I—II.
Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках / Изд., пер., коммент., статьи и прилож. Л.И. Лаврова. М., 1968; 1980. Ч. 2—3.

Литература

Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана XVII —начала XIX в. Махачкала, 1999—2001. Кн. I—II.
Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах Древности. М., 2004.
Гаджиев В.Г. Адаты народов Северного Кавказа: опыт источниковедческого анализа // Известия АН Азербайджанской ССР. Серия: История, философия, право. Баку, 1987. № 2.
Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсиадов А.Р. История Дагестана с древнейших времен до конца XV в. Махачкала, 1997.
Гамзатов Г.Г., Саидов М.-С., Шихсаидов А.Р. Арабо-мусульманская литературная традиция в Дагестане // *Гамзатов Г.Г.* Дагестан: историко-литературный процесс. Махачкала, 1990.
Генко А.Н. Арабский язык и кавказоведение // Труды II сессии Ассоциации арабистов. М.; Л., 1941.
История Дагестана. Махачкала, 2001.
История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. / Ред. Б.Б. Пиотровский. М., 1988.
Канчавели Н.Г. Арабоязычные документы дагестанского происхождения 40-х годов XIX в. Тбилиси, 1971.
Корзун В.Б. Литература горских народов Северного Кавказа (дооктябрьский период). Грозный, 1966.
Косвен М.О. Материалы по истории и этнографии Кавказа в русской науке // Кавказский этнографический сборник. М., 1955. Вып. 1.
Крачковский И.Ю. Арабская литература на Северном Кавказе // *Он же.* Избранные сочинения. М.; Л., 1960. Т. VI.
Магомедов Р.М. Адаты дагестанских горцев как исторический источник. М., 1960.
Обзор источников по истории Азербайджана / Сост. З.М. Буниятов. Баку, 1964.
Покровский Н.И. Обзор источников // *Он же.* Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2000.
Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006.
Семенов Л.П. «Нартские памятники» в фольклоре ингушей и осетин. Владикавказ, 1930.
Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М., 2006.
Brower D., Layton S. Liberation through Captivity: Nikolai Shipov's Adventures in the Imperial Borderlands // Orientalism and Empire in Russia / Ed. by M. David-Fox,

P. Holquist, A. Martin. Kritika Historical Studies, 3. Bloomington, 2006.
Kemper M. Communal Agreements (ittifaqat) and 'adat-Books from Daghestani Villages and Confederacies (18th—19th centuries) // Der Islam. 2004. Bd. 81.

К главе 2. Северный Кавказ в российской внешней политике XVIII в.

Источники

Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / Ред. П.Г. Берже. Тифлис, 1866. Т. I. Ч. 1.
Бакиханов А.-К.-а. Гюлистан-и Ирам. Баку, 1991.
[*Броневский С.М.*] Исторические выписки о сношениях России с Персиею, Грузиею и вообще горскими народами, на Кавказе обитающими со времен Ивана Васильевича доныне. СПб., 1996.
Бутков П.В. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. / Ред. Л. Броссе. СПб., 1869. Ч. 1—3.
Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв. Документы и материалы. М., 1957. Т. 1—2.
Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1874—1903. Т. I—XV.
Оразаев Г.М.-Р. Памятники тюркоязычной деловой переписки в Дагестане XVIII в. Махачкала, 2002.
Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII—XIX вв.) / Сост. Б.А. Калоев. Орджоникидзе, 1967.
Потто В.А. Утверждение русского владычества на Кавказе. Тифлис, 1901. Т. 1.
Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII в. Документы и материалы / Сост. Р.М. Маршаев. Махачкала, 1958.
Русско-осетинские отношения в XVIII в. Сборник документов / Сост. М.М. Блиев. Орджоникидзе, 1976; 1984. Т. 1—2.
Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI — XVII в. Сборник документов / Сост. Е.Н. Кушева. М., 1997.
Юзефович Т. Договоры России с Востоком. Политические и торговые. СПб., 1869.

Литература

Барретт Т.М. Линии неопределенности: северокавказский «фронтир» России // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Императорский период. Самара, 2000.
История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. / Ред. Б.Б. Пиотровский. М., 1988.
История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. — 1917) / Ред. Н.Л. Нарочницкий. М., 1988.
Кажаров В.Х. Адыгская Хаса. Нальчик, 1992.
Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. М., 1984.

Козлов С.А. Новое об участии терско-гребенского казачества в Хивинском походе 1717 г. // Исторический опыт русского народа и современность. СПб., 1994.
Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М., 1963.
Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI—XIX веках. М., 1958.
Сотавов Н. А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. от Константинопольского договора до Кючук-Кайнарджийского мира 1700—1774 гг. М., 1999.
Caucasia between the Ottoman Empire and Iran, 1555—1914 / Hrsg. von R. Motika und M. Ursinus. Wiesbaden, 2000.
Khodarkovsky M. From Frontier to Empire: The Concept of the Frontier in Russia, Sixteenth-Eighteenth Centuries // Russian History. The Frontier in Russian History. 1992. Vol. 19. № 1—4.
The North Caucasus Barrier. The Russian Advance toward the Muslim World / Ed. by M. Bennigsen Broxup. L., 1992.
Suni R.G. The Making of the Georgian Nation. Bloomington, 1988.

К главе 3. Кавказские горцы и казаки на границах империи

Источники

Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов / Сост. В.К. Гарданов. Нальчик, 1974.
Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / Ред. П.Г. Берже. Тифлис, 1866—1884. Т. I—IX.
Быкадоров И.Ф. История казачества. Прага, 1930. Т. 1.
Дубровин Н.Ф. Очерки Кавказа и народов его населяющих // Он же. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. 1. Кн. 1.
История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. Архивные материалы / Ред. М.О. Косвен и Х.-М. Хашаев. М., 1958.
Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. Ростов-на-Дону, 1992.
Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Одесса, 1882—1883. Вып. I—II.
Материалы Я.М. Шарданова по обычному праву кабардинцев в первой половине XIX в. Нальчик, 1986.
Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII—XIX вв.) / Сост., вводная статья и примеч. Б.А. Калоева. Орджоникидзе, 1967.
Потто В.А. Два века терского казачества (1577—1800). Владикавказ, 1912.
Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. СПб., 1865—1916. Т. 1—55.
Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии (1790—1917). Сборник документов / Сост. В.П. Невская, И.М. Шаманов, С.П. Несмачная. Ростов-на-Дону, 1985.
Хрестоматия по истории права и государства Дагестана в XVIII—XIX вв. / Сост., пер. и коммент. Т.М. Айтберова. Махачкала, 1999. Ч. I—II.
Челеби Эвлия. Книга путешествия. М., 1979. Вып. 2, 3.
Щербина Ф.А. История кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1910. Т. 1.

Литература

Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII — начале XIX в. М., 1988.
Барретт Т.М. Линии неопределенности: северокавказский «фронтир» России // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Императорский период. Самара, 2000.
Блиева З.М. Система управления на Северном Кавказе в конце XVIII — первой трети XIX в. Владикавказ, 1992.
Бобровников В.О. Ишкиль в Дагестане XVII—XIX вв.: обычай или преступление на южных границах Российской империи? // Восток. 2006. № 2.
Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов. М., 1967.
Думанов Х.М. Социальная структура кабардинцев в нормах адата. Нальчик, 1990.
Кажаров В.Х. Адыгская Хаса. Нальчик, 1992.
Кажаров В.Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII — первой половине XIX в. Нальчик, 1994.
Каменский А. Элиты Российской империи и механизмы административного управления // Российская империя в сравнительной перспективе. Сборник статей / Ред. А.И. Миллер. М., 2004.
Карпов Ю.Ю. Джигит и волк. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб., 1996.
Карпов Ю.Ю. Россия и этносоциальные процессы на Северном Кавказе в новое и новейшее время // Россия и Кавказ сквозь два столетия. СПб., 2001.
Кубанское казачество: три века исторического пути. Краснодар, 1996.
Маркедонов С.М. Государевы слуги или бунтари-разрушители? // Консерватизм и традиционализм на юге России. Ростов-на-Дону, 2002. Вып. 9.
Налоева Е.Дж. К вопросу о социальных отношениях в Кабарде в первой половине XVIII в. // Вестник Кабардино-Балкарского НИИ. Нальчик, 1968. Вып. 1.
Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII — начале XIX в. Махачкала, 1981.
Петрушевский И.П. Джаро-белоканские вольные общества в первой трети XIX столетия. Тифлис, 1934.
Сватиков С.Г. Вольные и служилые казачьи войска // Путь казачества. 1927. № 20—21.
Фриз Г.Л. Сословная парадигма и социальная история России // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Императорский период. Самара, 2000.
Хашаев Х.-М. К вопросу о тухумах, сельских общинах и вольных обществах в Дагестане // Ученые записки Института истории, языка, литературы им. Г. Цадасы. Махачкала, 1956. Вып. I.
Barrett Th. Crossing Boundaries: The Trading Frontiers of the Terek Cossacks // Russia's Orient. Imperial Borderlands and Peoples, 1700—1917 / Ed. by D.R. Brower and E.J. Lazzerini. Bloomington, 1997.
Brower D., Layton S. Liberation through Captivity: Nikolai Shipov's Adventures in the Imperial Borderlands // Orientalism and Empire in Russia / Ed. by M. David-Fox, P. Holquist, A. Martin. Kritika Historical Studies, 3. Bloomington, 2006.
Kemper M. Herrschaft, Recht und Islam in Daghestan. Von den Khanaten und Gemeindebünden zum ğihād-Staat. Wiesbaden, 2005.
Khodarkovsky M. Russia's Steppe Frontier. The Making of a Colonial Empire, 1500—1800. Bloomington, 2004.

К главе 4. Ислам и христианство на Северном Кавказе XVIII — первой половины XIX в.

Источники

Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов / Сост. В.К. Гарданов. Нальчик, 1974.
Алкадари, Гасан-эфенди. Асари Дагестан. Махачкала, 1994.
Бакиханов, Аббас-Кули-ага. Гюлистан-и Ирам. Баку, 1991.
Бутков П.Г. Лжепророк Мансур // Россия и Кавказ сквозь два столетия. СПб., 2001.
Дагестанские исторические сочинения / Сост., пер., коммент. А.Р. Шихсаидова, Т.М. Айтберова, Г.М.-Р. Оразаева. М., 1993.
Зелькина А. Учение Кунта-Хаджи в записи его мюрида // Этнографическое обозрение. 2006. № 2.
аль-Карахи, Мухаммед-Тахир. Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских сражениях / Пер. и коммент. А.М. Барабанова и Т.М. Айтберова. Махачкала, 1990. Ч. I—II.
Русско-осетинские отношения в XVIII в. Сборник документов / Сост. М.М. Блиев. Т. 1. 1742—1762 гг. Орджоникидзе, 1976; Т. 2. 1764—1784 гг. Орджоникидзе, 1984.
Хрестоматия по истории права и государства Дагестана в XVIII—XIX вв. / Сост., пер. и коммент. Т.М. Айтберова. Махачкала, 1999. Ч. I—II.
Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках / Изд., пер., коммент., статьи и прилож. Л.И. Лаврова. М., 1968; 1980. Ч. 2—3.
Nadir ad-Durgilis (st. 1935) Nuzhat al-adhan fi taragim 'ulama' Dagistan // Muslim Culture in Russia and Central Asia / Hrsg. von M. Kemper und A.R. Sixsaidov. Vol. 4. Berlin, 2004.

Литература

Аликберов А.К. Северный Кавказ // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь / Сост. и отв. ред. С.М. Прозоров. М., 2001. Вып. 3.
Арапов Д.Ю. Ислам в Российской империи // Ислам в Российской империи. Законодательные акты, описания, статистика. М., 2001.
Бабич И.Л. Этапы распространения ислама в Кабарде и Балкарии (XI—XX вв.) // *Бабич И., Ярлыкапов А.* Исламское возрождение в современной Кабардино-Балкарии: перспективы и последствия. М., 2003.
Бартольд В.В. Место прикаспийских областей в истории мусульманства // *Он же*. Собрание сочинений. М., 1964. Т. 2. Ч. 2.
Бобровников В.О. Дагестан // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь / Сост. и отв. ред. С.М. Прозоров. М., 2006. Т. 1.
Ислам и исламская культура в Дагестане / Ред. А.Р. Шихсаидов. М., 2001.
Кемпер М. К вопросу о суфийской основе джихада в Дагестане // Подвижники ислама. Культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе / Ред. С.Н. Абашин, В.О. Бобровников. М., 2003.

Ланда Р.Г. Ислам в истории России. М., 1995.
Месхидзе Дж.И. Мансур; Чечено-Ингушетия // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь / Сост. и отв. ред. С.М. Прозоров. М., 1998. Вып. 1.
Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д. Мирза Казем-бек и Казанская школа востоковедения // Новая имперская история постсоветского пространства. Казань, 2004.
Шамилев А.И. Пути проникновения ислама к чеченцам и ингушам // Известия Чечено-Ингушского НИИ истории, языка и литературы. Грозный, 1963. Т. 3. Вып. 1.
Ярлыкапов А.А. Ногайцы // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь / Сост. и отв. ред. С.М. Прозоров. М., 1999. Вып. 2.
Bennigsen A. Un mouvement populaire au Caucase au XVIIIème siècle. La 'Guerre Sainte' du sheikh Mansur (1785—1791), page mal connue et controversée des relations russo-turques // Cahiers du monde russe et soviétique. 1964. Vol. V. № 2.
Bobrovnikov V. Islam in the Russian Empire // The Cambridge History of Russia. Cambridge, 2006. Vol. II.
Freeze G. Russian Orthodoxy: Church, People and Politics in Imperial Russia // The Cambridge History of Russia. Cambridge, 2006. Vol. II.
Gammer M. The Introduction of the Khalidiyya and the Qadiriyya into Daghestan in the Nineteenth Century // Daghestan and the World of Islam / Ed. by M. Gammer and D.J. Wasserstein. Helsinki, 2006.
Kemper M. Herrschaft, Recht und Islam in Daghestan. Von den Khanaten und Gemeindebünden zum ğihād-Staat. Wiesbaden, 2005.
Khodarkovsky M. «Ignoble Savages and Unfaithful Subjects»: Constructing Non-Christian Identities in Early Modern Russia // Russia's Orient. Imperial Borderlands and Peoples, 1700—1917 / Ed. by D.R. Brower and E.J. Lazzerini. Bloomington, 1997.
Khodarkovsky M. Of Christianity, Enlightment, and Colonialism. Russia in the North Caucasus, 1500—1800 // Journal of Modern History. 1999. Vol. 71. № 2.
Mostashari F. Colonial Dilemmas: Russian Policies in the Muslim Caucasus // Of Religion and Empire. Missions, Conversion, and Tolerance in Tsarist Russia / Ed. by R.P. Geraci and M. Khodarkovsky. Ithaca; London, 2001.

К главе 5. Кавказская война в судьбах региона и Российской империи

Источники

100 писем Шамиля / Сост., пер. и коммент. Х.А. Омарова. Махачкала, 1997.
Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний / Пер. с араб. М.-С. Саидова. Ред. перевода А.Р. Шихсаидова и Х.А. Омарова. Махачкала, 1997.
Абдурахман ал-Газигумуки. Краткое изложение подробного описания дел имама Шамиля / Пер., введ. и коммент. Н.А. Тагировой. М., 2002.
Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1874—1904. Т. VI—XII.

Алкадари, Гасан-эфенди. Асари Дагестан. Махачкала, 1994.
Арабоязычные документы эпохи Шамиля / Сост., пер. и коммент. Р.Ш. Шарафутдиновой. М., 2001.
Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле / Ред. В.Г. Гаджиев. Махачкала, 1995.
Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20—50-х гг. XIX в. Сборник документов / Сост. В.Г. Гаджиев, Х.Х. Рамазанов. Махачкала, 1959.
Ермолов А.П. Записки. М., 1868. Т. 1—2.
Завоевание Кавказа (1801—1864). СПб, 1880.
аль-Карахи, Мухаммед-Тахир. Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских сражениях. Махачкала, 1990. Ч. 1—2.
Омаров Х.А. Образцы арабоязычных писем Дагестана XIX в. Хрестоматия по чтению, переводу и комментированию. Махачкала, 2002.
Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. СПб., 1897. Т. I—V.
Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. М., 2000.
Шамиль — ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. Сборник документальных материалов / Ред. Ш.В. Цагарейшвили. Тбилиси, 1953.

Литература

Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1994.
Дегоев В.В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. М., 2001.
Бушуев С.К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. М., 1939.
Дубровин М. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. 1—2.
Казембек А.К. Мюридизм и Шамиль // Русское слово. 1859. № 12. Отд. 1.
Кемпер М. К вопросу о суфийской основе джихада в Дагестане // Подвижники ислама. Культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе / Ред. С.Н. Абашин, В.О. Бобровников. М., 2003.
Магомедов Р.М. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. М., 1939.
Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля / Ред. В.Г. Гаджиев. М., 2000.
Россия и Кавказ сквозь два столетия. Сб. ст. / Сост. Г.Г. Лисицына, Я.А. Гордин. СПб., 2001.
Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны // Он же. Собрание сочинений. СПб., 1889. Т. 1. Ч. 1—2.
Gammer M. Muslim Resistance to the Tsar: Shamil and Conquest of Chechnia and Daghestan. L., 1994.
Kemper M. The Daghestani Legal Discourse on the Imamate // Central Asian Survey. 2002. Vol. 21. № 3.
Kemper M. Herrschaft, Recht und Islam in Daghestan. Von den Khanaten und Gemeindebünden zum ğihād-Staat. Wiesbaden, 2005.
North Caucasus Barrier. The Russian Advance toward the Muslim World / Ed. by M. Bennigsen Broxup. L., 1992.
Zelkina A. In Quest for God and Freedom. The Sufi Response to the Russian Advance in the North Caucasus. L., 2000.

К главе 6. Последние волнения и политическая ссылка

Источники

А.С. Очерк восстания горцев Терской области в 1877 г. // Военный сборник. СПб., 1896. № 4.
Айтберов Т.М. Хрестоматия по истории права и государства Дагестана в XVIII—XIX вв. Махачкала, 1999. Ч. II.
Алкадари, Гасан-эфенди. Асари Дагестан. Махачкала, 1994.
«Возвращение на родину признается еще рановременным...» Ссыльные горцы в Псковской губернии. 1862—1880 гг. / Публ. Е.М. Федоровой // Отечественные архивы. 2004. № 3.
Восстания дагестанцев и чеченцев в послешамилевскую эпоху и имамат 1877 года. Материалы / Сост. и пер. Т.М. Айтберова, Х.А. Омарова, Ю.У. Дадаева. Махачкала, 2001. Кн. I.
Историко-литературное наследие Гасана Алкадари / Сост. Г.М.-Р. Оразаев. Махачкала, 1988.
История Апшеронского полка. СПб., 1892. Т. II.
Ковалевский П.И. Восстание в Чечне и Дагестане в 1877—1878 гг. СПб., 1912.
Козачковский В. Разбои на Кавказе. Владикавказ, 1913.
Томкеев В. Материалы для описания русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Тифлис, 1910.
Хроника восстания в Терской области. Приложение к «Терскому календарю» на 1891 год. Владикавказ, 1890.

Литература

Гасанов М.М. Национально-освободительная и классовая борьба народов Дагестана в 60—70-е годы XIX в. Махачкала, 1997.
Ибрагимова З.Х. Чечня после Кавказской войны. М., 2000.
История Дагестана / Ред. А.Д. Даниялов. М., 1967. Т. II.
Кемпер М. К вопросу о суфийской основе джихада в Дагестане // Подвижники ислама. Культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе. Под ред. С.Н. Абашина, В.О. Бобровникова. М., 2003.
Магомедов Р. Восстание горцев Дагестана в 1877 г. Махачкала, 1940.
Месхидзе Дж.И. Кунта-хаджи // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь / Сост. и отв. ред. С.М. Прозоров. М., 1998. Вып. 1.
Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1967. Т. I.
Шихалиев Ш.Ш. Сайпула-кади // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь / Сост. и отв. ред. С.М. Прозоров. М., 2003. Вып. 4.
Kemper M. Daghestani Shaykh and Scholars in Russian Exile: Networks of Sufism, Fatwas and Poetry // Daghestan and the World of Islam / Ed. by M. Gammer and D.J. Wasserstein. Helsinki, 2006.

Jersild A.L. Imperial Russification: Dagestani Mountain Dwellers in Russian Exile, 1877—83 // Ethnic and National Issues in Russian and East European History / Ed. by J. Morris. Houndmills—London, 2000.

К главе 7. Мухаджирство и русская колонизация

Источники

Бентковский И.В. Заселение западных предгорий Главного Кавказского хребта // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1883. № 6.
Бентковский И.В. Материалы для истории колонизации Северного Кавказа. Заселение западных предгорий Главного Кавказского хребта // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1883. Т. 1.
Вдали от Родины. Сборник документов / Сост. Х.М. Думанов. Нальчик, 1994.
Вельяминов А.А. Правила для управления покорными горцами северных покатостей Кавказа, составленные генерал-лейтенантом Вельяминовым // Источник. 2003. № 5.
Выселение адыгов в Турцию — последствие Кавказской войны / Сост. Т.Х. Кумыков. Нальчик, 1994.
Дзагуров Г.А. Переселение горцев в Турцию. Материалы по истории горских народов. Ростов-на-Дону, 1925.
Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1874. Т. 1. Кн. 1—2.
Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20—70-е гг. XIX в.). Сборник архивных документов / Сост. Т.Х. Кумыков. Нальчик, 2001.
Трагические последствия Кавказской войны для адыгов (вторая половина XIX — начало XX в.). Сборник документов и материалов / Сост. Р.Х. Гугов, Х.А. Касумов, Д.В. Шабаев. Нальчик, 2000.
Тхамокова И.Х. Военные мемуары об окончании Кавказской войны и выселении западных адыгов в Турцию // Мир культуры. Нальчик, 1990. Вып. 1.
Эмиграция дагестанцев в Османскую империю. Сборник документов и материалов. Кн. I—II / Сост. А.М. Магомеддадаев. Махачкала, 2000.

Литература

Алиев Б.Р. Северокавказская диаспора в странах Ближнего и Среднего Востока: история и современные процессы (вторая половина XIX — XX в.). Махачкала, 2002.
Берже А.П. Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. 1882. Январь. Т. XXXIII.
Бадерхан Ф. Северокавказская диаспора в Турции, Сирии и Иордании. М., 2001.
Березгов Б.Н. Черкесская диаспора // Адыгская и карачаево-черкесская зарубежная диаспора: история и культура. Нальчик, 2000.
Бобровников В.О. «Малый Дагестан» под Стамбулом: северокавказские суфии и святые места в Турции // Turcica et ottomanica. Сборник статей в честь 70-летия М.С. Мейера. М., 2006.

Бурыкина Л.В. Переселенческое движение на Северо-Западный Кавказ в 90-е годы XVIII — 90-е годы XIX в. Майкоп, 2002.
Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XX в. Нальчик, 1974.
Ганич А.А. Черкесы в Иордании: особенности исторического и этнокультурного развития. М., 2007
Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухум, 1975.
Ибрагимова З.Х. Эмиграция чеченцев в Турцию (60—70-е гг. XIX в.). М., 2000.
Кумыков Т.Х. Выселение адыгов в Турцию — последствие Кавказской войны. Нальчик, 1994.
Кушхабиев А.В. Черкесская диаспора в арабских странах (XIX—XX вв.). Нальчик, 1997.
Лайпанов Х.О. К истории переселения горцев Северного Кавказа в Турцию // Труды Карачаево-Черкесского НИИ языка и литературы. Ставрополь, 1966. Вып. 5.
Магомедханов М.М. Дагестанцы в Турции. Махачкала, 1997.
Мамбетов Г. Из истории насильственного выселения адыгов в Турцию // Россия и Черкесия (вторая половина XVIII — XIX в.). Майкоп, 1995.
Тотоев М.С. К вопросу о переселении осетин в Турцию (1859—1865) // Известия Северо-Осетинского НИИ. Дзауджикау, 1948. Т. XIII. Вып. 1.
Тотоев М.С. К вопросу о переселении кабардинцев в Турцию // Ученые записки Северо-Осетинского государственного педагогического института. Т. 18. Вып. ист.-фил. Дзауджикау, 1949.
Эмиграция северокавказских народов в Османскую империю (вторая половина XIX — начало XX в.) Сб. ст. / Сост. С.Ф. Алибеков. Махачкала, 2000.
Georgeon F. Abdülhamid II. Le sultan calife (1876—1909). Paris, 2003.
McCarthy J. Death and Exile. The Ethnic Cleansing of Ottoman Muslims, 1821—1922. Princeton, 1995.
Karpat K.H. Ottoman Population 1830—1914. Demographic and Social Characteristics. Madison, 1985.
Pinson M. Ottoman Colonization of the Circassians in Rumeli after the Crimean War // Etudes Balkaniques. Sofia, 1973. № 3.
Toumarkine A. Oulémas originaires du Lazistan, d'Adjarie, du Circassie et du Daghestan pendant les dernières décennies de l'Empire Ottoman (fin XIXème siècle — début XXème siècles). Approche préliminaire // Caucasia Between the Ottoman Empire and Iran, 1555—1914 / Hrsg. von R. Motika und M. Ursinus. Wiesbaden, 2000.

К главе 8. Реформы и контрреформы в Кавказском наместничестве. Военно-народное управление

Источники

Всеподданнейший отчет за восемь лет управления Кавказом генерал-адъютант графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1913.
Зиссерман А.Л. Фельдмаршал князь А.И. Барятинский. М., 1888—1891. Т. 1—2.
Максимов Е. Терское казачье войско. Историко-статистический очерк. Владикавказ, 1890.

Отчет по главному управлению наместника Кавказского за первое десятилетие управления Кавказским и Закавказским краем и.е. великим князем Михаилом Николаевичем. 9 декабря 1862 — 6 декабря 1872 г. Тифлис, 1873.
Проект положения о сельских обществах, их общественном управлении и повинностях государственных и общественных в Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1898.
Проект положения о сельских (аульных) обществах, их общественном управлении и повинностях государственных и общественных в Терской и Кубанской областях. Владикавказ, 1896.
Проект положения об управлении Дагестанской областью; Проект положения об управлении Закатальским округом // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1904. Т. XII.
Рейнке Н. Горские и народные суды Кавказского края. СПб., 1912.
Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. Тифлис, 1907. Т. 1.
Хорошхин М. Казачьи войска. Опыт военно-статистического описания. СПб., 1881.

Литература

Бабич И.Л. Эволюция правовой культуры адыгов (1860—1990-е годы). М., 1999.
Битова Е.Г. Социальная история Балкарии XIX в. Сельская община. Нальчик, 1997.
Блиева З.М. Система управления на Северном Кавказе в конце XVIII — первой трети XIX в. Владикавказ, 1992.
Бобровников В.О. Военно-народное управление в Дагестане и Чечне: история и современность // Россия и Кавказ сквозь два столетия. Сб. ст. / Сост. Г.Г. Лисицына, Я.А. Гордин. СПб., 2001.
Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие. Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. М., 2002.
Гальцев В.С. Перестройка системы колониального устройства на Северном Кавказе в 1860—70-е годы // Известия Северо-Осетинского НИИ. Орджоникидзе, 1956. Т. 18.
Ибрагимова З.Х. Чечня после Кавказской войны. М., 2000.
Исмаил-заде Д.И. Илларион Иванович Воронцов-Дашков. Исторические силуэты. М., 1991.
История казачества Дона и Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 2003.
Кубанское казачество: три века исторического пути. Краснодар, 1996.
Лисицына Г.Г. Кавказский комитет — высшее государственное учреждение для управления Кавказом (1845—1882) // Россия и Кавказ сквозь два столетия. Сб. ст. / Сост. Г.Г. Лисицына, Я.А. Гордин. СПб., 2001.
Лысенко Л.М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи. 2-е изд. М., 2001.
Малахова Г.Н. Становление и развитие государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII — XIX в. Ростов-на-Дону, 2001.
Невская В.П. Карачай в пореформенный период. Ставрополь, 1964.
Ремнев А.В. Комитет министров и высшие территориальные комитеты в 60—80-х гг. XIX в. // Общественное движение и культурная жизнь Сибири (XVIII—XX вв.). Омск, 1996.
Хашаев Х.-М.О. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961.

Jersild A.L. From Savagery to Citizenship: Caucasian Mountaineers and Muslims in the Russian Empire // Russia's Orient. Imperial Borderlands and Peoples, 1700—1917 / Ed. by D.R. Brower and E.J. Lazzerini. Bloomington, 1997.

К главе 9. Крестьянская и земельная реформы

Источники

Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1904. Т. XII.
Баратов Н. Казачьи вопросы (Кавказские казаки) // Военный сборник. СПб., 1897. Т. 238. № 11.
Избранные документы Кавказского комитета. Политика России на Северном Кавказе в 1860—70-е годы / Публ. Н.Ю. Силаева // Сборник Русского исторического общества. М., 2000. Т. 2.
Колониальная политика русского царизма в Азербайджане в 20—60-х гг. XIX в. / Сост. И.П. Петрушевский. Ч. II. Феодальные отношения и колониальный режим, 1843—1868 гг. М.; Л., 1936.
Крестьянская реформа в Кабарде. Документы по истории освобождения зависимых сословий в Кабарде / Собр. и сост. Г.А. Кокиев. Нальчик, 1947.
Максимов Е. Терское казачье войско. Историко-статистический очерк. Владикавказ, 1890.
Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии (1790—1917). Сборник документов / Сост. В.П. Невская, И.М. Шаманов, С.П. Несмачная. Ростов-на-Дону, 1985.
Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. СПб., 1865—1916. Т. 1—55.
Труды комиссии по исследованию современного положения землевладения и землепользования карачаевского народа Кубанской области. Владикавказ, 1908.
Феодальные отношения в Дагестане XIX — начала XX в. Архивные материалы. М., 1969.

Литература

Борчашвили Э.А. Социально-экономические отношения в Чечено-Ингушетии в XVIII—XIX вв. Тбилиси, 1988.
Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов. М., 1967.
Ибрагимова З.Х. Чечня после Кавказской войны (1863—1875 гг.). М., 2000.
Крестьянство Дона и Северного Кавказа в период капитализма. Ростов-на-Дону, 1990.
Кумыков Т.Х. Социально-экономические отношения и отмена крепостного права в Кабарде и Балкарии. Нальчик, 1959.
Невская В.П. Колониальная политика царизма в Черкесии и Карачае в аграрном вопросе // Сборник трудов Карачаево-Черкесского педагогического института. Нальчик, 1958. Вып. 1.
Невская Т.А. Казачество Северного Кавказа и столыпинские аграрные преобразования // Вестник Ставропольского государственного университета. Вып. 4. Сер. Исторические и социально-экономические науки. Ставрополь, 1996.

Рамазанов Х.Х. Крестьянская реформа в Дагестане // Ученые записки Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы. Махачкала, 1957. Т. 2.
Саидов И.М. Общественный быт вайнахов XIX и начала XX в. Махачкала, 1970.
Хашаев Х.-М.О. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961.
Эдиева Ф.Д. Формы землевладения и землепользования по обычному праву карачаевцев в первой половине XIX в. // История горских и кочевых народов Северного Кавказа. Ставрополь, 1975. Вып.1.
Derlugian L. The Unlikely Abolitionists. The Russian Struggle against the Slave Trade in the Caucasus (1800—1864). Ph.D. Dissertation. Binghamton: SUNY, 1997.

К главе 10. Экономическое развитие региона в XIX — начале XX в.

Источники

Вурцель Е.Д. К вопросу о развитии путей сообщения на Кавказе: по поводу предложений правления Общества Владикавказской железной дороги о постройке подъездных путей. СПб., 1908.
Комитет по землеустроительным делам. Краткий очерк за десятилетие 1906—1916 гг. Пг., 1916.
Монопольный капитал в нефтяной промышленности России 1883—1914. Документы и материалы. М.; Л., 1961.
Отчеты правления Общества Владикавказской железной дороги за 1884—1916 гг. СПб., 1916.
Русско-адыгейские торговые связи 1793—1860 гг. Сборник документов / Сост. А.О. Хоретлов, Т.Д. Алферов. Майкоп, 1957.
Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии (1790—1917). Сборник документов / Сост. В.П. Невская, И.М. Шаманов, С.П. Несмачная. Ростов-на-Дону, 1985.
Труды Комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладений карачаевского народа Кубанской области. Владикавказ, 1908.
Указатель фабрик и заводов окраин России, Царства Польского, Кавказа, Сибири, Среднеазиатских владений / Ред. П.А. Орлов. СПб., 1895.
Шавров Н.А. О государственном значении дороги из Петровска в Баку. Тифлис, 1885.
Щербина Ф.А. Общий очерк экономических и торгово-промышленных условий района Владикавказской железной дороги. СПб., 1892—1894. Вып.1—3.

Литература

Ананьич Б.В., Правилова Е. Имперский фактор в экономическом развитии России, 1700—1914 // Российская империя в сравнительной перспективе. Сборник статей / Ред. А.И. Миллер. М., 2004.
Березов Б.П. Аграрный вопрос и крестьянское движение в пореформенной Северной Осетии. Орджоникидзе, 1980.
История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. — 1917) / Ред. Н.Л. Нарочницкий. М., 1988.

Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. М., 1981.
Калоев Б.А. Скотоводство народов Северного Кавказа. М., 1993.
Крикунов В.П. Очерки социально-экономического развития Дона и Северного Кавказа в 60—90-е годы XIX в. Грозный, 1973.
Кумыков Т.Х. Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок. Нальчик, 1962.
Кумыков Т.Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. Нальчик, 1965.
Куприянова Л.В. Города Северного Кавказа во второй половине XIX в. К проблеме развития капитализма вширь. М., 1981.
Матющенко П.П. Некоторые вопросы земельной политики царизма в казачьих областях Северного Кавказа в пореформенный период (1861—1914 гг.) // Проблемы социально-экономического развития Северного Кавказа в XIX — начале XX в. Краснодар, 1985.
Невская Т.А. Столыпинская реформа на Северном Кавказе. СПб., 1997.
Османов М.-З.О. Формы традиционного скотоводства народов Дагестана в XIX — начале XX в. М., 1990.
Ратушняк В.Н. Сельскохозяйственное производство Северного Кавказа в конце XIX — начале XX в. Ростов-на-Дону, 1989.
Силаев Н.Ю. «Кавказа не станет...» Владикавказская железная дорога: несколько незамеченных сюжетов // Кавказский сборник. М., 2004. Т. 1 (33).
Фадеев А.В. Вовлечение Северного Кавказа в экономическую систему пореформенной России (К проблеме развития капитализма вширь) // История СССР. 1959. № 6.
Шаманов И.М. Скотоводство и хозяйственный быт карачаевцев в XIX — начале XX в. // Кавказский этнографический сборник. М., 1972. Вып. 5.
Штанько Н.И. Из истории города Грозного в пореформенный период (1869—1893 гг.) // Известия Грозненского областного института и музея краеведения. Грозный, 1950. Вып. 2—3.
Ananich B. The Russian Economy and Banking System // The Cambridge History of Russia. Cambridge, 2006. Vol. II.

К главе 11. Ислам и православное миссионерство в эпоху реформ и контрреформ

Источники

Духовные учреждения иноверческих конфессий // Отчет по Государственному совету за 1872 г. СПб., 1874.
Записка «Об устройстве судебного быта мусульман» (1863—1864 гг.) / Публ. В.О. Бобровникова // Сборник Русского исторического общества. М., 2003. Т. 7.
Ислам в Российской империи. Законодательные акты, описания, статистика / Сост. Д.Ю. Арапов. М., 2001.
Ларина Е.И. Епископ Андрей и доктрина Министерства внутренних дел Российской империи в мусульманском вопросе // Сборник Русского исторического общества. Т. 7. Россия и мусульманский мир / Отв. ред. Д.Ю. Арапов. М., 2003.

Литературное и научное наследие Абусупьяна Акаева. Сб. статей и материалов / Сост. Г.М.-Р. Оразаев. Махачкала, 1992.
Ракинт, п-к. Краткий исторический очерк христианства кавказских горцев со времен св. апостолов до XIX в. / Публ. В.А. Захарова // Сборник Русского исторического общества. Т. 2: Россия и Северный Кавказ. М., 2000.
Рыбаков С.Г. Устройство и нужды управления духовными делами мусульман в России // Ислам в Российской империи. Законодательные акты, описания, статистика / Сост. Д.Ю. Арапов. М., 2001.
Рыбаков С.Г. К вопросу об устройстве духовного быта буддистов в России // Буддисты в Российской империи в 1917 году (законодательство, описания) / Сост. Д.Ю. Арапов, Е.В. Джорджиева. Элиста, 2004.

Литература

Аликберов А.К. Северный Кавказ // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь / Сост. и отв. ред. С.М. Прозоров. М., 2001. Вып. 3.
Арапов Д.Ю. Имперская политика в области государственного регулирования ислама на Северном Кавказе XIX — начала XX в. // Ислам и право в России. Вып. I / Ред. И.Л. Бабич и Л.Т. Соловьева. М., 2004.
Бабич И.Л. Этапы распространения ислама в Кабарде и Балкарии (XI—XX вв.) // *Бабич И., Ярлыкапов А.* Исламское возрождение в современной Кабардино-Балкарии: перспективы и последствия. М., 2003.
Бобровников В.О. Али Каяев // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь / Сост. и отв. ред. С.М. Прозоров. М., 1999. Вып. 2.
Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие. Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. М., 2002.
Каймаразов Г.Ш. Мусульманская система образования в Дагестане // Ислам и исламская культура в Дагестане / Ред. А.Р. Шихсаидова. М., 2001.
Какагасанов Г.И. Религиозные мусульманские (примечетские) школы Дагестана // Ислам и исламская культура в Дагестане / Ред. А.Р. Шихсаидова. М., 2001.
Наврузов А.Р. Джаридат Дагистан // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь / Сост. и отв. ред. С.М. Прозоров. М., 2003. Вып. 4.
Нефляшева Н.А. Мусульмане Северо-Западного Кавказа: ислам и власть // Ислам и право в России. Вып. I / Ред. И.Л.Бабич и Л.Т. Соловьева. М., 2004.
Шихалиев Ш.Ш. Сайпула-кади // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь / Сост. и отв. ред. С.М. Прозоров. М., 2003. Вып. 4.
Ярлыкапов А.А. Исламское образование на Северном Кавказе: история и современность // Вестник Евразии. 2003. № 2.
Bobrovnikov V. Islam in the Russian Empire // The Cambridge History of Russia. Vol. II. Cambridge, 2006.
Breyfogle N.B. Caught in the Crossfire? Russian Sectarians in the Caucasian Theater of War, 1853—56 and 1877—78 // Orientalism and Empire in Russia / Ed. by M. David-Fox, P. Holquist, A. Martin. Kritika Historical Studies, 3. Bloomington, 2006.
Freeze G. Russian Orthodoxy: Church, People and Politics in Imperial Russia // The Cambridge History of Russia. Vol. II. Cambridge, 2006.

Jersild A.L. Orientalism and Empire: North Caucasus Muslim Peoples and the Georgian Frontier, 1845—1917. Montreal, 2002.
Mostashari F. Colonial Dilemmas: Russian Policies in the Muslim Caucasus // Of Religion and Empire. Missions, Conversion, and Tolerance in Tsarist Russia / Ed. by R.P. Geraci and M. Khodarkovsky. Ithaca; London, 2001.

К главе 12. Культура и политика в XIX — начале XX в.

Источники

Алкадари, Гасан-эфенди. Асари Дагестан / Пер. с азерб. А. Гасанова. Махачкала, 1994.
Бакиханов А.-К.А. Гюлистан-и Ирам. Баку, 1991.
Деятели адыгской культуры дооктябрьского периода / Сост. Р.Х. Хашхожева. Нальчик, 1991.
Избранные произведения адыгских просветителей. Нальчик, 1980.
Историко-литературное наследие Гасана Алкадари / Ред. А.Р. Шихсаидова и С.М. Хайбуллаева. Махачкала, 1988.
Литературное и научное наследие Абусупьяна Акаева. Сб. статей и материалов / Сост. Г.М.-Р. Оразаев. Махачкала, 1992.
Омаров А. Воспоминания муталима // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. I. Отд. VI; Вып. II. Отд. VII. Тифлис, 1868—1869.
Фарфоровский С. Дагестанская мусульманская школа // Журнал Министерства народного просвещения. Ноябрь 1915.
Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1976.
Muslim Culture in Russia and Central Asia from the 18th to the Early 20th Centuries / Ed. by A. von Kuegelgen, M. Kemper, D. Yermakov, A.J. Frank. Vol. 1—3. Berlin, 1996—2000.

Литература

Абдуллаев М.А. Мыслители Дагестана XIX — начала XX в. Махачкала, 1963.
Баберовски Й. Цивилизаторская миссия и национализм в Закавказье: 1828—1914 гг. // Новая имперская история постсоветского пространства. Казань, 2004.
Бабич И.Л. Этапы распространения ислама в Кабарде и Балкарии // *Бабич И.,* *Ярлыкапов А.* Исламское возрождение в современной Кабардино-Балкарии: перспективы и последствия. М., 2003.
Бобровников В.О. Али Каяев // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь / Сост. и отв. ред. С.М. Прозоров. М., 1999. Вып. 2.
Бобровников В.О. Культурно-политическое развитие Северного Кавказа и Закавказья // История Востока. Т. IV. Кн. 2. Восток в Новое время (конец XVIII — начало XX в.). М., 2004.
Кумыков Т.Х. Культура и общественно-политическая мысль Кабарды первой половины XIX в. Нальчик, 1991.
Кумыков Т.Х. Культура, общественно-политическая мысль и просвещение Ка-

барды во второй половине XIX — начале XX в. Нальчик, 1966.
Наврузов А.Р. Джаридат Дагистан // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь / Сост. и отв. ред. С.М. Прозоров. М., 2003. Вып. 4.
Хашхожева Р.Х. О Кази-беке Ахметукове (Магомед-беке Хаджетлаше) и его потомках // Генеалогия Северного Кавказа. 2000. № 4.
Jersild A.J., Melkadze N. The Dilemmas of Enlightenment in the Eastern Borderlands: The Theater and Library in Tbilisi // Kritika. 2002. № 1.
Tensions of Empire: Colonial Cultures in a Bourgeouis World / Ed. by A.L. Stoler and F. Cooper. Berkeley, 1997.

К главе 13. Революция 1905—1907 гг. и ее последствия на Северном Кавказе

Источники

Воронцов-Дашков И.И. Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем. СПб., 1907.
Гатуев К. Зелимхан. Ростов-на-Дону; Краснодар, 1926.
Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. Ростов-на-Дону, 1992.
Козачковский В. Разбои на Кавказе. Владикавказ, 1913
Коновалов И. Очерки современной деревни. СПб., 1913.
Парчевский Н.Л. Роль казачества в эпоху революции 1905 г. // Исторический вестник. 1913. Кн. 9.
Хашхожева Р.Х. О Кази-беке Ахметукове (Магомед-беке Хаджетлаше) и его потомках // Генеалогия Северного Кавказа. 2000. № 4.
Цаликов Ах. Кавказ и Поволжье. М., 1913.

Литература

История Дагестана. М., 1968. Т. II.
История казачества Дона и Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 2003.
История народов Северного Кавказа XVIII в. — 1917 г. М., 1988.
Каппелер А. Образование наций и национальные движения в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. М., 2005.
Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А. История России. М., 1997.
Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1967. Т. I.
Северный Кавказ и Дон в революции 1905—1907 гг. Сб. ст. Ростов-на-Дону, 1991.
Трут В.П. Казачий излом: Казачество Юго-Востока России в начале XX в. и в период революции 1917 г. Ростов-на-Дону, 1997.
Усманова Д. Мусульманская фракция и проблемы «свободы совести» в Государственной думе России (1906—1917). Казань, 1999.
Футорянский Л.И. Казачество России на рубеже веков. Оренбург, 1997.

Frank A. Muslim Sacred History and the 1905 Revolution in a Sufi History of Astrakhan // Studies on Central Asian History in Honour of Juri Bregel / Ed. by D. DeWeese. Bloomington, 2001.

К главе 14. Ориентализм на Северном Кавказе

Источники

Абдурахман из Газикумуха. О дагестанских селениях, климатических условиях и прочих делах, имеющих в них // *Он же.* Книга воспоминаний. Махачкала, 1997.
Бестужев-Марлинский А. Аммалат-бек // *Он же.* Русские повести и рассказы. СПб., 1837. Ч. 8.
Блиев М.М. Набеговая система: формационные аспекты проблемы // *Блиев М.М., Дегоев В.В.* Кавказская война. М., 1994.
Данилевский Н.Я. Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении. М., 1846.
Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. СПб., 1995.
Дюма А. Кавказ. Тбилиси, 1988.
Лермонтов М.Ю. Казачья колыбельная песня. Дары Терека. [Валерик]. Спор. Сон. Тамара. Черкешенка. Грузинская песня. Кавказ. Кавказу. Прощанье. Синие горы Кавказа... // *Он же.* Собрание сочинений. М., 1975. Т. I.
Лермонтов М.Ю. Черкесы. Кавказский пленник. Каллы. Ангел смерти. Измаил-бей. Аул Бастунджи. Хаджи Абрек // *Он же.* Собрание сочинений. М., 1975. Т. II.
Пушкин А.С. Кавказ. Делибаш // *Он же.* Полное собрание сочинений. М., 1963. Т. III.
Пушкин А.С. Кавказский пленник. [Тазит]. Русская девушка и черкес // *Он же.* Полное собрание сочинений. М., 1963. Т. IV.
Пушкин А.С. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года // *Он же.* Полное собрание сочинений. М., 1964. Т. VI.
Скачко Ан. Дагестан. М., 1931.
Толстой Л.Н. Казаки // *Он же.* Собрание сочинений: В 22 т. М., 1979. Т. 3.
Шамиль — ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. Документы и материалы. Тбилиси, 1953.
Штернберг Л. Чеченцы // Энциклопедический словарь / Ред. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. СПб., 1903. Т. XXXVIII.

Литература

Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие. (Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана). М., 2002.
Бобровников В.О. Миф о Кавказской войне и ориентализм на российском Северном Кавказе // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Волгоград, 2003.
Бобровников В.О. Ориентализм в литературе и политике на Северном Кавказе

// Азиатская Россия: люди и структуры империи. Сборник научных статей к 50-летию со дня рождения профессора А.В. Ремнева. Омск, 2005.
Бобровников В.О. «Горское хищничество» в теории и практике российского ориентализма на Северном Кавказе XIX в. // Меняющаяся Европа: проблемы этнокультурного взаимодействия / Отв. ред. М.Ю. Мартынова. М., 2006.
Найт Н. О русском ориентализме: ответ Адибу Халиду // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. М., 2005.
Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006.
Тодорова М. Есть ли русская душа у русского ориентализма? Дополнение к спору Натанаэля Найта и Адиба Халида // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. М., 2005.
Халид А. Русская история и спор об ориентализме // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. М., 2005.
Halbach U. Die Bergvölker (Gorcy) als Gegner und Opfer. Der Kaukasus in der Wahrnehmung Russlands // Kleine Völker in der Geschichte Osteuropas / Hrsg. von M. Alexander, F. Kampfler und A. Kappeler. Stuttgart, 1991.
Jersild A.L. Orientalism and Empire: North Caucasus Muslim Peoples and the Georgian Frontier, 1845—1917. Montreal, 2002.
Knight N. Grigor'ev in Orenburg, 1851—1862: Russian Orientalism in the Service of Empire? // Slavic Review. 2000. Vol. 59. № 1.
Layton S. Nineteenth-Century Russian Mythologies of Caucasian Savagery // Russia's Orient. Imperial Borderlands and Peoples, 1700—1917 / Ed. by D.R. Brower and E.J. Lazzerini. Bloomington, 1997.
Layton S. Russian Literature and Empire: Conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoy. Cambridge, 1994.
Said E. Culture and Imperialism. N.Y., 1993.
Said E. Orientalism. London, 2nd ed., 1995.

К Приложению 1. Горный Дагестан накануне присоединения к России: социоестественная характеристика

Источники

Абакаров А.И., Давудов О.М. Археологическая карта Дагестана. М., 1993.
Гидатлинские адаты / Пер. с араб. М.-С. Саидова под ред. Х.-М. Хашаева. Махачкала, 1957.
Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII—XVIII вв. / Сост. В.Г. Гаджиев. Махачкала, 1992.
Из истории права народов Дагестана. Материалы и документы / Сост. А.С. Омаров. Махачкала, 1968.
История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. Архивные материалы / Ред. М.О. Косвен и Х.-М. Хашаев. М., 1958.
Криштопа А.Е. Сведения западноевропейских путешественников XV в. о Дагестане // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Махачкала, 1970. Вып. 1.
Криштопа А.Е. К вопросу о письменных источниках по периоду феодализма в Дагестане // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Махачкала, 1976. Вып. 7.

Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв. Архивные материалы / Сост. Х.-М. Хашаев. М., 1965.
Постановления Кайтагского уцмия Рустем-хана // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1868. Вып. I. Отд. I.
Хрестоматия по истории права и государства Дагестана в XVIII—XIX вв. / Сост., пер. и коммент. Т.М. Айтберова. Махачкала, 1999. Ч. I—II.
Челеби Эвлия. Книга путешествия. М., 1979. Вып. 2, 3.
Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, турецком и персидском языках / Изд., пер., коммент., статьи и прилож. Л.И. Лаврова. М., 1966—1980. Ч. 1—3.

Литература

Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII — начале XIX в. М., 1988.
Вавилов Н.И. Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий // Природа. 1936. № 2.
Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р. История Дагестана с древнейших времен до конца XV в. Махачкала, 1996.
Ковалевский М.М. Родовое устройство Дагестана // Юридический вестник. М., 1888. Т. 29. Ч. 3.
Котович В.Г. Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития древнего Дагестана. М., 1982.
Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (XVI—XVII вв.). М., 1963.
Магомедов Р.М. Общественно-экономический строй Дагестана в XVIII — начале XIX в. Махачкала, 1957.
Миллер А.А. Работы Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК 1932 года // Проблемы истории материальной культуры. 1933. № 1—2.
Османов М.-З.О. Формы традиционного скотоводства народов Дагестана в XIX — начале XX в. М., 1990.
Петрушевский И.П. Джаро-белоканские вольные общества в первой трети XIX столетия. Тифлис, 1934.
Робакидзе А.И. Некоторые черты горского феодализма на Кавказе // Советская этнография. 1978. № 2.
Тойнби А.Дж. Постижение истории. М., 1991.
Хашаев Х.-М.О. Общественный строй Дагестана XIX в. М., 1961.
Шиллинг Е.М. Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические этюды. М.; Л., 1949.
Rieber A.J. The Comparative Ecology of Complex Frontiers // Imperial Rule / Ed. by A. Miller and A.J. Rieber. Budapest; New York, 2004.

К Приложению 2. Кабардинская община-вотчина времен русского завоевания Северо-Западного Кавказа

Источники

Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов / Сост. В.К. Гарданов. Нальчик, 1974.
Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. 2.
Егиазаров А. Исследования по истории учреждений в Закавказье. Сельская община. Казань, 1889. Ч. 1—2.
Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв. Документы и материалы. М., 1957. Т. 1—2.
Карлгоф Н. О политическом устройстве черкесских племен, населяющих северо-восточный берег Черного моря // Русский вестник. 1860. № 8. Т. 28.
Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Одесса, 1882. Вып. I—II.
Материалы Я.М. Шарданова по обычному праву кабардинцев в первой половине XIX в. Нальчик, 1986.
Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1947.
О зависимых сословиях в горском населении Кубанской области // Кавказ. 1867. № 37, 44.
Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. Тифлис, 1900. Т. 21.
Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1976.

Литература

Алаев Л.Б. Сельская община в Северной Индии. М., 1981.
Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов. М., 1967.
Данилова Е.Н. Земельные отношения в абазинской сельской общине в пореформенный период // Вестник МГУ. Серия: История. 1973. № 3.
Дьяконов И.М. Община на Древнем Востоке в работах советских исследователей // Вестник древней истории. 1963. № 2.
Кажаров В.Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII — первой половине XIX в. Нальчик, 1994.
Кауфман А.А. Русская община в процессе ее зарождения и роста. М., 1908.
Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. 1.
Косминский Е.А. Исследования по аграрной истории Англии XIII в. М.; Л., 1947.
Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М., 1963.
Налоева Е.Дж. Об особенностях кабардинского феодализма // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1980.
Сказкин С.Д. Избранные труды по истории. М., 1973.

Список сокращений

АВПР — Архив внешней политики России. Москва
АКАК — Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис
ВУА — Военно-учетное управление Главного штаба
ГАКК — Государственный архив Краснодарского края. Краснодар
ГИМ — Государственный исторический музей. Москва
ГААО — Государственный архив Астраханской области. Астрахань
ГАОО — Государственный архив Омской области. Омск
ГАСО — Государственный архив Саратовской области. Саратов
ДГУ — Дагестанский государственный университет. Махачкала
ДДДИИ — Департамент духовных дел иностранных исповеданий при МВД. С.-Петербург
ДУМСК — Духовное управление мусульман Северного Кавказа
ЗМДП — Закавказские магометанские духовные правления шиитского и суннитского учений. Тифлис
ИВ РАН — Институт востоковедения Российской академии наук. Москва
ИЭА РАН — Институт этнологии и антропологии Российской академии наук. Москва
КБГИГИ — Кабардино-Балкарский государственный институт гуманитарных исследований. Нальчик
КОИРГО — Кавказский отдел Императорского Русского географического общества. Тифлис
МГУ — Московский государственный университет
ОМДС — Оренбургское магометанское духовное правление. Оренбург, Уфа
ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи. СПб.
РГАДА — Российский государственный архив древних актов. Москва
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусств. Москва
РГБ — Российская государственная библиотека. Москва
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив. Москва
РГИА — Российский государственный исторический архив. С.-Петербург
РСДРП — Российская социал-демократическая партия
РФ ИИАЭ — Рукописный фонд Института истории, археологии, этнографии Дагестанского научного центра РАН. Махачкала
ССКГ — Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис
ЦГА КБР — Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики. Нальчик
ЦГА РД — Центральный государственный архив Республики Дагестан. Махачкала
ЦГИАГ — Центральный государственный исторический архив Грузии. Тбилиси
BAR — Bakhmeteff Archive of Rare Book and Manuscripts, Butler Library of the Columbian University. New York.

Именной указатель

Абас-паша 150
Абаев И.А. 279
Абд ал-Кадир (Абделькадер), эмир 207
Абдрахманов Ф. 167
Абдул-Гаджиев 150
Абдул-Кадыр 117
Абдул-Меджид Казикумухский, наиб 146, 149, 150
Абдул-Хамид II, султан 181
Абдул-Эфендиев 150
Абисалов, алдар 167
Абрамов 296
Абу Муслим 65
Абу-Муслим-хан Тарковский 153
Абу-Нуцал-Султан, хан Аварский 83, 120
Абуков И. 91
Абхазов 125
Авакян А.Г. 181
Аварский Нур-Мухаммед 120
Агларов М.А. 21, 346
Адиль Гирей Тарковский, шамхал 40
Адиль-хан Кайтагский, уцмий 83
Адыль-Гирей (Адиль-Гирей) Кешев 91, 269, 270, 273–275
Айтберов Т.М. 153, 346
Айтеч, князь 90
Акбаев И. 279
Александр I, император 77, 85, 104, 114, 252, 372
Александр II, император 78, 128, 131, 151, 185, 188, 201, 202, 211, 212, 234, 251, 252, 308
Александр III, император 152, 201, 251, 252
Александр Николаевич, великий князь 188
Алексеев И.С. 400
Алибек-хаджи из с. Зандак 144, 149, 150
Алибековы 221
Аллаев А.-б. 281
Аликберов А.К. 96
Алиханов-Аварский М. 284, 290, 293
Алкадари, Х.-э. 24, 151, 154
Алмалинский Махмуд, шейх 100
Алхасовы 221
Альфтан В.А. 404
Алябьев А.В. 401
Амир Хамза Кайтагский, уцмий 20

Андрей, атаман 71
Андуник-нуцал 330
Анзоров К. 222
Анзоров М.-М. 126
Анна Иоанновна, императрица 45, 370
Антоний, епископ 107
Анчабадзе З.В. 227
Апраксин Ф.М. 74
Араканский Саид 96
Арапов Д.Ю. 10, 16
Аргутинский З.М. 128
Аристотель 85
Асанов Л. 278
Аслан-бек, кади Табасаранский 146, 148
Аслан-хан Казикумухский и Кюринский 80, 119, 124
Атабай, кади 138
Атабай Карачаевский, абрек 143
Атажукин А.-Г. 105
Атажукин А. 222
Атажукин К. 271, 273
Атажукины 63, 231
Ахвердов 245
Ахмед III, султан 42
Ахмед-хан 139
Ахмет-хан Аварский 83
Ахметов И. 278
Ахметов Ю. 280
Ахметуков К.-б. 276, 281
Ахриев И. 271
Ахриев С. 271
Ахундовы 231
Ашабов (Ачабов) Т. 350

Бабич И.Л. 15, 16
Бабыч П.Д. 171, 405
Бабуков Э. 350
Багратион П.Д. 294
Бадфорд 245
Базоркин А. 271
Баев О.Г. 239
Бакиханов А.-К.-а. 24
Бакунин М.А. 302
Барановский В.Н. 407
Барятинский А.А. 404
Барятинский А.И. 112, 113, 128, 129, 131, 160, 162, 168, 184, 185, 187–192, 197, 200, 214, 215, 254, 258, 265, 403

Бакиханов А.-К.-А. 24
Барретт Т. 55–58, 314
Батал-паша 53
Бауман Р. 134
Баумгартен 245
Бахадур-Гирей II, хан 48
Башларов Сайфуллах-кади, шейх 151, 152
Бедросов И.П. 246
Бей-Булат (Таймиев/Таймазов) 117
Бекмурзины 37
Бекович-Черкасский (Девлет Кезден мирза) А. 37, 38
Бековичи-Черкасские 221
Белл Дж. 20, 90
Белоозерский Т.В. 242
Берг 47
Березников А.А. 407
Берже А.П. 18, 19, 22, 179
Бернштейн Э. 303
Берсей У. 273
Бестужев-Марлинский А. 307–309
Бибирилев А. 102
Бибо И (Bibó I.) 8, 9
Бискорн Я.М. фон 401
Бланч Л. 22, 31, 134
Бларамберг И.Ф. 361
Блиев М.М. 111, 133, 307, 320, 323, 324
Блудов Д.Н. 188
Бо А. 244
де Богак 41
Боденштедт Ф. (Bodenstadt F.) 22, 120
Бойсунгур из с.Беной 138
Бобровников В.О. 15, 16, 325, 326
Борзенко В.М. 407
Борис Годунов, царь 113
Боцвадзе Т.Дж. 227
Брокгауз Ф.А. 313
Броневский С.М. 20, 21, 92, 312, 359, 360
Брянчанинов Игнатий, о. 171, 263
Брянчанинов П.А. 406
Брянчанинов С.А. 401
Буба Икринский, абрек 284, 290–292
Булач-хан Аварский 123
Буткевич Г. 173, 174
Бутков П.Г. 20
Бэдли Дж. (Baddeley J.F.) 22, 134

Вавилов Н.И. 331
Валуев П.А. 202
Вара, абрек 142, 143
Варитлов Ж. 167
Варлаам, епископ 107
Васильев Д.В. 210
Васильев С. 35
Вахтангов 242
Вельяминов А.А. 155, 157, 160, 161, 173, 401
Вербицкий, атаман 291
Верзилин, атаман 78
Верт П. (Werth P.) 105, 253
Вертепов Г.А. 296
Висжинский Дж.Л. (Wieczinsky J.L.) 133
Вишленкова Е.А. 371
Властов Г.К. 406
Волков Е.Н. 407
Волоцкой А.А. 406
Вольский С.В. 404
Воронцов М.С. 105, 112, 113, 124, 127, 128, 160, 184, 185, 187–189, 275, 403
Воронцов-Дашков И.И. 177, 190, 297, 403
Вронченко Ф.П. 188
Вяземский А.А. 75

ал-Газали, Абу Хамид Мухаммед 89
Габизат-Магома 139
Гази-Мухаммед, имам 98, 112, 117–121, 313
Гази-Мухаммед, сын Шамиля 143, 181
Газикумухский (*Казикумухский*) *Абд ар-Рахман* 24, 157, 313, 315
Газикумухский (Казикумухский) Джамал ад-дин, шейх 24, 98, 118, 163, 167
Гай, епископ 104
Гайдаров И.-б. 280, 300
Гаккаев Дж. 16
Гамзат-бек, имам 112, 117, 119–122, 135, 313
Гаммер М. (Gammer M.) 134
Ган П.В. 186, 191
Ганич А.А. 183
Гарданов В.К. 227, 352, 365
Гарибальди Дж. 303
Гасан Чечен-оглы 89
Гасанов М.М. 153
Гаспринский Исмаил-бей 279, 280
Гатуев Алексей, о. 266
Гебек, хан 83
Гербер И.Г. 19, 20
Геродот 85

Герцен А.И. 302
Гиреи, династия 65
Гильденшольд 401
Гильденштедт И.А. 20
Гмелин С.Г. 20
Голицын Г.С. 203, 262, 293, 404
Головатый А. 76
Головин А.В. 315
Головин Е.А. 124, 208, 402
Гольцбауэр 233
Гочаев А. 278
Граббе П.Х. 82, 105, 106, 124, 161, 402
Грамши А. 318
Грацилевский 274
Грем М. 44
Гугов М. 276, 280
Гуданат Мурад, наиб 142, 143
Гудович И.В. 97, 191, 400, 402
Гулиев 247
Гурко В.О. 231
Гутиев А. 247
Далгат М.М. 280, 281, 300
Данилевский Н.Я. 307, 308, 311, 312
Данилова Е.Н. 356, 357
Даниял-бек, султан Илисуйский 158
Дауд-бек 39, 42, 93
Дегоев В.В. 133
Дели-Али, абрек 284, 290–293
Ден В.А. фон 406
Дерлугян Л. (Derluguian L.) 213
Джамбулатовы 63
Джафар, хан Казикумухский 146–149
Джерсилд О. (Jersild A.L.) 320
*Долгиев А.*Г. 271
Дон-Дудин Д.М. 246
Дондуков-Корсаков А.М. 155, 169, 176, 202, 203, 234, 250, 258, 261, 262, 403–404
Дрейфус Л. 238
Дударов А. 101, 114
Дуев У. 138, 144, 148, 149
Думанов (Дюменев) Х.-А. 350
Думанов Х.М. 227
Дымов А. 276, 280
Дюбуа де Монпере Ф. 363
Дюма-отец А. 307, 308, 311

Евдокимов Н.И. 109, 129, 138, 155, 157, 160–163, 170, 171, 173, 216, 404
Егиазаров А. 357
Екатерина II, императрица 20, 33, 34, 51, 52, 54, 73–76, 84, 87, 101, 103–105, 108, 186, 223, 253, 254, 351
Елизавета Петровна, императрица 87, 101, 103
Елиханов З. 102
Ермолаев В.В. 404
Ермолов А.П. 61, 77, 82, 112–114, 116–117, 159, 191, 313, 314, 370–372, 402
Есенов Б. 103
Есиев 246
Ефрон И.А. 313

Жедыров И.Ф. 242
Жордания Н. 303

Загряжский А.Н. 245
Залмаев Д. 144, 149
Зан Сефер-бей 129, 131
Засс Г.Х. 159, 161
Зелимхан Гушмазукаев, абрек 284, 285, 290–292
Зиссерман К.Л. 406
Зотов И. 160
Зубов В. 20
Зу-н-Нун ал-Мисри 89
Зурабян А. 304
Зухум-кади Акушинский 61

Иван IV (Иоанн Грозный), царь 65, 70, 94, 113
Иванов Н.А. 404
Иванов Ф. 108
Игнатьев А.П. 281, 301
Иеремей о. 106
Израилевы 242
Илларион, епископ 107
Ильминский Н.И. 254, 264, 265, 271, 272
Имам-Кули-бек 40
Иоанн Златоуст 266
Иов, епископ 108
Ираклий II, царь 51
Ирза М.Ф. 246
Исакович Д.И. 245
Исламов А. 350
Исмаил Чохский, наиб 197
Исхак, мулла 167

Кажаров В.Х. 15, 16, 227, 347
Кадиев Г. 146
Казак Ирчи 155, 163, 168
Казаналиповы 221
Казембек А.К. 191, 252, 253, 276
Кази-Магома см. Гази-Мухаммед, сын Шамиля
Кази-Ахмед-бек, хан Кубинский 147, 148
Кази-Мулла см. имам Гази-Мухаммед
Казикумухский Абдурахман см. Газикумухский Абд ар-Рахман
Казикумухский Джамалутдин см. Газикумухский Джамал ад-дин
Казы-Гирей 269, 273, 274
Кайтукин А.-б. 40
Кануков И. 266, 276
Каплан-Гирей (I), хан 44, 362
Карабатыр-бей (Хаджи Батырбей) 168
Каракуль-Магома 137, 138
Караулов М.А. 299
ал-Карахи Мухаммед-Тахир 22, 24
Кардашов А. 299
Карлгоф Н. 364
Кармалин Н.Н. 405
Карпат К. (Karpat K.) 58, 179
Карпов Ю.Ю. 63
Картвелин Н.М. 401
Карцов А.П. 160, 217
Касай, князь 350
Каспаров И.П. 401
Касумов А.Х. 179
Каутский К. 303
Кауфман А.А. 356, 357
Каханов С.В. 405
Кашежев Т.П. 276
Каштановы 221
Каяев Али 280
Кебед-Мухаммед (Кибит-Магома) 124, 198
Кетхудов Л.Ф. 282
Киселев П.Д. 188
Китлилай, ханша 120
Ключевский В.О. 55
Кнорринг К.Ф. 114
Кнунянц Б.М. 304
Ковалевский М.М. 343, 356
Кодзоков Л. 276
Козачковский В. 142
Колиев Алексей, о. 266
Колюбакин А.М. 405

Комаров А.В. 120, 148, 191, 204, 253, 264, 316, 406
Конашевич Л. 103
Константин Николаевич, великий князь 234
Константин Павлович, великий князь 54
Коркмасов Дж. 303
Косвен М.О. 19
Костанк-эфенди (Куштанок) 168
Котиев 281
Крачковский И.Ю. 25
Крейчи А.Ф. 242
Крикун С. 244
Кристли Г.И. 243
Криштопа А.Е. 16
Круковский Ф.А. 78
Крутицкий 242
Крым-Гирей 272, 276
Крымшамхалов И. 276
Кудашев В. 276
Куденетов К. 222, 271
Кудутлинский Мухаммед ибн Муса 95, 333
Кузнецовы, братья 246
Кумыков Т.Х. 227
Кунашев (Куначев) Т. 350, 351
Кундетеев 350
Кундухов М. 138, 155, 163, 166–167, 181
Кунта-Хаджи, шейх 136, 140–142, 153
Купов И. 279
Куропаткин А.Н. 204, 406
Курумов П. 221
Кушева Е.Н. 227, 357, 358

Лависс Э. 311
Лаврентий, епископ 107
Лавров Л.И. 27, 32, 63, 227
Лапинский Т. 129, 364
Ларотанц Э. 244
Лебедев о. 103
Левит И.М. 245
Легкоступ 76
Леенгардт А. 244
Лейтон С. (Layton S.) 309
Леонов Г.А. 405
Леонтович Ф.И. 349
Лермонтов М.Ю. 307–309, 316, 319
Лобанов-Ростовский А.Б.172
Локарт Л. (Lockhart L.) 41

Лопухин И.В. 372
Лорис-Меликов М.Т. 140–141, 172, 174, 188, 219, 221, 405
Люлье Л. 274

Мавраев М.-М. 303
Магомедов Р.М. 344
Мак-Карти Ю. (McCarthy Дж.) 165–166
Макаев 296
Максимов В.Р. 245
Максудов Г. 279, 281
Малама Я.Д. 405
Малинский М.А. 401
Мамбетов Г.Х. 227
Мансур (Ушурма), шейх 87, 97, 101, 120
Мансуров Э. 231
Мариолаки 245
Мария Темрюковна, царица 94
Маркс К. 310, 319
Мартынов П.И. 407
Маслов А.П. 300
Матюшкин М.А. 40
Махди-бек Кайтагский, уцмий 146–148
Махди-шамхал Тарковский 119
Махмуд I, султан 46
Махмуд II, султан 96
де Медем 47, 48, 51
Меликов Л.И. 149, 198, 221, 404
Мертваго Д.Б. 372
Месяц С.И. 227
Мефодий, епископ 107
Миллер 245
Миллер А.А. 330, 345
Миллер А.И. 15
Милютин Д.А. 160, 190, 215, 216, 254, 315
Мисостовы 63
Михаил Александрович, великий князь 294, 297
Михаил Николаевич, великий князь 131, 155, 169, 175, 176, 184, 185, 187–189, 191, 202, 214–216, 233, 234, 236, 254, 258, 261, 265, 297, 315, 403
Михайлов А.М. 242
Михайлов Н.И. 174, 405
Михеев А.С. 406
Мовсар, брат шейха Кунта-Хаджи 141
Могукоров 167
Мостовенко 242
Мужев И.Ф. 227
Муравьев Н.Н. 187, 403

Мухаммед, пророк 65, 122,139, 157
Мухаммед из Гоцоба (Гоцинский), наиб 197
Мухаммед ал-Мадани, шейх из с. Кикуни 151, 175
Мухаммед-Али-бек, хан Кюринский 146, 148
Мухаммед-Амин, наиб 91, 112, 124, 127, 129, 131, 158
Мухаммед-Хаджи Согратлинский, имам 146, 149, 150, 153
Мчедлов 106

Надир (Афшарид), шах 34, 43–46, 93
Назир-абрек 143
Найт Н. (Knight N.) 325
Накашидзе А.Д. 144
Налоева Е.Дж. 227
Наполеон (I), император 60
Нарочницкий Н.Л. 15
Натоуко Эфендий (Нотаук Шеретлук) 273
Неверов Я.М. 272
Неверовский А. 330
Невская В.П. 19
Нейдгарт А.И. 124, 127, 403
Ника-кади Цудахарский 150
Никифораки Н.Е. 406
Николай I, император 21, 104, 127, 185–187, 231, 251, 254, 307, 308, 314
Николай II, император 293
Николай Николаевич, великий князь 177, 403
Никон, патриарх 70
Нобель, братья 245
Ногаев К. 221
Ногмов Ш. 105, 269, 273, 274

Одинцов Д.А. 405
Олейников Д.И. 58, 132
Ольшевский М.М. 402
Ольшевский М.Я. 351
Омаров А. 276, 315
Омаров Х.А. 153
Орбелиани В.В. 160, 171
Орбелиани Г.Д. 211, 215, 216, 220, 227
Орлов А.Ф. 188
Осман, брат Хаджи-Мурата 120
Осман III, султан 46
Остен-Саксен М.А. фон дер 406
Остроумов Р.П. 272

Павел I, император 75, 77, 85
Паллас П.-С. 20, 358, 359

Панин В.Н.188
Панин Н.И. 360
Панкратьев Н.П. 403
Пантюхов И. 317
Парумбеков 282
Паскевич И.Ф. 117, 314, 402
Паулуччи Ф.О. 402
Пахомий о. 102
Паху-бике, ханша 83, 120
Пачев Б. 276
Пащенко К.Л. 406
Перовский Л.А. 188
Петр I, император 19, 33–35, 37–43, 60, 65, 73–75, 107
Пиери Ю.Ю. 97
Пинсон М. (Pinson M.) 165, 179, 182
Платон 85
Плужин, полковник 287
Полозов Б.Н. 285
Погорелов А. 244
Покровский М.Н. 18, 24, 25, 321
Покровский Н.И. 30–31, 248
Полибий 85
Портышев М. 244
Потемкин Г.А. 54, 76, 360
Потемкин П.С. 84, 360, 400
Потоцкий Я. 20
Прокопович Ф. 370–372
Пронштейн А.П. 15
Прохановы, братья 242
Пушкин А.С. 307–309

Раевский Н.Н. 155, 157, 161
Разин, (Стенька) 73
Рамбо А. 311
Расулев Зайнулла, шейх 152
Реад Н.А. 128, 187
Рейнеггс Я. 20
Рейнке Н.М. 203
Рерберг П.Ф. 406
Розен Г.В. 119, 403
Романовский Д.И. 132
Ротшильд 244
Ртищев Н.Ф. 402
Руновский А.И. 313
Русанов Ф. 106
Русановский А.Р. 245

Рустем-хан Кайтагский, уцмий 80
Рыбаков С.Г. 252, 261
Рязановский Н.А. (Riasanovsky N.A.) 132–133

Саадат-Гирей II, хан 38
Саид Э. (Said E.) 307, 317–320, 325
Сайфуллах-кади см. Башларов
Саидов Б. 280
Саламбек Гасраводжев, абрек 291, 292
Сараджев 242
Сахиб-Гирей II, хан 47
Свистунов А.П. 405
Святополк-Мирский Д.И. 171, 217, 405
Сеид-Ахмед 89
Семенов А.В. 401
Семенов Ю.И. 58
Сефевиды, династия 35, 38, 39, 41, 43, 44, 93
Сивер А.В. 170
Сидорко К. (Sidorko C.) 57
Ситников В.С. 402
Сиюхов С. 276, 280
Скараманга Г.И. 234, 235
Скаржинский П.М. 401
Скачко Ан. 323
Скотт Вальтер 312
Скворцов 159
Смекалов А.М. 148, 405
Смирнов Н.А. 47
Согратлинский Абдуррахман, шейх 98, 100, 140, 145, 146, 149–152, 155, 163, 167, 168
Соловьева Л.Т. 15, 16
Сотавов Н.А. 15
Сталин И.В. 303
Сталь К.Ф. 191, 350, 354, 368, 401
Старосельский Д.С. 24, 188, 315
Стеньян 41
Столыпин П.А. 238, 281, 296
Стрекалов С.С. 401
Суворов А.В. 51
Сулейман-эфенди, наиб 112, 124, 126
Султан-Мурад из с.Беной 138, 144
Султан Мут (Султан Махмут) 40
Султанов Б. 299
Сумароков-Эльстон Ф.Н. 405
Сурхай-хан, хахлачи 39, 93
Сурхай-хан Аварский 83, 96, 120, 198

Тажетдин-эфенди 105
Таймазовы 221
Тамбиев П.И. 276
Тарковские, шамхалы 63, 80, 168, 214
Таубе М.М. 401
Тахмасп II, шах 41
Тведель Г. 244
Тевкелев А.И. 38
Темировы 221
Тер-Асатуров Д.Б. 147
Тернер Дж. 56–58
Тимофеев А. 230
Тиханов А.Ф. 404, 407
Тойнби А.Дж. 328
Толстов С.Е. 405, 406
Толстой Д.А. 272
Толстой Л.Н. 317
Топчибашев А.-М. 299
Тормасов А.П. 230, 402
Торнау Н.Е. 191, 253, 267
Трофимов В.О. 407
Туганов А. 246
Туганов Б.А. 276
Туманов 141
Турловы 221
Тхамоков Н.Х. 227

Уклеин 244
Умалат-бек Табасаранский, майсум 146, 148
Умма-хан Аварский 80
Умма-хан, сын Паху-Бике 120
Уркварт Д. 134
Урусбиевы 246
Усишинский Давуд 95
Услар П.К. 156, 264–265, 274, 311, 317
Ухтомский Андрей, епископ 266
Ушурма см. Мансур, шейх

Фадеев А.В. 133
Фадеев Р.А. 113
Фата-Али сын Сурхай-хана, наиб 197
Фатали-бек Казикумухский, наиб 146, 147
Фези К.К. 124
Феодосий, епископ 107
Феотаки Никифор, епископ 107
Филипсон Г.И. 160

Флейшер С.Н. 406
Франкини В.А. 160
Фреу И.Л. 242
Фуко М. 318

Хаджи-бек Кубинский 191
Хаджи-Измаил, наиб 91
Хаджи-Мурат Аварский, наиб 120, 122, 158
Хаджи-Муртуз 139
Хаджи-Мухаммед, наиб 112, 124, 126
Хаджи-Мухаммед, сын шейха Абдуррахмана Согратлинского 153
Хаджияв, наиб 139
Хажетлаше Магомед-бек см. Ахметуков К.-б.
Халид из Багдада, шейх 96
Халилов Д. 271
Хагнельдиев С.М. 243
Хан-Гирей 90, 269, 273, 274, 359
Хан-Нахичеванский, полковник 287
Ханыков Н.В. 191, 253
Хас-Мамедов Х.-б. 300
Хасан-хан Мехтулинский 83
Хафиз-паша 172
Хетагуров Коста 270, 272, 276
Хетогор Давлет-Гирей 281
Хомутов И.П. 401
Христофор, епископ 108
Хубиев М.-э. 167
Хусейн I, шах 41
Хут, мулла 167

Цагов Н. 276, 280
Цакни М.А. 221, 405
Цаликов А. 167
Цицерон, Марк Туллий 85
Цицианов П.Д. 85, 104, 402
Цудахарский Ильяс, шейх 152, 153
Цутиев В. 221
Цуциев А.А. 16, 31–32.

Чабдаров С. 278
Чавчавадзе Н.З. 198, 221, 404
Чанахока, мулла 167
Чатыр Осман-оглы 89
Чекалов 242
Челеби Эвлия 334
Челягаштука, мулла 167

Череванский В.П. 301
Черепега Х. 76
Чермоев А.-М. 294, 300
Чермоев О. 221
Чернышев А.И. 188, 189, 208
Чернышевский Н.Г. 302
Чуликов У. 221
Ал-Чухи Хаджи-Али (Чохский Гаджи-Али) 22, 24, 253, 313

Шабриер О. 244
Шаваев Д. 280
Шакрак сын Ахмада 346
Шаликов 139
Шамиль, имам 24, 25, 91, 98, 99, 105, 112, 117, 119–124, 126–129, 131, 139–141, 143, 146, 150, 155, 157, 158, 162–164, 188–190, 197, 198, 207, 208, 212, 218, 220, 253, 307, 308, 310, 311, 313, 321, 322
Шамхалы, династия 70, см. также: Тарковские шамхалы
Шанаев Б. 101
Шанаев И. 276
Шарданов Б. 276
Шарданов Я. 105
Шаумян С.Г. 304
Шаханов Б. 271
Шахин-Гирей, хан 48
Шевцов 231
Шереметев С.А. 203, 404, 405
Шеретлоко Хаджи-Умер 91
Шиллинг Е.М. 333
Шингарев А. 302
Шипшев Т. 167
Ширванский, Хас-Мухаммед, шейх 97
Ших-заде Кубинский, абрек 291
Шихсаидов А.Р. 27, 345
Шмидт 244
Штейнгель Р.В. 233, 246
Штернберг Л. 313

Экмирзаев Т. 141, 142
Элтон Дж. 43, 44
Эльдаровы 221
Эльдарханов Т. 299, 300
Эммануэль Г.А. 401
Энгельс Ф. 310
Энеев А. 280
Эскер-сеид Халил 105

Эткинд А. 325
Эфендиев И. 280

Юрковский Е.К. 405
Юрченко Я. 244

Якоби И.В. 33, 46, 50
Янушевич 295
Ярагский Мухаммед, шейх 97, 98, 118, 120

Содержание

От редколлегии серии 5
Предисловие 11

ГЛАВА 1
СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ И КАВКАЗОВЕДЕНИЕ: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ РЕГИОНА В РОССИИ

1. Кавказ в российском кавказоведении. Наука и политика 18
2. От описания к анализу. Каталоги природных и социальных явлений XVIII в. Эпоха романтизма начала XIX в. Военные историки и источниковедение времен Кавказской войны. А.П. Берже. Акты Кавказской археографической комиссии 19
3. Переосмысление северокавказского имперского нарратива в раннее советское время. Национально-освободительное движение против русского колониализма. Школа М.Н. Покровского и ее кризис. Апология империи в сталинской историографии. Историографический кризис позднего советского времени и пути выхода из него 24
4. Типология источников по дореволюционному Северному Кавказу. Архивы: центральные, мечетные и частные собрания на Кавказе и за его пределами 26

ГЛАВА 2
СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ В РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ XVIII В.

1. Северный Кавказ в геополитике XVIII в. 33
2. Интересы России, Ирана, Османской империи и западных держав в регионе. Кавказ в планах российской дипломатии и торговли 35
3. Российско-османское соперничество начала XVIII в. Военные действия в Кабарде и русско-турецкая война (1710—1711). Адрианопольский мирный договор (1713) 37
4. Каспийский поход Петра I (1722—1723) 38
5. Северный Кавказ в российской внешней политике второй трети XVIII в. Кубанский поход 1736 г. 42

whatzub.com

6. Русско-турецкая война (1768—1774). Закубанский поход и захват Кабарды. Азово-Моздокская линия (1777). Экспедиции И.В. Якоби на Северо-Западном Кавказе (1779). Русско-турецкая война (1787—1791) 46
7. Северный Кавказ в Греческом проекте Екатерины II. Складывание кавказского фронтира империи 54

ГЛАВА 3
КАВКАЗСКИЕ ГОРЦЫ И КАЗАКИ НА ГРАНИЦАХ ИМПЕРИИ
1. Кавказские горцы и казаки на фронтире империи 59
2. Иерархии и связи горских элит под российским протекторатом. «Аристократические» и «демократические» племена. Феодальная система «дворянских подарков» (уорктын) в Кабарде. Аталычество и куначество 61
3. Сельская община, вотчина и народное собрание (джамаат, хаса, ныхас). Воины-общинники (уздени) «вольных обществ» и «демократических племен» 65
4. Общественное устройство гребенских и терских казаков: станичная община, войсковой круг и атаманы. Казаки и русская колонизация XVIII в. Создание черноморского и линейного казачества. Казачье «сословие» и «дворянство» 70
5. Ослабление горской знати и усиление общины. Приставское управление. Российские обычноправовые суды в Кабарде и Осетии. Конструирование горских «сословий». Северный Кавказ в Кавказском наместничестве и губернии (области) 79

ГЛАВА 4
ИСЛАМ И ХРИСТИАНСТВО НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.
1. Религия и идентичность в борьбе за покорение Северного Кавказа в XVIII — первой половине XIX в. 88
2. Исламизация Северо-Западного Кавказа османскими и крымскими миссионерами. Анапа как исламский и торговый центр. Складывание местной мусульманской духовной элиты. Эфенди Кабарды 89
3. Особенности внутренней исламизации на Северо-Восточном Кавказе. Гази и шахиды. Борьба за веру (джихад) в политической истории и исламской риторике. Социально-экономическое устройство мечетных общин в Дагестане и Чечне 92

4. Шариатское движение и мусульманское повстанчество XVIII в. Политизация суфизма. Движение шейха Мансура и его разгром. Истоки и значение «мюридизма» в религиозно-политической борьбе в Дагестане и Чечне 95
5. Борьба ислама и христианства в Осетии. Православное миссионерство в царствование Елизаветы Петровны. Осетинское подворье и Кавказская комиссия для восстановления православия. Признание при Екатерине II ислама (1783). Поддержка шариатского движения и создание мехкеме в Кабарде (1807). Церковное устройство Центрального Кавказа. Новый подъем православного миссионерства в первой половине XIX в. Переводческая деятельность Русского Библейского общества 101
6. Церковная организация христианских общин казаков и русских переселенцев Предкавказья. Институт закащиков и благочинных в Астраханской губернии. Реорганизация церковной жизни в XIX в. Церковь, духовенство и школа в степном Предкавказье. Борьба православия со старообрядчеством 107

ГЛАВА 5
КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА В СУДЬБАХ РЕГИОНА И РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

1. Понятие и периодизация Кавказской войны 112
2. Предпосылки войны. Генерал А.П. Ермолов и начальный период войны (1817—1827) 113
3. Имамы Гази-Мухаммед, Гамзат-бек и Шамиль. Создание в Нагорном Дагестане и Чечне военно-теократического государства (имамат). Централизация управления союзами горских общин 117
4. Первый и второй периоды войны на Северо-Западном Кавказе. Наибы Шамиля Хаджи-Мухаммед (1842—1844), Сулейман-Эфенди (1845—1846) и Мухаммед-Амин (1848—1859) в Черкесии. Действия М.С. Воронцова (1844—1854) 124
5. Северный Кавказ в Крымской войне (1853—1856). Князь А.Н. Барятинский и окончание Кавказской войны на Северо-Восточном Кавказе (1859). Покорение адыгов Северо-Западного Кавказа (1859—1864) 128
6. Основные направления историографии Кавказской войны 132

ГЛАВА 6
ПОСЛЕДНИЕ ВОЛНЕНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ССЫЛКА
1. Мусульманское повстанчество второй трети XIX в. 136
2. Сельские волнения в Дагестане и Чечне (1859—1871). Причины их подъема и поражения. Лидеры мусульманского повстанчества 137
3. Роль суфизма в мусульманском сопротивлении. Движение Кунта-Хаджи. Исламофобия имперских властей и борьба с «зикризмом» 140
4. Появление абречества и его эволюция 142
5. Восстание 1877 г. Его основные центры, лидеры и этапы. Подавление восстания 143
6. Политическая ссылка как орудие интеграции северокавказских мусульман в Россию. Ее пути, ход и историческое значение. Адаптация горцев к российской действительности 151

ГЛАВА 7
МУХАДЖИРСТВО И РУССКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ
1. Массовые переселения в контексте Кавказской войны 155
2. Понятия мухаджирства и колонизации. Мухаджиры в имамате Шамиля. Внутренние миграции как орудие российской политики. Переселения и военная колонизация Северо-Западного и Центрального Кавказа в проектах А.А. Вельяминова, Н.Н. Раевского и Н.И. Евдокимова 157
3. Причины и география мухаджирства и колонизации. Демографическая война России и Османской империи. Участники, идеологи и противники эмиграции. Муса Кундухов, Абдуррахман Согратлинский и Ирчи Казак. Османская пропаганда и роль слухов в развитии эмиграции 163
4. Периодизация мухаджирства и колонизации. Российское и османское миграционное законодательство. Ограничение эмиграции с Кавказа при Михаиле Николаевиче и А.М. Дондукове-Корсакове 169
5. Пути эмиграции и статистика. Мухаджиры в позднеосманском обществе и государстве 177

ГЛАВА 8
РЕФОРМЫ И КОНТРРЕФОРМЫ В КАВКАЗСКОМ НАМЕСТНИЧСТВЕ. ВОЕННО-НАРОДНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
1. Стереотипы и реалии Северного Кавказа времен «Великих реформ» и «контрреформ» 184
2. Отношения центра и периферии в Кавказском наместничестве при М.С. Воронцове, А.И. Барятинском и вел. кн. Михаиле Николаевиче (1844—1881). Кавказский комитет (1845—1882) 185
3. Военное и гражданское управление на Северном Кавказе. План реформ с опорой на обычай и общину. Истоки, принципы и цели военно-народного управления 189
4. Упразднение Кавказской линии и новое административное деление региона. Военно-народное управление в Дагестанской области. Особенности реформ в Терской и Кубанской областях. Реформы казачьих войск 194
5. Контрреформы после упразднения наместничества и Кавказского комитета 201
6. Опыт кавказского военно-народного управления в Закавказье и Средней Азии. Международные аналоги на примере арабских бюро французского Алжира 204

ГЛАВА 9
КРЕСТЬЯНСКАЯ И ЗЕМЕЛЬНАЯ РЕФОРМЫ
1. Освобождение «зависимых сословий» и крестьянский вопрос 211
2. Международное значение запрета работорговли. Русский «аболиционизм» на пореформенном Северном Кавказе. Принципы крестьянской реформы: свобода, выкуп и земля 212
3. Проект Г.Д. Орбелиани (1861). Кавказский комитет по крестьянским делам. Подготовка реформы в комитетах и комиссиях 60—70-х гг. XIX в. Размежевание земель и разбор сословно-поземельных прав горцев. Налоговая реформа 215
4. География и периодизация крестьянской реформы в Терской, Кубанской и Дагестанской областях. Место военной элиты среди крупных землевладельцев. Формы землевладения и землепользования. Развитие аренды и кредита. Крестьянский поземельный банк на Кубани 218
5. Особенности крестьянской и земельной реформ в Терском и Кубанском казачьих войсках. Община и частное землевладение

по закону «О казачьем населении» (1869). Крестьянская колонизация Предкавказья 223
6. Итоги реформ 225

ГЛАВА 10
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНА В XIX — НАЧАЛЕ XX В.
1. Экономическое значение российского владычества на Северном Кавказе 229
2. Торговые связи с Россией. Меновая и ярмарочная торговля. Карантинная линия и борьба с контрабандой. «Положение о меновой торговле с горцами» (1846). Торговые центры 230
3. Развитие путей сообщения. Военно-стратегические дороги. Железнодорожное строительство. Водный транспорт. Незавершенность дорожного строительства 232
4. Рост торгового капитала. Рыночные отношения в сельском хозяйстве. Торговое земледелие и животноводство 236
5. Виды городов в регионе. Нефтяной бум и градостроительство 240
6. Добывающая и обрабатывающая промышленность. Заводы. Нефтеразработки. Откупная система. Российский и иностранный капитал в экономическом освоении Северного Кавказа. Горцы, казаки и переселенцы на промыслах и фабриках региона 242
7. Итоги экономического развития XIX — начала XX в. 247

ГЛАВА 11
ИСЛАМ И ПРАВОСЛАВНОЕ МИССИОНЕРСТВО В ЭПОХУ РЕФОРМ И КОНТРРЕФОРМ
1. Религиозная составляющая реформ на Северном Кавказе 250
2. Система контроля над мусульманскими подданными империи в России и на Кавказе. Оренбургский муфтият (ОМДС) и Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД. От изучения к борьбе с исламом. Борьба мусульманских политик в МВД и Военном министерстве 251
3. Изобретение мусульманского «духовенства», «приходов» (мечетных общин) и иерархий (муфтиятов). Учреждение Закавказских мусульманских духовных правлений суннитского и шиитского учений (ЗМДП) в Тифлисе (1872) 254
4. Мусульманское духовенство и институты на Северном Кавказе. Отношения с ОМДС (Уфа) и ЗМДП. Проекты создания

регионального муфтията. План А.М. Дондукова-Корсакова и его судьба 258
5. Активизация православных миссий на пореформенном Северном Кавказе. Общество восстановления православного христианства на Кавказе и рехристианизация Осетии. Государственная поддержка православных миссий 262

ГЛАВА 12
КУЛЬТУРА И ПОЛИТИКА В XIX — НАЧАЛЕ XX В.
1. Культурное развитие Северного Кавказа в Российской империи 269
2. Роль образования в интеграции региона в империю. Первые светские школы. Аульные начальные школы. Среднее образование. Горские школы. Церковно-приходские школы и школы для инородцев 270
3. Просветительство на Северо-Западном Кавказе. Шора Ногмов, Хан-Гирей, Казы-Гирей, Адыль-Гирей. Культура эмигрантов-мухаджиров 273
4. Мечетные начальные и средние школы: мектебы и медресе 277
5. Мусульманское реформаторство конца XIX — начала XX в. Распространение джадидизма на Северном Кавказе. Мусульманская пресса. Борьба правительства с джадидизмом и панисламизмом. Указ о веротерпимости (1905). Светская и религиозная культура на дореволюционном Северном Кавказе. Театр и библиотеки 278

ГЛАВА 13
РЕВОЛЮЦИЯ 1905—1907 ГГ. И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ
1. Особенности Первой русской революции на Северном Кавказе. Отношение горцев и казаков к революционному движению 284
2. Слабость и сила революции на Северном Кавказе. Причины революции. Влияние Русско-японской войны. Участие горцев и казачества в волнениях 1905—1907 гг. 286
3. Периодизация революции: начало (май — сентябрь 1905 г.), пик (октябрь 1905 — январь 1906 г.), спад революционного движения (февраль 1906 — лето 1907 г.). Революционные волнения на железной дороге, в городах и деревне. Советы 288
4. Армянские и еврейские погромы в городах. Абреки, революционеры и правительство. Зелимхан Гушмазукаев, Буба Икринский и Дели-Али.

5. Участие горцев в подавлении революции в Закавказье и Южной России. Алиханов-Аварский в Грузии. Отряды горской стражи в Поволжье 290
6. Итоги революции на Северном Кавказе. Столыпинская реформа и отмена выкупных платежей. Восстановление Кавказского наместничества 294
7. Горцы и казаки в Думе. Мусульманская фракция и политические партии на Кавказе. Мусульманская пресса. Социал-демократы. Формирование местной политической элиты 298

ГЛАВА 14
ОРИЕНТАЛИЗМ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ
1. Восприятие Северного Кавказа в России и Европе 307
2. Покорение Кавказа в беллетристике и этнографии XIX в. Пушкин и Лермонтов. Бестужев-Марлинский и Дюма-отец. Данилевский и Шамиль. Романтики и критики «горского хищничества». Ученые и чиновники на Кавказе 308
3. Кавказ в имперской политике России. Программа Николая I по «умиротворению» горцев. Кавказский отдел Географического общества в системе военно-народного управления. Критика кавказской экзотики 314
4. Концепция ориентализма у Э. Саида и возможности применения ее к Российской империи. Знание и власть в борьбе за колониальное господство на Востоке. Российские особенности ориентализма 317
5. Влияние ориенталистских клише на постколониальное кавказоведение. Ориенталистский дискурс в отечественной историографии. Споры о Кавказской войне и концепция М. Блиева 320

Приложение 1
А.Е. Криштопа. ГОРНЫЙ ДАГЕСТАН НАКАНУНЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РОССИИ: СОЦИОЕСТЕСТВЕННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА 327
Приложение 2
В.Х. Кажаров. КАБАРДИНСКАЯ ОБЩИНА-ВОТЧИНА ВРЕМЕН РУССКОГО ЗАВОЕВАНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА 347

Приложение 3
Д.Ю. Арапов. ЕРМОЛОВСКАЯ МОЛИТВА ЗА ЦАРЯ 1820 Г. 370
Приложение 4
СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ В ЗЕРКАЛЕ ИМПЕРСКОЙ СТАТИСТИКИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX В. 374
Приложение 5
НАМЕСТНИКИ, ГЛАВНОУПРАВЛЯЮЩИЕ, ГЛАВНОНАЧАЛЬСТВУЮЩИЕ И ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА 400

Глоссарий 408
Рекомендуемые источники и литература 413
Список сокращений 435
Именной указатель 436

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ
В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Научное издание

Ответственные редакторы
В.О. Бобровников, И.Л. Бабич
Редактор *И. Жданова*
Дизайнер *Д. Черногаев*
Корректоры *Л. Морозова, Э. Корчагина*
Верстка *С. Петров*

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ООО «НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

Адрес издательства:
129626, Москва,
абонентский ящик 55
тел. (095) 976-47-88
факс (095) 977-08-28
e-mail: real@nlo.magazine.ru
http://www.nlo.magazine.ru

Формат 60x90 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная № 1.
Печ. л. 29. Тираж 3000. Заказ № 1028
Отпечатано с готовых диапозитивов
в ППП «Типография “Наука”»
121099, г. Москва, Шубинский пер., 6

Издательство
НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
В 2006 г. вышли:

Серия **«HISTORIA ROSSICA»**
(Окраины Российской империи)

ЗАПАДНЫЕ ОКРАИНЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Западные окраины были наиболее плотно заселенной и развитой в экономическом отношении частью империи Романовых. Интенсивность политических процессов на этих землях также была несравненно выше, чем в других частях империи. Именно здесь возникли еврейский, польский и украинский вопросы, сохранявшие свою актуальность вплоть до краха Российской империи. Здесь во многом решалась и судьба русских проектов строительства нации. Именно взаимодействие властей империи и разных национальных движений было в центре внимания авторов книги, ведущих российских специалистов в этой области. В книгу также включены в качестве приложений статьи польского, украинского, белорусского и литовского авторов, что дает читателю возможность сравнить подходы разных историографий, а также многочисленные карты и таблицы.

Издательство
НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
В 2007 г. вышли:

Серия **«HISTORIA ROSSICA»**
(Окраины Российской империи)

СИБИРЬ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В составе России Сибирь исторически имела две ипостаси — отдельность и интегральность. Она манила своей романтической свободой, природными богатствами и одновременно пугала своей неизведанностью, каторгой и ссылкой. Противоречивые и динамичные картины Сибири, формирующиеся на протяжении XVIII — начала XX в. в общественном сознании и воззрениях политиков, определили импульсивность и непоследовательность правительственных действий в регионе. Расширение Российской империи на восток не ограничивалось только военно-политической экспансией и экономической интеграцией, но предусматривало постепенное поглощение Сибири русским государственным ядром за счет административно-правовой унификации и крестьянской колонизации. Авторы этой книги стремились не только обобщить уже имеющиеся результаты изучения сибирской истории имперского периода, но и представить новые подходы к ее интерпретации, сфокусировав свое внимание на проблемах взаимоотношения центра и Сибири, специфике ее хозяйственного и социокультурного освоения, феномене сибирской ссылки, адаптации русских переселенцев к новым условиям и взаимодействии их с коренными народами, формировании особой русско-сибирской территориальной идентичности.

Издания
«Нового литературного обозрения»
(журналы и книги)
можно приобрести в следующих магазинах:

в Москве:
«Политкнига» — ул. Малая Дмитровка, 3/10. Тел.: (495)200-36-94
«Ad Marginem» — 1-й Новокузнецкий пер., 5/7. Тел.: (495)951-93-60
«Библио-Глобус» — ул. Мясницкая, 6. Тел.: (495)924-46-80
«Гилея» — Нахимовский просп., 51/21. Тел.: (495)332-47-28
«Гнозис» — Зубовский проезд, 2, стр. 1. Тел.: (495)247-17-57
«Книжная лавка писателей» — ул. Кузнецкий мост, 18. Тел.: (495)924-46-45
«Молодая гвардия» — ул. Большая Полянка, 8. Тел.: (495)238-50-01
«Москва ТД» — ул. Тверская, 8. Тел.: (495)797-87-17
Московский Дом книги — Новый Арбат, 8 (а также во всех остальных магазинах сети).
Тел.: (495)203-82-42.
«Старый свет» (книжная лавка при Литинституте) — Тверской бульвар, 25
Тел.: (495)202-86-08.
«Фаланстер» — Малый Гнездниковский пер., 12/27. Тел.: (495)504-47-95
«У Кентавра» — Миусская пл., 6. Тел.: (495)250-65-46
«Букбери» — Никитский б-р, 17. Тел.: (495)291-83-03
«Русское зарубежье» — ул. Нижняя Радищевская, 8 (м. Таганская-кольцевая)
Тел.: (495)915-11-45
Primus Versus — ул. Покровка, 27, стр. 1. Тел.: (495)951-93-60
Магазины сети «Книжный клуб 36'6». Тел.: (495)223-58-20
«Топ-книга». Тел.: (495)166-06-02

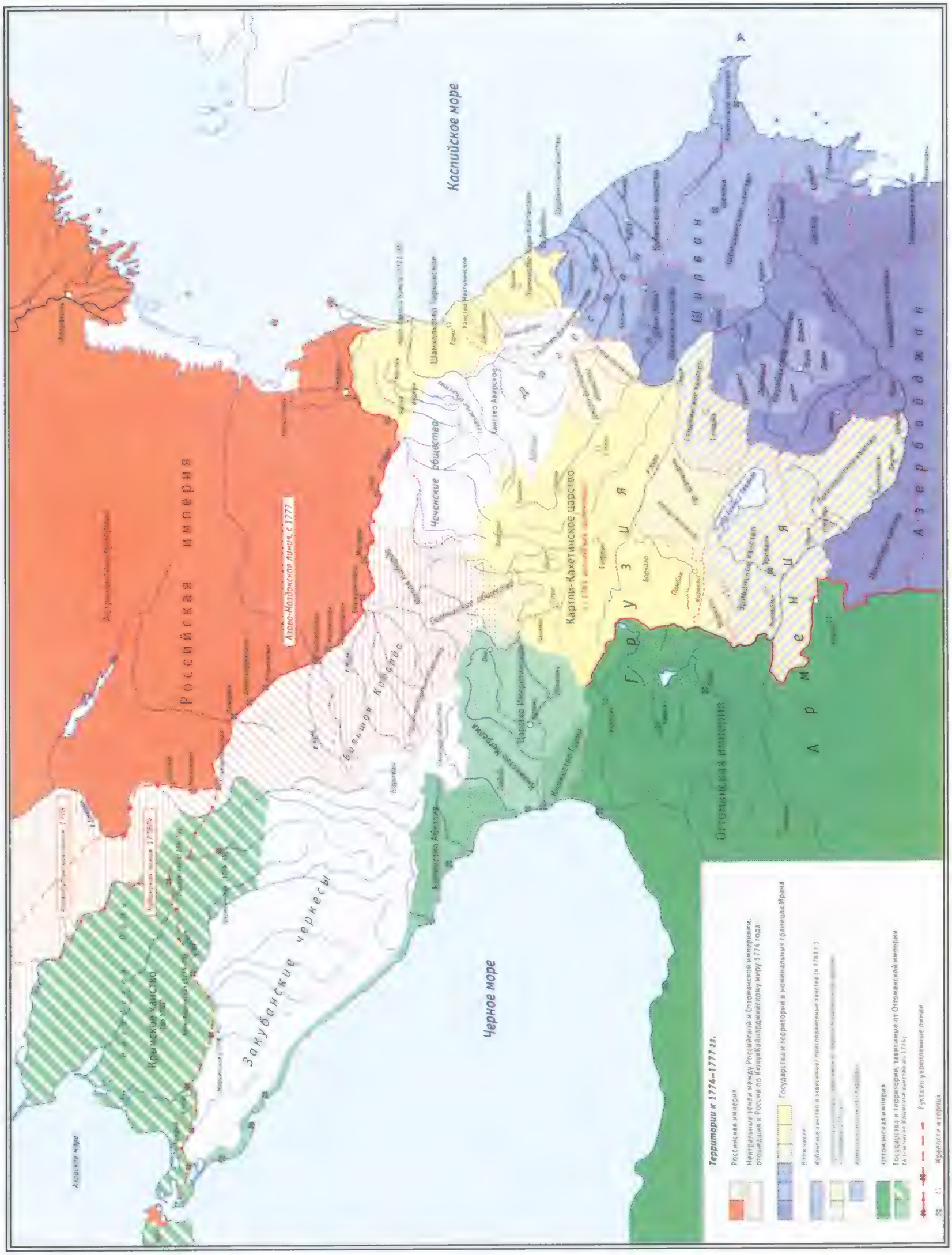
в Санкт-Петербурге:
«Летний сад» — Большой просп., ПС, 82. Тел.: (812)232-21-04
«Подписные издания» — Литейный просп., 57. Тел.: (812)273-50-53
«Дом книги» — Невский просп., 62. Тел.: (812)570-65-46, 314-58-88
«Лавка писателей» — Невский просп., 66. Тел.: (812)314-47-59
Гуманитарная книга, 1-я линия ВО, 42. Тел.: (812)323-54-95
Академический проект, ул. Рубинштейна, 26. Тел.: (812)764-81-64

в Екатеринбурге:
Дом книги — ул. А. Валека, 12. Тел.: (343)358-12-00

в Нижнем Новгороде:
«Дирижабль» — Б. Покровская, 46. Тел.: (8312)31-64-71

в Ярославле:
ул.Свердлова, 9. В здании ЦСИ «АРС-ФОРУМ». Тел.: (0852)22-25-42

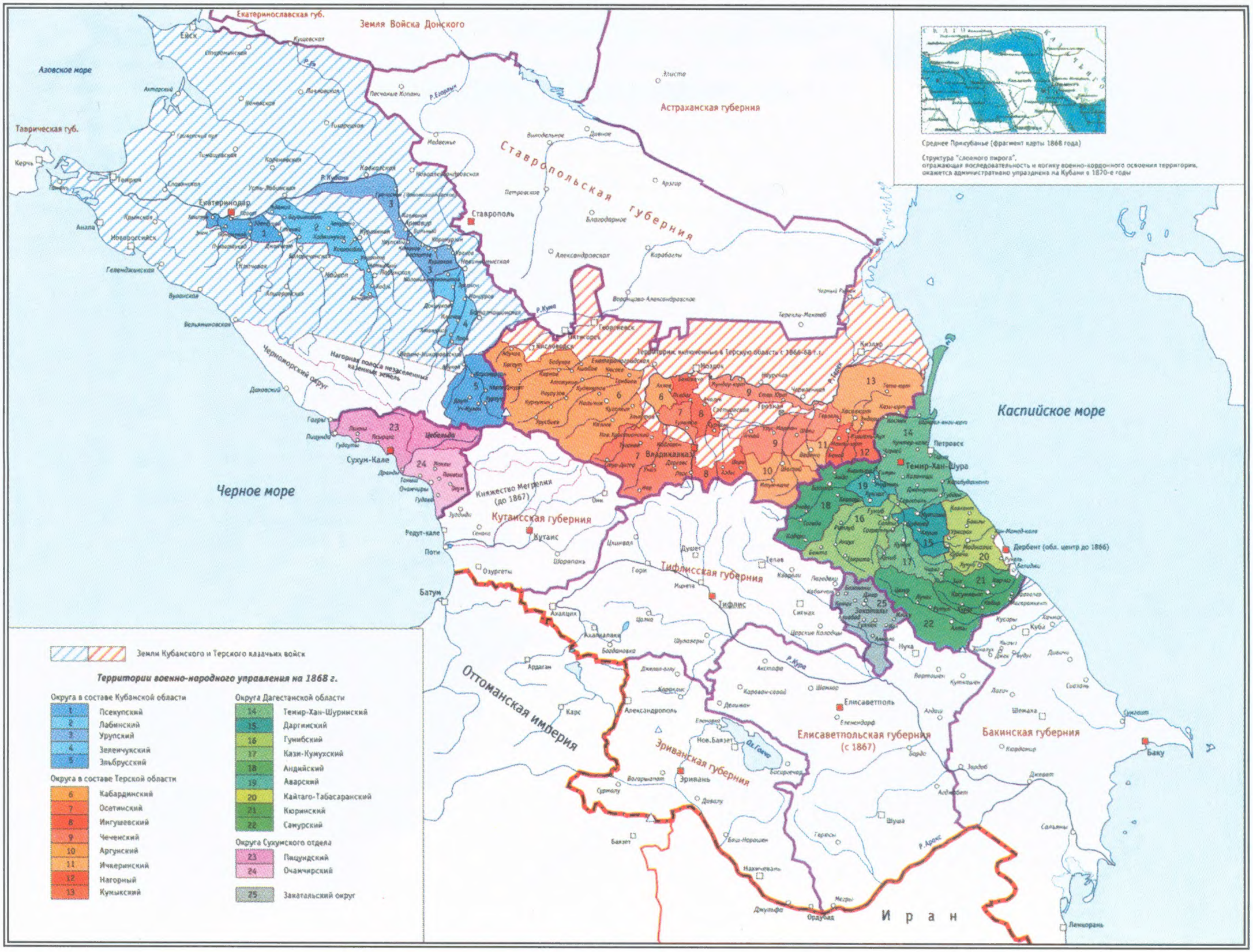
в Интернете:
www.ozon.ru
www.bolero.ru



Борьба за Кавказ России, Ирана и Османскои Турции. 1774–1783 гг.

Территориальные приобретения России в 1774–1829 годах.

Военно-народное управление. 1865–1870 гг.



Административное деление Российского Кавказа в 1903–1914 годах

HISTORIA ROSSICA

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Северному Кавказу принадлежит особое место в русской истории и культуре XVIII – начала XX века. Завоеванный русскими в ходе кровопролитных войн XIX столетия, он был постепенно "усмирен", обратившись в слаборазвитую экзотическую "восточную окраину" страны, но и сам покорил своих победителей, воплощая в себе Россию как великую империю. Назрело время заново внимательно прочесть историю Северного Кавказа в составе России, освободив ее от старых колониальных стереотипов и новой лжи. Эта книга, подготовленная группой авторитетных историков и этнологов из академических центров и университетов Махачкалы, Нальчика, Грозного и Москвы, приглашает читателя к такому прочтению, дополняя привычные темы — Кавказской войны, исхода (*мухаджирства*) горцев с русского Кавказа в османскую Турцию, русской колонизации, реформ и революции на Кавказе — новыми, еще слабо изученными в отечественной кавказоведческой традиции сюжетами кавказского пограничья (*фронтира*), исламского дискурса, ориентализма и другими.

9 785867 935290

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ